

АМЕРИКАНСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ, ТАНКИСТЫ, МОРЯКИ И ЛЕТЧИКИ РАССКАЗЫВАЮТ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ИНТЕРВЬЮ С АМЕРИКАНСКИМ МОРЯКОМ ДЖЕКОМ ЮСЕНОМ, УЧАСТНИКОМ МОРСКОГО СРАЖЕНИЯ У ОСТРОВА САМАР В ОКТЯБРЕ 1944 ГОДА

Джек Юсен (Jack Yusen), 1926 – 2016

Джек Юсен, уроженец Нью-Йорка, в возрасте 18 лет принял участие в морском бою у филиппинского острова Самар, ставшего частью сражения, известного в истории ВМВ как сражение в заливе Лейте. Эсминец Samuel B. Roberts, на котором он служил, принял участие в атаке на превосходящие силы японцев, чтобы отвести удар от авианосцев, которые он прикрывал с другими эскортными кораблями. Его корабль был потоплен, но ему посчастливилось уцелеть...

Когда и где вы записались в вооруженные силы?

Мне было 17 лет. Я родился и вырос в пригороде Элмхёрст на Лонг-Айленде в 1926-м. Мне удалось попасть во флот, потому что у моего отца был хороший друг в призывной комиссии. Мой номер в призывном списке был все ближе, так что отец пошел переговорить со своим другом. Тот сказал отцу, что все, способные дышать, в ближайшие два месяца будут зачисляться в морскую пехоту. Отец передал мне, что если я буду дожидаться призыва, это будет то, что мне уготовано. Я этого не хотел. Я хотел служить на флоте, поэтому пошел на комиссию уже через несколько дней и записался в ВМФ.

Чем вас привлекал флот?

Брат моего отца служил на линкоре *Tennessee* в годы Первой Мировой войны. Он был мне не только хорошим дядькой, но и хорошим другом. Он мне много рассказывал о флоте и говорил, что, если я пойду в вооруженные силы, то должен стремиться попасть во флот.

Было ли у вас патриотические чувства, когда вы шли служить?

О да... Как и всех друзей, соседей, членов семьи. Тогда мы были очень патриотичны.

Вы покидали дом – по чему вы потом больше всего скучали?

Скучал по семье. У меня был младший брат, на 5 лет моложе меня, был квартал, где мы жили, соседские ребята. Но большинство из нас знало, что идти [на войну] так или иначе придется, и это было правильно. На это не смотрели, как на большое потрясение. У нас была работа, которую нужно было выполнить. Вы слышали это на каждом углу. Выполним свою работу, освободим мир и сделаем его снова безопасным.

Было ли какое-то противодействие этому со стороны родителей?

Нет. Они понимали, что пришла моя очередь. Как и все семьи в Америке, они знали, что мужа и сыновья должны идти на войну.

Вам было 17. Были ли у вас какие-либо планы, которые война сорвала?

Нет, в самом деле, не было. Все что мы слышали, было о войне, и между моим 14-ти и 17-тилетием все разговоры были о войне. Идешь в школу, и там все о войне. Когда мы оказались в состоянии войны в 1941-м, мы знали, что парни моего возраста окажутся там. Я рассчитывал на то, что окончу школу и продолжу свое образование, но, на самом деле, не знал, чем хотел бы заниматься [в будущем]. Это пришло ко мне уже после войны.

Я был матросом 2-го класса. Я работал на гидролокаторе, тогда таких называли *sound man* (акустик – ВК).

Вы оказались на эсминце *Samuel B. Roberts* в Бостоне. Что вам вспоминается о том моменте, когда вы впервые увидели свой корабль?

Мы жили тогда временно в казарме, ожидая назначения на корабль. Назвали мое имя и еще примерно 13 парней, потом мне сказали: «Ты отправляешься на *Samuel B. Roberts*, эскортный эсминец. Собирай вещи и отправляйся.»

Грузовик отвез нас к бостонской военно-морской судовой верфи (Boston Navy Yard). Подъехав к ней, мы увидели большой, просто огромный корабль в сухом доке. Это был британский крейсер, но мы этого не знали. Мы увидели большие орудия и подумали было, что это наш корабль. Парень, который вез нас, сказал: «На что это вы уставились, парни? Ваш корабль вон там!» Мы посмотрели на другой сухой док, который был правее, и все, что мы увидели, это был радар.» Просто это был такой маленький корабль... Мы смотрели на *Samuel B. Roberts*, потом на крейсер, потом опять на *Samuel B. Roberts* и так далее.

И вы сразу отправились на корабль?

Мы со своими вещевыми мешками поднялись по трапу, отсалютовали флагу, потом вахтенному офицеру. Нас отвели в столовую и дали заправиться. Затем нас отвели в кают-компанию, чтобы представить командиру корабля Коуплэнду (R.W. Copeland). Он спросил: «Эти ребята получили содержание?» Услышав отрицательный ответ, он сказал: «Пускай каждому из них выплатят по 10 долларов, и дайте им увольнительную на вечер.» Мы не провели на корабле и пары часов, нам даже еще не показали наши койки, а нам уже дают увольнительные!

Это расположило вас к Коуплэнду?

Мы решили, что он – чудо, а не человек. Он говорил нам, что мы должны стараться. Он был классным командиром.

Роберт Коуплэнд (1910-1973)

Пока вы находились в Бостоне, должно быть, у вас начало формироваться мнение об офицерах и команде?

Да, конечно. Как только мы начали выходить в море, команда начала спланиваться. Она была великолепной. Коуплэнд большое внимание уделял обучению в таком плане, чтобы мы были готовы ко всему.

Эсминец Samuel B. Roberts

Сколько учебных тревог у вас могло быть в один день?

Коуплэнд мог объявить тревогу в любой момент. В этот момент ты мог быть на вахте – мой боевой пост *Sky-1* был у 20-мм пушки правого борта ближе к носу – и тут вахтенный офицер мог неожиданно прокричать «*Sky-1*, учебная боевая тревога. *Sky-1*, заряжай. Наводи на пикирующий бомбардировщик по правому борту.» Боевая готовность объявлялась для всего корабля – *всем занять боевые посты*. А стреляли мы по буксируемым матерчатым рукавам.

Как-то в море мы столкнулись с китом. Тогда мы подумали, что нас торпедировали. Я заправлял свою койку, и в этот момент весь корабль встряхнуло так, будто в него попала торпеда. Это кит врезался в нас – *бум!* Я побежал на палубу вместе с остальными парнями,

нацепив на себя спасжилет. Тут мы увидели кровь и куски мяса на юте. Потом мы встали в сухой док, чтобы отремонтировать вал и винт. Наш корабль ранее был выкрашен для несения службы в Атлантике, но корабли были больше нужны на Тихом океане, так что он был перекрашен. После этого мы взяли курс на Панамский Канал.

Какие специфические шаги предпринимал Коуплэнд, чтобы создать на корабле нужную атмосферу?

Он был хорошим командиром, который требовал совершенства от офицеров и команды. Думаю, у нас были отличные офицеры – каждый из них был классным парнем. Они были суровы, их нужно было уважать, но это было частью общего дела. Они обращались с нами так, как нужно.

В команде были ребята со всей страны?

Да. Большинство было с Восточного побережья, некоторые с Запада. Когда ты приходишь на корабль, и неважно, большой он или маленький, - это твой корабль, и ты гордишься им. Идешь в город и всем говоришь, на каком ты корабле служишь. Ты горд тем, что состоишь в его команде.

Было ли прохождение через Панамский канал грандиозным приключением для вас?

Это было восхитительно. Припоминаю две вещи. Одной было то, как армия охраняла его. Это было очень важным делом. Можете себе представить, если бы нам пришлось обходить Южную Америку или Индию? Шлюзы были потрясающими. Проходя по ним, мы видели всюду и везде зенитные орудия и патрулирующие небо самолеты.

Что вам вспоминается о походе из Бостона в Пёрл-Харбор?

Когда мы вышли в Тихий океан из Панамского канала, что-то произошло. Мы смотрели на [окружающие нас] воды, старясь найти японцев. Теперь мы и в самом деле были на войне. А по пути из Бостона на юг вдоль побережья ничего не случилось. Теперь я стоял на палубе, нес свою вахту, вглядывался в просторы Тихого океана и, скажу я вам, вглядывался я с куда большим вниманием по сравнению с тем, как это было в Атлантике. Вот там началась наша война, теперь мы были на ней...

Некоторые из нас говорили об этом чувстве, о том, что теперь все ощущается по-другому. В ту минуту, когда мы покинули Бальбоа/Balboa, я стал ценить свою службу совсем по-новому.

Вы рвались в бой?

Ну, не знаю, что сказать. Мы знали, что у нас есть работа, которую мы должны выполнить. Еще одну вещь я заметил после того, как вошли в тихоокеанские воды: наша боевая подготовка стала интенсивнее. Стало больше тренировок. У нас оставалось мало времени на то, чтобы расслабиться. Ты четыре часа на вахте - восемь на другое, четыре – восемь... Но «другое» не означало, что ты отдыхаешь. У меня была работа [по техобслуживанию] катера.

А вы Коуплэнда каждый день видели?

Он был на командирском мостике или на командном пункте большую часть дня. Тем не менее время от времени он проходил по палубе. Помню, как один раз мы ошивались на палубе свободными от вахты и просто трепались, когда он подошел к нам. Он сказал: «Привет, парни. Спокойно. Вольно. Как у вас, парни идут дела сегодня вечером?». Он не стал нажимать на формальную сторону дела.

Как вам вспоминается Пёрл-Харбор?

Мы пришли туда в конце июня. Само собой, в первый визит у нас из головы не уходило то, что случилось там 7 декабря 1941. Все на палубе притихли, когда просто оказались там, где началась война. Все, что вы слышали, - это то, как струилась вода вдоль бортов... Что касается последствий того разгрома, который случился 7 декабря, то тогда уже можно было разглядеть совсем немного. Я помню только множество кораблей, самые разные корабли – авианосцы, крейсера, эсминцы. Должно быть, там было 50 или 60 эсминцев. Для меня это было первым указанием на то, какие мощные силы здесь концентрируются.

Кто-нибудь говорил о том, что ни при каких обстоятельствах японцы не смогут одолеть вас?

Мы были настроены вполне позитивно по отношению к тому, что идет война, по крайней мере, со мной было так. Я не думал, что впереди нас ждет слишком много сражений.

Рвались ли вы в бой?

Не думаю, что я рвался в бой, но я был готов к нему. парни в моем расчете, расчете орудия 41, по-серьезному подходили к своим обязанностям. Мы были готовы выполнить свой долг, что бы нам ни пришлось делать. За месяц до того, как наш корабль был потоплен, меня перевели на гидролокатор.

Ну а команда как ждала вступления в бой – с нетерпением?

Думаю, многие ждали этого с нетерпением, среди них были некоторые, кто потерял на войне родственников. Я не сгорал от нетерпения, но в глубине души мне было интересно, каково это, - подвергнуться воздушной атаке или нападению подводной лодки. Никто и не думал о большом надводном сражении! Никому и в голову не приходило, что это возможно. Эскортные эсминцы строились, чтобы защищать другие корабли от подводных лодок и самолетов противника. Мы даже и не думали о том, что когда-нибудь окажемся под сильным огнем японских кораблей.

Не захватывало ли у вас каким-то странным образом дух от того, что вас ждет бой?

О, да, было такое. Моя койка была у правого борта, в передней части корабля. Я лежал, прикладывал ухо к корпусу и слушал, как мимо струится вода. Иногда я думал о том, что случится, если в нас попадет торпеда, но большую часть времени я был слишком занят, чтобы думать об этом...

Что вам больше всего понравилось на Гавайях?

Океан был таким красивым... Кроме того, на меня произвела впечатление [сконцентрированная там] огневая мощь. Еще я гулял по пляжу Вайкики, и был под впечатлением. Когда-то по нему могли гулять только богачи.

Но мы не так долго оставались в Пёрл-Харборе. Там мы постреляли по матерчатому конусу, который буксировал самолет. Мы также приняли участие в учениях с участием американских подводных лодок. Мы уходили в море утром и возвращались ближе к вечеру.

Потом мы получили приказ занять место в конвое с другими эскортными эсминцами, в котором было 15-20 кораблей. Он отправлялся на остров Эниветок/Eniwetok в архипелаге Маршалловы острова. Это был наш первый конвой, поход занял где-то неделю. В это время у нас был контакт с подводной лодкой. Одним вечером, никто еще ничего узнать не успел, а парни уже начали скатывать *консервные банки (глубинные бомбы - ВК)* с кормы

корабля. Мы сбросили около 10-12 глубинных бомб, и корабль встряхивало, когда они взрывались. Мы не получили подтверждения тому, что лодка была уничтожена.

Появилось ли у вас такое чувство, что теперь все серьезно, типа того, что появилось у вас, когда вы вышли в Тихий океан?

О, да. Теперь мы знали, что мы в зоне боевых действий. После того контакта это чувство было с нами. Моя реакция не была такой, что в нас могут попасть в любую минуту, нет. Больше оно походило на то, что мы идем на врага, что это наш шанс, что это здорово и что мы будем стрелять в него. И что наша задача – прикрыть другие корабли, которые находятся здесь.

Проводил ли Коуплэнд тренировочные занятия, пока вы шли в конвое?

Да. Он это делал постоянно. Мы не возражали, потому что знали, насколько это необходимо. Потом мы дней на пять вернулись в Пёрл-Харбор, а затем уходили в море в составе других конвоев. В итоге нам сообщили, что мы теперь являемся частью 7-го Флота [юго-западная часть Тихого океана]. Переход туда занял у нас 10 или 11 дней. В этом походе у нас была *церемония пересечения экватора (crossing the line ceremony – формально связана с пересечением экватора - ВК)*.

Вы можете рассказать о ней?

Те парни, которые числились *салагами (pollywogs)*, становились *морскими волками (shellbacks)*. Пока ты *салага*, ты вообще никто. И эта церемония посвящения была крутой, именно крутой! Парень, нас хорошо обработали. В экипаже было человек 20 *волков*. На время церемонии тех, кто проходил ее, на боевых постах подменяли *волки*. Да, парень, это было нечто!

Заняло это целый день. Меня и еще одного парня заставили лечь на живот и ползти на нос, толкая перед собой картофелину (*обычно это делалось лбом*). До этого нам пришлось одеть теплые бушлаты. Добравшись до носовой части корабля, нужно было найти горн и поддуть в него. Далее нам предстояла встреча с *королевским цирюльником (royal barber)* и *королевским дитятей (royal baby – обычно кто-то из старослужащих моряков поздоровее)*. Цирюльник стриг тебя наголо, *дитятя* «похлопывал» веслом по спине. Еще нас постоянно поливали из шлангов.

Последним этапом была матерчатая труба длиной в 50-60 футов. В нее засыпали мусор, собранный за последние 4-5 дней, и тебя заставляли проползти по этой трубе на четвереньках. Пока ты полз, тебя «похлопывали» веслом. Пройдя через это, ты становился *морским волком*.

А это на всех кораблях было стандартной процедурой?

Да.

Были ли случаи, когда кто-то записывал зуб на кого-то из-за этого и проявлял агрессию по отношению к обидчику?

Да. В самом деле, пара ребят начали драку, но ее быстро прекратили. Вообще, это было хорошим развлечением. Команда и по Коуплэнду прошла веслами, но так, слегка... Командир нашего дивизиона в тот момент был у нас на корабле, так один из *волков* сшиб его фуражку в воду! Вообще, один малый отказался от прохождения посвящения в *волки*. С той поры он оказался в полной изоляции. Думаю, он просто испугался тогда. Такой был парень, который часто попадал в неприятные ситуации.

Вы когда-нибудь жалели о том, что не попали на более крупный корабль?

Нет. Попав на *Samuel B. Roberts*, я стал моряком с эсминца - *tin-can man, tin-can sailor* (моряк из консервной банки - типичное в ВМФ США определение). Мы были гончими псами флота. Если перед флотом стоит какая-то задача – зовите эсминцы. Именно так я ощущаю это и по сей день. Каждый из таких как я хранит это чувство...

Вы помните, как пришли в залив Зееадлер/Seeadler?

Просто огромная гавань! Куда ни взглянешь – всюду корабли, не только они, но и транспортные суда, сотни и сотни.

Какой был ваша реакция, когда Коуплэнд сказал вам всем привести личные дела в порядок?

Я помню, как он сказал что-то об этом по громкой связи, - написать письма домой и т.п. Мы знали, что отправляемся куда-то. Пошел слух, что это будут Филиппины. Эта новость сильно на меня повлияла. Ну, написал письмо, да разве в нем многое скажешь...

Расскажите о тайфуне, который пронесся, когда вы шли к Филиппинам.

Это было нечто! В это было невозможно поверить! Я был на вахте в полуденное время, и, когда я добрался до своего поста *Sky-1*, корабль оказался в ложбине между двумя волнами, - казалось, по обе стороны от него были стены воды высотой с нашу радарную мачту. Коуплэнд приказал всем уйти закрытые помещения. Корабль мотало с борта на борт и с носа на корму, мы цеплялись за все, что можно, что пробраться внутрь. Волны перекатывались через нос, и мне казалось, что у меня на лице выросла корка соли в два дюйма толщиной...

В итоге, мы забрались вовнутрь и задраили двери. Ближе к вечеру и вечером нас качало так, что мы не могли лежать на наших койках, а столовая была закрыта, потому что приготовить что-то было невозможно. Если бы ты стоял на палубе, и, скажем, корабль накренился бы на правый борт, ты бы мог стоять прямо на обшивке корпуса... Потом корабль кренился на в противоположную сторону. Любой парень сказал бы вам вот что: мы чувствовали, что корабль собирается перевернуться. Все верещали, это было ужасно! Это продолжалось два дня, парней скрутила морская болезнь. Нас швыряло и колотило обо все, что только можно, но наш кораблик выдержал испытание.

Носовое 5-дюймовое орудие повернули в сторону левого борта, чтобы уменьшить риск повредить его, а саму башню со стороны правого борта помяли обрушивающиеся на нее тонны воды. Мы слышали о том, что с нескольких эскортных авианосцев смыло самолеты. До этого тайфуна ничего более страшного со мной не случилось. Поразительно, но в нашей группе кораблей, разбросанной на многие мили, не случилось ни одного столкновения. Как нам это удалось, ума не приложу...

Когда вы впервые заподозрили, что что-то должно вот-вот случиться близ острова Самар?

В ночь перед этим мы знали, что что-то происходит, хотя и не имели представления о том, что сражение приближается к нам. Мы видели вспышки и слышали грохот со стороны пролива Суригао/Surigao. Сначала мы было подумали, что это – молнии.

Я как раз покидал свою вахту, когда прозвучал сигнал боевой тревоги. Мой боевой пост был у 40-мм орудия, расположенного в носовой части, перед мостиком. Коуплэнд объявил по громкой связи: «Парни, большие силы японцев приближаются к нам, они в 18 милях. Мы уступаем им в численности, но мы выполним свой долг.»

Моя вахта длилась с 4 до 8 утра, и, когда прозвучал сигнал тревоги, я подумал: «Боже мой, это на нас идет японский флот.» Парень, мы были ошеломлены! Мы не могли в это поверить. Мы были так молоды, что, когда слышали о том, что до них 18 миль, подумали, что сможем легко оторваться от них. Затем рядом с нами упали их [первые] снаряды, и мы осознали всю серьезность ситуации. Снаряды, пролетавшие у нас над головами, гремели, как товарные составы. Нас поливало брызгами от падающих в воду совсем близко снарядов. Я подумал, что они целились в [эскортный авианосец] *Gambier Bay*. Через 10 минут мы впервые разглядели приближающиеся к нам мачты...

Адмирал Спрэйг дал сигнал поставить дымовую завесу. Мы дважды обошли вокруг авианосца *Gambier Bay*, чтобы закрыть его дымом. Затем мы построились для торпедной атаки. Наш корабль был непосредственно за эсминцами *Hoel*, *Heermann* и *Johnston*. [Вражеские] снаряды падали совсем близко и очень красочно взрывались. Один снаряд попал нам в носовую часть, прошел корабль насквозь и разорвался в воде. Мы сблизились с [японским] крейсером на 4 500 ярдов и выпустили три *рыбки* (торпеды - ВК). Я находился чуть позади от носа и все хорошо видел. Одна из торпед оторвала крейсеру корму, и мы стали кричать от радости так, словно были на бейсбольном матче, хотя страх не покидал нас.

Мы вступили в [артиллерийскую] дуэль с крейсерами, ведя огонь из наших 5-дюймовок. Коуплэнд делал все возможные маневры, чтобы избежать попаданий. Наш 5-дюймовый снаряд попал в надстройки крейсера, но он не мог нанести ему большого ущерба. Потом в наш корабль угодили два тяжелых снаряда, всего было 26 попаданий. Мы за два с половиной часа выпустили 600 5-дюймовых снарядов, израсходовали обычный боезапас снарядов и были вынуждены стрелять осветительными. Запах горящего кордита был повсюду, все было задымлено. Японские корабли были так близко, что мы могли видеть, как поворачиваются их башни.

Надеялись ли вы выжить?

Это был наш первый бой, и сначала я думал, что выживу. Через несколько минут я уже думал по-другому. За следующие 45 минут они подошли к нам настолько близко... Когда Спрэйг приказал нам атаковать японские корабли в лоб, я знал, что мы в беде. Я слышал, как мои товарищи говорили: «Они сильнее! Это крейсера, а мы всего лишь эсминцы эскорта, и нас уже помяли.»

Но ты гонишь от себя эти мысли и идешь в бой. Ты становишься слишком занятым боем, чтобы непрерывно думать о том, что в тебя попадут и тебя убьют. К середине боя, когда эти японские корабли были уже так близко и когда мы получили попадания ближе к корме, мы поняли, что дело плохо. Японский крейсер был от нас в 8 000 ярдов, и мы видели, как он стрелял именно в нас. мы видели, как они опускают стволы орудий и как башни поворачиваются в нашу сторону! Мы были мишенью и чувствовали себя чрезвычайно уязвимыми. Сам я сидел за носовым 40-мм орудием перед мостиком сразу за 5-дюймовым орудием и чувствовал себя совершенно незащищенным.

Снаряды продолжали падать рядом с нами и попадать в нас. Я помню снаряд, который прошел через нашу носовую часть и сильно встряхнул корабль. Мы чувствовали, как тяжелые снаряды подбрасывают раскачивают эсминец, но мы не могли оставить наши боевые посты, чтобы оглядеться. Я думаю, Спрэйг проделал отличную работу, защитив свои авианосцы и отправив нас в бой с японцами. Это было нашей работой, это было то, что от нас ожидалось. Мы были расходным материалом, и все дело было в этом...

Расскажите, как вы оказались в воде.

Кто-то с мостика прокричал: «Покинуть корабль! Покинуть корабль! Всему экипажу покинуть корабль! Каждый за себя!» Я никогда особенно не беспокоился о собственном выживании

и не думал об этом до того момента, пока не пришел приказ покинуть корабль. Теперь я знал – все это по-настоящему.

Когда мы услышали приказ, Бад Комет (Bud Comet), который был в расчете моего орудия 41, сказал мне спускаться вниз, к левому борту, и быть около надувной шлюпки. Я спустился на главную палубу, вышел к левому борту, но там никого не было. Почти 99 процентов экипажа сошли с правого борта, который был повыше. В левом борту у нас была пробоина, и в эту сторону кренился корабль.

Пока я стоял и ждал, в корабль продолжали попадать снаряды. Один парень, кок 3-го класса, подошел и сказал мне, что нам стоит убраться отсюда поскорее. Я попросил его подождать еще минуту, потому что ждал, что Комет разрежет троса, которыми был закреплена шлюпка. Тут мы увидели парня, который шел со стороны кормы вдоль левого борта по направлению к нам. Он приблизился ко мне, и я увидел, что на месте его руки до плеча ничего не было. Он просто прошел мимо меня и кока. И по сей день я не знаю, кто был этот парень...

В конце концов я глянул вверх – шлюпка была все еще там. Кок и я спрыгнули в воду, но воду засасывало в пробоину в борту корабля, и нас туда тоже стало тянуть. Мы были рядом с горячей нефтью, так что кок и я напрягли все силы, обогнули горящую нефтяную лужу и поплыли в сторону кормы. Там мы оказались в полном одиночестве. Я не снял свои башмаки, когда оказался в воде. Нам когда-то говорили, что их лучше оставить, потому что акулы ориентируются на белые ступни ног.

Я посмотрел на корабль, и увидел, что орудия разбиты, торпедные аппараты снесены, просто ничего не осталось. «Боже мой, от корабля осталась только половина,» - сказал я. Минут через 20 в поле зрения появился Бад на надувной шлюпке. С левого борта ушли с корабля только кок, Бад, я и еще двое-трое парней, которых Бад подобрал из воды.

Вы видели, как люди ушли на дно вместе с кораблем?

Да. Когда мы покидали корабль, я видел, что двое парней сидят у борта, поджав колени. Не думаю, что они были ранены. Они просто сидели. Не знаю, может они были контужены взрывами или получили травмы, но они просто сидели и ушли под воду вместе с эсминцем. Другие, те, кто был ранен и не мог сдвинуться с места, тоже ушли на дно.

Какой была ваша реакция, когда вы увидели, как ушел на дно корабль?

Мы смотрели, как корабль ложится на левый борт, как поднимается вертикально вверх корма и как он уходит под воду. «Вот и все,» - подумал я.

А что случилось потом?

Мы поплыли к надувной шлюпке, которая находилась метрах в 100 от корабля. Минут через 10 к нам присоединился Бад Комет, на другой шлюпке. Мы привязали шлюпку Бада к той, которая подобрала нас и попытались установить что-то наподобие порядка. Потом мы пробудем на шлюпке почти 60 часов. В воде вокруг нас и на шлюпках было человек 50-60. В шлюпки поместили раненых. Мы думали, что нас подберут через какие-то минуты, но этого не случилось...

Наш корабль затонул минут через 15-20 после того, как я добрался до шлюпки. Он ушел на дно в одно мгновение – даже пузырьков не осталось. С ним ушли на дно мои деньги – долларов 60-70, наручные часы, вся моя одежда, сумка с зимними вещами. У меня остался только мой идентификационный браслет. Я по сей день держу его у себя на письменном столе, на нем по-прежнему пятнышки нефти.

Японский крейсер взял курс прямо на нас, но отвернул ярдах в 60. Один японский офицер, это был командир, отсалютовал нам, и корабль прошел мимо. Был там еще парень, который снимал нас на кинокамеру...

А что было ночью?

Каждый из тех, кто был в воде, помогал соседу, не давая ему заснуть разговорами. Когда зашло солнце, стало страшно холодно, а ветер еще и усугубил ситуацию. Днем все было наоборот: очень жарко. Нефть, в которой мы были вымазаны с ног до головы, помогла нам избежать солнечных ожогов головы.

Мы стали уставать, потому что не ели целый день и прошли через бой. Один раз я задремал, дело было ближе к сумеркам, и меня отнесло в сторону в моем спасжилете, который удерживал головы вертикально. Я был уже ярдах в 100, когда Комет спохватился и стал высматривать, куда я исчез. Он увидел меня, подплыл ко мне и стал будить. Было уже темно, остальные парни стали кричать: «Сюда! Мы здесь!», чтобы мы могли вернуться к шлюпкам.

Как прошел второй день?

Второй день был ужасным. Появились акулы, и мы уже могли разглядеть их плавники. Они ныряли, и, когда не было видно плавников, вы знали – они приближаются к вам. Было такое чувство беспомощности, бесполезности усилий... Во время боя мы хотя бы могли что-то делать. Мы, оказавшись в воде, могли только крутиться, чтобы встретить акул лицом к лицу, пока парни на шлюпках подхватывали нас, чтобы у нас была возможность колотить ногами по воде и поднимать брызги. Акулам это не нравилось, и это, немного срабатывало. Мои ноги так устали, что я уже еле поднимал их. Акулы отступали, потом понемногу возвращались. Двоих парней они погубили. Одному откусили ногу, и мы были вынуждены сбросить его подальше, потому что его кровь привлекала еще больше акул. Его отнесло, и акулы ушли, чтобы покончить с ним. Он отдал свою жизнь за нас, потому что дал нам столь необходимую передышку...

Акулы также следовали за шлюпками, потому что чувствовали запах крови раненых. Парни говорили: «Вот еще одна на подходе!», когда какая-нибудь акула плыла в нашем направлении. Одна появилась прямо рядом со мной. Она была не меньше 12 футов в длину. Я старался держаться тихо-тихо, потому что не хотел раздражить ее. Что там говорить о страхе! Я тогда думал: «Вот оно. Больше я никогда не увижу свою семью.»

Как было с едой?

Все, что у нас было, - это солодовые таблетки. Ни воды, ни еды. Нам пришлось говорить парням не пить морскую воду. Начинаются галлюцинации, потом умираешь. Специально никто не пил, но волны плескались, и, заснув, мы набирали полный рот. Кто-то начал тыкать в других ножом, и один из нас сказал, что лучше выбросить все ножи. Так мы и сделали. Мы отобрали ножи у тех, кто начал резать других. Из раненых, что были в наших шлюпках, умер только один – парень, у которого были сильные ожоги. Он очень страдал...

Находясь в воде, мы старались двигаться в сторону суши. На второй день мы увидели какие-то горы вдалеке и подумали, что сможем до них добраться. Мы до них не добрались, и слава богу, потому что там было полно японцев.

Были ли моменты, когда вас покидала надежда?

После второй ночи у меня было чувство, что я не протяну еще 12 часов. Было зверски холодно, не было воды, еды, лекарств. Мы были обессилены. Парни пили соленую воду и галлюцинировали. Они говорили, что уйдут под воду, чтобы *стать счастливыми/to get beans*. Ситуация стала выходить из-под контроля. Люди стали злее, потому что никто не торопился на спасать. Кто-то рыдал, кто-то молился, кто-то пел псалмы. Я молил Бога, чтобы он дал мне возможность снова увидеть мою семью. В последнюю ночь мы совсем ослабли и чувствовали, что нас покидают последние силы. Мы были еще детьми, в хорошей физической форме, но к такому мы не были готовы. Мы сообразили, что спасательные мероприятия сфокусированы на авианосцах и что мы находимся в стороне от проторенных путей, что нас труднее найти. Парни с *Gambier Bay* и *St. Lo* (*потопленные в том же бою эскортные авианосцы – ВК*) оказались примерно в одном месте, но далеко от нас...

Как же вас спасли?

Я начал терять надежду после ужасного второго дня. На третье утро я думал о том, что не продержусь еще один день и еще одну ночь. И тут, в то утро, кто-то закричал: «Там корабль!» парень по фамилии Чэмблесс (Chambless) встал в шлюпке, другие поддерживали его. Он стал размахивать какими-то цивильными тряпками. Судно подошло к нам, и мы увидели американский флаг. Какое это было чувство! Он подошел поближе, и мы услышали заданный через мегафон вопрос: «Кто выиграл мировой чемпионат (*World Series – речь идет о бейсбольном первенстве, разыгрываемом среди североамериканских команд*). Вымазанные в нефти, мы могли оказаться и японцами, но мы все дружно заорали: «*St. Louis*, черт побери!»

Первым делом мы отправили на борт всех раненых, потом забрались туда сами. Нам пришлось карабкаться на борт этого госпитального судна по длинному трапу, а мы ослабли настолько, что я еле-еле добрался до верха. Меня подхватили медсестра и два санитаря, после чего я потерял сознание. Я открыл глаза через шесть или семь часов – мы уже были в заливе Лейте. Пока я спал, нас атаковали два японских самолета. Наш огонь отогнал их, но я проспал все это. Меня перевели на армейское госпитальное судно, стоявшее в гавани. Большую часть нефти с меня смыли под душем, но и потом она выходила у меня из ушей и изо рта целый месяц...

Когда нас подобрали и когда мы узнали о том, чем кончилось сражение и что японцы отступили, мы были разгневаны. Где, черт возьми, были спасательные суда? Где были наши корабли из боевой группы *Taffy 3*? У нас были кое-какие недобрые чувства по отношению к Спрэйгу, но не так уж и много.

Спасение моряков с эсминца Samuel B. Roberts

Когда вы поняли, что спасены?

Наверное, когда мы увидели идущее в нашу сторону судно и его флаг. Ночью, когда меня перевели на госпитальное судно, я чувствовал, что все обошлось. Парни с того судна, которое подобрало нас, сняли с нас одежду, чтобы смыть нефть, потом завернули нас в одеяла. На другой день на госпитальном судне нам раздали одежду.

У меня на ногах соль разъела кожу, уши были забиты нефтью, но этим все и обошлось.

Что было потом?

Я провел два дня на госпитальном судне, а потом меня отправили на Новую Гвинею, где я провел два дня в армейском лагере. Бывший роскошный лайнер *Lurline* перевез нас в Австралию. Оттуда за 14 дней без остановок мы добрались до Сан-Франциско безо всякого эскорта. К тому моменту, когда я вернулся в Сан-Франциско 1 декабря 1944 года, мой вес был уже 69 кг против 46 кг после спасения. За два дня до прибытия в Сан-Франциско мы все встретились с Коуплэндом. Он сказал, что хочет получить другой корабль, и мы сказали ему, что хотим быть с ним, но вместо этого нас оставили служить на берегу.

Джоу Леччи (Joe Lessi) из Бруклина погиб в том бою. Он просил меня увидеть его жену, если с ним что-нибудь случится. Когда я побывал дома, в отпуске, я увиделся с его братьями и женой. Она была беременна и не сумела спуститься вниз из своей спальни: настолько она была угнетена. Леччи был коком и был мне как старший брат... Я провел дома где-то неделю, после чего посетил его семью. Они меня на руках носили, угощали, поили и все такое. У него было три брата, тетки, дядья и кузены – все пришли, когда я наносил этот визит. Все три брата пришли увидеться со мной. Его боевой пост был у левого борта. Тот снаряд попал прямо в ту часть корабля, где он находился, но я не знаю, что убило его. Семье я сказал, что он умер мгновенно. Ему, должно быть, было около 27 лет.

Где-то в 1994-м мне позвонил его сын, Джоу Леччи-младший. Он приехал в Сиэтл, и мы встретились. Я вошел в лобби [отеля] и сначала подумал, что Джоу воскрес из мертвых...

Что для вас означает ваше участие в том сражении?

38 лет я мало что рассказывал об этом. Моя семья, друзья и т.д. знали, но я старался не вспоминать все это. Для меня это полностью ушло в прошлое, пока я не узнал, что именем Коуплэнда собираются назвать корабль. Это дал новое начало. Все, кто выжил тогда, знали, как дрались Коуплэнд и его корабль в том сражении, и я тоже гордился тем, что мы не отступили и тем, что нам удалось сделать. Мы решили собраться вместе и поприсутствовать при спуске корабля *Copeland* на воду. В 1980-м мы основали *Ассоциацию Выживших с [эсминца] Samuel B. Roberts/Samuel B. Roberts Survivors' Association*. На первом слете присутствовал 41 человек. Нам было, что рассказать, и мы хотели сделать это должным образом...

Тот экипаж состоял из прекрасных парней. Офицеры были исключительными людьми, а командир был суров, но справедлив. Когда началось сражение, каждый делал свое дело. Встретив тех, кто выжил 38 лет спустя, я узнал, что все они прожили достойную жизнь, у всех есть прекрасные дети, замечательные жены. Это было одной из тем, на которые мы всегда говорим друг с другом – мы выжили, и теперь мы хотим жить, как нужно, заботиться о семьях, идти верным путем...

Джек Юсен в последние годы жизни

РАССКАЗЫВАЕТ АМЕРИКАНСКИЙ СОЛДАТ, ВОДИТЕЛЬ САНИТАРНОЙ МАШИНЫ ХОВАРД НИКСОН (HOWARD E. NIXON, 1923-2001)

Двое моих братьев и я пошли в армию. Харлан отправился в штат Миссури и стал сержантом учебной части, в итоге он был послан на Тихий Океан – на Гуам. Мой брат Билли сначала отправился в Оклахому, а оттуда в Италию, где служил артиллерийским наблюдателем. Я и мой друг Лео Стром были призваны в январе 1943 г. Мы попали в учебный лагерь Форт Кастер в штате Мичиган (Fort Custer), где прошли медосмотр. Там же нас постригли наголо. В Кастере мы пробыли недолго. Лео и я хотели служить вместе, но это не сработало. Как-то Лео отрабатывал свой наряд на кухне, а меня в тот момент взяли и отправили в другое место, не дав попрощаться с ним. Увиделись мы только после войны. Я попал в лагерь Грант (Camp Grant) в штате Иллинойс, где начал курс обучения на санитаря. Мы учились перевязывать раны, накладывать шины, делать уколы морфия и т.д. Было много марш-бросков – 5, 10, 15 и 25 миль. При этом мы таскали выкладку весом 25 фунтов (11.3 кг). Многие страдали от мозолей, некоторые просто падали, впервые почувствовав боль.

Было удивительно наблюдать, как много ребят оказалось в плохой физической форме. В этом лагере мы провели около двух месяцев, после чего я попал в санитарную автороту, находившуюся в штате Алабама (лагерь Ракер/Camp Rucker). Я начал учиться на водителя санитарного фургона. Научился менять масло, смазывать, вообще обслуживать машину. Во время обучения все должно было быть сделано идеально. Койки прибраны идеально, одеяла заправлены так туго, чтобы от них отскакивала брошенная на одеяло 25-центовая монета, сундучки [для хранения личных вещей] выстроены в линию. Мы были обязаны чисто бриться, обувь должна была сиять, форма отутюжена. Находясь в наряде на кухне, мы отскребали дочиста столы и выравнивали кружки, миски и все остальное по веревочке. В Алабаме мы также прошли курс преодоления препятствий. Было лазанье по канату, ползание по трубам и в поле с пулеметной стрельбой поверх голов. Мы учились окапываться и собирать палатку из двух половинок: каждый из нас имел в боевой выкладке половину палатки. Во время учений мы учились быстро ставить лагерь и быстро его сворачивать. Занятий было множество: плавание, борьба и бокс. У нас был старший сержант (Master Sgt.) по имени Уитэкер (Whitacker). Крутой малый. Но был еще один парень – Чарлз Кортни (Charles Courtney), которого мы прозвали Джон Дир (John Deer), поскольку он был из фермеров (по названию крупнейшей фирмы-производителя сельскохозяйственной техники *John Deer*). Так эти двое повздорили крепко, надели боксерские перчатки и устроили бой, при этом Уитэкер не смог одолеть Джона Дира.

Нам также приходилось проходить ускоренные медосмотры. Мы выстраивались вдоль казарм голышом. Было бы лучше, если бы парни стояли в одной стороне, а девушки в другой, но это не практиковалось. У нас искали вшей, признаки сифилиса или гонореи и все такое. У некоторых находили, потому что были парни, баловавшиеся в увольнительных. Наступил момент, когда нам сказали, что нас отправляют за океан. Когда мы уже были готовы к отправке, двое парней сделали что-то такое или съели что-то такое, от чего им стало плохо. Их так и не отправили с нами. Вот дурачье...

Из Алабамы в конце декабря мы отправились в лагерь Килмер/Camp Kilmer, где провели около недели. К этому моменту мы уже официально назывались 575-я Санитарная Авторота (575 Ambulance Motor Co.) Это название было с нами всю войну. В роте была пара парней, которых звали Дилашович (Dilashovich) и Шрайбер (Shriber). Один был итальянцем, другой евреем – ну и парочка. Оба были заядлыми игроками и всегда попадали в какие-то истории. В конце концов, когда мы уже были в Европе, их перевели в пехоту. Однако те, кто сменил их, были ненамного лучше... В лагере Килмер мы провели еще неделю, после чего пришел приказ грузиться на транспортное судно. Это была *Aquitania* – старая английская посудина. На этом судне отец Бетти (невеста Ховарда Никсона) вернулся домой после ПМВ. Итак, с собой у нас были наши сумки и все, что в них поместилось. Котелок, ложка, бритвенный набор, одежда и библия, которую мне прислала сестра.

Мы были в пути 9 дней. Очень многие страдали от морской болезни. Парни просто не могли подняться с коек, но меня это не коснулось. Большую часть времени я проводил на палубе, на свежем воздухе. Вообще, все был заблевано. Даже в туалете парни просто валялись на полу. Чтобы подойти к писсуару, приходилось перешагивать через них. В столовой пол был скользким из-за пролитого кофе и разбросанной еды и т.п. ... Многие ребята резались в карты всю дорогу. В итоге, мы добрались до места назначения в Шотландии, носившее название Ферт-оф-Форт/The Firth of Fourth.

Через какое-то время мы получили наши новые санитарные фургоны. Мой был абсолютно новым – с приводом на оба моста, что мне потом пригодилось. Это был *Dodge Power Wagon*. Номер моего фургона был 19, позднее я написал на нем *Cadillac*.

Санитарный фургон Dodge WC-54 армии США

В роте было три взвода, я оказался в 1-м. Всего было около 20 машин, за которыми мы сами присматривали. На каждой машине был запас топлива – две канистры по 5 галлонов (*примерно 22.5 л*). Мы ездили по английским сельским просторам, держась левой стороны дороги. Сначала мы базировались в Реддинге/Redding, затем в Кингвуд Коммонс/Kingwood Commons. Жили мы в больших палатках по 8 человек в каждой, спали на раскладушках. Было не так уж холодно, кроме того, у нас были печи на угле. Кормили нас отлично – картофельное пюре, курица, соусы и пр. Пару раз мы даже ходили на танцы.

Каждую ночь случались налеты немецких бомбардировщиков. Дрожали стекла, тряслась земля. Иногда мы спускались в бомбоубежища. В них мы встречали самых разных людей – и солдат, и пожилых женщин. Кто-то читал, кто-то вязал, некоторые ходили взад-вперед. Некоторые сидели спокойно, многие курили.

Как-то раз появились какие-то девчонки и установили неподалеку от нас палатки. Я было заинтересовался, зачем были нужны палатки, и вскоре узнал: к палаткам начали выстраиваться очереди из парней, и эти очереди становились все длиннее и длиннее. Тогда появился полковник, сообразил, в чем тут дело, и эта эпопея закончилась. Затем нас отправили за город, ближе к Проливу, где мы провели несколько дней. Там мы получили новые фургоны (мой наездил к тому времени всего 5 миль). Мы покрыли все, что могли, водонепроницаемой смазкой: свечи, аккумулятор, крышку распределителя зажигания и пр., запечатали смазкой двери и окна за исключением окна рядом с водительским сидением. Затем мы подсоединили гибкую трубу к выхлопной трубе таким образом, что она теперь торчала на полтора метра выше крыши. Вскоре нам предстояло узнать, зачем это было сделано.

У каждого был друг, и я близко подружился с Джоу Робинсоном из Индианы (Joe Robinson). Он был высоким парнем, я намного ниже его, но у нас было много общего: мы выросли на фермах и были воспитаны в христианской традиции.

Ховард Никсон (слева) со своим товарищем Джоу Робинсоном

Утром 6 июня 1944 г. я проснулся рано от страшного рева. Выглянув наружу, я увидел в небе множество самолетов – тысячи машин, направлявшихся в сторону Франции. Прошло немного времени, и мы услышали грохот взрывов на расстоянии более 20 миль. Вторжение началось... Через несколько дней мы услышали: «Парни, мы выступаем.» мы направились к докам Саутхэмптона, где наши фургоны были погружены на транспортные суда. В фургоне было два откидных сидения по обе стороны – длинное и покороче. Мы могли погрузить в него четверых лежащих и десять ходячих раненых, либо же двоих лежащих и пятерых ходячих. Мой фургон погрузили около 10 утра. Его подняли с помощью сетки и начали перемещать, но тут один англичанин сказал: «Время пить чай.» они остановили подъемник и оставили фургон болтаться в воздухе на полпути к транспорту. Так он и провисел, пока они не выпили свой чай. Я подумал, что для военного времени это странновато...

Транспорт тронулся в путь. Нас покачивало, но не слишком сильно. Все сидели тихо, полагаю, погрузившись в размышления. Мы приблизились к берегу, и Джоу сказал: «Что ж, Ник, мы прибываем во Францию.» И тут я понял – началось. По-настоящему. Это был пляж Омаха. Трупы с берега уже убрали. Настал момент выгрузки, носовая аппарель опустилась. Мой напарник заполз в окно рядом с водительским сидением, я последовал за ним и запечатал его смазкой изнутри. Затем я тронулся вперед, в воду. Мы ушли под воду полностью и так проехали около 75 ярдов. Немолодой парень из Арканзаса, повар, сидевший рядом со мной, приговаривал: «Гони ее, Ник, давай!» И машина не подвела. Я включил оба моста и выбрался из воды на пляж. Мы поднялись по склону и въехали в яблоневый сад, затем выбрались из машины и соскребли смазку со свечей, с аккумулятора, с дверей и окон, отодрали временную выхлопную трубу и выкинули ее. Некоторые санитарные фургоны загорелись из-за замыканий в аккумуляторе, но у нас проблем не было.

Я оглянулся, и меня пробрало холодком. Вокруг валялись продырявленные каски, сержантские нашивки, какая-то одежда и прочий мусор войны. Оказывается, сержанты срывали свои нашивки, потому что немцы старались, прежде всего, стрелять по ним. Мы провели ночь ярдах в 300 от пляжа. Ну и ночь была! Нас обстреливала артиллерия, бомбили самолеты. Фургон сотрясало. В фургоне было два откидных сидения – подлиннее и покороче. Хенри Кинг спал на длинном и храпел всю ночь. Он вообще ничего не слышал. Я лежал на коротком и, думаю, вообще глаз не сомкнул. Мне было страшно даже выбраться из машины и залечь под ней: я просто не мог сдвинуться с места.

На следующий день мы тронулись в путь и добрались до линии фронта в районе городка Сен-Мер-Эглиз/St. Mère Eglise. Там находились 29-я и 4-я дивизии. Мы были в составе 1-й Армии, которой на протяжении всей войны командовали Омар Брэдли (Omar Bradley) и

Кортни Ходжес (Courtney Hodges). Мы начали подбирать раненых и отвозить их в тыл. В машину помещались четверо носилок или пара носилок и 5 ходячих раненых. Можно было поместить и 10 ходячих без носилок. Времени на сон у нас почти не оставалось, казалось, мы были на ногах весь день и всю ночь. Во вторую ночь мы остановились, к нам подъехал какой-то капитан и шепотом сказал: «Уезжайте.» Мы потихоньку убрались в тыл в полной темноте, опять забили машину ранеными и с трудом нашли наш стационарный госпиталь. Добравшись до госпиталя, мы все еще видели в темноте вспышки оружейных выстрелов и гул снарядов. Вспышки были видны по обе стороны от нас. Фронт был недалеко, и опять мы день и ночь подбирали раненых и возвращались назад.

Живые изгороди в Нормандии были трудным препятствием. Они окружали поля площадью от двух до пяти акров или типа того. Мощные изгороди – сначала канава, потом земляная грива и заросли на ней. Немцы использовали их как укрытия. Минометы, 88-миллиметровки, малокалиберные пушки, которые было легко перемещать – все это несло смерть. В конце концов, после нескольких недель боев, немцы были вынуждены отступить, чтобы потом закрепиться еще раз на таком же трудном для нас рубеже. Немцы остановили нас под Сен-Ло/St. Lô. 11 дней тяжелых боев ушли на то, чтобы одолеть их. Гордон Хант (Gordon Hunt), мой кузен, сражался здесь в составе 29-й Дивизии и погиб. Здесь же воевала 28-я Дивизия. Во время боев за Сен-Ло мы оказались в одном месте, где все вокруг было усеяно трупами, и среди них была убитая женщина с красивым перстнем на руке. Один из наших парней остановился и снял с ее руки кольцо. Может, он послал его домой своей подруге... Я бы не стал этого делать. Мы продвигались к линии фронта между трупами. Мертвецы в придорожных кюветах, в полях, в окопах. С ними вперемешку валялись трупы коров и лошадей. Раненых было столько, что мы просто не успевали эвакуировать их. Полевой госпиталь был забит до отказа. Хирурги и медсестры сбивались с ног, но не справлялись с этим потоком. 28-я Дивизия понесла такие потери, что ее пришлось отвести в тыл и заменить другой частью.

На нашем участке фронта было 10 или 12 санитарных фургонов. Как-то я подобрал умиравшего капитана. Привезя его в госпиталь, я подошел к хирургу и сказал: «Сделайте что-нибудь для него сейчас, или он вот-вот умрет!» Вытащил его из машины. Не так легко видеть, как человек умирает. Он вдыхает воздух все менее и менее глубоко, паузы между вдохами становятся все длиннее. Ты сделал для него все, что мог. У некоторых на устах были проклятья, у некоторых молитвы. Большинство лежало тихо. Самое страшное – ранение в живот. Тогда боль пронизывает человека на каждом ухабе...

И эта грязь... Дороги были разбиты тяжелой техникой, в основном, танками. Я подключал второй мост и все равно еле полз: это были сплошные колдобины. Временами было трудно сориентироваться. Карт не было, никаких знаков. Мы часто перемещались ночью и не могли понять, где мы и куда везти раненых. Бывало, солдаты говорили нам: «Парни, как вы вообще это сделали?»

Под Сен-Ло мы были под обстрелом день и ночь. Трупы уже начали разлагаться и смердеть. Город превратили просто в груды щебня. Я никогда не забуду один момент: я продвинулся вперед по проходу, расчищенному бульдозерами, и увидел рыдающую женщину, сидящую на куче обломков и закрывшую лицо руками в отчаянии. От ее дома ничего не осталось, может быть, и от всей ее семьи тоже. Но я не мог остановиться: со мной были раненые. Я хотел был остановиться, подойти к ней, попытаться утешить... Эта сцена осталась со мной навсегда.

Сами мы мало что могли сделать для раненых. Лучшее, что мы могли сделать, это доставить их побыстрее в полевой госпиталь. Если санитар находит раненого достаточно быстро, у него есть шанс выжить. Санитар может остановить кровотечение и дезинфицировать рану. Иногда нам приходилось ослаблять перевязку и делать уколы морфия.

У меня был пистолет – немецкий *Walther P-38*. Мне так и не пришлось им воспользоваться, кроме одного случая. Однажды у меня весь фургон был забит ранеными немцами, и я решил немного пострелять. Мы выгнали немцев из машины, я сделал несколько выстрелов

по каким-то целям, и немцы слегка побледнели. Только тогда я понял: они подумали, что я собрался их расстрелять. Загнал их обратно в машину, они, вроде успокоились. Иногда, когда снаряды и бомбы ложились слишком близко для комфортной езды, мы останавливались, чтобы залечь в кюветах. Ну, я и немцы оказались в одной канаве. Не знаю, чьи снаряды падали рядом, наши или немецкие. Немцы при этом говорили: «Ja, это было совсем близко...» Один раненый немец, которого я тащил, сказал мне, что мы сражаемся не на той стороне, что мы должны были сражаться вместе с немцами против русских. Я сказал ему: «Я так не думаю».

Потери в одном боестолкновении от 200-300 до 500 человек были обычными. Каждый день в бой вступали пополнения. Если новичкам удавалось пережить первую неделю и обрести боевой опыт, у них появлялся шанс. Курить ночью, зажечь спичку, выползти из окопчика, чтобы потрепаться с другом – они быстро учились ничего этого не делать на собственных шкурах. В конце концов, сражение за Сен-Ло было выиграно с огромными потерями для обеих сторон. Немцы побежали, но вскоре закрепились на новом рубеже...

Наши санитарное подразделение перемещали вдоль всего фронта, от одной дивизии к другой. Там, где бои были наиболее ожесточенными, там были мы. За всю войну я побывал на участках боев 10 разных дивизий, включая одну французскую.

У Гитлера была сверхэлитная дивизия – *Hitlerjugend*. Эти ребята считали, что они лучше всех остальных. Пленных они не брали, и я не думаю, что мы взяли плен многих из их числа. Но мы, санитары, были обязаны спасать жизни, поэтому мы заботились и об этих парнях. Как-то я вывозил одного эсэсовца. Я должен это рассказать, потому что тот случай – часть жизни на войне. У него была пулевая рана между глаз, но он все еще был жив. Когда я вез его, я услышал, как что-то будто вывалилось откуда-то – это его мозги вытекли на пол фургона. Я остановился, соскреб их лопатой и выкинул из машины, а затем довез немца до перевязочного пункта. Он был все еще жив, но сомневаюсь, что он долго протянул. Еще один немец, которого я вез, был в совсем плохом состоянии, и я не думаю, что он выжил. У меня были какие-то его бумаги, и предполагалось, что я оставлю их вместе с ним на перевязочном пункте, но я очень торопился и забыл сдать их. Они до сих пор хранятся у меня...

Нам приходилось опасаться немецких самолетов, пролетающих над нами на небольшой высоте, на бреющем. Они проскальзывали прямо над кронами деревьев и обстреливали нас из пулеметов. Мы выскакивали из машины и прижимались к земле. Считалось, что они не должны открывать огонь по санитарам, и, в большинстве случаев, так и было, но иногда они стреляли по нам. Один из них едва не зацепил меня. Я вел машину по улице, услышал гул самолета и глянул в зеркало. В нем я увидел самолет, пикирующий на меня и поливающий меня свинцом. Я резко вильнул вправо, в какую-то аллею, и его очереди прошли мимо. Я едва не сковырнул угол какого-то дома, но ушел от беды...

Мы толком не знали, что происходит на фронте и могли судить о чем-то только по своей части. Мы быстро продвигались к Парижу, и по дороге я на 2 или 3 дня потерял свою часть. Я так проголодался, что стал обменивать шоколад и сигареты на яйца и картошку. Была у меня сковородка, ну я вырыл яму, налил в нее бензину, развел огонь и пожарил себе еду. Вообще, рационы «С» были вполне приличными. В них были консервные банки с ветчиной и сыром. Солдаты выбрасывали пустые жестянки, которые застревали в моих шинах, и мне приходилось их буквально отковыривать их. Временами я останавливался в расположении других частей, чтобы поесть. Они не знали, кто я, знали только, что я – санитар, и внимания на меня не обращали. В итоге, я нашел свою часть по дороге на Париж.

Где-то тогда случились бои близ городка Мортен/Mortain – их вела 30-я Дивизия на протяжении 5 дней. Бои шли за какую-то высоту, удерживаемую немцами. Мне приходилось вывозить с поля боя и раненых немцев, и раненых американцев: все были грязными, небритыми, измученными. С одной стороны фургона были наши, с другой – *Gerry* (одна из кличек немцев, распространенная среди союзников в годы ВМВ, считается, что происходит от слова *German*). Они даже не смотрели друг на друга, не говорили вообще ничего. Все были просто довольны тем, что вырвались из ада.

Время от времени то один, то два немца сдавались мне. Так они использовали свой шанс выйти из войны. Как-то раз двое немцев вышли из леса с поднятыми руками и сдались мне, но тут появился майор на джипе, увидел все это и забрал немцев с собой... Мы были уже совсем недалеко от Парижа, когда нас прикрепили ко 2-й Дивизии французов. У них было немало женщин-водителей санитарных машин. Вид у них был грязноватый и неухоженный, и, чтобы оправиться, они просто уходили в кусты. С ними были марокканцы – дикие ребята. Мы рыли для себя окопчики, но они это дело игнорировали. У нашего парня по имени Бруно они спросили: «Для чего ты окапываешься? Ты что, боишься умереть?» Бруно сказал: «Да нет, но я хочу, чтобы это случилось как можно позднее.» Эти парни спали на земле, безо всяких укрытий, или забирались под санитарные машины. А один раз утром я услышал какой-то шум, выглянул из машины и увидел марокканца со штыком в руке, тащившего в нашу сторону за хвост только что убитого теленка...

Мы оказались чуть ли не первыми американцами, вошедшими в Париж. Было это 25 августа 1944 г. Следующими были парни из 28-й Дивизии. Немцы все еще были в городе, и их нужно было выбивать из него. Когда мы въехали в Париж, улицы были полны людей, которых было так много, что наша колонна была вынуждена останавливаться время от времени. Мы проехали через Триумфальную Арку. Когда люди узнавали, что мы – американцы, они просто висли на нас, обнимали нас и целовали. Нам отвели для стоянки парк, окруженный стенами, но некоторые девчонки пробирались туда, чтобы сфотографировать нас или сфотографироваться с нами... В Париже среди нас был один паренек – сын проповедника. Он вообще говорил мало. В Париже какая-то девчонка затащила его в постель, и от этого прекрасного парня ничего не осталось. Он просто слетел с катушек после этого, начал материться и курить. Уже годы спустя я связался с Кеном Вебером (Ken Weber) из Индианы, и он рассказал мне, что тот парень вернулся домой после войны и постучал в дверь родительского дома с сигарой в зубах. Угадайте, что произошло потом - его отец не пустил его в дом, сказав: «Ни один из моих сыновей не войдет в этот дом с сигарой во рту.» Что было дальше, я не знаю...

В одну из ночей мы совершали объезд на нашем фургоне, и в дом сразу позади нас попала бомба. Дом просто разнесло вдребезги. Какое-то время немцы сопротивлялись, и всю неделю, что мы пробыли в Париже, продолжались бои. Из Парижа мы отправились в сторону Вердена. Здесь только что закончились бои, повсюду были трупы лошадей, коров и овец. Было видно, что, немцы отрезали от убитых лошадей куски и пускали их в пищу... Бои не прекращались. Одной холодной дождливой ночью мы тронулись в сторону линии фронта. Я был настолько измотан, что засыпал за рулем. Наша колонна остановилась на минуту. Я заснул, потом очнулся, и мне показалось, что меня оставили одного. Включил скорость, газанул и врезался в фургон Уэйна Скотта (Wayne Scott). Смотрю, выходит: «Ты что творишь?» А что я мог сказать? Вмятину в корпусе его фургона мы выправили кувалдой, так что двери снова можно было закрывать и запирать.

Некоторые парни доходили до такого состояния, что уже ничего не могли. Один сказал: «Я больше не могу это выносить. Я не пойду на передовую.» Лейтенант схватил его за воротник и сказал: «Пойдешь. Ты должен, по-другому быть не может.» Тот парень вернулся на передовую и погиб... У некоторых проявились контузии или стрессовые расстройства (*battle fatigue*). Они выглядели, как зомби. Вот стоит человек и смотрит, уставившись куда-то. Таких приходилось уводить за руку: они были просто отключены от реальности. Не знаю, возвращались ли они в строй. Вообще, некоторые раненые после выздоровления возвращались в свои подразделения.

... Мы приближались к Аахену и *Линии Зигфрида*. Это были ряды бетонных надолбов, которые должны были остановить танки и технику, но это не сработало. Саперы взрывали проходы, которые бульдозеры расчищали. Мы подошли к Аахену с юга, за город были бои, тяжелые бои, которые дорого обошлись обоим сторонам. От города ничего не осталось, кроме одного-единственного собора. От Аахена мы двинулись в сторону Хюртгенвальда/Hürtgenwald – покрытую в основном густыми сосновыми лесами местность. Когда мы были в дороге, ночи были облачными и чертовски темными. Мы видели только немного света между кронами деревьев, и мой второй номер, сержант Пэджет (Padget) сидел на крыле машины и говорил мне: «Бери левой. Бери правой.» Дорога была

заминирована, саперы, вроде, очистили ее от мин, и мы добрались до точки назначения. Один из джипов на этой дороге подорвался. Дело было в октябре, становилось холоднее. В этих местах шли бои, или, можно сказать, сражение [за Хюртгенвальд] продолжалось все время. Теперь немцы закрепились в Люксембурге и на территории Бельгии. Я сновал между фронтом и тылом и даже добирался до Бастони. В ноябре-декабре пошли дожди, которые сменили снегопады. Дороги совсем раскисли. Парни, сидевшие в окопах, были мокрыми с ног до головы.

Ну а немцы, которых я видел, казалось, были либо 15-17-летними пареньками, либо мужчинами от 40 и старше. Сдаваться они не собирались, они теперь защищали свою землю. Наши самолеты пытались бомбить их позиции, но облачная погода мешала этому. Наши линии снабжения сильно растянулись, грузы к линии фронта приходилось подвозить издалека. Их везли конвои, которые мы называли *Red Ball Express*. Они состояли из 2.5-тонных грузовиков. Большинство водителей были черными. Я просто содрогался от мысли о том, что с ними придется встретиться на дороге, особенно ночью. Они ехали по середине дороги, и просто могли сбросить твою машину в кювет. Наилучшим решением было съехать, по возможности, на обочину и пропустить их...

Итак, линия фронта проходила через Арденны. Бензина не хватало. Американцы остановились в ожидании подкреплений. В декабре нас перебросили в Мальмеди, практически, на границу Германии и Бельгии. Мы были прикреплены ко 2-й Дивизии и стояли в поле в стороне от этого городка. Лагерь был на холме, где-то в паре километров от линии фронта. Ничего особенного не происходило, время от времени мы отвозили раненого в Мальмеди, в госпиталь.

15 декабря в 10 вечера разверзся ад. Артиллерия открыла огонь по обе стороны фронта: 150-миллиметровки, гаубицы, реактивные минометы, 88-миллиметровки. Мы оказались где-то посередине всего этого... Вот один снаряд угодил в стоящий недалеко от нас грузовик, который сразу же сгорел. Я стал думать о доме, вспоминал, как возил сено, копал картошку, заполнял силосную яму, чинил ограду, присматривал за коровами, доил их или делал еще что-то. Артобстрел продолжался. «С меня хватит, - подумал я. – Больше не могу все это выносить. Меня не зацепило на плацдарме в Нормандии, миновал огонь из-за живых изгородей, все обошлось для хорошо меня под Сен-Ло, в Париже, в Хюртгенском Лесу и под Аахеном, а теперь вот это...» Из моих глаз лились слезы, и я начал молиться. Вытащил из вещмешка библию, которая уже слегка обтрепалась, и спросил себя: «Что я буду читать?» Раскрыл ее в первом попавшемся месте и наткнулся на Псалмы. Подумал: «Что здесь написано?» и увидел строку: «Тысяча падет слева от тебя, 10 000 справа, но тебя смерть минует.» Я почувствовал облегчение и даже немного поспал... Мы спали рядом с Пэппи Пэйденом (Pappy Paden) в ту ночь, а на другой день, 16 декабря, он погиб вместе со многими другими парнями из нашей части. Артобстрел продолжался всю ночь, а утром мы увидели проходившие мимо нас в полном беспорядке колонны пехотинцев. Они говорили нам: «Там, на передовой, слишком горячо.» Ну и мы свалили из своего лагеря так быстро, как только смогли.

Немцы прорвали фронт. Я остановился у штаба, было очевидно, что в штабе не имели понятия обо всем этом. Я получил следующий приказ: эвакуировать полевой госпиталь, расположившийся в старом школьном здании на вершине холма. Я помчался туда, на окраину Мальмеди/Malmedy, и уже было собрался загрузить в свой фургон раненых, когда Бёрни (Burney) сказал мне: «Ник, я заберу их.» Я упирал на то, что сейчас моя очередь, но он настоял на своем. Он попал вместе ранеными в плен и был расстрелян в боине на окраине Мальмеди. На его месте мог оказаться я, если бы взялся грузить раненых. Я часто думаю об этом... Но тогда, как только я уехал, еще двое парней из нашей части - Билл Шапп (Bill Schupp) и Билл Частин (Bill Chasteen) заехали в полевой госпиталь и там попали в плен.

Когда я вернулся в штаб, мне показалось, что капитан, его фамилия была Дензел (Denzel), уже многое понял из происходящего - он был в страшной спешке. Не было никаких салютов и приветствий. Он сказал: «Заправь машину и вали отсюда побыстрее. Встретимся в городке Юи/Нуу» (около 20 миль к западу). Я, разумеется, не стал спорить. Уехал, проехал

через Мальмеди, и на развилке дорог увидел парня из *М.Р.* (*Military Police – Военная Полиция*), регулировавшего движение транспорта. Подумал: «Какого черта здесь делает *М.Р.* в такое время?» Полицейский направил меня влево от перекрестка. Мы проехали какое-то расстояние по проселкам и уткнулись в колонну пехоты, преодолевавшую подъем по склону холма. Кен Вебер сказал тогда: «Давай-ка лучше развернемся», да и я так подумал. Я вернулся на то место, откуда мы тронулись в путь – мимо парня из *М.Р.* – и поехали по другой дороге. И правильно сделали! Еще ярдов 300 в обратном направлении, и мы попали бы в руки к немцам. *М.Р.* были немцами, одетыми в американскую форму! Эти парни переставляли дорожные указатели и всеми способами вносили хаос в обстановку. Кажется, того немца потом поймали и расстреляли...

На окраине Мальмеди немцы собрали около 140 американских военнопленных. Там были ребята из моего подразделения: Берни, Андерсон, Монк Маккинни, Скотт, Сэмюэл Доббинс (Burney, Anderson, Monk McKinney, Scott, Samuel Dobbins) и другие. Немцы открыли по нем огонь из пулеметов и скосили большинство военнопленных. Все еще живых добивали из пистолетов. Доббинс и Андерсон притворились мертвыми, пролежали в снегу и грязи до ночи и потом уползли. Сэмюэл Доббинс, которому посчастливилось выбраться из этой бойни живым, потом стал свидетелем на Нюрнбергском Процессе. Я был где-то неподалеку от Мальмеди на следующий день. Когда я заправлял машину, Джоу Робинсон рассказал мне о случившемся и о том, кто из наших погиб там. Мне стало дурно. Помню, что продолжался артобстрел, и в мою машину попадали камни и осколки.

Ховард Никсон и его санитарный фургон

Переодетые немцы создали атмосферу хаоса и паники. Никто толком не знал, что происходит. Небольшие группы американцев продолжали сражаться, не имея понятия о том, что делать дальше. Когда немцы захватили полевой госпиталь, в плен к ним попали Шапп и Частин. Однако они не следили за пленными слишком пристально, и парни сумели прокрасться к своей машине и скатиться вниз с холма. По дороге в тыл они наткнулись на полковника в полугусеничном бронетранспортере и рассказали ему о захвате немцами госпиталя. Полковник со своими солдатами, Шапп и Частин неожиданно объявились в расположении госпиталя, взяли несколько немцев плен и освободили группу наших парней. Шапп и Частин получили за это по Серебряной Звезде.

Мы остановили немцев и погнали их назад. Я заметил, что немцы стали и моложе, и старше. В *SS* было много подростков возрастом 15-17 лет. Молодые парни Гитлера с промытыми мозгами. Те, кто постарше, были за 40. Некоторые из людей постарше уже не хотели воевать... Понемногу мы согнали немцев с территории, которую пришлось оставить в ходе отступления. Повсюду были трупы – там, где гибли солдаты, и немцы, и американцы – их каски торчали из-под снега. Ну и вид... Смерзшиеся трупы забрасывали в 2.5-тонные

грузовики, как дрова. Становилось все холоднее. Мы были неподалеку от гряды Эльзенборн/Elsenborn, где шли упорные бои. У моей машины лопнула пружина подвески. Мне подвезли новую и сказали: «Получи.» Никто не помог, и мне пришлось менять пружину самому, лежа на холодном снегу. Укрыться от мороза было негде: мы ели под открытым небом, и сироп замерзал прямо на блинчиках. Кофе был холодным. Наша обувь не годилась для такой погоды: просто башмаки, если повезло, еще и *overshoes* (можно перевести как «боты» - есть описания резиновых, войлочных и брезентовых элементов снаряжения подобного рода, их одевали поверх обычных башмаков – ВК). У очень многих были обморожены ноги. Бывало, кому-то ампутировали ногу, а то и обе. Ну а я имел, по меньшей мере, возможность отогреться в машине. Нам было необходимо держать ампулы с морфином теплыми, и большинство санитаров отогревали их под брюками или под мышками. Это касалось и кровяной плазмы. Один из санитаров клал емкость на мотор джипа, и, даже когда стоял, включал его каждые полчаса. Однажды он заснул, мотор заглох, и плазма замерзла – и такое бывало...

После побоища у Мальмеди наши нечасто брали пленных. Слухи распространялись быстро, многим эта история ударила в голову. Мы нередко натыкались на группы из 5-6 убитых немцев, и я знал, что с ними случилось. Так было, и немцам приходилось платить за все по полной... К концу марта мы заняли плацдарм на правом берегу Рейна. Мы перемещались вдоль линии фронта с разными частями, три или четыре машины были неизвестно где. Нас всех разбросало. Война заканчивалась, но молодые эсэсовцы не потеряли волю к сопротивлению. Они сражались небольшими группами на разных участках фронта. Ничего не оставалось делать, кроме как уничтожать их. Люди постарше видели, что борьба потеряла смысл, и многие сдавались в плен. Они старались сдаться американцам, но явно не хотели попасть к русским.

К 6 апреля, когда мне исполнилось 22 года, мы прошли половину Германии. Мы освобождали концлагеря, насмотрелись там всего. Те, кто выжил, еле двигались – настолько они были истощены... Немцы стали сдаваться толпами. Они тысячами выходили из лесов с поднятыми руками. В основном, это были молодые ребята и пожилые люди. В наш тыл потянулись длинные колонны военнопленных, но Гитлер все еще отказывался капитулировать... Когда немцы брали наших парней в плен, они отбирали у них башмаки, часть одежды, все ценное, но я только один раз отобрал что-то у пленного немца – это были наручные часы. Французские часы, которые он сам отобрал у француза когда-то. Потом я обнаружил, что для заводки им нужен ключ, и выбросил их.

В конце концов, 7 мая мы встретились с русскими и пожали им руки. Это были мрачноватые ребята. 8 мая война закончилась. К тому моменту мы дошли до Пльзеня/Pilzen в Чехословакии. Дальше нас не пустили русские, установив блок-посты. После этого мы стали ждать отправки домой, хотя поговаривали, что нас отправят воевать с японцами. Потом была атомная бомба... Перед возвращением домой я попрощался со своим фургоном: когда я получал его, на счетчике было 5 миль, а всего за год я намотал на нем 20 000...

Санитары в Париже: слева направо - стоят – Лоренс Кинг (Lawrence King), Олли Бектон (Ollie P. Becton), сидят: Билл Частин (Bill Chasteen), Ховард Никсон (Howard Nixon)

ИНТЕРВЬЮ С УИЛЬЯМОМ БИЛЕРОМ (WILLIAM BIENLER) – АМЕРИКАНСКИМ ПЕХОТИНЦЕМ, ВОЕВАВШИМ В СОСТАВЕ 90-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

Расскажите о том, как ваша семья поселилась в Нью-Джерси.

Оба моих деда иммигрировали из Германии в 1890-х и жили в городах Хоубоукен/Hoboken и Джерси/Jersey, затем переселились в город Саммит. В те времена в Хоубоукене была большая немецкая община... Мой отец и большинство его друзей говорили по-немецки тогда, когда не хотели, чтобы мы их понимали. Позднее, в колледже, я два года учил немецкий.

Поддерживались ли в вашей семье другие немецкие традиции?

Да, даже очень. Мы отмечали Рождество, в его канун моя мать готовила немецкие блюда (смеется).

Ваш отец служил в ВМФ в годы Первой мировой войны?

Да, верно, но он так и не покинул пределы страны. Все это время он провел в Штатах.

Кто-нибудь из ваших родителей говорил когда-либо о том, что значило быть американцем немецкого происхождения в годы ПМВ, о каком-либо предвзятом отношении к себе?

Нет, я не думаю, что они когда-нибудь это ощущали, поскольку все их друзья были немецкого происхождения.

Обсуждалось ли в вашей семье, среди друзей то, что происходило в Европе, когда вы учились в средней школе?

Мот родители знали, что у них есть троюродные братья в Германии, и моя бабушка была в контакте с ними... В Германии жили Билеры, которые переписывались с ней. Один из них

был убежденным нацистом и посылал ей кое-какие открытки и шутовщины, которые были, знаете ли... типа «О, это прекрасно! Гитлер восстановит Германию, будет новая нация, мы [вновь] обретем мощь и отныне и далее будем править...», но ей это не нравилось. Она полагала, что все это просто смешно для маленькой старой Германии – считать себя такой уж великой...

Я полагаю, вы спрашиваете, какие чувства были у моих родителей – определенно, они не были настроены прогермански, если ваш вопрос об этом. Я знал, что некоторые американцы с немецкими корнями были за Германию, но мои родители были американцами, они хотели жить в Америке и считали ее великой страной... Возможно, я сражался против своих троюродных братьев (смеется). Я не был с ними знаком, но они служили в германской армии, я знаю об этом. Мы позднее об этом узнали...

Как вы, в целом, приспособились к армейской дисциплине после свободной гражданской жизни?

Для меня все прошло легко, потому что я был в бойскаутах. У меня с этим не было проблем, но это было большой проблемой для некоторых других. Однако в армии знают, как с этим справиться. Там в этом плане хорошая система...

Из лагеря Килмер, думаю, это был он, нас перевезли в Нью-Йорк – прямо на судно с автобуса. Конвой был огромным – более сотни судов и кораблей, я оказался на британском рефрижераторе, который переоборудовали в транспорт для перевозки войск. Еда была отвратительной (смеется). Британцы вообще готовить не умеют...

Мы были рады тому, что в составе группы был авианосец... Было множество судов типа *Liberty*, множество транспортов с войсками и с грузами. Было, вроде, четыре эсминца или эскортных корабля, снующих рядом с нами. Нас ни разу никто не атаковал.

Сколько времени занял переход через океан?

Почти две недели, потому что суда типа *Liberty* могут давать только восемь миль в час, да еще нужно было идти зигзагами. Капитаном судна был британец, и, прямо перед тем, как тронуться в путь, он решил, что стоит выступить перед янки. То есть, он произнес патриотическую речь, сказав следующее: «Мы рады тому, что вы здесь, добро пожаловать в Англию и хорошей вам охоты, янки.»

[По прибытии] мы сели на поезд, который шел полтора дня. Мы сошли с него в Уэльсе, неподалеку от города Барнстэйпл/Barnstaple на южном побережье Англии и разместились в базовом лагере.

А вторжение уже началось к тому времени?

Нет, мы прибыли в мае, где-то в середине мая. В день, когда началась высадка [в Нормандии], мы были в лагере. Нам раздали копии знаменитого письма Эйзенхауэра, написанного для всех военнослужащих. Дня через три мы покинули лагерь, перебрались в Плимут и почти сразу взошли на борт десантного судна, которое выглядело как переоборудованный паром. Мы просидели на нем дня четыре во время того жестокого шторма, который разрушил *Mulberry*, и в итоге, высадились на континенте...

Мы вышли на берег в районе пляжа Юта, думаю, это было числа 20-го июня. У нас собой были наши здоровенные казарменные мешки, набитые одеждой. Спустившись по веревочному трапу на десантный катер, мы вытащили эти мешки на берег вместе с оружием и боеприпасами. Весили они 35-40 фунтов... Вытащили эти долбаные мешки, и кто-то сказал: «Оставьте мешки здесь, остальное берите с собой.» Тогда я видел свой мешок в последний раз. В нем остались Библия и окопный нож, который мне подарил отец – его я больше не увидел. Затем мы двинулись вперед. Немцы все еще вели спорадический артиллерийский огонь, снаряды падали неподалеку время от времени... Мы добрались до следующего, расположенного неподалеку, лагеря, в котором находились резервы. Там мы провели ночь или две, а затем прибыло множество грузовиков из разных

частей... У них с собой были списки: «Вы, парни, лезьте в этот грузовик, а вы – в тот» - так мы двинулись дальше. Тогда я узнал, что мы будем в составе 90-й Пехотной Дивизии.

О чем вы думали и что чувствовали, когда двигались к передовой?

Ты особо не рассуждаешь, пока не доберешься дотуда (смеется). Запомнил кое-какие мелочи. Сидим в грузовике, никто еще не зарядил винтовку. Во время обучения ты не делаешь ничего, пока тебе не скажут что-то сделать. Ну, некоторые парни и говорят: «Слышно, как гремят пушки. Заряжу-ка я свою винтовку. Никто не скажет мне, что это пора сделать.» Все мы были рядовыми, думаю, там была пара капралов, но они ничего не сказали. Итак, все мы решили зарядить винтовки...

Встретил нас командир роты: «ОК, ребята, вы в Роте К 357-го Пехотного Полка. Добро пожаловать, я капитан такой-то.» В итоге, я оказываюсь в стрелковой ячейке и сталкиваюсь с парнем, с которым я буду рядом: в ячейке всегда двое. Спрашиваю напарника: «А кто эти парни, вон там?» - «А это немецкие парашютисты.» (смеется) Тогда-то я и понял, что это – линия фронта. Немного понервничал, но ничего особого не случилось. Кто-то выстрелит, потом кто-то еще пальнет. Это, в основном, были снайперы. У немцев было много снайперов, и они знали свое дело. Через пару дней нам сказали: «ОК, парни, вы в 1-м Отделении 1-го Взвода.» Нас в нем оказалось четверо, а должно быть двенадцать. То есть, я был в первой волне подкреплений, пришедших в Роту К после высадки. Численность этой роты к этому времени составляла немного более тридцати человек. А должна была быть, думаю, сотни две...

Вот как? Да уж...

Да. Мы стали пробиваться через живые изгороди. В каждой изгороди в каждом углу есть дверь или проход. Прошли через первый, и сразу же под снаряд 88-миллиметровки попали двое парней, которых разнесло в клочья. Кто-то из ребят закричал: «Санитары!» Я сказал: «Не думаю, что санитары им помогут.» Когда проходил мимо них, у обоих изо рта шла кровь... Тогда я впервые в жизни увидел мертвецов или кого-то в таком вот состоянии... Я и еще один парень оказались посреди поля... Нас всегда учили: «Продвигайся вперед, оставляя раненых за собой, чтобы защитить их, пока кто-нибудь не придет и не поможет им.» А тут пулеметный огонь, и мы посреди поля. Всего-то нас трое осталось. Думаю: начинали мы впятером, те двое убиты... Я огляделся и вижу, что остался один! Вскочил и побежал назад (смеется). Таким был мой первый боевой опыт. Двое погибли, один был ранен. То есть, из пятерых двое остались целыми и невредимыми. Я подумал: «Плохи дела (смеется). Так мы долго не протянем.» Мы сражались против немецких парашютистов, а это были отлично обученные парни. Они были превосходно вооружены... Они успели повоевать в Африке, они побывали везде... У них были танки – у нас не было танков. У нас всего-то была одна база на взвод. Американские танки и истребители танков еще не высадились на побережье. У нас была артиллерия, но она еще не выдвинулась, была где-то далеко позади... В те дни в Нормандии нас, на самом деле, спасали [штурмовики] P-47, которых мы могли вызвать. У них [авиаторов] был парень-радиотехник, который мог вступать в контакт с летчиками или с кем-то, кто мог это сделать. Они передавали координаты [участков для нанесения ударов с воздуха]. У них были точные карты Нормандии, это было великое дело!

Расскажите о своем боевом опыте.

Хорошо... Мой первый опыт. Примерно через пару дней немцы атаковали нас, и на тот момент в обороне находилось только пять американских дивизий, а к немцам начали поступать подкрепления. Им приказали сбросить нас в море, поскольку они видели, что за нашей спиной высаживается все большее количество войск и что для них больше нет места. У нас был приказ любой ценой расширить плацдарм, но немцы пошли в атаку, и этот бой продолжался три дня. *[Билер говорит о сражении у города Бокудре/Beau Coudray, в котором принимал участие 357-й Полк с 5 по 11 июля].* Моя рота, Рота К, была в составе 3-м Батальоном. Всего в нем было 4 роты. Две роты, L и I, выдвинулись вперед, были отрезаны парашютистами и взяты в плен. Мы узнали об этом позднее, когда увидели на своем левом фланге немцев. Так нам пришлось растянуть свои силы по фронту – то есть,

одна целая рота и остатки еще двух растянулись, возможно, на полмили. Между стрелковыми ячейками было около 100 ярдов, по два парня в каждой... Мы отбили 14 контратак. В одной из них немцы, парашютисты, примкнули свои *парадные* хромированные штыки, черт знает, откуда они их взяли, с собой привезли или нет, но у них оказались эти шикарные штыки, которые сверкали. Это была атака при дневном свете. Они маршировали, где-то играла строевая музыка. Не знаю, был это оркестр или запись, полагаю, это была пластинка. Они бежали в нашу сторону, а мы стреляли до тех пор, пока у нас почти не кончились боеприпасы. В итоге, они повернули назад. Некоторые из них почти добежали до нашей [оборонительной] линии перед тем, как повернуть назад. Должно быть, мы убили половину из них. У нас были на исходе патроны, почти закончились пищевые рационы, и командующий дивизией вывел из резерва еще целый батальон. Наш первый генерал ни к черту не годился, о чем мы узнали позднее (смеется). Он управлял боем из окопа, расположенного в двух милях от передовой, почти на пляже, но, в итоге, бросил в бой парней, которые охраняли его штаб, и это спасло нас, выправило положение, и после этого мы пошли вперед и взяли Бокудре, находившийся в углу нашего сектора. Здесь у меня есть пара книг о нашей дивизии. В них говорится о том, что два других полка дивизии штурмовали высоту Фор де Мон-Кастр/Foret de Mont Castre, на которой располагался последний наблюдательный пункт немцев, с которого им был виден пляж. Его тоже обороняли парашютисты из 6-й Дивизии немцев. Трудно нам пришлось, но, в итоге, высота была взята. Немцы отступили, и у нас стало больше пространства, большее число войск вышло на передовую, и через пару недель была та большая коврая бомбардировка. Бомбили пространство перед нашими позициями, затем мы начали продвижение и увидели открытую, плоскую местность. До этого мы были в краю живых изгородей, но теперь, с вершины холма, перед нами открылась равнина, открытая для танков. Для живых изгородей они не годились. Дороги там были в понижениях, из которых и стрелять-то было невозможно.

Так или иначе, мы выбрались из края живых изгородей, затем была коврая бомбардировка, в ходе которой погиб генерал Макнэйр (Lesley J. McNair) и вся 30-я Дивизия. Вы слышали об этом? [Количество американцев, погибших в результате этой бомбардировки 25 июля 1944 г., исчислялось сотнями человек].

Да, в районе Сен-Ло. А кто-нибудь из 90-й угодил под нее?

Нет. Там, где падали бомбы, нас не было. Мы пошли в прорыв. В тот момент 90-я Дивизия была в подчинении, полагаю, у 7-го Корпуса 1-й Армии. После прорыва Паттон вступил в бой, и мы стали одной из первых дивизий в составе 3-й Армии. [90-я Дивизия, номинально относившаяся к 3-й Армии, находилась в подчинении у 7-го Корпуса 1-й Армии с момента высадки на плацдарме Юта/Utah с 6 по 19 июня. 19-го она была переведена в состав введенного в бой 7-го Корпуса 1-й Армии. 1 августа 1944 г. 90-я Дивизия была возвращена в состав 3-й Армии, где и оставалась, не считая краткого периода пребывания в составе 1-й Армии 17-25 августа.] Итак, мы двинулись на юг в сторону Ле-Мана/Le Mans.

Прежде чем перейти к рассказу об этой стадии боев: вы помните что-нибудь о боях в краю живых изгородей, о своих перемещениях?

Да. Ну мы не двигались, мы старались удержаться на месте (смеется.) Мы были в обороне большую часть времени, но потом, когда немецкие парашютисты отступили, мы пошли вперед. Мы контратаковали, потом что к тому времени к нам подошли подкрепления. Мы продвигались от одного огороженного участка к другому и несли тяжелые потери. 100% личного состава 90-й Дивизии перешло в разряд потерь до того, как мы выбрались из Нормандии, и держалась она только за счет подкреплений. В моем взводе из 40 человек к концу сражения [из первоначального состава] осталось, думаю, человек восемь.

Как часто к вам прибывали подкрепления?

Каждый день. Они приходили постоянно. Это было хорошо организовано, новый парень приходил, ты его встречал..., но, видите ли, в той ситуации сам не знаешь... Все, кого ты знаешь, это парень справа от тебя и парень и слева, все это в пределах пары сотен ярдов. Получая подкрепления, мы получали возможность разместить стрелковые ячейки поближе

друг к другу. Каждую ночь двое парней отправлялись в штаб роты, чтобы принести воду и боеприпасы, если не было атаки противника... Да, то сражение за Бокудре... Я почти уверен, оно длилось три дня и три ночи. Приходилось постоянно быть в бою. Не было времени перекусить. Пытаешься съесть шоколадку и сделать что-то, когда нет боя, но... И мы постоянно беспокоились о наличии боеприпасов – приходилось забирать патроны у раненых ребят, у убитых и продолжать бой. Оружие так нагревалось, что от стволов почти уже можно было прикуривать... Вы знаете, сражение за Бокудре было настолько ожесточенным, что в ночь после его окончания, когда мы, в конце концов, смогли отдохнуть, трое парней из нашей роты прострелили себе ступни. Мы слышали эти выстрелы из нашей ячейки, нам ничего не сказали об этом, но слух прошел. В армии слухи разлетаются быстро, это да (смеется). Я никогда не рассматривал этот вариант, потому что просто не хотел калечить себя. Думаю, это был выход для трусов, но были ребята, которые просто ломались - в какой-то момент кто-то из них говорил: «Я больше не могу» и начинал рыдать, всхлипывать и просто отказывался вылезать из окопа. Был у нас даже один лейтенант, который отказался вылезать из окопа. Мы его больше не увидели. Он ушел в штаб роты и... больше о нем не было слышно.

Как себя вели ваши офицеры, вообще, армейские власти по отношению к тем, у кого случался нервный срыв или подобные проблемы?

Ну, у нас был очень опытный взводный сержант в то время, техник-сержант (technical sergeant – временно присваиваемое звание в боевых условиях), который в конце сражения просто сказал: «Я должен уйти» и ушел на перевязочный пункт. Больше мы его не видели. Вроде, он вернулся месяца через два, продержался пару недель и опять пропал – ни разу не был подстрелен или ранен – просто не мог вынести все это психологически. Никто и никогда не говорил нам, что было дальше с такими людьми. Мы не знали, возвращали ли их в строй... Определенно, они не годились для службы в пехоте.

Как улучшалась тактика ведения боевых действий в краю живых изгородей?

Тактика развивалась в ходе боев. В конце концов, мы определили, что у немцев в каждом углу [огороженного участка] было по пулемету. То есть, насквозь не пройдешь, и мы решили пробивать свои входы-выходы, что было тяжелой работой, так как некоторые изгороди были по три фута в толщину. В них и валуны были, и все прочее, ну мы и рыли в обход их. Потом, в атаке, мы подтаскивали артиллерию как можно ближе к этим пулеметным гнездам. Между изгородами было до сотни ярдов, довольно короткое расстояние, чтобы использовать артиллерию, но эти парни свое дело знали отлично. Воздушные корректировщики артогня *Piper J-3 Cubs* были великолепны, они наводили огонь и делали это невероятно точно, а у немцев таких не было. В этом у нас была большая фора перед ними. Они как бы стреляли вслепую, да у нас и артиллерии было побольше, чем у немцев. У них было больше минометов, чем у нас, что любопытно. У них было просто огромное количество минометов, особенно у парашютистов: маленьких, 60-миллиметровых, по одному на каждых троих солдат, а у нас был один на каждых 25 или 40 человек. Стрелковые роты вообще не имели минометов: они были в минометных ротах, которые были позади нас...

А что было хуже: артиллерия или минометы?

Минометы были хуже [для нас]. Артиллерия создает много шума. Пару раз пушки клали снаряды совсем рядом со мной, но минометы разбрасывают свои снаряды вокруг тебя постоянно...

И что вы делали во время минометных обстрелов?

Вы должны просто залечь. Но вы не слышите, как прилетают мины – это опасная свойство минометного огня. Мина взлетает и падает, а вы ничего не слышите. Иногда их даже видно, днем, но не в темноте... В Нормандии у немцев было такое преимущество еще и потому, что все было пристреляно. Они точно знали расстояния. Мы находили карты, на которых все было помечено с точностью до ярда – просто поразительно, насколько основательно

они все приготовили, но позднее, когда мы обратили их в бегство, им это уже не помогало. Преимущество было уже у нас: они бежали, а мы гнались за ними.

Много ли было мин и ловушек (booby-traps)?

Да, особенно под Бокудре, где немцы пробыли год с половиной или пару лет, так что они действительно знали местность. Они знали, где находятся фермы, знали где цыплята (смеется). Они всех их забрали с собой: всех цыплят, но оставили скот, однако знали, где добыть молоко, где находятся колодцы и все такое. Они оставили множество ловушек, минировали трупы, знали, что *GI* любили брать сувениры. То есть, если ты видел, что где-то лежит *Luger*, в ящике или на столе, ты соображал: «Не бери его, вероятно, он заминирован.» Но некоторые ребята брали... Они [немцы] минировали и стрелковые ячейки. Ищешь ближайшее укрытие, но, если ты спрыгнул туда, тебе конец... Мины *Schu* были дрянным делом, потому что они взлетали вверх фута на три и взрывались, поэтому были очень опасными. [Билер путает мину *Schu 42*, имевшую деревянный корпус, с немецкой миной *S 35*, прозванной *Bouncing Betty*/Прыгающая Бетти]. Парни, естественно, боялись за свои интимные органы. Нормандия оказалась первым местом, где мы столкнулись с множеством ловушек, и еще так было позднее, когда мы вели городской бой недалеко от Меца/*Metz*. Но в открытой местности, когда мы гнали их через Францию, у них просто не было времени, чтобы расставлять ловушки.

Приходилось ли вам быть поблизости, когда кто-то нарывался на ловушку?

О, да. У меня было несколько близких друзей, которых ранило осколками после взрывов обычных мин или ловушек. У немцев были такие маленькие мины... когда они были зарыты, их невозможно было разглядеть. У них были деревянные корпуса, миноискатели их не брали. Но наши саперы отлично справлялись с большими минами, например, с противотанковыми и тому подобное...

Приходя в подразделение в качестве подкрепления, ощущали ли вы проблемы с встраиванием в него? Находился ли кто-то, кто относился к вам, новичку, предвзято?

Нет. Я довольно быстро пришел к выводу, что в боевой ситуации лучшими солдатами являются или охотники, или фермеры. Это были люди, привычные к полемому образу жизни. Городским парням приходилось очень тяжело. Дождь... «Идет дождь, что мне делать? У меня нет плаща.» - «И что? Ну, намокнешь» (смеется). А дожди шли часто. То лето во Франции было самым дождливым за сто лет, а у нас ничего не было. У нас было то, что было на нас, и мы не носили с собой плащи. Позднее, когда мы подошли к Парижу, некоторые из нас стали носить с собой половинки палаток, которые можно было использовать как накидку.

Ну и как вы находили свое место среди людей?

Прекрасно находил, как и большинство из приходивших к нам в качестве подкреплений. На ранней стадии [боев] у всех у них была базовая подготовка. Они знали как стрелять, как позаботиться о себе, и все управлялись (смеется). Опять же, все от человека зависит: у кого-то хорошо получается, у кого-то хуже (смеется), как и в жизни. Однако большинство людей понимало, что им нужно стараться изо всех сил, чтобы остаться в живых и не отставать от других...

Когда бои шли в краю живых изгородей, часто ли вам приходилось стрелять, не видя, где находится противник?

Да, много раз, потому что ... они [немцы] были мастерами маскировки. Поэтому я стрелял по всему, что движется. Иногда ты видишь только каску, или вспышку или еще что-то. Стреляешь по этому месту, но в тех местах было очень трудно найти хорошую цель. Поэтому и стреляли по всему тому, что двигается.

Пулеметчики 359-го Полка 90-й Дивизии ведут огонь по противнику

Может показаться, что вы были довольно близко к противнику, когда вели огонь.

Да, и тогда были некоторые парни, которые не хотели вести огонь из своего оружия. Был у нас один, который говорил: «У меня против него злости нет. Он в меня не стреляет, и я в него не буду.» Вот такая была у него философия, и едва ли он хоть раз выстрелил из своей винтовки, но был на передовой. В конце концов, когда деваться было уже некуда, он стрелял, но парень был не из тех, кто палил, не имея цели.

Первоначально вы вели бой небольшими группами. Получив подкрепления, перешли ли вы к ведению боя силами полного отделения?

В Нормандии мы никогда не были укомплектованы людьми больше, чем наполовину. Приходили подкрепления, но и люди продолжали получать ранения или погибать.

Глядя на раненых, что вы думали о причинах этого: это результат обычного боя, или они сами сделали что-то не так?

Нет, почти все это было результатом боя.

Было ли так, что новичок допускал ошибку, тогда как ветеран ее не сделал бы? Я знаю, Стивен Эмброуз много писал о приходивших с подкреплениями (речь идет о книге *The VICTORS: Eisenhower and His Boys: The Men of World War II*. By Stephen Ambrose. 1998).

Ну что ж... Самым опасным временем было то, когда новичок впервые оказывался на передовой, потому что он проявлял любопытство. Ему хочется что-то разглядеть: «Мне нужно подняться. Хочу подняться и оглядеться.» - Ему говоришь: «Не делай этого. Высунешь голову выше этой стены, кто-нибудь тебя подстрелит, потому что они [немцы] постоянно на чеку, потому что у них в деревьях и повсюду попрятались снайперы.» Это непросто запомнить, и какой-нибудь парень вдруг решает: «Мне надо оправиться, так что пойду-ка я туда» на открытое пространство. Не делай этого, потому что они тебя подстрелят! Кто-то как-то сказал: «Если новичок останется в живых в первые три дня, у него есть хороший шанс протянуть несколько месяцев или год», но страшно много из них сделали что-то глупое.

Вы абсолютно правы, когда [новички] приходят на передовую, они не понимают, что вся их жизнь изменилась. Теперь ты постоянно должен думать о том, что произойдет, если ты сделаешь то или это, и о курении тоже должен думать. Многие парни были заядлыми курильщиками и настаивали на том, чтобы можно было курить ночью... Полагаю, я знал

10-12 человек, которые были убиты, потому что курили ночью. Я-то всегда искал себе некурящих напарников по стрелковой ячейке.

Вы начинаете крепко дружить с парнем, находящимся в вашей стрелковой ячейке?

Да.

Хотели бы вы быть рядом с одним и тем же парнем как можно дольше?

Да, конечно. У меня был один и тот же напарник, пока меня не ранило, и мне очень повезло с ним. Это был головастый малый – шпана из Детройта (смеется). Очень, очень умный парень, он не курил и не трепался без нужды. Ту такое дело... Немцы посылали по ночам передовые патрули, которые старались точно определить наше местоположение. Поэтому по ночам мы много не говорили. Один из нас обычно спал. Это просто становится привычкой: два часа спишь, два часа бодрствуешь. Бик Нелл (Bic Nell) был моим напарником по окопу, и он ни разу не заснул, когда спал я, и наоборот. С другими это случалось, и это было совсем никуда. Когда человек находится на посту, он не должен спать, потому что от него зависит жизнь других. Расскажу вам одну историю. Мы переправились через реку Мозель/Moselle. Один парень из нашего взвода вечно спал, спал и тогда, когда был на посту. Нам приказали отойти и вернуться назад: мы оказались на немецкой стороне сами по себе. И ту все мы сказали вот что: «Что ж, если Джо будет спать, когда мы будем переправляться обратно, никто его будить не будет.» Так и случилось. Его просто оставили. Убили его, или он попал в плен – никого это не беспокоило, поскольку толку от него не было: такова жизнь. Ты должен полагаться на людей, с которыми ты рядом, или проку тебе от них нет никакого. [В истории 357-го Полка нет упоминаний о переправе через реку Мозель и [последующий] отход. Билер, возможно, говорит о том, как его часть заняла городок Уканж/Uckange во Франции 12 сентября 1944 г., когда 90-я Дивизия попала под сильный артобстрел на с восточного берега реки Мозель в тот момент, когда готовилась к переправе. Дивизия ... получила приказ отступить и оставить город...]

От многих ветеранов я слышал такое: ты сражаешься за людей, которые находятся рядом с тобой.

Это так. Ты зависишь от них, а они зависят от тебя. Так и есть...

Давайте вернемся к моменту прорыва обороны немцев. Не могли бы вы рассказать еще что-нибудь о самой операции, о том дне, когда имел место бомбовый удар, о том, как вы наступали?

Хорошо. Мы видели самолеты – сначала появились тяжелые бомбардировщики. Скажу вам, сами они были в безопасности – на высоте в шесть миль (смеется), но у них были точные прицелы, и первая их волна нанесла противнику большой урон. Немецкие зенитчики сбили один или два самолета из первой волны. Наши самолеты-корректировщики определили, откуда немцы ведут огонь, 5 или 6 артиллерийских батарей открыли огонь по позициям этих зенитчиков и уничтожили их. После этого немцы не выстрелили ни разу, потому что знали, что их разнесут в пух и прах. На американской стороне было такое количество артиллерии... У нас было, вероятно, в два раза больше пушек, чем у немцев. Затем и произошел прорыв. Мы не были в первой волне наступавших – мы были во второй, которая пошла в другом направлении... Мы двинулись на юг вместо того, чтобы наступать на запад в направлении Ле-Мана. Мы входили в специальную боевую группу, в которой были танковые войска. В бой пошла 5-я Танковая Дивизия, за ней 90-я Пехотная, но я не знаю, была ли с нами 5-я [Танковая Дивизия]. Думаю, мы были в составе 12-го Корпуса в тот момент. То есть, примерно три дивизии – одна танковая и две пехотные (не помню номер другой дивизии) двинулись на Ле-Ман, а 79-я Пехотная – часть армии Паттона, двинулась в обход Ле-Мана. [Ле-Ман был освобожден 8 августа 1944 г. 15-м Корпусом, в который входили 90-я и 79-я пехотные дивизии и 5-я танковая Дивизия.] Предполагалось, что мы сомкнемся с ними в центре города. В 79-й Дивизии не знали, что мы – свои, и начали палить по нам. Ну, мы окопались и тихонько пересидели это, не отвечая на огонь... В итоге, до них дошло, кто мы.

Мы продолжили продвижение. 90-я Дивизия была частью небольшой боевой группы, с нами в тот момент была 2-я Танковая Дивизия французов, которая была действительно превосходной боевой частью. Это были, в основном, парни из *Иностранного Легиона*, которых вооружила Америка. У них были американские танки и все остальное. Эти ребята были вечно чем-то заняты (смеется). По ночам их не было видно. Он где-то проводили время со своими французскими друзьями (смеется), а еще они прославились дурной привычкой разжигать по ночам большие костры, по которым любили стрелять немцы... В конце концов, Паттон приказал им завязывать с этим. Это было тогда, когда мы двинулись на север от Ле-Мана в Шамбуа/Chambois. Мы замкнули Фалезский котел. [Бои в окрестностях Фалезского котла имели место между 12 и 21 августа 1944 г. Планировалось, что 3-я Армия Паттона захвати город Аржантан/Argentan, что она сделала 13 августа, а 1-я Армия канадцев возьмет Falaise/Фалез. Тем не менее, боязнь того, что союзные войска попадут под огонь своих, вынудила англо-американское командование остановить наступление канадцев, что позволило значительной части отступавшей немецкой группировки выскользнуть из котла, хотя они и понесли тяжелые потери.]

Насколько упорным было сопротивление противника в период между прорывом и боями у Фалезского котла?

Дело было так. Немцы оставляли заслоны на дорогах. Они были мастерами отступления. Они отступали, но блокировали дороги парой танков и, может быть, ротой пехотинцев и несколькими пулеметными гнездами. После пары выстрелов и очередей они отступали, но часть пехотинцев оставалась, открывая огонь по любому, попавшему им на глаза. Так нам приходилось обходить их, находить другой путь. Они замедляли наше продвижение, но мы все время шли вперед, хотя постоянно несли потери...

Вы были ранены на начальном этапе боев...

Да, близ Меца.

Было еще одно ранение?

Было легкое ранение. Я получил осколок в коленку... в Нормандии, в начале боев, но это случилось в сражении за Бокудре, и никто не зарегистрировал его (смеется). У нас в роте был санитар, и он сказал: «Ничего серьезного. Тебя не отправят [в тыл].» Он вытащил осколок щипцами, и все потом заросло само. Он еще сказал: «Нет времени, чтобы писать о представлении к *Пурпурному Сердцу* (медаль, которую вручали получившим ранения).» Позднее он был убит, не осталось свидетелей...

Приходилось ли вам в тот период времени перемещаться на танковой броне?

О, да, время от времени. Танки были с нами, мы маршировали и ехали настолько быстро, насколько это было возможно. Иногда мы продвигались на грузовиках. Мы старались наступать как можно энергичнее, потому что в тот момент немцы были крайне дезорганизованы.

Когда мы прорвали оборону немцев, перед нами оказалось всего лишь несколько немецких постов, и несколько раз нам удавалось захватывать деревни или города. В тех местах мы взяли множество пленных, потому что некоторые немцы из тыловых частей не хотели сражаться. Многие из них были из интендантских или хозяйственных частей, или это были те, кто говорил: «Я – не боец. Я – не пехотинец. Я не воюю.» Попадали к нам русские и венгры – это те, которых я помню, и среди них были целые группы людей, которых немцы загнали к себе в армию и которые не были настроены воевать. Они с готовностью использовали возможность сдаться в плен, где это только было возможно, и многие из них даже не говорили по-немецки... Даже не знаю, как немцы умудрялись заставлять их что-то делать (смеется).

А в Нормандии вы брали пленных?

Немного. Не могу и вспомнить – нет, мы не брали пленных в Нормандии, потому что нам некуда их было девать, и парашютисты тоже не брали пленных... впервые мы начали брать пленных после прорыва.

Итак, вы говорили, что основной формой оборонительного боя были заслоны на дорогах?

Да... натыкаешься на город, а немцы занимали все мало-мальски значимые города и деревни – они сражаются, обороняя его, а иногда просто сдаются. Когда немцы видели танки и наступающие крупные части, они не проявляли такого уж фанатизма. Эсэсовцы вели себя по-другому, и, если мы натыкались на группы парней из SS, те дрались всегда. Однако эсэсовцы сражались на передовой, и на небольших оборонительных позициях в глубине их не было. То есть, перед нами были тыловые части и тому подобное, и большая их часть не была серьезным оппонентом...

Помните ли вы бой за какой-либо из этих городов, где вам оказали какое-то сопротивление?

Да. Самый первый город – Аржантан ... Авранш/Avranches был одним из первых. Мы были первыми американцами, которых увидели [местные]. В городе было пятнадцать, может, двадцать тысяч жителей, и во время оккупации немцы обращались с ними очень плохо. В этом городе французские девушки стояли в линию [вдоль улиц], и все они хотели пожать руку каждому проходившему мимо американцу...

Немцы были обращены в бегство, но силы *Свободной Франции* не были слишком активны в этих краях, но, когда стали подходить с севера к Парижу, *Свободные Французы* нам очень помогали.

Что вы помните о боях в окрестностях Фалезского котла?

Это была просто пальба, почти как на полигоне. Мы расположились на высотах, в долине было полно немцев. Они пытались прятаться в перелесках, но, в общем, просто стремились вырваться, и единственный путь лежал между нами и британцами. Нам говорили, что британцы собираются запечатать выход из котла. У нас был приказ не продвигаться дальше Шамбуа. Паттон поддержал нашу дивизию восемнадцатью артиллерийскими батареями. Все это оказалось в распоряжение генерала, командовавшего нашей дивизионной артиллерией. Немцы даже не пытались вести ответный огонь: они просто пытались убежать... Немецкая пехота, пытавшаяся атаковать нас, сделать не могла ничего. У нас были потери, но мы взяли огромное количество пленных и уложили, по меньшей мере, десять тысяч человек в этом сражении... Около 50 000 пленных, трудно поверить. Мы не знали, что делать с этими пленными...

В итоге, те, с кем мы встретились, оказались поляками, а не британцами. Это была польская бригада, воевавшая на стороне британцев. Британцы всегда любили бросить в бой кого-нибудь еще вместо себя (смеется). То, что было дальше, - захватывающая история. У них [поляков] не осталось боеприпасов. Один из наших капитанов спросил: «Ну, и что вы сделали со всеми своими боеприпасами?» - «Мы их израсходовали.» - «Это как? Зачем вы передаете мне сотни своих пленных?» - «Мы не можем перестрелять их.» - «Но вы не можете стрелять в военнопленных.» - «Само собой, можем. Этим мы и занимались, да вот патроны кончились...» Капитан говорит им: «Согласно правилам ведения военных действий, вы не имеете права убивать военнопленных.» - «Они убивали моих соотечественников, а я убиваю их.» Поляки прошли через тяжелые времена. Действительно, так было. Немцы метелили их годами. Теперь в это трудно поверить...

Солдаты 9-й Дивизии в Шамбуа

Каково это, когда вас атакует пехота, когда вы видите противника, приближающегося к вам? Один раз вы это пережили: штыковую атаку врага...

Ну, это было почти [безопасно]... У нас были глубокие стрелковые ячейки, пулеметы, и мы хорошо подготовились – у нас были превосходные оборонительные позиции. Наши пулеметы вели фланкирующий огонь, их сектора обстрела пересекались... и, пока строй противника не рассыпался, мы были в безопасности. Местами небольшие группы крутых парней, может, парашютистов или эсэсовцев, прорывались к нам, и нам приходилось брать их в кольцо, убивать или брать в плен, но, в большинстве случаев, это было как на стрельбище. Боеприпасов у нас было сколько угодно...

Люди не представляют себе... и мы до поры не знали, что немцы используют лошадей, и в таком количестве. Почти все их припасы доставлялись [на передовую] на конной тяге, а у нас все было на грузовиках. У немцев не было 2.5-тонных грузовиков, как у нас – это было наше секретное оружие. У нас их были тысячи, они были шестиколесными, они могли выбраться из любой грязи в большинстве случаев... Весь этот... Фалезский котел был ужасен, но, знаете, мы были счастливы тем, что делали свое дело и удерживали позиции, тогда как Паттон забрал остальную часть 3-й Армии и пошел на Париж. Он оставил нас - 90-ю Дивизию и 2-ю Танковую Дивизию французов удерживать окраину котла.

После стольких месяцев боев, не были ли у вас такого ощущения, что вы перестали что-либо чувствовать по отношению к окружающему?

Было. Привыкаешь к тому, что видишь трупы, привыкаешь видеть людей, которым больно, у которых страшные раны. Это немного задевает тебя, но чувства притупляются, знаете.

Когда вы были во Франции, была ли немецкая авиация проблемой хоть иногда? Бывало, что они атаковали вас?

Они обстреливали нас раза четыре, но их самолеты были настолько быстрыми... Знаете, в голливудских фильмах бывают моменты, когда пули [падают в землю] через каждую пару футов. [На самом деле] они попадают в землю через каждую сотню ярдов, поскольку немецкие самолеты были очень, очень скоростными. Они были совсем слабы, вообще никакие, обстреливая нас воздуха, тогда как наши P-47 могли сбавлять скорость – это был истребитель-бомбардировщик, и он был смертельно опасным для немцев... и на немецких

самолетах не было пулеметов 50-го калибра. У них были пулеметы 30-го калибра. Большая разница. Пуля 50-го калибра гораздо быстрее и мощнее. Еще P-47 несли 500-фунтовую бомбу и могли заставить танк взлететь на воздух. Они были очень, очень точны...

Немецкая авиация не оказывала поддержки пехоте. Она появлялась от случая к случаю...

А что немецкая бронетехника? Случалось ли так, что вас атаковали немецкие танки?

О, да, много раз (смеется). Да, их танки были грозной силой... У них были 88-миллиметровые пушки, снаряды которых обладали очень большой мощностью и летели с такой скоростью, что вы не слышали их приближения. Как-то раз я попал под обстрел, когда мы продвигались к Ле-Ману. Мы уткнулись в немецкий заслон на дороге. Залегли на обочине. Снаряд немецкого танка угодил в полотно дороги напротив нас – наверное, это было в 40-50 футах от меня, но этого было достаточно, чтобы меня приподняло над землей и шмякнуло об нее так, что я просто оглох. Мои слуховые нервы были повреждены, и я по сей день не слышу, когда со мной говорят на высокой частоте, не слышу звука скрипки или пение птиц... У немцев не было такого количества танков, как у нас, но те, что были у них, были больше и мощнее и, кроме того, были намного более шумными. На колесах их гусениц не было резинового банджа, и было хорошо слышно [издалека], как они гремели. Для опытного пехотинца танк не является большой проблемой, если у тебя есть возможность двигаться. Если ты можешь быть в движении, ты можешь уйти из его поля зрения. Если люки задраены, когда вы ведете по нему достаточно плотный огонь, вынуждая танкиста нырнуть в башню, они пользуются этими маленькими перископами. Из них видно очень немного, и танк становится уязвимым с флангов и с тыла...

Пытались ли вы атаковать немецкий танк в одиночку, вызывали P-47 или дожидались своих танков?

Да, P-47 в основном-то и спасали нас от [вражеских] танков. От базук было мало толку, разве что, можно было попасть по звездочке. Единственный способ поразить немецкий танк из базуки – повредить звездочки или колеса, вращающие ее – в этом случае танк обездвижен. Когда он встал, танкисты пытаются выбраться из него, и иногда нам удавалось поймать их [под прицел], когда он выползали наружу. Обычно у них были только автоматы, которые в быстром темпе выпускали множество пуль, но точностью они не отличались. Против винтовки особенно не повоюешь, однако танкисты были одними из самих крепких немецких бойцов. Это было особенное племя, примерно, как эсэсовцы или парашютисты. Это были элитные бойцы.

А вы сами стреляли из базуки, или для этого имелись отдельные группы солдат?

Ни разу не стрелял из нее в бою, только во время обучения. Были группы ребят с базаками, но у нас была одна на отделение. В большинстве случаев ее было не найти. Когда мы вступали в уличный бой, их куда-то убирали. Знаете, когда мы вырвались из Нормандии, мы просто преследовали противника, пока у нас под Реймсом/Reims не кончился бензин. Они нас не атаковали, разве что стреляли из-за заслонов на дорогах. Это был довольно легкий период войны...

Итак, после Фалезского котла вы остались бок о бок со 2-й Танковой Дивизией французов?

Да.

Что произошло потом?

После того, как котел был закрыт и взяли всех пленных, мы двинулись форсированным маршем на соединение с остальными частями 3-й Армии. Часть пути мы проехали в грузовиках. Мы прошли сотню миль за два или три дня и были в движении днем и ночью. В Реймсе мы догнали другие части 3-й Армии, и там пришлось ждать, потому что кончился бензин. Там было около 5 дивизий – в 50 милях впереди всей остальной американской армии. Паттон хотел двигаться дальше. [Реймс был занят американцами 29 августа 1944 г., и проблемы со снабжением вынудили армию Паттона оставаться на месте до второй

недели сентября.] Он говорил: «Если я смогу двинуться дальше, а вы будете снабжать меня, я дойду до Берлина» (смеется). Вероятно, он смог бы. Досадно, что ему не дали пересечь *Линию Зигфрида*: мы могли просто промаршировать через нее. У немцев на *Линии Зигфрида* не было войск в то время, но у нас не было бензина, и Реймс был прекрасным местом, чтобы остаться в нем без бензина. Мы пили – каждому из нас была выдана бутылка шампанского. До этого я никогда не пил шампанского. Я выпил свою бутылку в первую же ночь и проснулся утром сильно помятым. Тут случился минометный обстрел, и меня помяло еще сильнее (смеется). Потом нам стали продавать шампанское по 25 центов за бутылку... ну, мы продолжили. Мы пробыли там, думаю, около недели, пока не прибыл бензин и не подошли остальные войска. Вы знаете, им пришлось устроить большое шоу с прохождением через Париж... Ну а Реймс находится к северу от Парижа, и, начиная с него, немцы снова [вступили в бой]. Они перегруппировались, у них было на это время.

Я видел в ваших заметках цитату из книги, написанной одним из штабных офицеров Паттона, где говорилось о том, что вы пронеслись там, где прошла Первая Мировая война.

Да, это правда.

То, что у них заняло 4 года, у вас заняло всего неделю или вроде того.

Да. Наша дивизия переправилась через Marne/Марну, через Эну/Aisne, что еще?.. Через Вель/Vesle и вступила в Верден/Verdun через два дня. Потом мы взяли Мец, и там нам пришлось вновь вести городской бой. В городе Мезьёр-ле-Мец/Maizières-les-Metz я был ранен, это был ключевой узел обороны для *Линии Зигфрида*. Это был укрепленный город с немецкими окопами и огневыми точками всюду и везде: в домах и подвалах. Я был ранен во время второй атаки на мэрию города. Четверо или пятеро из нас атаковали это здание. Мы не знали, сколько там у немцев людей. Думали, там где-то взвод, а оказалось – целый батальон. Мы пробежали через открытое пространство и ворвались в здание, убив пару немцев, но дальше не прошли, потому что у них в каждом коридоре были пулеметы. Мы сказали друг другу: «Нам нужно выбираться отсюда. Так дело не пойдет.» Мы вернулись к себе в роту, а нам и говорят: «Хорошо, парни, вы теперь стали экспертами, завтра пойдете назад, но с бóльшим числом людей.» Во второй раз в атаку послали взвод. Опять совершенно недостаточно людей, и с пулеметами мы не справились. Мы говорили командирам, что нужна база, или лучше подтащить противотанковую пушку для обстрела пулеметных гнезд, но нас не послушали. Такая вот проблема: иногда твои слова до других не доходят. Это была почти самоубийственная атака, и когда мы перебежали через то же пространство, зацепило мою левую руку. Я бежал с ручным пулеметом *Браунинг/Browning* в тот самый момент. Ну, кровь сочится из руки, говорю остальным, что мне нужно возвращаться, там был еще один парень ранен. Остальные ребята и взвода продолжили атаку и ворвались в здание, и это все, что я знаю. Я вернулся, ротный санитар позаботился обо мне и втором парне. У нас у всех были пакеты первой помощи с...

Морфием...

Да, с большим мотком бинта и сульфадиазиновым порошком. Мы посыпали им раны. У немцев ничего этого не было, они даже забирали пакеты первой помощи у убитых американцев. Итак, я оказался в госпитале, где мне сделали операцию...

... Меня и еще пару парней отправили в парижский госпиталь, где мне сделали еще одну операцию. Затем меня посадили на поезд, идущий в Гавр, откуда я на госпитальном судне отбыл в Англию... Та пуля задела мускул, но прошла мимо кости. Мне очень, очень повезло. Сразу несколько врачей сказали, что «лучшего просто не могло произойти». Эта рана предотвратила мое участие в *Сражении за Выступ*. В том госпитале меня продержали около месяца, где рана зажила. Оттуда нас отправили в другой госпиталь гораздо меньшего размера в городе Кармартен/Carmarthen, в Уэльсе... Тогда-то и началось *Сражение за Выступ*. Какой-то умник вычислил, что обстрелянных пехотинцев проще всего найти в госпиталях (смеется). Поэтому-то [комиссии] стали ходить по госпиталям и отбирать тех, у кого в день визита не было кровотечения и у кого был *Значок Боевого Пехотинца/Combat Infantryman's Badge*... Однако к тому времени, когда я вернулся в 90-ю

Дивизию, *Сражение за Выступ* уже закончилось. Мы уже были на окраине Франкфурта. Знаете, подъезжаешь все ближе к линии фронта, снова слышишь грохот артиллерии. Мне этот звук совсем не понравился (смеется), я и заметил: «Не думаю, что мне это нравится.» Мы прибыли в штаб дивизии, и какой-то офицер спросил: «Кто-нибудь здесь может говорить по-немецки?» Несколько парней из нас сказали: «Да, мы можем.» Он и говорит: «Хорошо, ребята, вы будете служить в Военной Полиции (*MP – Military Police*).» Так я и прослужил все оставшееся до конца время во взводе Военной Полиции 90-й Дивизии. Наша группа из трех человек оказалась в *Отделе по Контролю за Гражданскими Делами/Civilian Control Department*. У нас был джип, был пулемет. Когда наши войска занимали деревню или город, мы следовали сразу же за пехотой и далее старались поддерживать порядок до той поры, пока это не возьмет в свои руки военная администрация. Это могло продолжаться от пары дней до пары недель. Самым большим из них был Хоф (*Hof – город на границе с Чехословакией*). Думаю, в нем было около двухсот тысяч жителей, и всем городом управляли трое *GI* (смеется). Это было место, где один из нас постоянно бодрствовал. Мы сняли с нашего джипа глушитель и гоняли на нем по городу. Предполагалось, что в нем будет установлен комендантский час: у местных жителей в домах не должно было быть никакого света после 10 часов вечера. Паттон придерживался этих правил и говорил: «Немцы любят правила. Они ждут от нас распоряжений – мы дадим им распоряжения. Каждый, проживающий на восточной стороне улицы, будет мыть тротуары по понедельникам, средам и пятницам, а на противоположной стороне улицы – по остальным дням недели». Мы слышали, как немцы говорили между собой: «Ребята, да эти американцы действительно очень хорошо организованы» (смеется). Им это нравилось. Позднее, когда война закончилась, мы стали выдавать им пропуска, разрешающие ездить в другие города.

90-я Дивизия оказалась первой, вошедшей в Чехословакию, и там все было по-другому. Положение в Чехословакии было вполне благополучным. В магазинах были товары, вообще, их положение было далеко не таким плохим по сравнению с ситуацией у немцев. Это была в большей степени аграрная страна, и особенно тяжелых боев там не было.

Вы писали, что ваша дивизия освобождала концентрационные лагеря. Военная Полиция в этом участвовала?

Флоссенбург/Flossenbourg?

Да.

Я этого не видел, но части дивизии освободили лагерь Флоссенбург [358-й и 359-й пехотные полки 90-й Дивизии освободили Флоссенбург 23 апреля 1945 г.]. Это был концлагерь для политзаключенных. Там было не так много евреев, были политические, много лютеранских священников, смутьянов или тех, кого Гитлер считал таковыми...

Билер зачитывает фрагмент из книги Стивена Эмброуза:

Потери нашей пехоты превысили 250%. [К концу войны] не осталось ни одного ротного командира из тех, кто покинул вместе с нами Англию, и осталась только с полдесятка офицеров во всем полку из числа тех, кто высаживался на пляж Юта [данное высказывание принадлежит подполковнику Кену Раймерсу из 375-го Полка].

90-я Дивизия была в боях 308 дней – это рекорд для европейского ТВД. Грустной стороной этой истории является то, что Монтгомери постоянно требовал контроля над американскими войсками. Некоторые из лучших дивизий 1-й Армии, такие как 1-я и 2-я танковые дивизии, были под подчинены британцам, а он так и не стал сражаться. Он не воевал. Он любил отступать и перегруппировываться - это была его тактика (смеется). В фильме 1970-го года *Patton*, который, вообще-то, был довольно правдивым, была сцена, в которой генерал-лейтенант британских BBC (*Air Marshall*) говорит Паттону: «Не считаете ли вы, что вам нужно отступить и перегруппироваться?», на что Паттон ответил: «Нет, мои люди не знают, как это делать, а я не хочу их учить этому» (смеется). Вся эта ситуация с *Выступом* – если бы они дрались так, как Паттон, всего это не случилось бы. Вы слышали о 106-й Пехотной Дивизии?

Да.

Они оказались не в том месте, когда началось *Сражение за Выступ*, и были полностью уничтожены, почти полностью, или просто драпали и сдавались. Армия не стала восстанавливать дивизию [под этим номером], потому что сочли этот номер несчастливым. Когда свежая дивизия вошла в состав 3-й Армии, Паттон перемешал ее парней с людьми из других дивизий, стал посылать их на рекогносцировку, и они научились делать свое дело, приобретая опыт. А в 1-й Армии новичков сразу бросили на передовую, что было настоящим преступлением, как я полагаю...

Звучит так, будто вы очень высокого мнения о Паттоне...

О, да. Я лично видел его, по меньшей мере, трижды, очень близко. Это был всем солдатам солдат... Первый раз дело было в Ле-Мане. Он раскатывал на своем большом и крутом джипе и любил поговорить с солдатами. Еще раз дело было так: он вышел из своего джипа и проехался с нами какое-то время, спрашивая: «Все ли вы получаете, ребята, из того, что вам необходимо?» и говоря: «Вы – хорошие солдаты. Двигайтесь вперед. Двигайтесь так быстро, как только можете, потому что чем быстрее вы наступаете, тем лучше для вас» - это была его теория, и, я думаю, она работала. В третий раз это была его речь для 90-й [Дивизии] после того, как война закончилась.

Паттон общается со своими солдатами

Что вы думаете о своих офицерах, младших офицерах, тех, кто вел вас в бой?

Большинство офицеров моей части, с которыми я был в контакте, были отличными парнями. 90-я Дивизия была знаменита тем, что первые двое или трое, или, по меньшей мере, двое [возглавлявших ее] генералов никуда не годились. Дивизия проходила подготовку с одним, затем, прямо перед тем, как мы отправились за океан, он получил повышение. Назначили кого-то другого, и он был никудышным. Второй – то же самое, а затем пришел Эрнест (Earnest), который был первоклассным. Всего у нас во время войны было пятеро командиров, и трое из них, толковые, были переброшены командовать корпусами.

Сувениры... я привез домой довольно много. У моего сына множество кортиков, еще я подарил ему два красивых ружья 22-го калибра – *Вальтер/Walther* и *Маузер/Mauser*, оба охотничьи. Немцы производили великолепное оружие.

Я знаю, что многие G.I. посылали домой оружие и привозили его с собой. Все и всегда хотели заполучить *Luger*.

О, да. Все хотели *Luger*. У меня их было много, пару я продал, когда учился в колледже, потому что нуждался в деньгах (смеется), но те два ружья я сохранил, потому что они были красивыми.

Когда вы вернулись домой из Европы?

Так... 30 декабря я был демобилизован. Возвращался я вместе со штабом дивизии. Мы проехали на джипах через всю восточную Германию и добрались до Марселя. Дальше на пароходе *Mariposa*. 30 декабря я был демобилизован из лагеря Форт Монмут/Fort Monmouth. Всего я провел в армии два года, шесть месяцев и один день, из них почти два года за океаном.

Что больше всего запомнилось вам о времени оккупации и о взаимоотношениях с немцами?

Были мы как-то раз в патруле – частью моих обязанностей было патрулирование второстепенных дорог, по которым бродило много немецких солдат и особенно эсэсовцев. Командование не беспокоилось особенно об обычных солдатах, но что касается эсэсовцев... их содержали в специальных лагерях, и охраняли их боевые части. Как-то раз едем по дороге и натываемся на троих парней, идущих по дороге, и тут один из них побежал. Двое других остались на месте, мы их взяли в плен, а по третьему парню я пару раз выстрелил, но он продолжал бежать по открытому полю, и я не захотел гнаться за ним. Парень, который был со мной вместе, был новичком, и я не стал оставлять его одного с двумя пленными. Эти двое оказались эсэсовцами, и их отправили в лагерь.

Это было уже после капитуляции немцев, когда вы взяли тех двух эсэсовцев?

Да, после. Через месяц или два.

У меня еще есть пара вопросов. Вы рассказывали про тот бой, когда вас ранило в Меце. На какой день боев за город это произошло?

На второй. Вечером того же дня в госпитале оказалось еще несколько наших парней, и они рассказали, что командование, в итоге, бросило в бой [за здание мэрии] весь батальон, 3-й, и они взяли здание, которое оставалось последним пунктом сопротивления в Мезьер-ле-Меце. Однако до этого тяжелая артиллерия разнесла его на куски, а потом уже послали в бой батальон. Ну смешно ведь: сначала бросили в атаку четверых ребят, а потом тысячу человек. Неприятное это дело – бои в городе. Я бы предпочел драться в сельской местности, как было в Нормандии... Так мало пространства, а из любого окна может выстрелить снайпер.

Вы можете это сказать даже про маленькие городки, в которые вы входили, наступая через Францию?

Да-да... [вражеские] пули отскакивают от кирпичных стен, от бетона. Рикошеты – это ужасно. Пули крутятся и наносят страшные раны...

Когда вы переправлялись через реки, Мёз/Meuse и Марну, оказывал ли противник сопротивление?

Да нет, иногда было что-то на мостах, но силы *Свободной Франции* помогали нам. Когда мы переправлялись через реки, французы уже контролировали эти участки местности. Немцы оставляли небольшие отряды на мостах через эти реки – предполагалось, что они взорвут их при приближении американцев. Однако французы успевали перебить немцев и перерезать проволоку, так что у нас был свободный проезд по этим мостам.

Нам приходилось видеть старые, просто древние воронки от снарядов времен Первой Мировой войны, заросшие травой и кустарником. Тогда это было сумасшествием - так воевать: сидеть в траншеях, потом вылезать в них и идти на пулеметы...

Поскольку вы говорили по-немецки, вам доводилось общаться с немцами во время оккупации?

Да.

И как это происходило?

Все было прекрасно. Немцы любят порядок, а оккупация привнесла порядок, в особенности там, где были войска Паттона. Первые одну или две недели немцам был нужен пропуск, который выдавала Военная Полиция. Мы заняли офис бургомистра и заполучили городскую печать. Скажу я вам, это имело силу... С этой печатью можно было реквизировать все, что угодно (смеется). Ну, мы ставили печати на пропуска первую неделю, а потом он [Паттон] сказал: «Им не нужен пропуск для того, чтобы навестить родственников.» Немцы были в восторге, потому что не понимали, зачем это [ограничение] понадобилось... Немцы любят, когда все идет гладко.

Приходилось ли вам арестовывать членов [нацистской] партии?

Нет, этим занимались военные власти. Некоторых из них посадили в тюрьму, если это были важные птицы, но мы этим не занимались. Мы только занимались проверками (смеется) – временные надзиратели, можно сказать...

Был ли у немцев вид побежденных?

Да. Они устали от войны. Жалким зрелищем было то, что вокруг было много людей без руки или ноги. В немецкой армии руки и ноги ампутировали, не моргнув глазом, потому что у них не было медикаментов. У них не было антибиотиков, не было пенициллина, не было времени на толковые хирургические операции. Печальное зрелище. Столько людей, которые в некоторых случаях теряли руки или ноги без необходимости...

Время от времени мы сталкивались с каким-нибудь недовольным немецким ветераном, который считал, что оккупанты не обращаются с ним подобающим образом. Такие говорили: «Я не сдавался в плен. Я – победитель». – «Нет, это не так (смеется). Ты стоишь здесь, а мы – здесь, и мы здесь командуем». Иногда приходилось вколачивать это в немцев, а это народ агрессивный.

Вот что забавно – я вновь поехал в Германию в 1947-м, летом. Сначала мы были в Голландии, попутешествовали немного. В Германии нам останавливаться было запрещено. Мы проехали по ней в Швейцарию. Когда мы подъехали к германской границе, немецкие пограничники вели себя заносчиво, знаете ли: «Вы должны сделать то, должны сделать это». Я немного говорил по-немецки и сказал им: «Угомонитесь. Вы, на самом деле, здесь не командуете», поскольку в Германии все еще стояли оккупационные войска... Однако, немцам уже начали давать возможность вести дела в чем-то по-своему.

Как, по-вашему, оккупационные войска вели себя по отношению к немцам – речь не о политике, а об отношениях между отдельными людьми?

Думаю, очень хорошо. Вот что интересно – начинаю с кем-нибудь разговаривать, они говорят: «Ваша фамилия Билер. Вы – немец». Я говорю: «Нет, я американец, мои родители – немцы». - «Ну вы наполовину американец, а наполовину немец» (смеется). Им это облегчало общение... Им это нравилось, но, в целом, немцы очень, очень сильно устали от войны, от того, что она тянулась так долго. Им нечего было есть, не было бензина, было совсем немного радостей жизни, в магазинах было пусто, а у *GI* были сигареты, а сигареты были деньгами.

А как было с алкоголем?

Все немцы пьют пиво, и хорошо держатся при этом... Они не перебирают. В то время было мало крепкой выпивки, и с этим у *GI* была проблема. Многие из нас привыкли к 3.2-градусному пиву, слабенькому пиву, которое продавалось в *post exchanges* (*PX* – *армейские почтовые офисы-полевые лавки*). Немецкое пиво было 12-тиградусным, им не то что напиваешься, но от него набираешь вес. Я так и не начал там пить пиво, потому что не хотел набирать лишнюю сотню фунтов. Я там видел таких парней, набравших там сотню фунтов, и все потому что они сидели и ничего не делали. В армии это стало проблемой. Командование пыталось спонсировать поездки и экскурсии, возить людей в живописные

места, показывать знаменитые замки, нанимать немцев для того, чтобы они были гидами. Людей возили на 2.5-тонных грузовиках, и там было так много аварий, так что я в этих турах не участвовал. У меня был доступ к джипу - мне повезло. Будучи полицейским, я мог ездить куда угодно. Вот я и ездил, покупая фарфор, и кое-что раздобыл... Это все немецкий фарфор, он стоил мне [многих] сигарет...

Да, вижу: лисы, собаки, щегол.

Да, все это из Германии...

О ВЫСАДКЕ В НОРМАНДИИ РАССКАЗЫВАЕТ СОЛДАТ 299-ГО САПЕРНОГО БАТАЛЬОНА АРМИИ США ЧАК ХЁРЛБАТ

Chuck Hurlbut, 299th Combat Engineer Battalion

Я родился в Нью-Йорке и жил там примерно до семи лет. Потом умерла моя мать. Началась [Великая] *Депрессия*, мой отец был уволен, не мог найти и решил вернуться в сельские места штата Нью-Йорк. Там у него были родственники и друзья, и он надеялся, что в тех краях ему улыбнется удача. Так он вернулся в городок Оберн/Auburn. Но *Депрессия* была везде, и в Оберне было не лучше, чем где-либо. У него было двое детей, которых нужно было кормить, а работы все не было. В отчаянии он прибег к помощи своих родителей, и они предложили нам поселиться у них.

У них была ферма неподалеку от Оберна. Мы переехали на ферму, где я провел свое детство вплоть до окончания средней школы. Было мне тогда 16. Фактически, я провел свое детство на ферме, но знал, что никогда не смогу быть фермером. Там было прекрасно, но что-то подсказывало мне, что это не мое.

Окончив школу, я принял важное решение о том, что мне надо найти для себя нечто иное. Я покинул ферму не без грусти в душе, но родня утешила меня. Мои дедушка и бабушка пожелали мне удачи. Я уехал в Оберн и нашел там работу. Было мне всего 16, и надо было получать на это разрешение. Я играл на кларнете и вступил в местный оркестр. Еще играл в местных командах в боулинг и софтбол. Встречался с девушками, все шло хорошо. А затем грянул Пёрл-Харбор.

Еще в школе я слышал о Гитлере и обо всех этих событиях в Европе. Все это до меня доходило. Однако я и не подозревал, какое сильное воздействие окажет на меня все это, пока не случился Пёрл-Харбор. Когда мы говорили о Гитлере и Европе, это была их война, нам незачем было туда влезать. Пёрл-Харбор все перевернул. Нас это так объединило, так вдохновило. Не думаю, что будет еще случай, когда эта страна будет столь единой...

Как вы окончили школу?

Тогда некоторые учителя думали: «Это исключительный ученик, давайте-ка дадим ему перескочить через ступень.» Так я перескочил через третий или четвертый класс. Меня всегда держали на год впереди ровесников, поэтому я всегда был самым маленьким в классе и самым молодым...

Доставалось ли вам из-за этого?

Не так уж сильно. Я был дружелюбным парнем. Думаю, я уживался со всеми вполне нормально. В последний год я был президентом класса, а мне было 16.

Итак, я в Оберне, надо получать разрешение на работу, но работа уже есть, а тут Пёрл-Харбор и мне 17. Я никогда не хотел идти в солдаты – это даже на ум мне не приходило. Но когда такое случается, у тебя появляется чувство: «Я должен сделать что-то.» Я был ошеломлен и не мог дожидаться, когда мне стукнет 18, и меня смогут призвать. Когда мне исполнилось 18, я явился на призывной пункт и зарегистрировался. Через три месяца меня призвали, я прошел медицинское тестирование. После этого осталось ждать, когда тебя призовут.

Я получил уведомление: «Вы должны быть на автобусной станции *Greyhound* такого-то числа» в Оберне, Нью Йорк. Мы собрались там, 60-70 парней. Я думаю, это был самый большой призыв из Оберна. Там же были матери и отцы, возлюбленные, братья и сестры. Довольно много народу.

Наконец, нас посадили в автобус и отправили в Форт Ниагара/Fort Niagara – большой сборный пункт призывников в штате Нью-Йорк. Большинство парней знали друг друга: вместе ходили в школу, работали, встречались с девушками. Там был сильный дух товарищества. И мы говорили: «Ну, парни, так дальше не будет. Меня пошлют туда, тебя - сюда. Нас всех разбросают». Но и дальше примерно 90 процентов из нас остались вместе - мы не могли этому поверить. Мы должны были стать саперами. Нас это особо не заботило. Важно было, что мы были вместе, а мы будем- не имело значения.

Нас посадили на поезд и отправили в Кэмп Уайт/Camp White, штат Орегон, где формировался 299-й Саперный Батальон. Мы были в составе батальона с момента формирования и там же прошли базовую подготовку.

Первые несколько недель мы были посвящены базовым навыкам: строевой подготовке, марш-броскам, полевым выходам, тому, как почистить винтовку, и что такое пулемет. Затем нас стали учить тому, что делают саперы: наведению мостов, поиску мин. Мы были саперами (combat engineers). Перед нами стояли особые задачи из тех, которыми не занимаются большие инженерные части. Обычно думают, что инженеры строят огромные мосты. Саперы делают то же самое, но в уменьшенном масштабе, гораздо быстрее и под огнем. Мы учились быстро наводить штурмовые и колежные мосты через реки. Мы учились преодолевать реки вброд, минировать и взрывать мосты, собирать мост *Бейли* (сборно-разборный мост из инвентарных металлических ферм). Мы неплохо набили себе руку в этих делах...

Саперы 299-го Батальона учатся строить мосты

В дивизиях были свои саперы?

Сложный вопрос. Думаю, каждая дивизия имела свои инженерные части. Полагаю, каждая большая инженерная часть взводила постоянные сооружения. Войсковые саперы – это батальоны, состоящие из трех рот. Наверное, около 600 человек.

У вас был свой собственный штаб и подразделения обеспечения (service units)?

Да, была рота *H-and-S* - штабная (*headquarters*)/обслуживания (*service*), и линейные роты А, В и С. Итого, три роты и маленькая рота штаба и обслуживания, и это все. В итоге узнаешь, что вас называют *батальоном ублюдков/bastard battalion*, поскольку вы не входите в какую-либо дивизию. Вас используют там или бросают туда, где считают нужным. Обычно батальон подчинялся корпусу – оттуда приходят приказы, и они используют вас там, где этого требует ситуация.

В штате Орегон мы прошли базовую подготовку в Кэмп Уайт, а затем нас отправили на учения в пустыню. Я даже и не знал, что в восточном Орегоне есть пустыня. Там были скорпионы...

А гремучие змеи были?

И гремучники, и скорпионы, и зайцы – вы не поверите. Дикая жара весь день, ночью коченеешь от холода. И при этом ты находишься на учениях, все это в боевых условиях – и костра не разведешь. Сурово было.

Вы лично сталкивались со скорпионами?

Некоторых парней жалили и очень больно. У них [скорпионов] ядовитое жало. Так что мы постоянно были начеку насчет скорпионов.

И что делать, если вы нашли его?

Быстро на него наступить. [Кроме того], там всюду был песок. Он попадал вам в глаза и было неприятно. Мы жили в палатках. Это была имитация боевых условий.

Вы не думаете, что вас обучали для войны в северной Африке?

Можно было и так подумать, или вообще для боевых действий в пустыне. Я думаю, что они хотели, чтобы мы прошли через суровые условия. Но мы пережили все это вполне достойно и получили множество благодарностей.

Затем нас перебросили в Форт Льюис/Fort Lewis, штат Вашингтон, один из старейших и самых живописных армейских лагерей. Было так приятно иметь возможность принять горячий душ, переодеться и поспать на кровати. А еще у нас были увольнительные. Пока мы были в Форт Льюис, нам давали отпуска, так что я сел на поезд и съездил к своим в штат Нью-Йорк. Это заняло около четырех дней, но того стоило. Знаете, я не мог сам купить себе выпивку, пока был в отпуске – куда бы я не пошел, везде мне наливали за счет заведения, и это было прекрасно.

Когда я вернулся в Форт Льюис, нас стали обучать гораздо интенсивнее. Нас приводили в полную готовность. Мы думали, что отправимся на Тихий Океан. Я-то всегда хотел оказаться в Европе...

Саперы 299-го Батальона учатся обращению с пулеметом

А почему?

Как-то не хотелось на Тихий Океан. Джунгли. Малярия. Варвары-японцы...

Доходили ли до вас истории о зверствах японцев?

Это мы слышали по радио, поэтому я предпочитал Европу. Думал про себя: по меньшей мере, там у них есть дома. По меньшей мере, они выглядят как я. Я думал, в Европе будет

лучше. Думал, что они будут соблюдать *Женевскую Конвенцию*. А там, на Тихом Океане, эти полоумные, эти камикадзе, эти варвары, которые никаких правил не придерживаются. Но все выглядело так, что нас отправят туда.

Затем, совершенно неожиданно, мы отправились во Флориду. Нас отобрали для прохождения морской десантной подготовки. Подводные подрывные работы. Отобрали всего несколько подразделений – у нас было приподнятое настроение, потому что, гляди-ка, нас выбрали из числа многих!

Мы отправились в Форт Пирс/Fort Pierce, Флорида в учебный центр флота, где обучали подводным подрывным работам, – в ведущий центр в данной области. Туда посылали армейские части, но это была флотская база. Мы были единственной армейской частью, оказавшейся там. У нас была такое чувство, что мы им не очень нравимся. Ни один армейский парень не мог делать, что умели они. Типа куда солдату до моряка. Они говорили нам, что делать, обучали всему, и у нас все хорошо получалось. Прошло немного времени, и мы стали делать то, что делали они, и во многих случаях у нас получалось лучше. Так их враждебное отношение к нам ослабло, они нас признали и приняли. Но это все-таки была база ВМФ...

А в барах были потасовки?

Да, мы ходили в город в увольнительные, кончилось тем, что мы стали ходить в армейские полицейские патрули – меня много раз в них назначали. Тебя назначают в военную полицию, и вы вместе с *Военно-Морской Полицией/SP - Sailor Police* патрулируете пляж. Тут и там были потасовки и споры. Я все это ненавидел, потому что там мог оказаться мой здоровенный приятель, 6 футов и 3 дюйма, которого мне нужно было вести под арест. Да это же мой приятель. Боже, как я это ненавидел...

Ну а с серьезным мордобоем в барах вы сталкивались?

Было пару раз. Обычно это происходило между моряками и солдатами, поэтому флотские полицейские разбирали своих, а армейские – своих, а гауптвахта была общая. Я это не выносил, потому что там были мои приятели. А за день до этого ты и сам был в такой ситуации, как и они. Но со временем все поняли, что через пару дней им придется делать по отношению к другим то, что сейчас делают с ними, и все успокоилось.

Мы прошли обучение, выходили в море и возвращались на берег в надувных лодках, тренировались в подрывном деле, рукопашном бое и все такое. Там было много высоких чинов – дело было в декабре 1943 г., приехавших посмотреть на нас, и мы устроили большое представление. Полагаю, мы оставили хорошее впечатление, потому что получили благодарность. Думаю, тогда они и решили, что эту часть можно использовать в ходе вторжения – такое у нас было чувство.

Тогда же мы и осознали, что мы больше не просто саперы, а спецподразделение – специалисты в методах десантирования. Некоторые из парней решили: «Эй, да это проще простого. Мы такие крутые». Но многие думали - «Да, куда бы нас не бросили, это будет самоубийственная миссия.»

А вы что чувствовали?

Что все будет проще простого. Я знаю, что делать, да и мы просто орлы. Мы сможем. Мне всего 18 лет, только что был мой день рождения. Когда тебе 18, тебя мало что волнует, ты просто рвешься в бой, ты – самый-самый. Просто пуп земли. Отличный настрой, но многие парни смотрели на все немного серьезнее, чем я. Многие дезертировали - думаю, потому, что у них были [дурные] предчувствия. Но всех их отловили и вернули в часть, и наш командир сделал все возможное, чтобы они попали в список участников вторжения.

Итак, мы отлично освоили свое ремесло. Мы знали, что высадимся на какой-нибудь плацдарм, только не знали где.

Нас отправили в Кэмп Пиккетт/Camp Pickett, штат Вирджиния, где мы провели всего несколько недель и прошли еще несколько проверок по пехотной подготовке. Здесь я впервые увидел немецких военнопленных. Они выполняли все работы на кухне. Я никогда не видел более счастливых парней. Они свое дело сделали, они приехали в Америку.

Вы с кем-нибудь из них говорили?

Нет, но, когда ты двигался в очереди [на раздаче], у них всегда были широкие улыбки на лицах. Они спрашивали: «Хотите добавки?» Мы потом видели много пленных, тысячи и тысячи, но счастливее тех, что были в лагере Пиккетт, я не видел.

Оттуда мы отправились в Кэмп Килмер, и кому времени все уже понимали, что все стало серьезно. Мы готовились к отправке. Нас еще погоняли, заставили заполнить множество документов, касающихся того, кто, станет бенефициаром [в случае гибели солдата], и наполненных малопонятными словами.

Было ли страховка обязательной в тот момент, или по желанию? Те самые 10 000 долларов.

Думаю, обязательной. Даже уверен.

А у вас кто был бенефициаром?

Наверное, мой отец. Детали как-то в тумане. Но помню, что страховка была, потому что мы говорили об этом: «Что ж, по меньшей мере, кто-то получит эти десять тысяч.»

В лагере Килмер мы были на карантине, и нас никуда не выпускали. Все было очень строго. Из лагеря нас переправили в Нью-Йорк на реку Гудзон, к пирсу, и вот там стоит и ждет этот уродливый транспорт, мы все строимся. А потом идем по трапу, и каждый тащит огромный вещевой мешок. А прямо перед этим пришли представители *Красного Креста* и вручили каждому небольшой швейный набор. Бесплатно. И это последнее, что я когда-то получал от *Красного Креста*. За все остальное потом с нас брали деньги. Дали мне бесплатный швейный набор – иголку, наперсток, и маленький моток ниток. Очень милые девушки, но это было все, что у них было. Когда мы поднимались по трапу, играл оркестр. Судно называлось *Exchequer*.

Ну, нас погрузили на судно в конце марта, потому как в пути мы отмечали Пасху. Когда мы отправлялись, то играл оркестр, девушки из Красного креста нам махали, а мы брели по трапу на это судно. Думаю, мы провели на судне ночь, а утром отправились в путь. Мы увидели *Статую Свободы*, а на выходе встретились с множеством других судов, которые собирались в конвой. С ними было несколько эсминцев и большой линкор впереди.

Жизнь на судне казалась сплошной очередью в столовую. Особого аппетита не было – морская болезнь и тошнота были у всех. Но ты все равно спускаешься в камбуз, а там совершенно невозможная гарь – получаешь завтрак, возможно, яичницу или что-то в этом роде. Потом поднимаешься на палубу. К тому времени, как ты выбрался, наступает время становится в очередь на ланч. На ланч обычно давали яблоко, сэндвич, что-то холодное. А потом ужин. Одна непрерывная очередь за едой. Но иногда было время почитать, поиграть в карты, в покер, некоторые ребята играли в кости. Иногда мы немного делали гимнастику, офицеры собирали нас и учили распознавать самолеты – нам показывали силуэты вражеских самолетов, и мы должны были их различать. Но это все было по очень гибкому графику. Главным развлечением дня было наблюдение за учениями зенитчиков.

Сперва стреляло одно судно, потом другое, потом третье. Флотские зенитчики были молодцы – все так синхронно и скоординировано – одно удовольствие смотреть.

Где-то на полпути объявили минную тревогу. Мы были напуганы, поскольку были посреди Атлантики. Каждый надел спасательный жилет, все выбрались на палубу, а там темно как в погребе. В ту ночь луны видно не было. Просто стоишь и ждешь, не знаешь, что происходит. Но вскоре мы услышали, что один из наших эсминцев обнаружил лодку, по ней отбомбились и уничтожили ее. Было приятно это услышать... Но в ходе тревоги у одного из парней случился приступ аппендицита, и его надо было немедленно оперировать. Так что все это время врач его оперировал внизу. Парень был крепкий, из Оберна, штат Нью Йорк, он выжил. Ну и ночь была....

Пришло Пасхальное Воскресенье, собрались капелланы и провели многоконфессиональную службу. Моряки, солдаты – все были вместе. Церемония была простенькой, без излишеств. Но сама обстановка: океан, корабли, прекрасный день. Это была самая памятная и значимая религиозная церемония в моей жизни. Я не очень религиозен, но та служба меня действительно пробрала ...

Когда мы вошли в Ирландское море, конвой разделился, и наш транспорт пошел в направлении Бристольского залива/Bristol Channel, расположенного у берегов северного Уэльса. Неожиданно подлетели британские самолеты, чтобы поприветствовать нас. Они пикировали, типа «привет, привет». Сопроводили нас вверх по заливу до Кардиффа, где мы сошли на берег. Случилась какая-то накладка, и ночь мы провели на судне. На следующий день мы выгрузились, и было так приятно вновь ступить по земле после десяти дней в море. Просто пройти по земле...

У вас была морская болезнь?

Не слишком тяжелая. Я чувствовал себя неважно, да и всех мутило. Некоторым парням было совсем плохо, и они провели много времени у лееров.

Итак, в Кардиффе нас повели через город, и на нашем пути везде были англичане с маленькими флажками, которыми они махали, говоря при этом: «Hi, Americans!». У кого была с собой жевательная резинка, тот бросал ее им. Все это было замечательно и поднимало настроение. Затем мы сели на поезд и направились в городок Илфракомб (Ilfracombe), расположенный на западном побережье. Первое, что мы заметили, были бараки из гофрированного железа (*quonset huts*) и кучи угля. Воздух был пропитан его запахом, поскольку все их маленькие печки были на угле, и он просто сшибал с ног. Для нас это было странно. Но по прибытии мы приняли горячий душ, улеглись в отличные постели, было тепло и мы были в безопасности. Но здесь мы опять приступили к боевой подготовке. Кажется, это был лагерь Бронтон/Braunton. У нас был один день на отдых, после чего мы оказались на побережье Па-де-Кале, повторяя то, чему научились в лагере Форт Пирс. Практиковались в высадке на берег с резиновых лодок – учения, учения, учения...

Затем нас переместили южнее, кажется в Дорчестер/Dorchester, в лагерь под названием D-2. Здесь мы слышали все последние новости. Мы знали, что скоро будет вторжение, но не знали, когда и где. Тогда нас начали посвящать в детали. Нас собрали, появилось множество высоких чинов, и нам стали рассказывать о высадке: «Мы ждали этого так долго, мы хотели, чтобы все было подготовлено должным образом. Нам нужны были снаряжение, логистика и план действий. Более всего нам были нужны люди, обученные надлежащим образом. Мы чувствуем, что все это у нас есть... *Бла-бла-бла*... И мы хотим, чтобы вы знали – 299-й Батальон был выбран для участия во вторжении»..

Кто это сказал?

Какой-то важный генерал. И так, мы должны будем пойти в первых рядах. Воспринято это было со смешанными чувствами. Мы знали, что нам предстоит высадка – это не было большой новостью. Мы почувствовали большое облегчение, потому что, по меньшей мере, уже скоро это должно было произойти и нас выбрали для этого. Но мы все еще не знали, где и когда это произойдет.

К этому моменту вы уже успели попрактиковаться в использовании настоящих мин и боеприпасов?

Мины? Нет. Настоящие боеприпасы – да, еще в Штатах у нас были занятия, во время которых мы ползли на брюхе под колючей проволокой, а поверх нас стреляли из пулеметов.

Были ли тогда несчастные случаи?

Один парень встал. Каким-то чудом в него не попали, но нас сильно отругали. Все было с настоящими боеприпасами, а чтобы сделать все еще ближе к реальной ситуации, они понатыкали вокруг зарядов, которые взрывались со звуком *Пцу-у-у, Пц-у-у-у!* Совсем не шутка...

Вернемся в лагерь *D-2* – нас сильно ограничили в передвижениях, все было очень секретно. Никаких увольнений. Но нас содержали как королей. Все время показывали кино – первоклассные фильмы. Еда была превосходной. Мороженое. Сладости. Сигареты. Все, что захочешь. Так все было классно, что мы решили полностью на этом оторваться, раз уж нас откармливают на убой...

А что, ребята так говорили?

Нет, но такое было настроение. Мы знали, почему к нам такое отношение... У нас была самоубийственная миссия, и многие парни так думали. У многих было очень тяжело на душе, потому что они знали, чем будут высадка на побережье. И я так же себя чувствовал. Но я пытался приободрить моих приунывших товарищей и говорил: «Эй, все не так плохо. Веселее.»

А как было видно, что люди в депрессии?

Ходят мрачные, плохо спят. Посмотришь на них и видишь, что в них поселилась безнадега. Я пытался держаться с ними с бравадой, знаете, приободрить их. И, я думаю, то, что, что я делал, снимало с меня самого стресс, изгоняло из меня депрессию. Но мне было так же страшно, как и другим.

Мы покинули этот лагерь и переместились в Уэймут/*Weymouth* – в наш порт погрузки, прямо на берегу Ла-Манша. Южная Англия. По пути на юг мы видели бесконечные акры земли, уставленные всеми видами военной техники и снаряжения: танками, цистернами, пушками. Миля за милей. И вот мы задумались: что, 98% всего этого привезли из Соединенных Штатов, перекинули через океан? Боже, в это было трудно поверить... Прибыли в Уэймут - это был сумасшедший дом. Порт был забит судами, двигавшимися во всех направлениях: большими, малыми, всех видов. Весь город был забит транспортом. Шли части по направлению к своим десантным судам, танки и грузовики стояли рядами и ждали погрузки на конкретное судно. Приходило судно, получало назначение и вам надо было получить указания на погрузку. Всюду военная полиция. Полная мешанина, но это была организованная мешанина. Каким-то образом поддерживался порядок, и все добиралось до места назначения. Мы оказались на стареньком английском пароходе *Princess Maude*. Ну и название! Маленькое судно. Когда мы погрузились на него со всем своим снаряжением, на нем нельзя было пошевелиться. Даже гимнастику не сделать. Да ничего не сделать. Просто находишь место, чтобы сесть, и берешься за книгу. О том, чтобы

спуститься в каюты, не было и мыслей, так там было так тесно и грязно, да и проклятое судно качало. Оно стоит в гавани и его качает, качает, качает... Половину парней, которые страдали от морской болезни по дороге через океан, снова скрутило, даже еще хуже...

Правда ли, что был шторм, из-за которого задержали вторжение?

Да. До этого нас много раз инструктировали в *D-2*, и мы знали, что *D-Day* будет 5 июня. Мы все настроились на это, приготовились к этому. Итак, мы на судне, готовы к отплытию, и тут неожиданно нам говорят, что все откладывается на 24 часа. Это означало, что нам предстояло провести еще сутки на этой качающемся сумасшедшем корыте. Это было ужасно, а парни болели все сильнее и сильнее...

Но был один счастливый момент: один из наших парней – а команда была английская, и у них был камбуз - уж не знаю как, уговорил людей из пекарни дать ему буханку хлеба. Было это два вечера подряд. Каждую ночь парень приносил две или три буханки хлеба. Без масла. Просто горячий свежий хлеб, но на вкус словно пирог. Это было наилучшие моменты в те дни. В полночь каждому доставался большой ломоть хлеба. Как нашему парню это удалось, осталось неизвестным, потому что он был убит в *D-Day*.

Еще в лагере *D-2* нам показали модели побережья. Самолеты делали снимки, их проявляли и передавали прямо на флотилию вторжения, так что мы видели фотографии всего пляжа, сделанные несколько часов назад. И в плане того, что нам предстояло делать, все выглядело плохо. В батальоне было восемь штурмовых групп, и нам предстояло расчистить проходы через всевозможные заграждения: тетраэдры (*надолбы в виде бетонных пирамид – зубы дракона*), ежи, *Бельгийские Ворота (Belgian Gates – тяжелые стальные заборы)*, расставленные вдоль всего пляжа. Мы чувствовали в себе уверенность в том, что справимся с этим, потому что нас этому обучили. И вот все отложили на день, из-за чего нам предстояло провести еще день в мучительном ожидании...

Мы покинули Уэймут, поскольку на следующий день было шестое июня, *D-Day*. Вышли в море и сразу оказались среди сотен и тысяч судов и кораблей. Мы оказались в большой точке сбора, ее называли *Piccadilly Circus*. Я не могу описать количество судов и их виды, они все просто толпились вокруг. Наконец, всем им указали свое направление, и мы пошли дальше. Мы прибыли в точку сбора, находящуюся в 10-12 милях от участка *Омаха*, примерно в полночь и остановились. На всем пути море сильно штормило, страдавшим от морской болезни становилось все хуже, другие тоже начинали болеть. Офицеры говорили нам: «Попробуйте поспать.» Но мы не могли заснуть. Добираешься до своей койки и думаешь о том, что произойдет завтра.

Завтрак был великолепным. Это британцы постарались. Нам дали, все что можно было пожелать. Жареные яйца желтком вверх и вниз, омлеты – все, что попросишь – они делали. Кофе. Тонны кофе. Несколько парней, и я с ними, ушли в небольшую каюту: мы сидели и болтали о том, о сем, затем двое или трое офицеров заглянули к нам и спросили: «Можно присоединиться?». Мы были рядовыми и капралами, а они – офицерами, но они сели с нами, и их стало невозможно отличить. Мы просто говорили о фильмах, машинах, возлюбленных, внуках. О детях, оставшихся дома. Обо всем, кроме войны. Так мы провели целый час за болтовней. Мы даже не почувствовали, что среди нас офицеры. И я подумал, господи Иисусе, им же завтра вести нас в бой. Но им этот разговор был так же нужен, как и нам. Он им помог, снял напряжение...

Предполагалось, что мы отправимся спать, но мы не могли заснуть. Мы поднялись на палубу и попытались осмотреться, но было темно, море штормило, а вокруг были тысячи судов. На горизонте мы видели большие боевые корабли. Слышно было, как кто-то играет на гитаре – звук хорошо разносился над водой. Вроде, мы попытались разобраться по койкам и немного поспать, но не могли. Мы лежали и думали о доме. Мы слышали, как над

нами прошли самолеты, с которых должны были сбросить парней из 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий. Мы пожелали им удачи...

В два или три утра нас подняли. Позавтракали – те, кто чувствовал себя в состоянии есть. Очень многие на завтрак не пошли, и это при том, что там было все, что пожелаешь. Я, например, съел две порции пудинга с заварным кремом. Хорошо поел... но многие есть не пошли. Всегда думал, что они восприняли это как *Тайную Вечерю* и не хотели принимать в ней участие.

Настало время готовиться. Сперва – в галюн. Парни начали бриться, причесываться, один даже побрызгал на себя одеколоном. Можно было подумать, что мы собираемся в воскресную увольнительную... У меня и у многих моих товарищей были бородки, так что мы потратили несколько минут, чтобы привести их в должный вид. Я сейчас поверить не могу, как тщательно мы все это делали – бритье, подмышки, душ...

Стали снаряжаться. У всех было новое нижнее белье. Вроде, были кальсоны. Кажется, майки, кальсоны, куртки. И нам выдали пропитанные чем-то комбинезоны – они были такими жесткими, что почти могли стоять сами по себе. Они были обработаны каким-то раствором и могли защитить от газов. Все это надели, потом ремень, противогаз, через грудь – бандольер с патронами. На ремне у тебя штык, фляга, пакет первой помощи и еще патроны. Шлем. Я проверил, что подбородочный ремень опущен. И винтовка. И еще рюкзак, в котором котелок, лопата и всякие личные мелочи. Всего на 50-60 фунтов. И предполагается, что со всем этим ты будешь высаживаться и будешь подвижным...

Сию и думаю – есть несколько минут. Достал семейные фотографии, посмотрел на них. Еще у меня было письмо от Эйзенхауэра, которое он разослал всем военнослужащим – я его еще раз прочел. Сию, делаю все это, и тут сзади ко мне подходит мой приятель. Близкий приятель. Мы с ним через многое вместе прошли. И вот он распахивает свой комбинезон, и я вижу у него на шее самый отвратительный, безвкусный и диковинный галстук из всего, что я видел в жизни. Невероятно, я даже не могу описать расцветку! Думаю, его друзья или кто-то еще прислали ему этот галстук, и он повязал его для высадки. Ну мы поржали над этим, похихикали и подумали о том, что пережили и что нам еще предстоит. Стали планировать путешествие и то, что мы собираемся делать, когда окажемся в Париже...

SUPREME HEADQUARTERS
ALLIED EXPEDITIONARY FORCE

Soldiers, Sailors and Airmen of the Allied Expeditionary Force!

You are about to embark upon the Great Crusade, toward which we have striven these many months. The eyes of the world are upon you. The hopes and prayers of liberty-loving people everywhere march with you. In company with our brave Allies and brothers-in-arms on other Fronts, you will bring about the destruction of the German war machine, the elimination of Nazi tyranny over the oppressed peoples of Europe, and security for ourselves in a free world.

Your task will not be an easy one. Your enemy is well trained, well equipped and battle-hardened. He will fight savagely.

But this is the year 1944! Much has happened since the Nazi triumphs of 1940-41. The United Nations have inflicted upon the Germans great defeats, in open battle, man-to-man. Our air offensive has seriously reduced their strength in the air and their capacity to wage war on the ground. Our Home Fronts have given us an overwhelming superiority in weapons and munitions of war, and placed at our disposal great reserves of trained fighting men. The tide has turned! The free men of the world are marching together to Victory!

I have full confidence in your courage, devotion to duty and skill in battle. We will accept nothing less than full Victory!

Good Luck! And let us all beseech the blessing of Almighty God upon this great and noble undertaking.

Dwight D. Eisenhower

Письмо Эйзенхауэра солдатам, морякам и авиаторам союзных вооруженных сил, разосланное перед высадкой в Нормандии

Прозвучал приказ подняться на палубу. Мы обхватили друг друга руками и побрели наверх, иначе со всей выкладкой мы бы этого не сделали. Поднялись, собрались, стали подкалывать друг друга: «Не забудь рассказать моей матери обо всем этом, если больше не увидимся», и так далее.

Затем мы спустились по грузовой сетке. Море очень сильно штормило, и LCVP, наш десантный катер, было нелегко удержать вплотную к транспорту. Я уже на полпути вниз, но тут долбаная сеть подлетает вверх, я смотрю вниз, а там бурлящая вода. Но я спустился. Все оказались в катере, не думаю, что кто-нибудь был при этом травмирован. Посреди дна катера находилась надувная лодка со взрывчаткой, поэтому все парни встали вокруг нее.

Мы погрузились, и я уверен, что рулевой и его помощник были из Береговой Охраны/Coast Guard. Мы отошли от судна, направились к другой точке сбора, а затем начали ходить кругами, поджидая другие катера, чтобы дальше идти с ними. Катера подходили и уходили, было непонятно, что говорят, но слышно было, как кричали в рупор «Катер А, вернуться в

строй, Шеренга А, подать назад» и прочее безумие. Вскоре группа катеров выстроилась. Время было очень важно, и нужно было ждать точного момента. Мы были примерно в 12 милях от берега, а катера были не очень быстрыми, то есть, я думаю, от данной точки до берега было часа два. Мы должны были достичь берега в 06.33, то есть, было где-то около 4-х утра.

Неожиданно мы тронулись с места, по обе стороны от нас – похожие катера. Мы пытались высматривать наших приятелей на них, но ничего не получалось. Мы что-то кричали друг-другу, но ничего не было слышно. Сильно штормило. *LCVP* – это некрупные суда, мы шли вперед, и, казалось, что чем больше скорость, тем меньше качка. Волны захлестывали нас, уже через десять минут воды в катере было почти по колено. Парни начали блевать, и рвота плескалась в воде по всему катеру. Я начал понимать, что половина из этих ребят была больна уже в Уэймуте, и сейчас им еще хуже. Им предстоит столкнуться с самым суровым испытанием в жизни, а физически они не на том уровне, который нужен им, чтобы сделать свое дело. Я, каким-то образом, чувствовал себя совсем неплохо. Мой товарищ стоял прямо передо мной, он повернулся, снова показал свой галстук, а я в ответ показал ему большие пальцы.

Как его звали?

Том Легаси (Tom Legacy) из Ниагара Фоллз/Niagara Falls.

Да, когда мы тронулись к берегу, боевые корабли открыли огонь из больших орудий. В жизни не услышишь такой шум. Невероятный шум. До этого мы слышали, как летят бомбардировщики. Предполагалось, что они отбомбятся по пляжам. Когда мы подошли ближе, то увидели, как истребители поливают пляжи огнем. По пути мы прошли мимо ракетного корабля – большого, плоского, пускающего ракеты со звуком *п-щ-у-у, п-щ-у-у*. Мы видели ракеты во Флориде, но с этим их было не сравнить. Как что-то могло уцелеть под всем этим огнем? Все будет проще пареной репы. Там ни одной живой души не останется. Это поднимало настроение. В Англии нам обещали, что весь пляж будет в воронках, что понадобится всего лишь запрыгнуть в одну из них, чтобы найти там укрытие... Так что мы чувствовали себя неплохо, когда видели бомбардировщики, ракеты и обстрел [с кораблей]. Мы прошли мимо десантного корабля, на который были погружены танки. Это были танки с большими брезентовыми бортами над корпусом. Это была идея британцев. При сходе на воду эти брезентовые борта должны были удерживать их на плаву и дать возможность выйти на берег. И вот эта штука начинает спускать танки на воду. Один сошел – *бульк*, и сразу на дно. Можно было ожидать, что они поняли: где-то что-то пошло не так. Второй пошел – *бульк*. Три или четыре ушли на дно таким образом. Мы в это время находились рядом с ними. Неожиданно в воде показались парни [танкисты], они боролись за жизнь, за воздух, как пробки на воде... Можно было ожидать, что мы остановимся, чтобы подобрать их. Но нет. У нас была своя задача. Парни кричали, орали – это было ужасно. Нам пришлось пройти совсем рядом с ними и оставить их барахтаться в воде. Надеюсь, их спасли. Точно не знаю, но думал я так: «Эй, полагаю, это война. На сочувствие нет времени. У нас своя задача, и ничто не может ей помешать.» Болезненный момент.

Так вы сами видели, как танки шли на дно?

Они просто исчезали. Тут все смешалось. Некоторые из рулевых на десантных судах испугались или что-то еще произошло. Были случаи, когда офицеру приходилось приставлять пистолет к голове такого малого, чтобы заставить его вывести судно на такую глубину, чтобы парни смогли выжить. Были случаи, когда парней высаживали со всем снаряжением там, где воды было с головой, много случаев, когда рулевые делали все не так, как надо. Бес попутал, или еще что-то произошло, но спускать эти танки на глубокую воду было безумием: они не были для этого приспособлены. В британском секторе высадки все сработало, танки использовали по уму, но на пляже Омаха все сделали неправильно...

Итак, подходим к берегу, офицер на носу, и он начинает сходить с ума. Стоит у аппарели, высматривая ориентиры. И мы видим пожары на обрывах, горит трава – это наши снаряды постарались. На пляже никакого движения. Ни одной души. Ну, думаешь: «Бог ты мой, после всего этого артобстрела и бомбежки тут ничего нет, все будет очень просто.»

Подходим ближе, и офицер смотрит то на карту, то поверх нее и ругается по страшному, до нас доносится слухок: «Мы не в нужном долбаном месте.» И это было правдой по отношению почти к каждому десантному катеру, участвовавшему в операции. Не учли то, насколько сильным будет приливное течение, и всех снесло влево, восточнее участков, где они должны были десантироваться. То есть, когда люди высаживались, они не видели ориентиров – их просто не было там, где их ждали. И с нами было то же самое. Нас планировали высадить на пляж *Easy Red*, а высадились мы, я думаю, на пляже *Фокс*, следующем на восток. Но когда ты высадился, где бы ты ни был, везде есть заграждения, и ты идешь делать свое дело, что бы ни находилось напротив тебя. Так предполагается...

Ну, все тихо–спокойно, и тут ни с того, ни с сего *дзынь-дзынь-дзынь-дзынь-трррр* по аппарели, и мы слышим, как по нам бьют пулеметы. Что-то пошло не так. Опустили аппарель. Насколько я знаю, мы все покинули катер в порядке, но потом началось побоище. Боже мой, парни вокруг меня стали падать и кричать. Каким-то образом лодку спустили на воду, и она оказалось прямо за мной. А там вся взрывчатка. Я схватил фал и говорю: «Эй, сейчас оттащу ее туда, где мы сможем ее использовать.» Перебросил фал через плечо и стал тянуть. Внезапно я почувствовал, что тянуть стало тяжелее. Оглянулся и увидел, что в лодку закинули три трупа. Двое лицом вниз, не помню, кто это был, а один – лицом вверх. Я знал, кто он. Продолжаю тянуть лодку, и тут неожиданно – БУМ! Это мина попала в лодку. Вся наша взрывчатка взлетела на воздух. Меня отшвырнуло, ноги взлетели выше головы. Думаю, я потерял сознание. Когда я пришел в себя, я стоял на четвереньках и плевался кровью. Голова у меня просто разламывалась. Чтобы понять, что произошло, потребовалось несколько минут. Я сел, потянул веревку, и все, что осталось на ее конце, это кусок рваной резины. Трое парней исчезли...

Кто был тот парень, которого вы знали?

Его звали Чарлз Бёрт (Charles Burt). Забыл, откуда он был, но точно из штата Нью-Йорк. Уверен, что знаю, кем были остальные двое парней, но не хочу говорить, потому что не могу это доказать. Но в душе знаю, кто они были...

Ну попробуйте...

Думаю, это были мои приятели из Оберна Джонни Спинелли (Johnny Spinelli) и Винс ДеАнджелис (Vince DeAngelis). Но поклясться не могу. Их так и не нашли, они числятся пропавшими без вести...

Я увидел группу наших ребят, залегших впереди меня и стал им кричать. Один из них был офицером. Он сказал: «Мы потеряли взрывчатку. У нас не осталось людей. Каждый теперь спасается как может. Постарайся выбраться на берег.» Я попытался остаться вместе с ними, но вскоре мы потеряли друг друга, и я остался сам по себе. Я начал продвигаться от одного препятствия к другому и набрел на парня, который лежал в воде и стонал. Полный прилив еще не наступил, его просто омывали волны. Посмотрел на него – боже мой, мой приятель. Один из друзей. Я видел, что его ноги сильно покалечены. Сквозь плоть была видна кость, одна нога особенно пострадала. Вторая была тоже ранена, но с этой у него было все по-настоящему плохо.

Если бы я оставил его, он бы просто утонул. Я – парень небольшой, а он был довольно крупным. Я знал, что не смогу поднять его и утащить. Попробовал и то, и это, в итоге, схватил его подмышки и потащил. Двигались мы медленно, мучительно медленно, и я выбился из сил. Дело это было совсем нелегкое. И я надеялся и молился о том, что немцы,

которые там, наверху, снайперы, пулеметчики, может быть, увидят нас и пожалеют: ведь один парень пытается спасти другого, может, пронесет. Ведь есть другие, более важные цели. И это сработало, поскольку никто не стал в нас стрелять.

Тут, совсем неожиданно, рядом появился танк. Не знаю, откуда. Маленький танк. Парень из башни посмотрел вниз. Мне ничего и говорить не пришлось: он видел, в каком мы были бедственном положении. Спрыгнул и сказал: «Приятель, у тебя неприятности» или что-то такое, я забыл, но схватил раненого за руку, я - за другую, и мы подтащили его к дюне. Затем танкист сказал: «Удачи тебе. Не принимай близко к сердцу» и быстро ушел назад к танку. Не знаю, как его звали, не знаю, из какой он был части. Из тех, что высаживались в *D-Day* в час *H* одними из первых. Вот же сукин сын. И вот он помог мне подтащить раненого к дюне...

А как звали парня, которого ранило?

Джоу Нокович (Joe Nokovic) из Баффало, штат Нью-Йорк. Я никогда больше его не видел. Он никогда не появлялся на встречах однополчан, не давал о себе знать. Когда я нашел его, он был без сознания. Не думаю, что он знал, кем был я, и как все случилось. Но я слышал, что он потерял ногу, а потом стал водителем грузовика, верите или нет? Водитель. Он до сих пор жив, насколько я знаю. Но ногу потерял. Помню, что затащил его на дюну, огляделся. Я уже говорил, что ему был нужен врач. У каждого из нас был пакет с сульфонамидным порошком. Я не знал, что с ним делать, и посыпал им все, что мог.

Левую ногу?

Вроде, да. В общем, я обсыпал все порошком, а потом нашел санитару, который сделал ему инъекцию морфия и сказал: «Я больше ничем не смогу ему помочь. Оставь его здесь, мы развернем перевязочный пункт и отправим этих ребят на судно уже скоро, очень скоро.» Я послушался и сказал: «Джоу, благослови тебя Господь» и все такое прочее. Но он не понимал, что происходит. Очевидно, санитар сумел доставить его на судно.

Ну а я добрался до дюны, цел и невредим. Сажу и смотрю вокруг на весь этот хаос и разгром. Парни плавают в полосе прибой – мертвые и раненые. Раненые кричат, а ты сидишь на дюне, смотришь на море и видишь, как горят и дымятся корабли. Это был судный день, Армагеддон. Если это война, то мне на ней не нравится. Все замечательные планы, которые мы строили и старались реализовать, - все это пошло прахом... все вверх дном, кругом хаос.

Вы были в шоке или как-то собрались?

Полагаю, что был в шоке, да. Отупел. Не мог поверить, что такое происходит. Все пошло не так, как предполагалось, и вы не могли с этим справиться. Это была совсем другая игра, мы ее не планировали и к ней не готовились. И это так на вас влияло, что вы не знали, что делать, не было командиров, ничего. Только чистый хаос. И тут еще вы видите всех убитых, ваших друзей. С этим тяжело справиться, когда ты в первый раз видишь смерть. Чью бы то ни было. А тут твой близкий друг – ох, это больно. Это тебя всего пробирает, каким бы крутым, храбрым и боевитым ты себя до этого не чувствовал.

И когда я притащил Джоу к дюне, то сказал себе: «Я совершенно один». Мы, возможно, были первыми, кто продвинулся так далеко – вокруг никого не было. Я с огромным трудом нашел для него санитару, поскольку все они были вдали. И вот, когда я нашел санитару и понял, что о Джо позаботятся, то решил, что так дальше дело не пойдет и настало время поискать своих ребят. Я полагал, нам нужно было перегруппироваться и начать убирать препятствия после того, как уйдет прилив.

И вот, пока я там сидел, то увидел, как ярдах в 60 от меня вдоль пляжа бредет какой-то парень, спотыкается, хромает. Рюкзак разодран, одежда – в клочья. Одна рука просто болтается. Он повернул голову, и я увидел, что ему снесло полголовы. Что-то подсказало мне — его фигура или походка - я знаю этого парня. Он повернулся ко мне, взглянул на меня, и сквозь его драную одежду и кровь и разглядел тот самый галстук. Не думаю, что он понимал, кто я или вообще что-то. Я хотел прокричать ему что-то, но не смог: я застыл и потерял голос. Я не мог сдвинуться с места, а он просто побрел прочь ...

Он вас не узнал?

Не думаю. Уже никогда этого не узнаю.

Так он оказался в списке погибших?

Да... Господи, так смешно... Никогда не хотел быть солдатом – последнее, чем я бы хотел заниматься в жизни. Но, как я вам говорил, мое мнение изменил Пёрл-Харбор. Вы знаете, было весело, все эти марши, упражнения. Куча прекрасных людей, которые развлекались. До того дня я не понимал, что значит быть солдатом...

Потом я посмотрел на восток и увидел флаг с красным крестом – там находился пункт первой помощи. Мне показалось, что в том месте много людей, и я решил пойти и поискать там своих. Недалеко от меня был танк. Я подбежал к нему и увидел, что он полностью сгорел, а изнутри идет дым. Надеюсь, что они успели выбраться. Постоял у танка, выкурил сигарету, еще раз посмотрел на все это смятение, хаос и разрушения. Потом добрался до пункта первой помощи. Он находился под утесом приличной высоты, футов 100-150 в дальнем конце пляжа. Там были сотни парней. Они были в замешательстве, дезорганизованы, порядка никакого не было. Они потеряли своих командиров. Повсюду раненые, и носилки, носилки, носилки. Санитары старались изо всех сил, многие GI помогали им. Неподалеку от берега было госпитальное судно, туда переправляли носилки с ранеными. Я прошелся между носилками – мне казалось, что каждый третий парень был из числа моих приятелей. Стало понятно, почему я не мог никого найти в месте высадки – они все уже здесь. Каждый из них протягивал мне руку, некоторые говорили: «Расскажи об этом моей жене, расскажи об этом моей матери» и все такое.

Тяжелые ранения?

Да. В основном, ранения в живот. Ранения в ноги. Насколько я знаю, все эти парни потом оказались в Англии. Те, кого мы потеряли, были убиты мгновенно [на участке высадки]...

Я начал подыскивать себе винтовку. В голове была мысль: «Мне сильно достанется. Я потерял свою винтовку.» Сами понимаете – армейская дисциплина. Нашел и взял одну: вокруг из были разбросаны сотни. Она была забита песком, я за несколько минут разобрал и почистил ее. Тут неожиданно я увидел группу своих парней и присоединился к ним. Поговорили, сошлись на том, что дело пошло не по уму, но мы были саперами, и, совершенно однозначно, мы должны идти на свой участок и сделать то, что не сделали утром. Этим мы и занялись. У нас не было приказа продвигаться вглубь суши. Наш долг состоял в том, чтобы сделать свою работу.

Саперы 299-го Батальона на пляже Омаха. D-Day

Этим мы и занялись. Позднее тем вечером подошли какие-то офицеры-саперы и спросили: «Саперы есть?» Они, вроде как, организовали нас. К этому времени у них уже выгрузили пару бульдозеров, мы сняли несколько мин, но большую часть работы проделали бульдозеры. Мы взорвали препятствия и расчистили большой, широкий участок пляжа.

Вас обстреливали?

О, да. Снайперы. Минометы. Время от времени падали снаряды. Поскольку на участке находился флаг с красным крестом, его сильно не обстреливали. Немцы учитывали, что там находится перевязочный пункт. Но иногда прилетал снаряд. Но на самом деле нас спасло вот что - и один из моих приятелей потом написал об этом – вплотную к берегу подошли эсминцы, так близко, что мы удивлялись, как они еще не сели на мель, и стреляли по [немецким] ДОТам, которые вели огонь. Находившийся на берегу танк стрелял по ДОТу, показывал кораблю цель, а потом корабль стрелял. И его орудия, они били так – *бам-бам-бам-бам-бам*, а потом на обратном ходе – *бам-бам-бам-бам-бам*. Они выбили ключевые ДОТы, которые реально выкашивали плацдарм. Мой друг, и я с ним согласен, писал, что если бы не эсминцы, то мы бы не смогли пробиться. Они [эсминцы] сыграли важнейшую роль в том, что сопротивление противника было подавлено, потому как около 11 часов [вечера] мы услышали, что Брэдли на судне управления принял решение свернуть лавочку: парни, мы переходим на плацдарм *Юта*, где дела пошли намного лучше. Они собирались бросить нас, как это было под Дюнкерком! Помню, как я представил себе сотню немецких танков, спускающихся с береговых уступов, а прямо за ними - тысячи вопящих эсэсовцев и то как нас уничтожают. А куда мы денемся: в воду, что ли? Помню, как мне все это привиделось...

И тут неожиданно откуда-то появились один парень, другой, какой-то сержант: «Давайте-ка, ребята, пойдем и разберемся с ними!» Он повел людей вперед. Они уничтожили снайперов. Потом взорвали ДОТ. Где-то в час ночи, я никогда этого не забуду, на холме, далеко от нас, мы увидели американцев, которые махали нам руками: «Давайте сюда!» Кем бы они ни были, это были герои. Ими никто не командовал, но они проявили солдатский дух и инициативу: «Мы не собираемся тут гибнуть, давайте, пойдем разберемся с ними». Они небольшими группами то там, то здесь сделали [свое дело] ...

Потом дела пошли получше. Поскольку на пляже образовался затор, никто не мог высадиться. Прилив поднимался, и полоса пляжа, на которую можно было высаживаться, сжималась. Пришел момент, когда высадка была остановлена до тех пор, пока мы не расчистим место. Вообще ничего не двигалось.

Вам пришлось использовать бульдозер?

Ну да, это определенно помогло, когда мы расчищали проход. Одной из проблем было то, что никто не мог высадиться, чтобы расширить плацдарм и двигаться дальше. Все было ограничено пляжем. Мы не двигались на утесы, как должны были – это была задача пехоты. А они этого не сделали, пока маленькие группки, отделения, то там то тут не соединились. А потом мы смогли высадить танки. Засыпали рвы и противотанковые ловушки, а потом просто задавили их [немцев] железом. Слава богу, что Гитлер спал. Весь их штаб был в районе Кале, они считали, что это только демонстрация. Слава Богу.

Когда вы увидели первого убитого немца?

Вероятно, за пляжем, на уступе. Позднее я видел их сотнями – в окопах, окружающих ДОТы. И вот что смешно – там взяли кучу пленных. Все очень молодые парни, и это были не настоящие немцы: это были русские, поляки - парни, обращенные в рабов. Они, я думаю, делали свою работу до той поры, пока ими командовал немецкий офицер. Когда офицера уже не было, я искренне верю, что у них больше не было желания стрелять или убивать нас. Очень часто, когда они сдавались, они говорили: «Я поляк, я поляк» или «Я русский, я русский» Они старались дать понять, что они не немцы, что их принудили. И множество пацанов, совсем молодых ребят.

Что вы думали, когда видели парней, которые были даже моложе, чем вы?

Да, было им четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать лет. Начинаешь удивляться. Парень, да у него, дела, должно быть, плохи, если он заставляет детей воевать. И как могут пацаны справиться с этим? Были у меня забавные мысли.

Когда вы выбрали ту винтовку с каким-то чужим серийным номером, вы использовали ее?

Нет. Вернусь к тому моменту, когда я сошел с катера. Моменту, когда упала аппарель. Я выскочил. Первое, что я сделал, - снял с плеча винтовку. Выстрелил в сторону ДОТа. Почему? До сих пор не знаю. Просто импульс, который не могу объяснить. Но я это сделал. Это был мой единственный выстрел в тот день.

О чем вы думали вечером, когда бой утих – он и в самом деле утих?

Хм, вечер... После полудня мы вернулись назад и занялись подрывом препятствий. Нас оказалось двое или трое из одного подразделения, и мы сказали: «Надо найти наших. Давайте-ка поищем их.» Мы пошли вдоль пляжа и наткнулись на пару наших приятелей. Один из них сказал, что наша часть собирается над уступом. Мы пробрались через колючую проволоку и поднялись по склону, нисколько не думая о минах. Вскоре собралась довольно большая группа наших парней, даже несколько офицеров. Нам сказали: «Нас

крепко поколотили. Утром поговорим об этом. Сейчас постарайтесь окопаться здесь. Держитесь вместе» Мы нарыли окопчиков, кто-то нашел расщелину, кто что смог, и постарались продержаться ночь. Ложишься и не можешь уснуть. Пехотные части продолжали движение, танки тоже ползли от берега вглубь суши. На берегу продолжалась разгрузка [снаряжения]. Все были возбуждены и заведены, поэтому и не могли уснуть.

Позднее, тем же вечером, над нами пролетела пара немецких самолетов. Не припомню, чтобы они обстреливали нас. Они, кажется, выполняли разведывательный полет. В то время в гавани было, наверное, десять тысяч кораблей, и все они открыли огонь. Это выглядело, как *Четвертое Июля*! Не думаю, что они зацепили хотя бы один самолет, но шума было много. Многие парни схватились за винтовки, я видел офицеров, которые пытались стрелять по самолетам из пистолетов. И еще, в тот вечер кто-то закричал: «Газы!» Все перепугались. Это худшее, что могло бы случиться на войне.

У вас на тот момент был противогаз?

Да, был. Но я слышал, как другие парни кричали: «У меня нет противогаза!» Многие из них ринулись к воде, думая, что в воде они спасутся. Это было глупостью, но тревога оказалась ложной. Если бы мы тогда нашли того сукиного сына, который кричал, то его сегодня бы не было в живых. Паника продолжалась минут 15-20. Наконец, мимо нас по проходу прошла пехотная часть – они смотрели на тех из нас, кто был в противогазах, и хохотали. Оказались мы в дураках...

Ну и когда вы, в итоге, заснули?

Не думаю, что кто-то заснул в ту ночь. Мы вертелись, крутились, говорили друг с другом... Утром нас собрали, и полковник сказал нам, сколько мы потеряли, и мы поняли, какую цену заплатили. Затем мы получили приказ заняться расчисткой пляжа от обломков, несколько групп было послано на разминирование. Мин было полно, они были всюду и везде и потому отдельные группы были посланы на расчистку проходов в минных полях. По счастью, я в эти группы не попал. Разминирование – это самая худшая в мире работа.

Саперы 299-го Батальона прокладывают дорогу войскам и технике после захвата плацдарма на пляже Омаха

Кто-то из ваших парней подорвался?

Погибших не было, но троих или четверых ранило. Один из парней потерял пальцы на руках. Это мины, они калечат человека. Может, и не убьют, но покалечат. Просто ужас. Поэтому их и пытаются сейчас запретить. А немцы были экспертами в минировании, лучшими в мире. Они придумали пластиковые мины. Наши миноискатели обнаруживали металл, но не пластик, и для них не годились. Они использовали обрывные проволоки. Мины, установленные на неизвлекаемость. Если взорвешь одну - взрываются другие. Самые разные фокусы. И еще мины-ловушки. Поскольку *G.I.* любили собирать сувениры и [военную] добычу, - это инстинкт у американцев, - они забывали об осторожности. Мы многих потеряли из-за этого. Немцы минировали своих убитых. Хочешь взять эту каску? А она ведь может быть привязана к мине.

Вы сами видели что-то подобное?

Нет, но слышал о многих, очень многих таких случаях. Немцы были мастера в этом деле. У них была *Прыгающая Бетти* - если на нее наступить, она попадет тебя прямо вот туда [показывает на пах]. Я однажды шел и увидел ботинок, пнул его - а в нем нога. Я не могу рассказать вам, что такое война. Вы не поверите, во что превращаются люди. Что творилось на пляже, невозможно поверить. Там были тела, раздавленные танками. Танкист не видит ничего, он просто переезжает через людей. Надеюсь, они уже были мертвы, когда это происходило. Я помню десятки и десятки таких ситуаций. Идешь и видишь след от танковых гусениц, а парень под ними вдавлен в песок. Может, он был ранен и не мог двигаться? Я не виню танкистов. Они сидят, ничего не видят, им надо маневрировать, но это происходило так часто. Тяжко было видеть это на другой день, знаете...

Вам приходилось убирать только обломки, или мертвые тела тоже?

Нет, не имел дело с трупами. Для этого была похоронная команда (*graves registration unit*).

Наверное, это была страшная работа...

О да, ну и работенка. Я видел парней, которые несли охапки рук и ног, они тащили все это на место сбора. Насколько я понимаю, они вырыли большую глубокую траншею и просто свалили все это туда. Потом, через год или около того, после войны, они ее вскрыли, перелопатили и увезли на кладбище. Но в тот момент нельзя было оставлять трупы из-за смрада и из-за того, что это было чревато эпидемиями. Трупы надо было хоронить как можно быстрее, и парни этим занимались. Но что за работенка, собирать парней по кускам....

А ты принимаешь все, как есть, впитываешь в себя. Никто не скажет, что делать с этим. Ты сам должен перебороть себя. Кто-то справился с этим, кто-то нет. Это навсегда остается у тебя в памяти. Любой ветеран, прошедший войну, удивляется: а почему не я? Почему он убит, а я выжил? Ответа нет, но тебя это продолжает волновать. Почему этого парня застрелили, а тебя нет? Я всегда говорил себе, что сделаю все возможное, чтобы запомнить тех, кто погиб. Может быть, поэтому я и уцелел.

НА СЕВЕРНОМ ФЛАНГЕ АРДЕННСКОГО ВЫСТУПА – БОЙ В НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО. РАССКАЗЫВАЕТ АРТИЛЛЕРИСТ ДАГЛАС ХАРВИ (DOUGLAS HARVEY)

**Противотанковый взвод 1-го Батальона - Штабная рота - 334-й Полк - 84-я Пехотная
Дивизия**

20 декабря 1944 г.

Только что закончился месяц боев в районе деревень Пруммен/Prummen, Бек/Beeck, Лейхарт/Leiffarth и Вюрм/Wurm – на *Линии Зигфрида* к северу от Аахена. В этих боях количество раненых и убитых превысило изначальную численность батальона. Следующим местом назначения стал *Выступ*, хотя мы думали, что нас отведут на отдых и реорганизацию. Мы шли два дня, ночью останавливаясь на отдых. У себя в отделении мы мало что знали. Дорожные знаки и названия деревень указывали на то, что это была Бельгия или, может быть, Люксембург. Мы даже не знали, что немцы перешли в наступление. Через два дня мы остановились в маленькой бельгийской деревушке под названием Бурдон/Bourdon. Я, во всяком случае, не имел понятия о том, что происходит. Ходили слухи, что в тылу у нас появились немцы в американской форме, теперь иногда пишут, что они натворили много бед. Все это были преимущественно разговоры.

В Бурдоне мы поселились в каком-то сарае. Разные доходили слухи. Я тогда хорошо спал и никакого артиллерийского огня не слышал, хотя, как выяснилось, немецкие танки приближались к городку Верденн/Verdenne за горой прямо к югу от Бурдона. После полудня 24-го декабря Боб Дэвис и я получили приказ подготовить *daisy chain* (саперский жаргон – несколько уложенных в линию мин – в случае, если взрывается одна, детонируют другие). Мы взяли восемь мин, и наш командир отделения отвел нас на участок ближайшего разворота на дороге, ведущей на поросшую лесом гору к юго-востоку от нас. Уже потом я узнал, что в лесной массив на горе между деревнями Бурдон, Верденн и Маренн/Marenne просочились немцы из 116-й Танковой Дивизии. Мы получили следующий приказ: если последует атака, дать двум первым танкам пройти и затем заложить мины перед третьим

танком и подорвать его. Вообще, мы находились в открытом поле. Склон горы был абсолютно голым, без единого кустика. Это была просто невыполнимая задача. В радиусе 150 ярдов не было ни одной канавы или строения. С первого же вражеского танка нас сразу заметили бы, проходя через разворот выше по дороге. Правда, был шанс, что, увидев нас, немцы окажутся под впечатлением от нашей тупости или храбрости и отойдут, подумав, что это какая-то ловушка. Где-то за полчаса до наступления темноты со стороны Бурдона приблизился появился дивизионный броневичок *M8 Greyhound*. Из башни торчала фигура офицера, высунувшегося по пояс. Броневичок поднялся мимо нас до первого разворота и исчез. Через минуту он вернулся и притормозил рядом с нами. Офицерская голова высунулась из люка башни, и мы услышали следующее: «По дороге приближаются десять немецких танков – удерживайте позицию любой ценой!» Мотор взревел, и броневичок унесся в Бурдон...

Позднее я узнал, что немцы использовали трофейные *M8*, пуская их впереди некоторых наступающих колонн. Тогда такая возможность нам и в голову не пришла. У нас было только туманное представление о том, откуда могут появиться немцы. Я тогда вообще думал, что Бурдон находится к югу от Верденна. У меня не было ни карты, ни компаса, но я определился, что мы находимся по центру сектора немецкого наступления. Потом я узнал, что 116-я дивизия планировала перерезать дорогу Марш-Оттон/*Marché-Hotton*, проходящую к северу от нас. Ее было хорошо видно с нашей точки. Городок Марш, был сильно укреплен нами, на другом конце был Оттон, и район Верденн – Бурдон был самым подходящим местом для прорыва нашей обороны.

Должен сказать, что взять на себя самоубийственную задачу – это не по-американски. Такое больше подходит людям религиозным, и люди, берущиеся за это, рассчитывают, что получат награду в следующей жизни. К тому времени я уже доказал, что я не трус, но никакого порыва к добровольному участию в выполнении самоубийственного задания я не чувствовал. Я не хотел держаться до последнего, когда разменной монетой была моя жизнь, особенно с учетом того, что немцам она обошлась бы в несколько пулеметных патронов...

Когда *M8* скрылся из вида, я быстро оглядел местность на предмет укрытия. Рыть окопчик в мерзлой каменистой земле не имело смысла. Ближайшим укрытием могла быть небольшая ветка железной дороги ниже по склону. Там был котлован для весов, используемых для определения массы вагонов. Но у нас было недостаточно проволоки, чтобы протянуть ее от котлованчика до дороги, и мы остались там, где были, просто надеясь на лучшее. Мы пробыли там дотемна, но так и не услышали шума танковых двигателей. Из своего опыта прошлых боев я уже знал, что бесшумно машины подойти не могут, и мы легко расслышали шум двигателя разведывательной машины, спустившейся к развороту дороги, находившемуся выше нас по склону...

Много лет спустя я узнал, что немецкие танки, захватив Верденн, тогда сконцентрировались на этом участке, готовясь перерезать дорогу Оттон - Марш. Я и мой напарник занимали единственную оборонительную позицию ни их пути к этой цели... Мы доложили о появлении разведывательной машины нашему командиру отделения, но, как обычно, он ничего не предпринял. Я уже никогда не узнаю, получил ли сообщение о появлении этой машины тот, кто руководил нашими действиями на этом участке фронта. Во всяком случае, действия Роты К 333-го Пехотного Полка указывают на то, что наверху понятия об этом не имели, так как эта рота стала подниматься по той дороге, возле которой находился я, считая, что это дорога на Верденн, а взвод этой роты получил приказ отбить Верденн у немцев. Когда взвод из роты «К» наткнулся в лесу на немецкие танки, наши парни были уверены в том, что это танки, присланные поддержать их атаку на Верденн. Когда один из парней постучал по башне танка, давая понять, что взвод готов наступать, ему ответили: «*Vas ist los?*»... Последовал короткий бой, несколько ребят из взвода были ранены, но большинство из них сумело спуститься обратно вниз по склону. Разумеется, это были те самые танки, о которых нам сообщил офицер с броневичка *M8* шесть часов назад! То, что его информация не дошла по назначению, вероятно, связано с правилами

ее передачи. Тот офицер был из прикомандированной к нам разведывательной части и, скорее всего, сообщил о немецких танках своему командиру, который передал это в штаб дивизии, откуда данные вовремя не поступили... Мы ушли со своей позиции около 10 вечера, когда пришла смена – двое парней из нашего взвода. Мы сообщили им об ожидаемом приближении танков. Было это часа за два до того, как вверх по дороге проследовали ребята из роты «К». Сам об этом узнал более 50 лет спустя из книги *The Men Of Company K* (Leinbaugh/Campbell).

Мы совсем немного поспали, так как около полуночи нас разбудили и приказали готовиться к атаке на Верденн. Нам удалось найти правильную дорогу, и мы вошли в деревню около 2-х часов ночи 25 декабря. Дорога шла вверх по склону, слева от нас был лес, в котором сконцентрировались немецкие танки. Гудериан после войны писал, что генерал Hasso Eccard von Manteuffel (Мантойффель), командующий 5-й Танковой Армией, в это время находился в городке Grimbiemont в двух милях к юго-востоку. Мантойффель планировал отдать приказ наступать и перерезать дорогу Марш - Оттон. Если бы она состоялась, острие атаки прошло бы через нашу крохотную позицию...

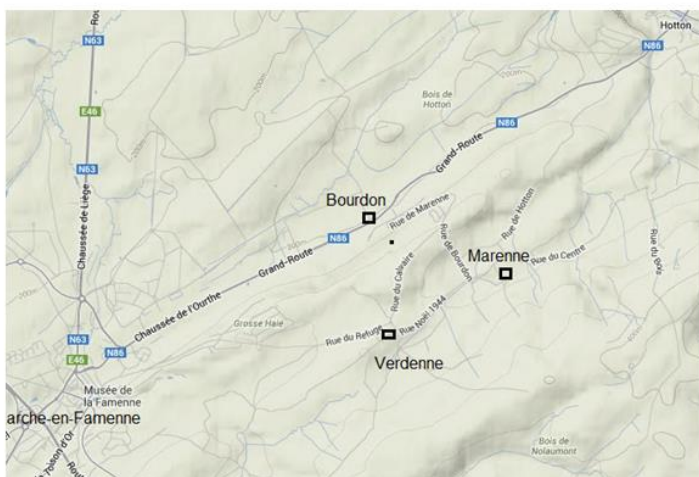
Атака на Верденн началась с мощного артиллерийского и минометного обстрела. Обстрел еще продолжался, когда рота «L» вошла в город. Первые два взвода уступали противнику в численности и оказались под огнем с трех сторон. Один немецкий танк начал сближаться с нашими ребятами, но пехотинец, старший сержант Эдвард Райнеке (Edward T. Reineke), хорошо прицелился и уложил высунувшегося слишком сильно из люка башни командира. Танк остановился, Райнеке подбежал к нему, запрыгнул на броню и забросил в башню гранату. Эта маленькая победа одного пехотинца резко изменила ситуацию. Два взвода продвинулись на противоположную окраину года и окопались там, в то время как остальные начали зачистку. Было темно, и в городке было еще много немцев. Даже какой-то их танк остался в городке и навел там шороху... (The 84 Infantry Division in the Battle of Germany, by Draper)

Когда мы вошли в Верденн меньше чем через час после начала атаки, мы увидели танк, который уничтожил Райнеке. Из того, как лежал труп немецкого командира, мы заключили, что он, скорее всего, стоял прямо на башне, когда в него попала пуля... Я до сих пор не знаю, в чем была наша задача во время атаки на Верденн. Наш противотанковый взвод даже не послали уничтожить тот самый единственный танк, который продолжал терроризировать пехотинцев в то Рождественское утро. Как обычно, командиру стрелкового взвода даже не сообщили о нашем прибытии. Вообще, у меня тогда было ощущение, что немцы не ожидали нашей атаки в Рождественскую ночь и, возможно, просто отмечали праздник. 25-го мы взяли много пленных, и нам тоже пришлось обыскивать и охранять их. К полудню грузовики притащили наши 57-мм противотанковые орудия, затем на них стали перевозить в Бурдон пленных. Дорога от Верденна до Бурдона проходила мимо леса, в котором засели немцы. Каждый раз, когда мы проезжали рядом с этим лесом, нас обстреливали из автоматического оружия. Но, поскольку транспортировку пленных осуществляли в темноте, потерь среди наших не было...

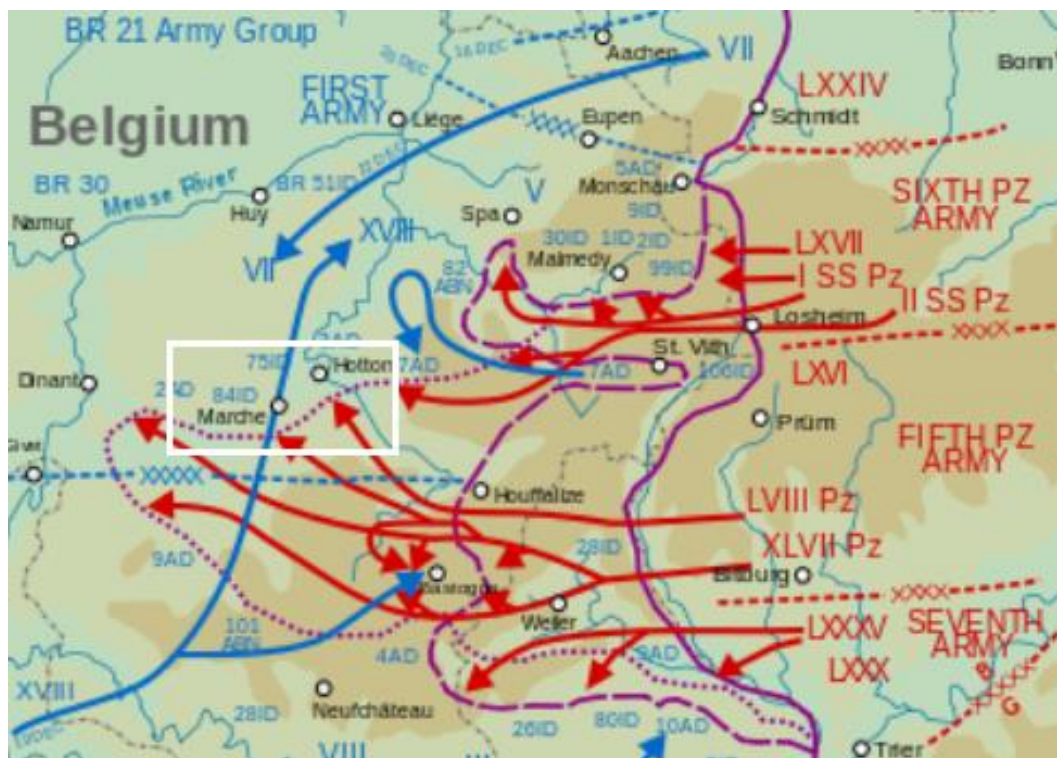

Американские артиллеристы пытаются управиться со своим 57-мм противотанковым орудием (вес – 1140 кг)

25-26 декабря наш противотанковый взвод простоял на северной окраине Верденна. Мы не знали, что совсем недалеко от нас, рядом с Верденнским Замком, шел ожесточенный бой. Около полудня 26-го числа поступило сообщение о том, что немецкий танк пересекает открытое поле к юго-востоку от Верденна. Поддерживающие нас танкисты на *Шерманах* отказались вступать в бой с одиночным немецким танком *Pz. IV*! Я и несколько парней и нашего взвода вызвались вытолкать пушку на огневую позицию и обстрелять этот танк. Мы выкатили орудие до точки, расположенной где-то в сотне ярдов от нас, - с нее танк был хорошо виден в открытом поле к югу от нас. По какой-то причине он остановился – то ли горячее кончилось, то ли какая-то поломка. Мы установили станины орудия на твердую поверхность и навели орудие. Несколько человек из нас по очереди посмотрели в прицел. Я нашел палку, чтобы нажать на гашетку, поскольку, если станины не врыты в землю, откат этого орудия мог составить несколько футов. Из такого орудия обычно стреляют, стоя на коленях, поэтому, когда сержант Кэйбл (Cable) уже собрался стрелять, находясь в таком положении, я заорал на него, чтобы он отодвинулся подальше, не то орудие раздавит его. Парень понял меня и отошел. Я ударил палкой по гашетке, и тут орудие отлетело назад футов на шесть. Танк скрылся в клубах дыма, вырвавшегося из ствола. Какой-то пехотинец, наблюдавший за этим с противоположной стороны улицы, закричал: «Попали! Вы попали!» Мы сделали еще несколько выстрелов. Вслед за этим один из наших *Шерманов* выкатился на позицию неподалеку от нас и еще раз выстрелил в немецкий танк. Это был тот самый танк, экипаж которого совсем недавно отказался вступить с ним в бой! Весь расчет нашего орудия получил по *Бронзовой Звезде* за уничтоженный танк. Вообще-то по нам никто не стрелял, и у меня было чувство, что я в большей степени заслужил награду за другие бои, в которых принимал участие.

Карта района боев за Верден и космический снимок местности. Расстояние между Бурдоном и Верденном – не более 1.5 км. Судя по всему, немецким танкам пришлось прорываться через открытое пространство в окрестностях Верденна, где они, по воспоминаниям очевидцев боя, понесли ощутимые потери

Общая картина выступа, созданного в результате немецкого наступления. В белой рамке – район боевых действий, описанных в рассказе. Хорошо видно, что немцы так и не стали наступать дальше на север, чтобы перерезать дорогу Марш - Оттон...

Немецкие танки оступили. Им пришлось прорываться мимо наших оборонительных линий. На нашем секторе фронта немцы так больше и не продвинулись.

АМЕРИКАНСКИЙ СОЛДАТ ХЭРОЛД ЭЛЛЕН (HAROLD D. ALLEN – 1925-2013) РАССКАЗЫВАЕТ О НЕСКОЛЬКИХ ЭПИЗОДАХ АРДЕННСКОГО СРАЖЕНИЯ

местных домиков.

После обучения я стал стрелком и разведчиком Роты А 1-го Батальона 424-го Пехотного Полка 106-й Пехотной Дивизии и 20 октября 1944, в день, когда мне исполнилось 19 лет, взошел на борт английского судна *Aquitania* в гавани Нью-Йорка. Мы провели месяц в лагере, расположенном рядом с городком Бэнбьюри/Banbury, Англия, а затем нас переправили во Францию. Мы высадились в Гавре и пару ночей провели в его окрестностях. Потом мы уселись в грузовики и через 36 часов спрыгнули на землю на склоне какого-то холма, оказавшись по колено в снегу где-то неподалеку от городка Сен-Вит/St. Vith в Бельгии. Мы поднялись по склону холма со всем нашим снаряжением и в темноте установили палатки. Там мы провели 3 или 4 дня, а затем перебрались в маленькую деревню, поселившись в

Утром 16 декабря нас разбудили разрывы снарядов, падавших где-то поблизости. Нас быстро погнали на завтрак, после чего мы погрузились на машины, которые перевезли нас в деревню Винтерспельт/Winterspelt. Мы поспешно покинули грузовики, поскольку нас обстреливала артиллерия противника. На бегу я услышал близкий взрыв, упал на землю, вскочил и побежал дальше. Элдон Бэйн (Eldon Baine) из Индианаполиса потом сказал мне, что следующий снаряд разорвался примерно в том месте, на котором я припал к земле. Мы окопались на окраине Винтерспельта, а штаб нашего взвода расположился в здании фермы близ дороги. Наши окопы оказались примерно в ста ярдах позади штаба, вблизи живой изгороди. Весь день и всю ночь мы были под обстрелом. Сразу после наступления темноты сержант Мид (Meade) приказал мне и Полу Эйерсу (Paul Ayers) выдвинуться вперед и окопаться, чтобы лучше слышать происходящее. Мы так и сделали, но все, что мы слышали, было гулом снарядов и грохотом разрывов. Позднее кто-то заменил нас, и, скажу я вам, как хорошо было оказаться вновь в глубоком окопе. Затем артобстрел прекратился, и мы увидели, как по дороге к нам приблизились немецкие танки – десятки танков. Первый танк остановился рядом со зданием фермы, и немцы взяли в плен всех наших взводных командиров. Мы видели, как их усадили на танки...

Танки прошли мимо нас, затем появилась немецкая пехота, я бы сказал, их были тысячи. Нас было человек двадцать, мы сидели тихо и просто смотрели на них. Позднее появилась их артиллерия – орудия тащили лошади. Они остановились рядом со зданием фермы и начали окапываться. И тут мы решили, что пора сваливать. Немного отступив, мы уПёрлись в изгородь. У одного из парней были кусачки [для колючей проволоки], и он прорезал проход для нас. Я пролез в проход, какое-то время продвигался вдоль изгороди, но все наши куда-то исчезли. Выходит, я потерял своих, поэтому я повернул назад и вернулся к проходу. От прохода я пошел вниз по склону, пока в небольшой рощице не наткнулся на своих товарищей. Мы решили, что рощица слишком мала, чтобы спрятаться в ней, и поэтому пошли вверх по склону какого-то холма, поросшего деревьями покрупнее. На этом склоне мы отсиделись до рассвета. Когда наступило утро, на противоположном склоне долины мы увидели своих. Мы направились в их сторону, не подумав о том, что днище долины может быть заминировано или о том, что немцы могут заметить нас. Мы просто хотели добраться до своих, и это нам удалось. Это были наши саперы - они сказали нам, где находится штаб нашего батальона. Когда мы добрались до штаба, там оказался наш полковник Уэлш (Welch). Он отправил нас обратно к саперам, где мы окопались вместе с ними...

Уже вскоре выяснилось, что Эллен и другие американцы оказались в окружении.

Ночью мы все вышли на дорогу, чтобы попытаться выбраться. Нас было, вероятно две или три сотни. По какой дороге мы ни пытались выйти, каждый раз натыкались на немцев. В итоге, мы сошли с дороги, чтобы дождаться рассвета и затем попытаться пробиться с боем к своим. Из нашей роты «А» нас было пятеро: Джек Брэннон (Jack Brannon), Мартин (Martin), Болин (Bolin), я и еще один парень, имени которого я не помню. Немцы сконцентрировали на нас огонь своих минометов, при этом небольшой осколок пробил отверстие в прикладе моей винтовки. Мы снова выбрались на дорогу и, в конце концов, добрались до своих. Припоминаю, что мы шли по железнодорожному полотну и перешли через какую-то речку по деревянному мостику с разбитыми опорами. При этом я слышал, как шумит вода где-то у нас под ногами. Не помню, насколько большим был поток – тогда я старался не думать, что где-то подо мной вода. На следующее утро мы добрались до какого-то перекрестка и тут столкнулись с нашим полковым командиром полковником Ридом (Reid). Как мы рады были увидеть его! Это случилось утром 18 декабря.

1-й Батальон постепенно собрался вместе. К тому времени я потерял своего лучшего друга Пола Эйерса (Paul Ayers), с которым мы были вместе со времени, проведенного в учебном лагере Блэндинг/Blanding во Флориде. Он и Элдон Бэйн попали в плен, но потом сумели бежать. В роте «А» теперь было всего 32 человека. Штаб батальона обосновался

в здании какой-то фермы, и меня с Джеком Брэнноном сделали посыльными при нем, в то время как рота была отправлена вперед, чтобы окопаться.

Около полуночи нас подняли и приказали доставить в роту какое-то послание. Ну, мы сказали, что толком не знаем, где рота находится. Водитель джипа нашей роты Херман Ван де Богарт (Herman Van De Bogart), который умудрился где-то потерять свою машину, сказал, что знает, где находится наша рота, и что отведет нас туда. Мы пошли по дороге, болтая и смеясь, прошли через небольшую деревню, продолжая трепаться и громко топтать. Когда мы дошли до дальнего края деревни, Богарт неожиданно сказал, что мы забрели слишком далеко, и что наша рота находилась перед этой деревней. Ну мы и перепугались... Рванули назад, пытаюсь бежать на цыпочках, при этом все помалкивали. Нам удалось вернуться, найти свою роту и передать послание лейтенанту Биселеру (Beseler). Он потом окажется единственным нашим офицером, пережившим бои за *Выступ*, и станет нашим ротным командиром.

Я не знаю, где были немцы, когда мы проходили через деревню, но к рассвету они точно были в ней. Рота А имела на вооружении только винтовки. Думаю, только в Роте С был 60-мм миномет. Мы держались в обороне 2 или 3 дня, потом немцы атаковали нас при поддержке танка. Под огнем пулеметов и 88-мм орудий мы поспешно отступили. Добравшись до расположения батальонного штаба, мы перевели дух и повернули назад, вверх по склону холма. На следующее утро, под огнем, мы пошли в атаку, перевалили через вершину холма и загнали немцев обратно в деревню. Немцы засыпали нас 50-мм минами, но наша артиллерия помогла нам. В том бою мы потеряли двоих убитыми. Капрал Келли был между этими двумя парнями, когда осколочный снаряд, выпущенный немецким танком, разорвался напротив него, убив парней рядом с ним. Его на какое-то время оглушило, при этом его каску смяло так сильно, что он уже не мог ее одеть. Эта каска спасла ему жизнь. Позднее этот парень получил временное боевое звание 2-го лейтенанта.

Мы перешли к обороне на пару дней, а потом получили приказ отступить, поскольку немцы прорвали нашу линию обороны по обе стороны от нас. Целый день мы отступали, продвигаясь цепочкой по одному, поскольку вокруг рвались снаряды. Нам посчастливилось выбраться, и ночью мы окопались рядом с какими-то танками. В ту ночь нам выдали пятигаллонный (около 20 литров) котел горячего кофе. Мы в первый раз после 16 декабря глотали что-то горячее. Если я скажу вам, сколько раз мне пришлось выползть и своего окопчика в ту ночь, вы мне не поверите.

Нас перебросили к линии фронта. Каким-то образом мой взвод оказался отделенным от остальных взводов роты широкой долиной. Перебравшись через нее, мы присоединились к роте «К». Жили мы в трех блиндажах по три человека в каждом. В день мы получали два раза горячее питание, а на ланч – *К-рацион*. Днище долины было заболоченным, и за завтраком и ужином нам приходилось посылать людей пешим ходом на другой ее берег, куда подвозил еду Богарт, водитель ротного джипа.

Одним вечером наступила моя очередь. Мы добрались до места, и, пока ждали джип, рядом с нами упало 3 или 4 снаряда. Никто не пострадал, но страху было немало. По пути назад мы проходили мимо наблюдательного пункта артиллеристов, которым мы сказали, что попали под обстрел. Они пообещали проверить наводку своих орудий и убедиться в том, что это произошло не из-за их недолетов. На другой вечер обстрел повторился, но опять обошлось без потерь. Артиллеристы сказали нам, что обстрел был со стороны немцев, так как с их орудиями было все в порядке. Мы внимательно осмотрели местность ниже по долине и разглядели ДОТ: я догадался, что немцы оттуда следили за нами и постарались испортить нам аппетит. Больше обстрелов, однако, не было.

Как я уже говорил, мы жили неплохо, спали по три человека в блиндаже и ели три раза в день. На каждого приходилось дважды по два часа в ночном карауле. Мы также временами ходили в патрули, и этого я боялся. Один из наших патрулей наткнулся на

немцев, и нас позвали на помощь. Перестрелка продолжалась недолго, но один из наших парней был убит. Говорили, что ему было всего 17 лет...

Как-то раз лейтенант Гэррет (Garret) сказал, что ему нужны добровольцы: «Ты, ты и ты – пошли со мной.» Мы прошли через немецкое минное поле и спустились в какие-то окопы глубиной по пояс. Лейтенант сказал, что нам предстоит захватить ДОТ. Ребята, меня просто пот прошиб! Он пояснил, что пойдет первым, а мы будем следовать за ним. Подошли к ДОТу, открыли дверь, он прокричал несколько слов по-немецки и швырнул внутрь ручную гранату. Как только она разорвалась, мы вошли в ДОТ. Мы еще несколько раз бросали гранаты перед тем, как войти в каждую из комнат, которых было 4 или 5, так никого и не нашли и были этим вполне довольны. В последней комнате мы увидели две амбразуры, одну для 88-миллиметровки, другую для пулемета. Я пришел к выводу, что стреляли по нам именно отсюда тогда, когда мы ходили за едой.

Лейтенант приказал четверым из нас остаться охранять ДОТ. Один рядом с ним, другой примерно в 25 ярдах, в окопе, а двое могли позволить себе поспать в блиндаже, расположенном еще на 25 ярдов дальше. Мой приятель сказал, что останется рядом с ДОТом, я могу занять пост в 25 ярдах от него, а еще двое пускай спят в блиндаже. В 10 вечера наши два часа в карауле закончились, поэтому я пошел к блиндажу, чтобы разбудить двоих других парней. Так они мне заявили, что не собираются стоять на часах у ДОТа. Несколько минут мы спорили, в конце концов, я сказал им, чтобы они шли со мной, чтобы сменить моего приятеля. Ну, пошли туда, так они потом последовали за нами и заявили, что будут стоять на часах только у блиндажа. В 12 ночи они нас разбудили, но мы не решились возвращаться к ДОТу, так как немцы могли преспокойно туда вернуться и просто поджидать нас. Так мы все и провели остаток ночи у блиндажа. Наступил рассвет. Мы с приятелем сказали этим двоим, что нужно идти зачищать ДОТ от немцев, но они опять отказались. Просто сказали: «Ни под каким видом.» У нас могли возникнуть проблемы, так как мы покинули пост – сами знаете, что это могло означать. Я и мой приятель вернулись к ДОТу, осмотрели комнату за комнатой, трясаясь от страха и ожидая того, что немцы подстерегают нас. По счастью, в ДОТе никого не оказалось, думаю, немцы окончательно покинули эту позицию, но мы-то этого не знали, и у нас просто поджилки тряслись. Мы, в итоге, ушли оттуда и никому ничего не стали рассказывать о случившемся... В тот же день нас отвели в тыл.

Следующая история, вероятно, будет последней. Я не знаю, где мы были и по какой-причине мы там были. Короче, мы вошли в лес, никто нам не сказал, что там происходило до этого. А произошло вот что: наша артиллерия накрыла немцев бризантными снарядами, и трудно описать словами, что с ними стало после этого. Деревья были просто перемолоты на куски осколками. Похоже, снаряды были установлены на взрыв над вершинами деревьев. Там, в лесу, я подобрал немецкую каску – я до сих пор храню ее. Вообще, как-то раз я сам попал под обстрел бризантными снарядами, но они были установлены на взрыв на большой высоте, и мы не сильно пострадали. Но то, что натворили наши снаряды, невозможно рассказать. Лучше бы увидеть это самому, но, я надеюсь, вам это не грозит.

Бой 13 января 1945 года

Вечером 12 января нам выдали белые накидки для камуфляжа. На следующее утро нам предстояло идти в атаку. Мы покинули наши окопы еще до рассвета и приблизились к населенному пункту, из которого нам было необходимо выбить немцев. Мы шли вперед, растянувшись в полукруг. В назначенное время наша артиллерия, минометы, пулеметы открыли огонь, мы тоже стреляли из наших винтовок. Прошли через этот городок, очистили его от немцев и, припоминаю, что взяли одного пленного. Остальные немцы просто сбежали, причем так быстро, что их завтрак был до сих пор на плите. Но и у нас не было времени на то, чтобы съесть его за них...

Американские солдаты в период сражения за Выступ

Мы двинулись к следующей цели. Меня послали вперед в качестве разведчика. Шли мы по густому лесу, но потом я и еще один парень вышли в заросшее кустарником пространство и попали в засаду. Огонь противника отсек нас от нашей роты. Пули летели всюду и везде, и мы попытались уползти под снежным покровом. Ползли-ползли, затем я остановился, поднял голову и увидел нашего полковника Уэлша. Он спросил меня, где радист. Я ответил, что радист находится вместе со всей ротой где-то дальше в лесу. Он приказал мне вернуться, найти радиста и привести его к нему, поскольку ему нужно было выйти на связь. Я вернулся, нашел радиста – к тому времени наши ребята уже вели огонь по противнику. Однако наши пулеметы, точнее, охлаждающая их вода замерзла, и пулеметчикам пришлось мочиться на пулеметы, чтобы иметь возможность стрелять. Пулеметы снова открыли огонь, и вместе с минометами и винтовками сделали свое дело. Мы добрались до того места, где я оставил полковника, он вышел на связь, а затем приказал нам возвращаться в роту.

Немцы прятались где-то в засыпанных снегом зарослях и видели нас, но мы никого не могли разглядеть. Пулеметчики продолжали поливать кустарники свинцом, и немцы начали кричать: «Comrade!» Не знаю, сколько их было убито или ранено, но мы выбили их с оборонительной линии, отобрали у раненых немцев винтовки и оставили их на месте дожидаться санитаров, а пленных отправили в тыл.

Арденны. Немецкие военнопленные

Мы снова пошли вперед по просеке. Вдруг кто-то из шедших в авангарде закричал «ТАНК!» и там же упал в снег... Часть из нас сместилась влево, часть – вправо. Я шел рядом с лейтенантом Маккэем, и тут мы с ним увидели прямо напротив 88-миллиметровый ствол танковой пушки. Я уже было решил, что нам пришел конец. Двое каких-то парней оказались между нами и танком, Маккэй позвал их, и они немедленно залегли. Оказалось, это были немцы в наших солдатских шинелях! Лейтенант швырнул в них гранату и через пару минут приказал нам оставаться на своих местах, поскольку сам решил перебраться на другую сторону просеки и найти ребят с базуками, чтобы разобраться с танком... Позднее я узнал, что он был убит, подробности так и остались мне неизвестны. Поднялась такая стрельба, что я даже не услышал, как танк ушел с места боя.

И тут вновь появился полковник Уэлш. Он сказал, что нам необходимо выполнить свою боевую задачу, даже если нам придется продвигаться вперед вплоть до наступления темноты. Мы тронулись вперед и снова оказались в густом лесу. Ниже, в долине, мы разглядели деревню. На другой ее стороне мы увидели выдвигающиеся вперед немецкие танки. Каждый раз, когда они останавливались и выплевывали облачка дыма, мы знали, что к нам летит «почта». Снаряды начали рваться где-то над вершинами деревьев, буквально засыпая нас осколками. Слева и справа от меня наши парни падали в снег. Полковник кричал, приказывая продвигаться вперед, но и его ранило – в ягодицу и в ногу. И тогда он приказал отступать. Нам пришлось оставить своих раненых. Мы отдали им свои пончо, наступила темнота, и санитары начали оттаскивать их в тыл...

Мы отступили в заросли и там провели ночь. Все так устали, что не было даже сил вырыть окопчик, поэтому мы просто сгребли снег в сторону и улеглись на землю. Рядом со мной был Фредди Бимэн (Freddie Beeman) из городка Клинтон/Clinton в штате Айова. И он, и я отдали свои пончо раненым, поэтому нам и лечь было не на что, и укрыться было нечем. Мы улеглись, прижавшись друг к другу. Разумеется, в такой холод нам согреться так и не удалось, но я уверен, что благодаря этому мы не замерзли до смерти, как некоторые из нас в ту ночь. Еще до рассвета нас сменила Рота F, и, когда офицеры стали поднимать нас и строить, кто-то из парней так и не встал. Мы побрели к ближайшей деревне, где нам посчастливилось укрыться от мороза и согреться. Я снял свои ботинки и носки и увидел лед между пальцами. Не знаю, правда это или нет, но слышал, что в ту ночь температура упала до -35. Знаю одно – было и правда холодно...

GI греются у костра где-то в Арденнах

О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И О СВОЕЙ ЖИЗНИ РАССКАЗЫВАЕТ ПИЛОТ В-17 ДЖОН БАЛАБАН (JOHN BALABAN, 1914-2016)

В начале пути

Мой отец полагался на мускулы, а не на мозги. Работа на ферме для него была важнее, чем учеба в школе. По этой причине мне было уже 17 или 18, когда я окончил 8 классов. На ферме я еще пацаном выполнял работу за взрослого мужика на протяжении многих лет, в школе занимался по неполной программе – ходил туда только тогда, когда дома не было работы.

Однако я окончил курс средней школы где-то через три года (после окончания 8 классов), а не через четыре, когда мне был 21 год. Мне нравилось учиться, и по этой причине я покинул ферму, когда мне было 22. Я уехал из Северной Дакоты и, голосуя на дорогах, взял направление куда-нибудь, где я смог бы продолжить образование.

У меня было четверо братьев и восемь сестер. Я родился где-то средним из них в конце 1914 года в городке Стритер/Streeter, штат Северная Дакота. Мой отец, Афанас Васил Балабан, был болгарин, как и моя мать, Дора Гелофф Балабан. Они поженились и создали семью в России, а в 1913 году приехали в Соединенные Штаты, за год до моего рождения. Когда они приехали сюда, они оказались в группе болгар, которые решили трудиться сообща, и отправились в Северную Дакоту. Они не спрашивали про зарплату, они искали возможности.

В этой стране моего отца стали звать Томас. Работал он испольщиком (sharecropper). Я родился на ферме и детство провел на ферме. Все, что было у нас на столе, было с фермы, ну, кроме сахара, соли и кое-каких специй. Моя мать за год выращивала 1 000 цыплят, еще у нее был очень большой огород. В нашем доме было много ртов, которых нужно было кормить. Я думаю, это была славная жизнь, но работать приходилось тяжело. Мой отец не верил в образование – он верил в [физический] труд. Он вкалывал и ожидал этого от своих детей. Он выращивал пшеницу, ячмень и другие зерновые и отлично знал свое дело. Его

руки требовались и на земле, принадлежавшей другим людям, и часто он был занят возделыванием полей общей площадью до 20 000 акров.

Джон с родителями сразу после войны

Фермерство всегда было для моего отца первостепенным делом, и он не пускал меня в школу, когда я был нужен дома. Если после сельхозработ оставалось какое-то время, я мог идти в школу. Соседям часто приходилось уговаривать его отпустить меня учиться, и понемногу я ходил в нее год за годом. Много раз это были ускоренные курсы [по каким-то предметам], и я очень неплохо справлялся с учебой. Если тебе приходится долго идти пешком, чтобы добраться до школы, и случается это нечасто, ты не станешь тратить время впустую.

В нашей семье дома говорили по-болгарски – на самом деле, я не знал английского, пока не пошел в школу. От учителя не требовалось говорить на языке учеников – это учителя ожидали от нас, что мы будем говорить по-английски. Моя школа была небольшим сельским учебным заведением – может, всего в ней было 20 учащихся в восьми разных классах (по году обучения). Нам приходилось ходить пешком в школу по 5 миль одну сторону, а зимой нас возили лошади, запряженные в сани.

Когда мне исполнилось 14. Мой отец купил [механическую] молотилку – одну из тех машин, которые выколачивают зерно из колосьев. Я следил за работой этой машины в течение семи сезонов [сбора урожая], с 14 лет до 21 года.

Хотя я родился в городке Стритер, большую часть своего детства я провел в Робинсоне, тоже в Северной Дакоте. Когда я уже мог ходить в среднюю школу, я стал посещать школу в Робинсоне и хотел окончить ее поскорее. Если ты ходил школу и тебе еще не исполнился 21 год, денег с тебя не брали, так что я окончил полный курс очень быстро еще до достижения этого возраста. Я оказался единственным из всех моих братьев и сестер, окончивших среднюю школу.

Довоенная служба в армии

Мне уже почти 99, и я многого не помню. Были эпизоды в моей жизни, которые мне трудно вспомнить. Что-то из этого связано с возрастом, и что-то, я думаю, с *посттравматическим стрессовым расстройством*. Я всегда верил в силу разума, всегда любил учиться, так что

в возрасте 22-х лет я покинул Робинсон и поехал на западное побережье *хитчхайком*. Мне было нужно образование, и я знал, что другим способом я этого не добьюсь. Так в 1936 году я оказался в городе Сан Педро/San Pedro, штат Калифорния, где и записался в вооруженные силы.

После начального этапа подготовки меня отправили в Форт Монроу/Fort Monroe, штат Вирджиния для обучения в школе Береговой Артиллерии. В то время в нашей стране были озабочены вопросами обороны побережья, и обучение в школе было поставлено очень жестко. Каждая минута была на счету, и руководству удалось втиснуть 2.5-годовалый курс, по уровню обучения такой же, как в колледже, в семь месяцев. Мы учили всё.

Всю мою жизнь я интересовался авиацией, но для того, чтобы стать кадетом армейских ВВС, у меня не было требуемого образовательного уровня, соответствовавшего 2.5-годовому курсу в колледже. Я попросил, чтобы мои знания протестировали, успешно прошел через это и стал кадетом. Меня отправили в город Маскоги/Mascogee для прохождения обучения в качестве кадета авиации на авиабазе *Hatbox Field*. После выпуска из летной школы я получил звание 2-го лейтенанта Береговой Артиллерии.

Джон Балабан – второй справа вместе с товарищами по экипажу В-17

Война

В 1941-м, во время обучения летному делу, как-то раз я забыл свои солнечные очки и, уже в воздухе, получил ожог глаз. Я оказался в госпитале с повязкой на глазах. Все, что я мог делать, это слушать радио, и так я услышал о том, что японцы бомбили Пёрл-Харбор. Не помню точно, что случилось сразу за этим. Вроде, был я тогда в Сан Антонио, штат Техас, когда на глазах у меня была повязка.

Зато я помню, что, когда меня послали в Европу, я отправился в Англию на лайнере *Queen Elizabeth* для того, чтобы координировать на месте прибытие самолетов и участвовать в подготовке к этому. Припоминаю, изначально мы находились на авиабазе *Grafton Underwood Airfield*, где я стал пилотом В-17 в составе 97-й Бомбардировочной Группы.

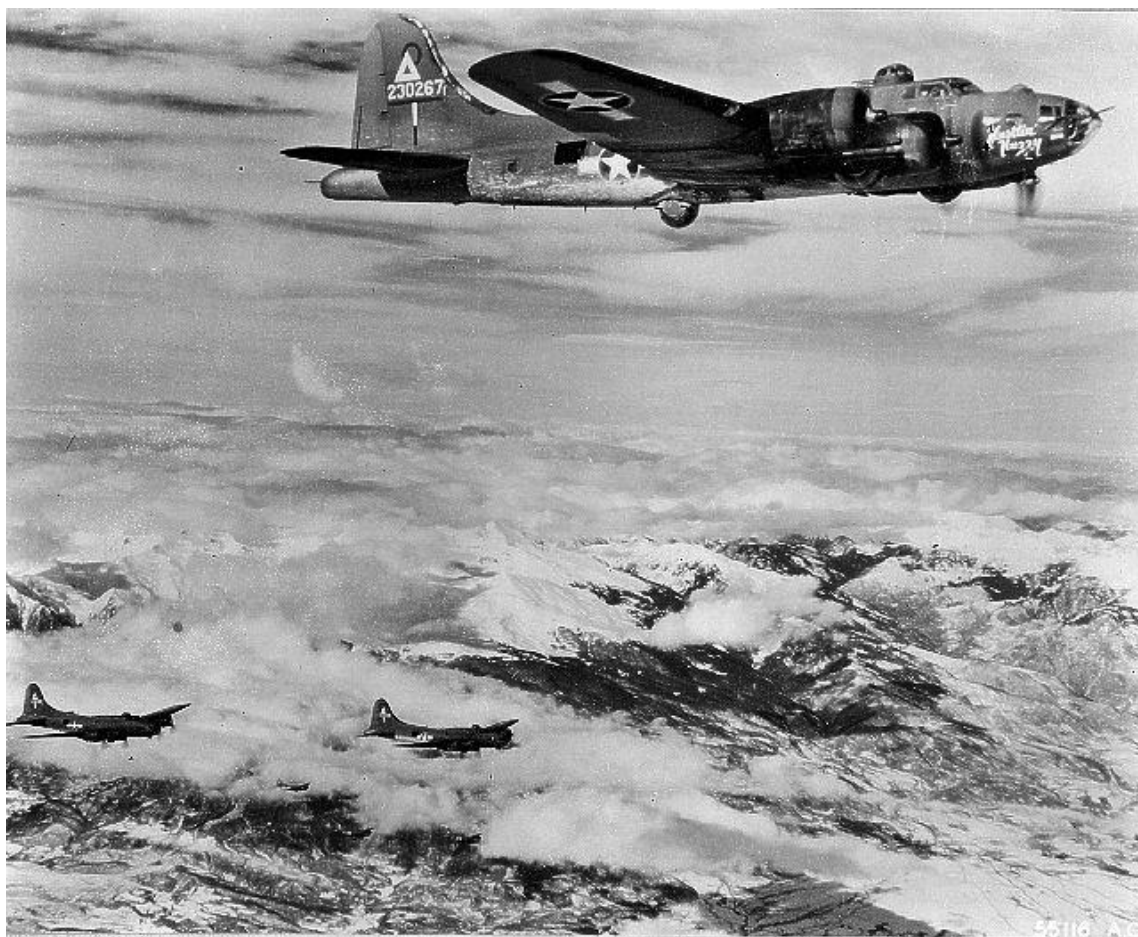
Я сделал 30 вылетов во время войны в качестве пилота В-17, и, хотя бывало, что один из моторов выходил из строя и что мы часто мы возвращались с множеством пробоин от пуль

и осколков, я горжусь тем, что во время этих вылетов не пролилась кровь ни одного из членов нашего экипажа.

Мой первый вылет был самым захватывающим, так как мы схлестнулись с немецкими истребителями. Когда мы только прибыли в Европу, нам сказали, что немецкая истребительная авиация держит под контролем небо над континентом и что, если мы полетим днем, то уже не вернемся. Мы на это особо не обратили внимания. В мой первый вылет нас послали бомбить базу немецких подводных лодок на западном побережье Франции. Во время этого вылета мы побывали в деле. У нас на вооружении было 12 пулеметов калибра .50, наши стрелки были хорошо обучены и знали, как концентрировать огонь на противнике во время стрельбы. В том вылете мы отбомбились по цели, потеряли только две машины и с помощью эскорта британских *Спитфайров* сбили 60 немецких истребителей.

Некоторые не верят в то, что могло быть сбито 60 истребителей. Как выяснилось, примерно в это время британцы работали над созданием высотных бомбардировщиков. Эти работы включали участие в рейдах [на занятую врагом территорию] высотных самолетов, наблюдавших за вступающими в бой с немцами. Где-то в то время, во время налета, в котором я не принимал участие, мы потеряли четыре *B-17* и заявили об уничтожении 108 немецких истребителей. Ну так британские наблюдатели насчитали 110 сбитых истребителей! Это вполне подтвердило правильность наших подсчетов. Нас нельзя было причислить к лгунам. Ожидалось, что немцы будут господствовать в воздухе, но мы заставили всех думать по-другому.

Во время вылетов я видел, как бомбардировщики падают, сбитые огнем зениток, и некоторые из моих приятелей были в тех сбитых машинах. Немцы были очень точны, ведя огонь с земли, и я пришел к выводу, они использовали радары. Я подумал над тем, что мы можем предпринять, и написал письмо своим старшим офицерам, в котором предложил отслеживать немецкие радары и определять частоты, на которых они работают. Затем нам нужно будет произвести оборудование, которое позволит глушить их сигналы и снизить точность их работы. Должно быть, это приняли во внимание, поскольку со временем так и сделали, и это спасло жизни многих летчиков.

Самолеты 97-й Бомбардировочной Группы

Авиаторы получали 50-процентную надбавку к содержанию, но, чтобы получить ее, мы должны были налетать определенное число часов в каждый месяц. Это и привело к тому, что я получил травму. На нашем аэродроме был английский летчик, которому были нужны часы налета и который хотел сделать вылет. Собралась группа из наших парней, пожелавших сделать с ним вылет вокруг Англии. При приземлении его немного занесло, и он уткнулся в небольшую насыпь рядом со взлетной полосой. Я сразу почувствовал, что получил травму где-то в нижней части спины, и какое-то время провел в госпитале. Этого оказалось недостаточно, чтобы меня сняли с полетов, поскольку мы крепко пристегивались к сидениям во время полетов, и я мог делать на своем месте все, что полагалось. Через много лет после того, как я покинул вооруженные силы, мне сделали операцию и вставили кусок бедренной кости в позвоночник, после чего меня стали считать ветераном-инвалидом.

Не все свои вылеты я совершил из Англии. Позднее 97-я Бомбардировочная Группа была переведена в состав 12-й Воздушной Армии на Средиземноморье. Я припоминаю, что летел туда, обогнув Францию, чтобы не попасть на немецкие радары. Мы сначала летели в направлении Гибралтара, а затем приземлились в северной Африке. Мне трудно вспомнить названия всех тех мест в Африке, но я знаю, что мы базировались на аэродроме Бискра/Biskra в Алжире.

Как-то, совершив вылет с аэродрома в северной Африке, я припарковал свой B-17, и мой приятель сделал то же самое совсем неподалеку. Экипажи обеих машин устали, и, как это часто делалось, мы остались спать в самолете или рядом с ним. Мой приятель и его экипаж улеглись на землю под крыльями своей машины, а я – прямо в нашем самолете. Пока мы спали, немцы атаковали аэродром. Помню, как я проснулся и увидел его самолет рядом с

собой, взлетающим в воздух на высоту где-то в 20 футов и разваливающимся на горящие куски. Боеприпасы с этого самолета взрывались всюду и везде рядом с нами.

На следующее утро я пошел взглянуть на то место, где взорвался этот бомбардировщик. Самая большая часть человеческого тела, которую я сумел разглядеть, - это чья-то нога от лодыжки до бедра, на которой сохранилась штанина летного комбинезона. Это был такой шок, который я уже не смог забыть. Из-за этого на какое-то время у меня случилось *посттравматическое расстройство*.

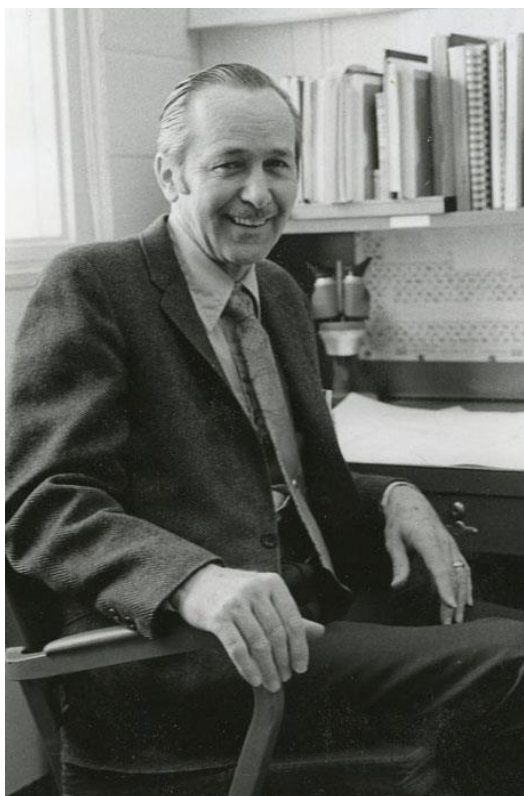
После войны

Я уже точно не помню, когда вернулся из Европы. Помню, что летели мы с западного побережья центральной Африки через какие-то небольшие острова и, в итоге, приземлились в Майами. Мне дали отпуск, и я отправился в Северную Дакоту, чтобы увидеть родителей. У меня осталось фото из этой поездки, и я помню, как счастлива была увидеть меня живым моя мать.

Когда я покинул службу, мне было немного за тридцать, и я подумывал о том, чтобы вернуться к фермерству в Северной Дакоте. Где-то в это время я встретил свою будущую жену Клодин (Claudine). Она училась в колледже в Калифорнии, но ее отец приехал в Северную Дакоту, чтобы служить в церкви в городке под названием Стил/Steele. Она приехала повидаться с ним, и как-то, когда она сидела в маленьком ресторанчике во время ланча. Хозяйка ресторана попросила ее на какое-то время присмотреть за кухней. Я в тот момент сидел за чашкой кофе, и, когда она появилась там, мы разговорились. Помню, что она рассказала мне о своем самолете и о том, как она летала на нем. Когда она закончила, я показал ей свою [идентификационную] карточку в которой было указано, что я являюсь майором запаса армейских ВВС. Она посмотрела на карточку, потом на мою фермерскую одежду и сказала: «Какого черта вы здесь делаете?» Она была пятью годами моложе меня и очень уверена в себе. Мне это понравилось.

Ее отец хотел, чтобы она получила образование, и сказал ей, что, если она хочет выйти за меня замуж, сначала она должна окончить университет. Так она и сделала, и 12 января 1948 года мы поженились. Наш сын Дэвид родился в 1953-м, сын Даглас – в 1954-м.

Я пришел к выводу о том, что фермерство не для меня. Та травма спины, которую я получил в Англии во время войны, не давала мне возможности заниматься этим. Уже всего и не припомню, но расскажу, как началась моя карьера в компании *Sandia*.

Джон Балабан в период работы в лабораториях Sandia

В 1953-м один из моих друзей, инженер-электрик, сказал мне, что компания *Sandia National Laboratories* нанимает людей и что мне стоит подать заявление о приеме на работу. Эта компания была очень жесткой в отношении к образовательному уровню: казалось, каждый ее работник имел степень магистра или кандидата наук. Хотя у меня никакой степени не было, я пошел к нему подал заявление. Парень из компании сказал мне: «Вам 38 лет, и у вас нет никаких документов о том, что вы умеете делать. И вы ожидаете, что я приму вас на работу?» - «Предлагаю сделку, – сказал я. – Почему бы вам не нанять меня на 4-5 недель, чтобы я мог показать вам то, что умею.» Он нанял меня на эти 4-5 недель, которые обернулись в 21 год. Большую часть этого времени я жил в городе Плезантон/Pleasanton, а работал в Ливерморе. Я проектировал и испытывал системы запала и подрыва ядерных боеприпасов. Большею частью мы занимались проектированием ракет с ядерными зарядами и принимали участие в их испытаниях при запусках ракет с различных типов кораблей военно-морского флота. В мою работу входило обеспечение исправной работы ракет с боевыми зарядами.

Norton Sound в 1958 году

У меня есть книга под названием *The Horned Shellback*, в которой описан поход корабля *Norton Sound*, «винтажного» авиатранспорта, который был перестроен после войны в плавучую платформу для запуска ракет. В 1958 году я принял участие в его походе, во время которого были выпущены три ракеты с ядерными боеголовками малой мощности. Заряды были взорваны в верхних слоях атмосферы, и собранные спутниками после взрывов данные помогли в открытии радиационного пояса Ван Аллена.

Группа конструкторов лабораторий Sandia, проектировавших электросхемы для стрельбы ядерными боеприпасами (справа – Джон Балабан)

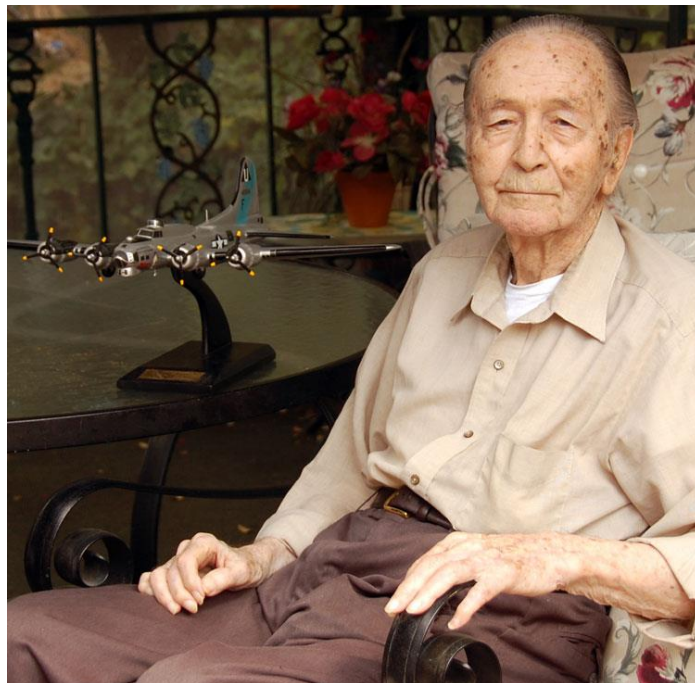
Частенько мне приходилось взводить ядерный заряд за 10 секунд до отстрела ракеты. И вот однажды мы взвели заряд, нажали на кнопку пуска ракеты, и произошла осечка. Так мы остались с взведенной ядерной ракетой на борту нашего судна, и мне надо было ее разрядить. Для начала мне нужно было снять стеклопластиковый носовой обтекатель ракеты. Я взял отвертку и начал откручивать винты, и тут сломалась насадка отвертки. Такая вот картина – сижу верхом на ядерной ракете, пытаюсь снять обтекатель. Зубильцем и молотком я отстукал этот винт, и, в итоге, снял обтекатель и разрядил ракету.

Это пример того, как мне приходилось держать под контролем свои собственные страхи. Я думаю, страх – штука странная. Если разрешить своим страхам овладеть тобой, ты уже ничего не сумеешь сделать. Я сталкивался с множеством таких ситуаций и научился держать свои страхи в узде.

Еще когда я работал в лаборатории *Sandia*, я сходил в *Администрацию по Делах Ветеранов/Veterans Administration* и попросил их послать меня на медосмотр, так как знал, что со мной что-то не так. После войны я несколько раз пытался вернуться в колледж по схеме *GI Bill* и получить диплом, но к тому времени я понял, что мне уже трудно впитывать знания и удерживать их в себе.

Со мной часто случались повторные переживания, и большая их часть была связана с моими боевыми вылетами. Меня волновало то, чем закончится вылет. Как-то я лежал и чувствовал, что вот-вот наступит такой момент, и я дал этому случиться, но, в итоге, я оказался [в грезах] на ферме в Северной Дакоте, а не в воздухе. Помню, что в тот момент, оказавшись на ферме, я испытал умиротворение...

Мне сказали, что я страдаю от *посттравматического стресса*, но я не помню, чтобы меня лечили от этого. Меня укладывали в госпиталь в Ливерморе на какое-то время, когда я еще работал в лаборатории, где меня признали инвалидом из-за проблем со спиной. В 1973 году меня отправили на пенсию. Они хотели нанять людей помоложе и, как я думаю, решили, что возраст 59-60 лет – это уже слишком много. Они забыли о том, что у вас со временем накапливается огромный багаж знаний. Так что руководство решило, что люди постарше должны уйти.

Джон Балабан рядом с моделью В-17. 2013 год

Заключение

Всю свою жизнь я делал то, что решал делать сам. Если меня кто-то просил спроектировать что-то, я никогда не спрашивал себя, могу я это сделать или нет. Я спрашивал себя, как я буду это делать, а потом брался за работу. Часто приходилось делать то, чего я еще не умел или не хотел делать.

После выхода на пенсию я старался быть чем-то занятым. Мне нравилось что-то изобретать, и я спроектировал и сделал машинку для перетягивания теннисных ракеток. Затем я создал компанию и нанял людей. Они пришли, помогли мне и еще помогли себе. Они украли мой дизайн и выдали его за свой.

Как я уже говорил, многого я уже не могу вспомнить, а некоторые воспоминания приходят очень четкими. Мы летали на высоте 25 000 футов над землей, и на этой высоте за самолетом остается конденсационный след. Пули тоже его оставляют. Так вот, в самолет, в котором я летел, попадало столько пуль, что он казался белым от конденсационных следов. Вот это я вижу сегодня очень так же явственно, как тогда... Да, я горжусь тем, что сделал во время войны. Горжусь тем, что никто из моего экипажа не был ранен во время вылетов, в которых я управлял самолетом. В самолете были пробоины, а в людях – нет. Я горжусь тем, что служил своей стране, тем, что был майором, когда ушел из запаса. Когда мне нужно было принимать трудные решения во время войны и после нее, я, должно быть, принимал правильные решения... И я еще здесь.

Награды, полученные Джоном Балабаном

American Campaign Medal

World War II Victory Medal

European-African-Middle Eastern Campaign Medal

American Defense Service Medal

Army Good Conduct Medal

Air Medal (with oak leaf clusters; 1 for every 5 additional missions)

ДЖОУ КЕННИТ ДИКСОН (JOE KENNITH DIXON)

81st AA Battalion - 101st Airborne Division/81-й Батальон ПВО – 101-я Воздушно-Десантная Дивизия

101-я Воздушно-Десантная Дивизия – одно из подразделений армии США, заслуживших громкую славу. Легендарный статус закрепился за этой дивизией после выхода телесериала *Band of Brothers / Братья по Оружию* (2001), созданного по одноимённой художественно-документальной книге историка Стивена Эмброуза. О своем участии в боевых действиях дивизии рассказывает пулеметчик Кеннит Диксон...

В пятницу 13 марта 1942 г. я начал свою армейскую службу в лагере *Camp Beauregard* (Лос-Анжелес). Это был старый военный лагерь времен ПМВ, состоявший из одноэтажных казарм с грунтовыми полами, усыпанными опилками. В казармах стояли раскладные кровати, на каждого было по два одеяла. Единственным преимуществом этих казарм было то, что в них не нужно было подметать и мыть пол.

Нам выдали форму и солдатские жетоны, затем постригли. Вечером в казарму пришел солдат с нашивками на рукаве и сказал, что всем необходимо явиться в 3 утра для работы на кухне (это именовалось *K.P. duty – Kitchen Police* или *Kitchen Patrol – ВК*). Вскоре я узнал, что это был сержант, и тот «кухонный патруль» стал первым из множества случаев, в которых мне была предоставлена эта «честь». На следующее утро меня разбудили в 2.45 ночи и сказали явиться на переключку напротив казармы. В то утро я узнал, что, когда называют твое имя, нужно говорить не «здесь» или «присутствую», а просто крикнуть «хо!».

Весной 1943 г. приобретенные нами в ходе обучения навыки были проверены во время десятидневных маневров в Южной Каролине. Это было веселое время! В лагере *Форт Брэгг/Fort Bragg* мы погрузили наше снаряжение на планер и уже вскоре были в воздухе. Приземлились мы вблизи городка Ламбертон/Lumberton на кукурузном поле. Стебли кукурузы проткнули пол планера и сильно замусорили его. Забавное было приземление... В последующие 10 дней мы спали и отдыхали совсем немного.

В Англии

В Англии наш лагерь находился в лесистой местности, что поднимало настроение, но портило его то, что баня и туалет находились ярдах в 100 от казармы. Прямо рядом с лагерем находился паб. Англичане приходили в этот паб целыми семьями – в нем они наносили визиты друг другу и общались. Мы же в нем научились здорово играть в дартс.

Я попал в дивизионную баскетбольную команду – мы стали путешествовать, проводя игры. Как-то вечером мы играли в городке Ридинг/Reading, и игра у меня шла неплохо. Я услышал, как кто-то с трибун все время кричит: «Come on brother - good going brother! / Давай брат – хорошая игра, брат!». (В школе братом меня звала девушка по имени Джорджия). Я понял, что кричит кто-то из моих родных мест. После игры двое парней подошли к площадке. Это были Уилки и Эдвин Стивенс (Wilkie и Edwin Stephens) из моего родного Хорнбека/Hornbeck. Приятный сюрприз! Это был один из тех моментов, которые заряжают тебя энергией...

Не припомню случая, в котором мне удалось увидеть хорошее кино в Англии. Я не понимал, что они говорили, из-за их акцента, а их чувство юмора было для меня чем-то непостижимым. Однако хорошим развлечением были танцевальные вечера, кроме того, было множество исторических мест, которые стоило увидеть.

Как-то я получил письмо от парня из моих родных мест, который, как я знал, тоже находится в Англии. По штампу я понял, что оно было отправлено всего день назад (разумеется, место где он служил, не было указано по соображениям секретности). Я обрадовался, потому что понял, что он где-то близко. Я ответил ему и написал, что мог бы встретиться с ним в Лондоне или в Ридинге в танцевальном клубе. Вскоре он ответил, что может встретиться со мной в Оксфорде. Его звали Кендрик Эванс (Kendrick Evans). Когда-то мы с ним были хорошими друзьями и пару лет до призыва в армию проводили вместе свободное время. Он служил в ВВС и погиб во Франции. Бобби Кэйн (Bobbie Cain), парень, с которым мы вместе росли, тоже погиб. Мне довелось повидать его в Англии. Несколько парней из моего батальона были откомандированы в Вестчестер/Westchester, чтобы подготовить лагерь для вселения в него 9-й Пехотной Дивизии (она возвращались из Сицилии). Двое

из этих парней жили в моей казарме, и однажды ночью у услышал их разговор, в котором они называли номер части, для которой производили уборку помещений. Это был 60-й Батальон 9-й Дивизии. Эта дивизия в свое время проходила подготовку в лагере *Форт Брэгг* и была отправлена в Африку, а моя 101-я Дивизия вселилась в их казармы. В той дивизии служил Бобби. В тот же уикенд я получил увольнительную и поехал в их расположение, чтобы увидеться с ним. Приехав в лагерь, я нашел его – Бобби спал после наряда на КПП. Никогда не забуду его лицо, когда он увидел меня. Я нашел с ним общий язык только через несколько часов. Он рассказал мне о том, что пережил в Африке и на Сицилии. Он знал, что ему предстоит принять участие в вторжении во Францию, и предчувствовал, что не вернется домой. Он погиб за 9 дней до окончания войны.

В конце мая 1944 г. мы тронулись в путь к побережью. Мы пробыли там почти неделю, где проходили последний инструктаж, изучали карты и проверяли наше снаряжение. Инструктаж проходил в большой палатке, в которой потом по вечерам показывали кино. Сидеть было не на чем, и мы сидели прямо на земле или на касках. Как-то я опрокинулся со своей каски назад и упал на кого-то. Когда я сказал «извиняюсь», и через несколько секунд, в полной темноте, этот парень ткнул меня в спину и сказал: «А ты не Кеннит Диксон?» Я ответил: «Точно, это я, а как ты узнал меня в темноте?» Он сказал: «Узнал твой голос.» Это был Гвинн (Guinn) из Хорнбека. Парень служил сержантом, отвечавшим за работу столовой, и после шоу он взял меня с собой и пожарил каждому из нас по цыпленку. Это было здорово – посидеть и поговорить с человеком из твоих родных мест...

Итак, мы погрузились на судно, которое переправило нас в Нормандию. (Нас готовили к высадке с планеров, а за пару месяцев до ее начала нас отправили в Блэкпул, где обучали технике десантирования с моря). Мы подошли к берегу, а затем по веревочным лестницам спустились в катера, которые должны были доставить нас на берег. Часа за два до часа «Н» над нашими головами появились самолеты, которые начали штурмовать немецкие позиции. Корабельная артиллерия также вела огонь. Атаки авиации и обстрелы закончились до наступления светового дня, и больше такого фейерверка мне увидеть не довелось. Час *H* наступил в 6.30 утра – время высадки первой волны.

Мое подразделение должно было высадиться на берег через 7 минут после наступления часа «Н». Однако где-то ярдов за 200 от берега в наше десантное судно попал немецкий 88-мм снаряд, который перебил трос, удерживающий носовую аппарель, и она упала в воду. Двое парней из моего расчета и я стояли рядом с пулеметом, готовясь подхватить его и тащить на берег. Немецкий снаряд прошел наш катер и убил пятерых парней. Их просто разнесло в клочья – я стоял поблизости, и мне пришлось стирать с лица с лица куски плоти и чужую кровь. По соседству с нами остановился другой катер, чтобы подобрать троих парней, управлявших нашим судном. Наш лейтенант сказал им взять нас на борт до того, как затонет наш катер, и высадить на берег. Получив отказ, лейтенант выхватил пистолет и сказал следующее: «Если вы не высадите нас на берег, то вы не проживете достаточно долго для того, чтобы рассказать о происшедшем.» В итоге мы перебрались в другой катер, но он так и не доставил нас к самому берегу... Когда мы выбрались на пляж, немецкие снаряды рвались повсюду. Вдоль пляжа протянулась бетонная стена высотой примерно 6 футов. Все пытались добраться до стены, чтобы найти под ней укрытие от огня. Мне это удалось, и я просто присел под ней. Вскоре вся моя группа собралась вместе, и мы установили наш пулемет так, чтобы он выглядывал из-за стены. Затем подтянулись части 4-й Пехотной Дивизии, и с помощью их танков войска начали продвигаться вглубь суши.

Все больше и больше людей, танков, грузовиков, всевозможная техника начали высадку на берег. К середине дня весь пляж был заполнен техникой. Мы слышали грохот корабельных орудий большого калибра, ведущих огонь по целям, расположенным далеко от побережья. Вскоре мы сообразили, что у противника просто нет самолетов, чтобы атаковать побережье Нормандии – в воздухе господствовала авиация союзников. Однако во второй половине дня над пляжем прошли три немецких самолета, обстрелявших пляж и сбросивших несколько бомб. Их встретил шквал огня, и самолеты были сбиты. Перед

самым наступлением темноты я увидел первую группу пленных. Я стоял рядом со своим пулеметом, когда их привели на пляж – колонну примерно из 75 человек, четверо в каждой шеренге. Это было замечательное зрелище! Когда они подошли поближе, я увидел, что среди них была женщина. Военнопленные промаршировали мимо меня и вступили прямо в воду: их собирались погрузить на десантные катера и отправить в Англию. Немцы вошли в воду, и женщина начала поднимать свою юбку, чтобы не замочить ее, но вскоре поняла, что это – бесполезное занятие. Я стоял и думал: теперь, ребята, вы вообще не выглядите как раса господ...

С нашей позиции я видел почти весь пляж *Юта*. Весь день саперы расчищали его от различных препятствий, убрали мины и взрывали в бетонной стене проходы для техники и людей. Казалось, они не обращают внимания на рвущиеся поблизости снаряды. Первый день высадки подходил к концу. Мы закрепились на узком плацдарме и заплатили за это дорогую цену. Я провел на побережье 6 дней, после чего нас перебросили к находящемуся на некотором расстоянии от него мосту, который нужно было удерживать и не дать немцам взорвать его. Заняв позиции у моста, мы поняли, что здесь только что закончились тяжелые бои. Неубранные трупы немцев и американцев все еще были разбросаны в округе. Мы установили наш пулемет на огневую позицию и почти сразу же увидели, как к мосту приближается грузовик, полный немцев. К этому моменту мы уже установили на огневые позиции восемь пулеметов, так что остановить немцев не составило труда. Нам было приятно сознавать, что мы спасли мост. Больше мы на этом участке в бой не вступали, немецкая авиация нас не беспокоила. В течение трех следующих недель мы несколько раз меняли позиции, и по-прежнему нашей задачей была охрана мостов и дорожных перекрестков.

Культовая фотография: солдаты 101-й Дивизии через два дня после высадки в Нормандии с захваченным немецким знаком воздушного опознавания

Все это время у нас не было возможности помыться по-нормальному. Через тридцать дней установили душ с горячей водой, из под которого нас трудно было вытащить. Это было что-то... На следующий день выяснилось, что нас отправляют обратно в Англию: и 101-ю, и 82-ю воздушно-десантные дивизии. Мы провели во Франции 33 дня. Нас отвели обратно к пляжу *Юта*, погрузили на десантные корабли *LST*, и вскоре мы снова были на нашей базе в городке Пэнгборн/Pangborne. Несколько дней мы приводили в порядок наши орудия, одежду и самих себя. Тут сказали, что всей дивизии дадут увольнительные – мы не могли в это поверить. Прогулки по городским улицам, походы в кино, пабы, отсутствие необходимости беспокоиться о том, стреляют в тебя или нет – все это было замечательно. Но вскоре отпуск закончился, и нас вернули в лагерь, чтобы держать наготове. Из Франции, тем временем, приходили, в основном, хорошие новости.

Примерно 12 августа нас отправили во Францию для следующей миссии, но к моменту нашего прибытия Паттон уже захватил то, что намечали для нас, и нас снова вернули в Англию. Находясь в Англии, мы уже начали думать, что так и проведем войну в рейсах на LST через пролив и обратно, но третья миссия оказалась вполне реальной. Она получила название *Market Garden*. Нам предстояло высадиться в Голландии и захватить несколько мостов через реку и каналы, чтобы дать возможность союзным войскам продолжить наступление вглубь Германии. 101-я Дивизия должна была захватить и удерживать мосты через реку Маас и реку Ваал в районе города Неймеген/Nijmegen. 82-й Дивизии предстояло захватить и удерживать мосты через каналы к северу от Эйндховена в районе городка Вехель/Wechel и деревни Сон/Son.

1-я Британская Воздушнодесантная Дивизия захватила самый удаленный мост в районе Арнема. 82-я и 101-я Дивизии тоже выполнили свои первоначальные задачи. Все мосты были захвачены целыми и невредимыми. Теперь перед десантниками стояла задача удерживать мосты до подхода британских наземных частей. Предполагалось, что у немцев мало сил в районе Арнема. На самом деле, все было наоборот. В районе Арнема располагались две немецкие бронетанковые дивизии, поэтому к моменту прорыва британцев десантники были разгромлены. Нам приказали удерживать отрезок шоссе в 50 миль длиной и мосты, но немцы быстро пришли в себя и начали атаковать, нацеливаясь на мосты. В секторе, где был я, они дважды перерезали дорогу, но оба раза нам удалось сбить их с захваченных ими участков. Бои здесь были кровопролитными, в то же время генерал Монтгомери столкнулся с ожесточенным сопротивлением и продвигался не так быстро, как ожидалось. Это означало, что снабжать нас всем необходимым можно было только с воздуха.

Мой батальон переместился в небольшой городок близ Неймегена, где мы сменили отряд британских солдат. Через городок с запада на восток проходила железная дорога, с юга к ней примыкал канал. Между каналом и железной дорогой проходила обычная дорога, - единственная, ведущая в городок. Там, где эта дорога делала резкий поворот и пересекала железку, находилось небольшое здание железнодорожной станции. К северу от железки располагался сам городок, дальше – еще один канал. Британцы сказали нам, что на противоположном берегу этого канала находятся позиции немцев, среди которых большинство – пожилые люди и подростки, которые не хотят воевать. Сами британцы расхаживали без оружия и даже без касок. Меня отправили на северную окраину городка, чтобы найти двухэтажное здание и установить на втором этаже пулемет, чтобы при необходимости вести огонь по позициям немцев через канал. Нам также приказали выпустить в их сторону несколько очередей, чтобы припугнуть противника.

Солдаты 101-й Дивизии в бою. Операция Market Garden

На следующий день за час до рассвета эти «старенькие немцы, которые не хотели воевать», начали обстреливать нас тяжелыми снарядами. Налет продолжался около часа, и как только он закончился, мы уже знали, что сейчас начнется массированная атака пехоты. Нас хватало лишь для тонкой оборонительной линии, и наши перспективы выглядели не очень веселыми. Было около 10 утра, когда мой сержант подошел к нам и приказал уходить, взяв с собой самый минимум. Мы вывели из строя наш пулемет и ушли. Перед этим сержант сказал нам отступить к зданию железнодорожной станции, где остальные парни будут дожидаться нас. Немного не доходя до станции, мы увидели рядом с одним из домов семерых наших и джип с прицепом. Все загрузились в джип и прицеп и тронулись в путь. Выбраться из городка можно было или по дороге, или вплавь через канал. Немцы поливали переезд через железку из пулемета. Мы знали, что наступит момент, когда немцам придется перезарядить пулемет, и сколько времени это займет. Как только этот момент наступил, сержант скомандовал «вперед», водитель нажал на газ, и мы рванули через переезд. Нам нужно было сделать резкий поворот влево после переезда, и я ожидал, что прицеп перевернется, но этого удалось избежать...

Мы проехали какое-то расстояние и перегруппировались. Позднее мы узнали, что, если бы не двое наших ребят, находившихся в станционном задании и отстреливавшихся из пулемета, мы бы не выбрались из этого городка... Через день или два части 101-й Дивизии снова захватили городок. Во время боя за него двое наших парней окопались рядом с поленицей дров. Одного из них звали Зиберт (Zebert), другого – Хикки (Hickey). Зиберт самым старым в нашей батарее. У него не было семьи, и вырос он сиротой. Писем он не получал. Зиберт даже записал Хикки в качестве бенефициара своей армейской страховки – такими друзьями были эти парни. На гражданке Хикки был профессиональным картежником, и эти двое резались в карты все свободное время. Так вот, когда они окопались, их ситуация выглядела безнадежной, и Зиберт сказал Хикки, что сейчас случится самое худшее. Он добавил: «Хочу спросить тебя и надеюсь, что ты скажешь мне правду. Ты когда-нибудь жульничал, играя со мной в карты?» Хикки ответил: «Все время это делал.» Короче, Зиберт из этой переделки выбрался, а Хикки, вроде, попал в плен. Мы еще находились на нашей позиции, когда увидели, что кто-то приближается к нам, кажется, Хикки. Через минуту мы все увидели – это был он. Зиберт вышел из себя и заорал: «Дайте мне его, я убью это шулера, так и так его!» Но, подбежав к Хикки, Зиберт обнял своего товарища, и они оба замерли на мгновение. Это был счастливый момент...

Нас переместили на оборонительные позиции. К этому времени бои стихли. Мы провели в Голландии уже 73 дня, когда 101-ю и 82-ю дивизии посадили на грузовики и вывели из Голландии. 101-я Дивизия была отведена к *Mourmelon-Le-Grand* – лагерь близ Реймса во Франции. Мы провели там совсем немного времени и успели толком получить подкрепление и подготовить технику и снаряжение к следующей операции...

Арденны

17 декабря нас разбудили посреди ночи и приказали готовиться к маршу. Вскоре мы были в пути – оказалось, мы шли в Бастонь. Была холодная и дождливая ночь, первая из череды тех, которые нам предстояло перетерпеть. За что ни возьмись, всего у нас было мало. Бастонь была важным узлом дорог, и удержать ее нужно было любой ценой. Мы узнали о том, что немцы бросили все свои резервы в бой, чтобы прорваться через наши оборонительные линии, рассеять силы союзников на две части и проложить себе дорогу на Антверпен. Это могло бы продлить войну еще на год. Наш пулеметный батальон разместили в центре города, чтобы он могла защитить штаб. Мой пулемет располагался на южной стороне цепочки двухэтажных зданий. Погода совсем испортилась – пошел снег. В первую же ночь немецкие самолеты прошлись над нами, сбрасывая бомбы и обстреливая город. Следующей ночью они появились снова. Поскольку мы открывали огонь по ним в прошлую ночь, они уже знали, где мы. Немецкая бомба упала неподалеку от нас, осколок попал в затворную коробку моего пулемета и вывел его из строя.

22 декабря Бастонь была почти полностью окружена, а 23-го мы уже были в котле. 22 декабря, к нашим позициям приблизились три немецких солдата с белым флагом и сказали, что у них послание для нашего старшего офицера. Солдаты отвели их к генералу Маколиффу (McAuliffe), и он увидел в послании следующее: «Вы полностью окружены и, если не сдадитесь, будете уничтожены.» Генерал ответил одним словом: «Nuts/Херня!»

Погода не стала лучше, все еще шел снег. Бастонь была под постоянным жесточайшим артобстрелом. 24-го наш батальон был перемещен на южную окраину Бастони, чтобы прикрыть одну из основных дорог, ведущих в город. Мы получили приказ передвинуться в 10 часов вечера. Прибыв на место, мы вырыли ячейку, закончив работу за час до рассвета. Позиция наша была рядом с каким-то старым сараем. Небольшой такой сарай. Я разместил двух парней с противоположной стороны сарая и троих внутри него. Двое остались у нашего пулемета.

24-го утром погода прояснилась. Выглянуло солнце, и с ним появились истребители союзной авиации. Затем прилетели транспортные самолеты C-47 и стали сбрасывать нам разные грузы. Это было зрелище! Ну а истребители прошерстили позиции немецких танков и их и подъездные пути. Получив припасы с воздуха, мы приободрились, поскольку теперь у нас было вдоволь снарядов и свежие продуктовые пайки. Было 8 утра Рождественского дня, и я едва закончил уничтожение моего *К-рациона*, когда наступил настоящий ад... На нас обрушился огонь минометов и всего остального, что могло стрелять. Это продолжалось минут двадцать. Когда огневая подготовка закончилась, немцы вышли из леса напротив нас. Мы должны были накрыть огнем полосу шириной примерно в 500 ярдов. Немцы были одеты в белоснежные маскировочные костюмы, и как только я увидел их, я тут же закричал: «Вот они – идут!» Я быстро увидел, что мой напарник не в состоянии стрелять, оттолкнул его от пулемета и открыл огонь. Между мной и дорогой было еще два пулемета, и они начали стрелять еще раньше меня. Немцы продвинулись до середины открытого поля, но попав под наш огонь, стали падать в снег и потом отошли. До полудня они пытались атаковать еще дважды, потом все стихло. Я спросил у парня, который был со мной в расчете, что с ним случилось – я-то думал, что он просто замерз. Он сказал, что хотел подпустить немцев поближе. Я ответил: «Черт возьми, парень, по мне и так они уже были слишком близко!» Так прошло Рождественское утро. С тех пор я не особенно люблю фейерверки и салюты...

Американские пулеметчики на оборонительной позиции. Бастонь

В итоге наша дивизия, укомплектованная на $\frac{3}{4}$, после 73 дней тяжелых боев [в Голландии] и очень короткого отдыха отбила атаки лучших немецких частей. Жители Бастони повылезали из всех щелей и укрытий, чтобы отметить нашу победу.

Рано утром 26-го мы слышали чей-то крик: «Эй, из 101-й, высуньте головы и дайте вас опознать!» Это прокричали трижды, и трижды какой-то парень прокричал в ответ: «Катись к черту, высунь свою башку и дай опознать себя!» Это были парни из авангарда 4-й Танковой Дивизии. Мы искали их три дня. Вскоре их танки и люди стали входить в город.

Мы получили прозвище «Битые Ублюдки из Бастони» и покинули этот город во время настоящего бурана. Это произошло 19 января. Вскоре нас подняли по тревоге для проведения другой боевой операции в Эльзасе-Лотарингии. Тишина и спокойствие в этом краю радовали нас после боев в Бельгии. Здесь мы обосновались в жилых домах. Парень по имени Митчел и я расположились в доме, в котором жила женщина с сыном 8-9 лет. С ними жила мать хозяйки.

Мы заняли оборонительные позиции в районе города Агно/Нагуенау на реке Модер. Река Модер протекает через город Агно, немцы в то время закрепились на северном берегу. Здесь применяли принцип ротации: 4 дня на передовой – 4 дня в глубине позиций. Иногда немецкая артиллерия обстреливала нас, но, в целом, было довольно спокойно. Находясь на передовой, мы питались сухими пайками. В каждом из них была плитка шоколада, и мы с Митчелом оставляли наш шоколад для маленького парнишки, который никогда в жизни не ел шоколад. Когда мы покидали эту стоянку, хозяйка дома дала нам в дорогу шоколадный торт – шоколад был из тех самых плиток, которые отдавали парнишке...

После месячного пребывания в Агно нас вернули в Мурмелон/Mourmelon (Франция). Здесь мы отдыхали, продолжали боевую подготовку и наслаждались тишиной и спокойствием. Здесь мы узнали о том, что наша часть получила благодарность от Президента Эйзенхауэра/Presidential Unit Citation. Впервые в истории армии США такой чести была удостоена целая дивизия! Мы заслужили это за храбрость, проявленную при обороне Бастони.

24 марта мы наблюдали с земли за тем, как части 17-й Воздушно-десантной Дивизии пролетели над нами, направляясь к расположенной за Рейном зоне высадки. Через несколько дней, в начале апреля, мы уселись на грузовики и направились в сторону Рура. В нашу задачу входило удержание западного фланга Рурского котла на западном берегу Рейна. Это опять были позиции для статичной обороны. Опять нам приходилось проводить много времени в ночных патрулях в надежде, что ничего существенного уже не случится. Наша армия уже была в Германии и быстро продвигалась вперед. Разумеется, мы не получали утренних газет и не знали толком, что происходит. Мы знали, что «башмаки должны быть на ногах», и, если придет приказ выступать, нам останется только спросить: «В какую сторону?». Но мы чувствовали, что конец войны приближается...

В конце апреля мы выступили из Рура и начали быстро продвигаться на юг в сторону Баварских Альп и Австрии. Немцы уже потеряли волю к сопротивлению и сдавались тысячами. Иногда нам приходилось видеть их длинные колонны, марширующие к пунктам сбора военнопленных без конвоиров. Мы продвигались к Ульму, когда увидели джип, в котором стоял офицер и кричал нам, что Германия капитулировала. Мы чуть с ума не посходили от радости. Остановились мы в Австрии на вершине какой-то горы в курортном отеле для горнолыжников. Война в Европе закончилась, и теперь мы могли есть горячие блюда три раза в день и делать преимущественно то, что нам хочется...

Памятник погибшим солдатам 101-й дивизии. Бастонь

РАССКАЗ ДЕСАНТНИКА КЕННЕТА КОРДРИ (KENNETH CORDRY – 1924-2014)

3-й Батальон - 502-й Полк - 101-я Воздушнодесантная Дивизия

Февраль 1943

Меня взяли в армию в феврале 1943-го. После медицинского и психологического тестирования мы отправились куда-то на поезде с занавешенными окнами. Все держалось в секрете, делалось это для того, чтобы данные о передвижении войск не попали в руки врага. Ну а мы сидели и гадали, куда попадем – на Тихий океан или в Европу... Поезд прибыл в лагерь *Кэмпбелл/Camp Campbell*, штат Кентукки. В то время это была база бронетанковых войск, где я пробыл несколько месяцев. Затем я был переведен на базу подготовки воздушно-десантных частей в *Форт Беннинг/Fort Benning*, штат Джорджия. В первый же день новичков отмаршировали к большому полю, чтобы посмотреть, как выглядит массовая высадка воздушного десанта. Большинство из нас до сих пор ни разу не видело парашюта. Над полем появились самолеты. У одного из парней не раскрылся парашют, и он упал на землю прямо напротив нас. Нам приказали помалкивать о случившемся и сказали, что те, кто не хочет в десант, могут получить перевод в другие рода войск. Довольно много ребят покинули лагерь за пару дней, но я хотел стать десантником и остался. Оставшиеся приступили к подготовке и получили зачет после 5 прыжков. Кроме нас укладывать парашюты было некому, и мы занимались этим после обучения день за днем. Мы не могли полагаться на то, что хорошо знаем, как укладывать парашюты, и это не добавляло нам уверенности в себе...

Из Форт Беннинга я попал в лагерь *Макколл/Camp Mackall*, штат Северная Каролина, затем в *Форт Мид/Fort Meade*, штат Мериленд. После всего этого мы отправились в Европу на небольшом судне с британской командой. Плавание заняло 13 дней, большинство из нас страдало от морской болезни и не могло есть. Я мог затолкать в себя только консервированный фруктовый коктейль, и это дало мне силы выдержать дорогу через океан. В итоге мы прибыли в порт Бангор/Bangor (Ирландия).

Январь 1944

Из Ирландии мы отправились в Chilton-Foliat/Чилтон-Фолиэт (Англия) и продолжили боевую подготовку. Осваивали ночные прыжки и ночное ориентирование на территории, напоминающей побережье Нормандии. Во время обучения в районе *Slapton Sands* случилась катастрофа – около 700 (на самом деле – 946) солдат утонули во время учебной высадки на побережье после того, как немецкие торпедные катера потопили несколько десантных судов... Нас ознакомили с планом боевых действий в день высадки и проинструктировали. Объявили запрет на выход из лагеря и общение с местными жителями во избежание утечки информации. В конце концов, нас перевели в полевой лагерь, огороженный колючей проволокой. Все, что нам оставалось делать, есть и готовить снаряжение. Кормили нас отлично, и некоторые шутили: «Нас откармливают перед тем, как отправить на бойню...»

Перед одним из прыжков в период подготовки к высадке в Нормандии. Кеннет Кордри – второй слева от прохода (из книги Mark Bando. 101st Airborne: The Screaming Eagles at Normandy)

Июнь 1944 года

Вечером 5 июня мы поняли, что высадка будет вот-вот, когда нам приказали одеть на себя полевое форму и генерал Эйзенхауэр пришел, чтобы пообщаться с солдатами.

Эйзенхауэр беседует с солдатами 502-го Полка перед отправкой десантников в Нормандию

Когда наступили сумерки, мы погрузили на себя боевое снаряжение – все это весило больше 100 фунтов в дополнение к основному и запасному парашютам. Тяжесть была такой, что каждому потребовалось двое помощников, чтобы забраться по лестнице в самолет. Было около 11 часов, когда мы поднялись в воздух. При приближении к французскому побережью наш самолет начал сваливаться то на одно, то на другое крыло и вилять, старясь увернуться от огня зениток противника. Летчики должны были оставаться в едином строю и сбросить нас в заданных местах, но многие из них отклонились от курса и побросали нас где попало. Наш пилот сбросил нас относительно близко к запланированному участку, но на слишком малой высоте и на такой скорости, что большую часть нашего снаряжения с нас просто сорвало в момент раскрытия парашюта. Я был в воздухе всего несколько секунд, но был ошарашен шумом и видом трасс пулеметных очередей. Удар о землю был сильным, но я не был травмирован. Первый же парень, на которого я наткнулся, был из моей группы. Он сказал, что ранен и не может избавиться от парашюта. Я разрезал ремни, осмотрел его, и мы пришли к выводу, что он так жестко приземлился со всем своим грузом, что ему просто показалось, что его ранило... Над нашими головами проносились автоматные очереди. Мы пошли в противоположную сторону и вскоре наткнулись на четверых или пятерых парней из нашей роты. Всей группой мы отправились в сторону пляжа, где нам полагалось взять под контроль дорожную насыпь, которую потом смогли бы использовать наши десантируемые с моря войска ...

Вскоре, когда начало рассветать, мы понесли первую потерю. Снайпер, засевший в фермерском доме, застрелил одного из нас, когда мы подходили к этому дому. Мы стали еще ближе к реальности, когда тронулись дальше и увидели поле с множеством парашютов, из-под которых торчали солдатские башмаки... Пройдя несколько миль, мы вышли к насыпи, ведущей к пляжу. Я занял позицию по одну сторону дороги, парень, на которого я наткнулся в самом начале, - на противоположном краю. Посматривая в сторону пляжа, мы вдруг увидели, как сотни людей двигаются по насыпи в нашу сторону. Небольшая группа человек в 7-8, оторвавшись от остальных, приблизилась к нам, и мы разглядели, что это были немцы! Они увидели нас только тогда. Когда мы вскочили на ноги и потребовали, чтобы они сдались в плен, они подняли руки. Мы заметили, что один из них ранен – кровь стекала с его головы. Некоторые из немцев дали понять, что хотят, чтобы мы их расстреляли. По-видимому, им говорили, что американцы будут их пытать и издеваться над ними. Мы отвели их на ферму, где были наши офицеры, которые

сортировали и допрашивали пленных. Остаток дня мы были заняты тем, что задерживали отбившихся от своих и заблудившихся немцев, которые брели в нашу сторону от побережья.

Следующие два дня мы наблюдали за ужасающими последствиями артобстрелов и бомбежек, в чем постарались обе стороны – и союзники, и немцы. Трупы людей и домашних животных, невыносимый запах тления – все это угнетало и загоняло в депрессию ... После успешной высадки морского десанта и зачистки побережья перед нами была поставлена задача захватить городок Карантан/Carentan – важный дорожный узел. Здесь сходились дороги, которые должны были обеспечить союзникам прорыв с полуострова Котантен/Cotentin вглубь французской территории. Сражение за Карантан для нашего батальона было, вероятно, самым ожесточенным за всю войну. Нам приказали войти в город по насыпи, окруженной прибрежными маршевыми болотами, пройдя несколько небольших мостов по дороге. Над болотами возвышались небольшие бугры, на которых находились немецкие пулеметные точки. Перед самым городом стояли немецкие 88-миллиметровки, готовые разнести любую приближающуюся машину.

Итак, половина батальона заняла позицию по одну сторону насыпи, тогда как другая половина поджидала в долине небольшого ручья, чтобы в наступающей темноте выбраться на дорогу. Во время этого ожидания два немецких пикирующих бомбардировщика атаковали нас, отбомбились и обстреляли из пулеметов. Наступила темнота. Я был отправлен подбирать раненых. Еще с одним парнем я таскал носилки с ранеными, причем иногда их приходилось оттащить метров на 400 от того места, где мы их подбирали. Этим мы занимались до утра, и, когда наступил рассвет, я оказался под огнем откуда-то со стороны болота. Спрятаться я мог только у подножия насыпи в бурьяне, по мне палили все утро, и я до сих пор не понимаю, почему в меня ни разу не попали. Через несколько часов я решил подняться и рвануть к своим по насыпи и, далее, через мостик. Мой напарник куда-то делся, я был один. Когда я выполз из болота и взобрался на насыпь, я увидел буквально тысячи пуль, разбросанных вокруг того места, где я только что прятался. Это были раскрашенные в красный, желтый и голубой цвет *деревянные* пули! Больше я их ни разу не видел. [Деревянные пули фигурируют в воспоминаниях многих ветеранов – это были учебные пули]. Когда я перебежал через мостик, выяснилось, что немцы готовы палить из своих 88-миллиметровок даже по одиночному солдату противника! Я даже почувствовал, как меня коснулась воздушная волна от пролетающего совсем рядом снаряда. Скатившись по противоположной стороне насыпи вниз, я стал то ползком, то на четвереньках пробираться в сторону города и ощутил, что стрелять по мне стали меньше. К полудню стрельба совсем стихла, и вскоре я заметил машину с белым флагом на капоте, приближающуюся ко мне и набитую ранеными немцами и американцами. Еще несколько наших раненых ковыляли в сторону наших позиций, и в одном из них я узнал инструктора, который когда-то учил меня прыгать с парашютом. Через несколько минут машина вернулась обратно, и стрельба возобновилась с той же интенсивностью, что и утром. Так продолжалось до самых сумерек, и наши ребята стали неорганизованно возвращаться к тому месту, откуда мы начали движение утром. Никто не знал, чем кончился бой и удалось ли нам ворваться в город. На меня наткнулся какой-то совершенно измученный парень, и мы вдвоем побрели назад. Мы наткнулись на какой-то крольчатник, забрались туда, укрылись соломой и заснули...

Проснувшись, когда уже было светло, мы осторожно выбрались из соломы, посмотрели по сторонам через щели между досками и никого не увидели: ни немцев, ни американцев. С несколько большей уверенностью мы вышли из сарая и увидели своих солдат в саду ярдах в ста от нас. Мы побежали к ним и услышали отличные новости: ночью немцы отошли. Это было значимое событие не только потому, что Карантан был в наших руках, а еще и потому, что наш командир батальона полковник Коул [точнее, командир 3-го Батальона подполковник Robert George Cole, 19 марта 1915 – 18 сентября 1944] получил *Медаль Почета* за то, что сам повел солдат в штыковую атаку, в результате которой противник был выбит из помещений фермы и сопредельных позиций. В тот же день, позднее, мы промаршировали через Карантан. По улицам были разбросаны трупы наших и немцев.

Именно тогда мы узнали, что нам противостоял 6-й Полк немецких десантников – элитное подразделение.

Вслед за взятием города мы занялись зачисткой территории от небольших групп отступающих немцев. Затем мы получили приказ вернуться в Англию. Это был приятный момент. Следующей миссией была высадка в Голландии, пришедшаяся на середину сентября. До этого, в одно из воскресений, когда мы находились в Чилтон-Фолиэт, сержант зашел в казарму и крикнул: «Кто хочет принять участие в прыжке на точность приземления и выиграть бочонок пива для роты?» Я вызвался, хотя не имел понятия о том, как маневрировать парашютом и направлять его на стог сена (такая была цель). Отобрали десятерых парней, цель обозначили кругами. Я был последним из прыгавших и имел возможность видеть, где был самолет по отношению к цели и где приземлялись прыгнувшие ранее. Я прыгнул и попал туда же, куда и парень, приземлившийся наиболее близко к цели. Больше всех был удивлен я сам, когда выяснилось, что я выиграл состязание. Хотя это и не было большим достижением, оно прибавило мне популярности в роте на какое-то время.

Сентябрь 1944 года

Высадка в Голландии должна была состояться в дневное время. Она была лучше запланирована по сравнению с высадкой в *День Д*, так как в ней были учтены прошлые ошибки. Полет к точке выброса проходил гладко безо всякой стрельбы по нам из зениток, пока мы не приблизились к точке высадки – городку Сон. Вообще, самолеты хорошо держали строй в отличие от фиаско, которое случилось с нами в *День Д*. Все шло хорошо, пока я не шагнул в дверь и меня не ударило чем-то в подбородок, да так, что я потерял сознание. Я пришел в себя непосредственно перед приземлением и потом опять отключился. Меня ударило либо осколком зенитного снаряда, либо обломком чего-то, либо частью чьего-то снаряжения. Когда я пришел в сознание, один из парней с нашего самолета зашивал мой подбородок.

Нам было необходимо покинуть зону высадки как можно быстрее и начать продвижение к цели, чтобы оседлать шоссе, по которому должна была пройти британская бронетехника. Британцы должны были быстро проскочить по шоссе к Рейну и прорваться на территорию Германии. План выглядел неплохо, но часто немцам удавалось использовать укрепленные позиции на дороге и задерживать продвижение британских танков. Наш батальон получил приказ отбить у немцев мост в городке Бест/Best. Это оказалось более трудной задачей, чем предполагалось, и немецкие снайперы начали наносить нам потери. Артиллерийский огонь загнал нас в спешно вырытые окопчики, и слух о том, что приближаются немецкие танки, сделал ситуацию еще более тревожной. Наш командир батальона Коул вызвал авиацию и сам пошел в поле с солдатами обозначать знаками из цветной материи наши позиции, чтобы летчики не спутали нас с немцами. В этот момент он и был убит снайпером. Один из офицеров приказал выстрелить из базуки по дому, стоявшему через дорогу от нашего окопчика. Поскольку у нас была базака, мы выбрались из окопчика и подожгли этот дом. Я не стрелял из базуки со времени обучения, и мой первый выстрел прошел над крышей. Второй попал точно в цель, и через несколько минут четверо немцев выскочили из дома с поднятыми руками. Мы были удивлены тем, что двое немцев стали просить нас жестами расстрелять их. Вообще, это случалось несколько раз, когда мы брали немцев в плен. Нам сказали, что один из них был снайпером, который убил нашего полковника.

Наше положение оставалось непростым, так как к нашим позициям приближались немецкие танки и артиллерия. В конце концов, к месту событий прилетели наши самолеты и обстреляли немцев, но это их не остановило. Наступили сумерки – как раз вовремя. Подошли британские танки, и парашютисты пошли за ними в атаку. Немцы начали сдаваться сотнями. Их строили на дороге и отправляли в тыл под охраной в пропорции один конвоир на сотню военнопленных.

Опознавательные знаки из светящейся цветной материи, применявшиеся воздушно-десантными частями армии США в Нормандии и Голландии

После этого боя мы удерживали шоссе какое-то время, а затем продвинулись к Рейну, ближе к немецкой границе. Британские парашютисты высадились на противоположном берегу Рейна в Арнеме, но плохое планирование привело к тому, что, не имея тяжелого оружия, они были вынуждены капитулировать. Весь десант был уничтожен за исключением тех, кто сдался в плен. Эта неудача стала заключительным аккордом неудачной попытки ворваться в Германию через Голландию. Считалось, что отсутствие должной агрессивности у британских танкистов обрекло британских парашютистов на неудачу. Американские парашютисты переправились через Рейн на подручных средствах и выбили немцев с противоположного конца моста, но британские танкисты медлили и не сумели воспользоваться этим мостом, чтобы пробиться к своим. Американским парашютистам пришлось отступить, так как у них не было тяжелого вооружения, чтобы противостоять немецким танкам.

Были и занятные моменты. Перед высадкой в Голландии нам раздали противотанковые гранаты *Gatton*. Поскольку нас не было тяжелого противотанкового вооружения, его должны были заменить эти гранаты. Когда мы их увидели, у нас возникли сомнения по поводу их возможной эффективности в борьбе с танками. Это были закрытые мешочки размером с грейпфрут, заполненные C2 – взрывчатым веществом, выглядевшим, как влажный коричневый сахар. Мешочек имел небольшой детонатор, который должен был взорвать гранату при ее ударе о танк. Что и говорить, нас не особенно привлекала идея атаки на танк с помощью такого мешочка, который предполагалось бросать с небольшого расстояния. По счастью, мне так и не пришлось протестировать этот вид оружия. Однако мы нашли применение взрывчатому веществу – заполнителю. Мы заметили, что, если взять палку и воткнуть ее в землю дюймов на пять, можно забить взрывчатое вещество в сделанную таким образом ямку и затем зажечь его. Вырывавшееся из ямки пламя было очень эффективным для кипячения воды в металлической кружке, просто за секунды можно было подогреть кофе. Поскольку в Голландии у нас были британские рационы, то мы вскипятили колоссальное количество кружек чая над такими очагами ...

Проведя несколько недель на голландско-немецкой границе, мы получили приказ перебазироваться в городок Мурмелон/Mourmelon во Франции. Было приятно вновь оказаться в казармах после долгого пребывания на передовой. Нам давали увольнительные для поездок в Париж, и хотя служба шла своим чередом, настроение у всех было приподнятое.

Декабрь 1944 года

Как-то вечером я сидел на нарах, чистил башмаки и приводил в порядок форму, готовясь к поездке в Париж, когда кто-то вошел в казарму и прокричал: «Собирайте вещи, утром выступаем.» Все подумали было, что это какая-то шутка, но вскоре приказ получил

подтверждение, и мы всю ночь собирались и готовились к следующей миссии. К рассвету мы забрались в грузовики и отправились к неизвестному месту назначения. Мы двигались на север, денек был довольно пасмурным. Через какое-то время нам стали попадаться бредущие навстречу американцы, и многие из них кричали нам: «Вас ждут неприятности!» Мы все еще не знали, куда нас везут и о чем говорят отступающие солдаты. Они продолжали идти нам навстречу, и так вплоть до наступления темноты. В итоге, мы остановились неподалеку от бельгийского городка, название которого мы узнали позднее – это была Бастонь/Bastogne.

На следующий день погода изменилась – пошел сильный снег, и стало ясно, что мы страшно плохо экипированы для таких условий. Тем не менее, все вокруг стало очень красивым, было приятно идти по засыпанному снегом хвойному лесу, в котором все звуки были как будто приглушены. Мы пока не видели противника, но была уверенность в том, что так не может продолжаться долго. И точно – на следующий день мы получили приказ продвигаться вперед, пока не столкнемся с противником. Мы двинулись по заснеженной дороге и, пройдя несколько миль, неожиданно попали под огонь 88-мм орудий, минометов и пулеметов, срезавших деревья вокруг нас. Мы прижались к земле и начали окапываться, но наши инструменты плохо рыхлили промерзший грунт. У нас были убитые и раненые, на этот раз мы несли потери еще и от падающих тяжелых ветвей. Наш сержант-связник получил такой удар по спине упавшей тяжелой ветвью, что его пришлось эвакуировать в тыл. Он вернулся в часть только в самом конце войны. Еще один парень был контужен разрывом снаряда. Он выбрался из окопчика и начал бродить посреди разрывов. Каким-то чудом в него ничего не попало, и его удалось затащить обратно в окоп. Через несколько дней, когда его спросили, почему он принялся бродить среди окопов, он сказал, что у него было предчувствие, что в него так и так попадут. Предчувствие не обмануло его: через несколько дней, когда он сидел в окопе, тяжелый снаряд упал рядом, и, хотя он и не разорвался, на парня рухнула глыба смерзшейся земли, которая раздавила его. Вот такая превратность солдатской судьбы ...

Одним утром я и еще один парень оказались посреди заснеженного поля, когда неожиданно рядом с нами упала и разорвалась мина. Мы плюхнулись на землю и зарылись в снег. За первой мной последовал еще десяток, причем каждая следующая ложилась все ближе и ближе к нам. Я понимал, что нас вот-вот накроет, и, когда наступила пауза, мы вскочили и понеслись к ближайшему лесу. В тот же день мы еще раз побывали на этом месте и увидели, как близко к нам падали мины. Почему нас не задело, так и осталось для нас загадкой ... Через несколько дней мы закрепились на оборонительной позиции. Отрыли окопчики позади какого-то сарая, в котором раньше держали скотину. Сарайчик был размером 6 x 9 футов, что касается высоты, в нем едва можно было распрямиться. Мы называли его «свинарником». Восемь человек, включая меня, использовали сарайчик для ночевки, при этом в нем не бывало одновременно больше четырех человек. Спали мы в одежде, обувь не снимали. Наша одежда была настолько грязной и засаленной, что стала почти водонепроницаемой. Отапливали мы наш сарайчик песком, смоченным бензином – этот очаг держал огонь довольно долго [обычно в пустую консервную банку насыпали песок, смачивали бензином и поджигали].

Горелка из песка, смоченного в бензине. Этот «очаг» использовался солдатами еще во время военных действий в северной Африке, поэтому его часто называли Benghazi Stove

Затем пришел приказ покинуть этот участок, и мы выдвинулись на вершину холма, отстоявшего от немецких позиций примерно на милю. Наши спальные мешки остались на прежнем месте, так что по ночам погода властвовала над нами. Холод начал сказываться, и у некоторых появились признаки обморожения. Нам приказали разуваться и менять носки раз в день, а также массировать ступни для предотвращения обморожения.

Десантники в очереди за едой. Зима 1944/45

Наступила одна из ночей. Я проходил мимо одного из солдат, который сидел на большом валуне, и крикнул: «У тебя все ОК, Мэк?» Он кивнул. На следующее утро я вновь проходил мимо него и увидел, что он все еще сидит на этом месте – парень замерз окончательно и умер от переохлаждения. В одну из других, очень холодных ночей я и еще один парень не могли найти для себя пристанище для ночлега, поскольку все блиндажи были забиты дрожащими от мороза солдатами. Мы почувствовали судороги в мышцах и поняли, что надо что-то делать, чтобы просто не окочуриться от холода, и решили оставаться на ногах

и ходить всю ночь напролет. Наутро примерно в пятидесяти ярдах от того места, где мы ходили кругами всю ночь, я наткнулся на покрытый бревнами блиндаж, в котором сидело шестеро наших солдат и пара немцев. Все они грелись у очага, в котором горел вымоченный в бензине песок. Оказалось, что немцы сдались в плен сами и провели ночь довольно комфортно, тогда как я и мой приятель промерзали до костей всю ночь!

Такая кутерьма была типична для тех зимних дней под Бастонью. Передовые линии были перепутаны, и мы толком не знали, где удерживали позиции мы, а где немцы. Наш командир батальона и его радист были убиты бомбой, сброшенной с американского самолета. В Рождественский день большая группа немецких танков прорвала нашу линию обороны и начала продвигаться к штабу. Мы ринулись к нашему окопу, хотя при этом знали, что у нас никакого оружия, чтобы остановить танки. Мы уже слышали лязг танковых гусениц, когда из соседнего перелеска появились наши «истребители танков», о присутствии которых мы и понятия не имели. Они открыли огонь и остановили танки противника. Затем немцы прислали группу [парламентеров] и призвали нас сдаться. Это был тот самый случай, когда генерал Маколифф сказал им свое знаменитое «nuts».

Упорное сопротивление десантников, видимо, охладило наступательный пыл немцев на всех участках, где они пытались прорваться. Мы закрыли им доступ к узлу дорог, по которым могли продвигаться их танки, и их планы прорваться к побережью так и остались планами... Наш полк попадал в окружение в каждой кампании. Мы были в котлах в Нормандии и в Голландии, и теперь опять оказались во вражеском кольце в Бастони. Большую часть времени, которое мы провели в Бастони, небо было затянуто тучами, и шел снег. Иногда немцы по ночам бомбили Бастонь, но вплоть до улучшения погоды обе стороны были малоактивны в небе. Когда же выглянуло солнце, в воздухе появились самолеты *Тандерболт/Thunderbolt* и обрушились на противника. Часто бомбы падали так же близко к нам, как и к немцам. Тогда-то и были убиты по ошибке командир батальона и его радист. Вообще, было много пострадавших по случайности или от огня своих же, но от этого никуда не денешься, когда находишься столь близко к позициям противника. Улучшение погоды совпало по времени с прибытием на наш сектор фронта бронетанковой техники генерала Паттона. *Выступ* был прорван, и пришло наше время наступать.

Во время этого наступления я и был легко ранен при продвижении через дорожный перекресток, который немецкие пулеметчики держали под прицелом. Я и еще один парень успели нырнуть в канаву, но мою руку задело пулей. Мы вернулись на перевязочный пункт, мне сделали повязку, и вскоре мы снова были в пути. Нашу дивизию повернули на юг в сторону Баварии и Австрии. Так из холодных лесов Арденн мы переместились в живописные горы южной Германии. Здесь нам удалось немного расслабиться. В этих местах меня нашел и навестил мой брат: он служил в бронетанковой дивизии, и у него была возможность воспользоваться джипом.

Май 1945 года

Мы находились в городке Кемптон/Kempton, в Австрии, когда Германия капитулировала. Какое-то время мы исполняли функции оккупационных войск в протяженной долине, ведущей в Италию, потом расположились в районе резиденции Гитлера *Kehlsteinhaus*. Мы были как будто в отпуске. Впервые за два года у нас была возможность включать ночью свет и слушать музыку из Штатов по радио. Первая песня, которую я услышал, называлась *Don't Fence Me In*. Как это было здорово! Все было хорошо, за исключением того, что мы ходили голодными. Наши линии снабжения были настолько растянуты, что до нас просто не доходили наши рационы. Картошка, которую было не с чем жарить, быстро надоела. Нам объяснили, что большую часть наших рационов теперь отдают немецкому гражданскому населению, которое было в отчаянном положении. Действительно, дети собирались вокруг наших полевых кухонь и выскребали насуху наши котлы и кастрюли прежде чем их отмывали. Как только закончилась война, мы получили приказ, запрещающий братание с противником. Этот приказ соблюдался на протяжении одного дня, после чего его просто стали игнорировать. Вообще, появился он потому, что наше

правительство решило, что с немцами обошлись слишком мягко после ПМВ. Так или иначе, армия состояла из молодых парней, а среди гражданских было много привлекательных девушек, поэтому контакты с местным населением было невозможно остановить. Мы хорошо провели время в Австрии: жили мы в домах, которые реквизировали у местных. Часто хозяева жили в одной части дома, мы – в другой. Мы старались не думать о том, что нас могут перебросить на Тихий Океан и снова отправить в бой.

Август 1945 года

В конце концов, нас вернули во Францию. Поскольку война с японцами еще не закончилась, мы должны были оставаться в учебном лагере и проходить боевую подготовку в ожидании отправки на Дальний Восток. Частью подготовки был прыжок с парашютом. Мой прыжок прошел без происшествий, однако один парень не хотел больше рисковать и попросил меня прыгнуть за него. Я согласился, и, когда подошла его очередь, я назвал его именем и сделал еще один прыжок. Этот прыжок едва не закончился катастрофой. Спускаясь, я угодил на купол другого парашюта. Разумеется, это было опасной ситуацией, поскольку находившийся ниже парашют лишил мой воздуха, и я стал падать быстрее. Кроме того, под тяжестью моего тела на куполе нижерасположенного парашюта образовалась яма. Когда такое случается, парашютист, находящийся ниже, кричит тому, кто выше: «Соскальзывай вправо!», а сам старается сдвинуться в противоположном направлении, чтобы оторваться. В тот раз это сработало, и все обошлось ...

Япония капитулировала, война окончилась. Мы вернулись в Штаты на маленьком судне, и опять это заняло 13 дней. Прибыли мы порт поблизости от городка Хэмптон Роудс/Hampton Roads в штате Вирджиния. Поскольку мы увидели США в первый раз за три года, самым ярким впечатлением были цвета женских платьев на причале. Ярко-красный, желтый, голубой – это было все то, что мы не видели в Европе на протяжении долгих месяцев. Я вернулся в Миссури на поезде и в казармах *Jefferson* города Сент-Луис/St. Louis был демобилизован. Оттуда я направился домой, к семье, члены которой даже не знали, что я уже в Штатах. Возвращение домой прошло без особых восторгов. Домой возвращались миллионы, и люди перестали впадать в экстаз от этого.

Во время войны со мной случилось несколько необычных событий. В Голландии одним утром, когда мы поедали наши рационы, сидя на склоне холма, над вершинами деревьев пронесся самолет. Все загудели: «Что за чертовщина!» Позднее мы пришли к заключению, что это была немецкая ракета. Раньше мы ее никогда не видели. То же самое случилось во время боев за *Выступ*, когда мы увидели в небе след от ракеты V-2. Позднее мы узнали, что эти ракеты нацелены на Лондон ...

Одной из сторон войны, которые ошеломляют тебя, была собственная различная реакция на ужасные сцены, которые приходилось наблюдать. На некоторые из них вообще не реагируешь, тогда как, на первый взгляд, заурядная царапина может вызвать тошноту и головокружение. Через пару дней после высадки в Нормандии я и еще один парень были в патруле и занимались поиском яиц, чтобы поесть. По дороге обратно к своему посту мы увидели грузовик, в который собирали трупы. Мы проголосовали, забрались в кузов, огляделись и увидели, что он полон обгоревших человеческих тел. Труп, лежавший наверху, был без головы, и солдатский жетон болтался на обрубке шеи. Мы спрыгнули с грузовика и вежливо отказались от того, чтобы нас подбросили до места. Каким бы мрачным ни был этот эпизод, он не подействовал на меня так тяжело, как случай, последовавший вскоре за ним. Был теплый день, мы маршировали через какую-то маленькую деревню. Обогнули угол и наткнулись на труп, лежавший на дороге. Это был один из капралов нашей роты. Эта картина подействовала на меня сильнее, чем любая другая из тех, которые я наблюдал во время войны...

О СВОЕМ УЧАСТИИ В ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ РАССКАЗЫВАЕТ МОРЯК ТАНКЕРА-ЗАПРАВЩИКА МЭК ФРОСТ (MACK FROST)

До войны

Я родился на небольшой ферме в штате Арканзас. У нас был обычный домашний скот, как это было принято в те годы: корова, мул, свиньи и домашняя птица - куры. Напротив нашего дома проходила грунтовая дорога, которая вела к угольной шахте, на которой мой отец работал мастером на подземной добыче. За дорогой находилось очень большое хлопковое поле, и мы могли видеть, как работают сборщики хлопка. За фермой была узкоколейная железная дорога, по которой вывозили уголь с шахты до пункта его отгрузки в городке Расселлвилл/Russellville.

На нашей земле отец построил ночлежку, в которой останавливалось по несколько шахтеров. Как я теперь припоминаю, моя мать готовила им ужин отдельно от нашей семьи. Электричество тогда еще до нас не добралось, так что мы пользовались керосиновыми лампами. Туалет был во дворе... Моя мать, само собой, была домашней хозяйкой. Я был пятым из шестерых детей. Мы вместе играли и вместе выполняли работы по хозяйству, когда это требовалось. Это был обычный сельский Арканзас образца 1935 года, и мой отец не отказывался от кукурузного самогона. Он умер, когда мне было около 6 лет. Как тогда было принято, его тело осталось в доме на одну ночь, и мне, и моим братьям, и сестрам, было от этого очень страшно. Мы были в соседней комнате, и в ту ночь никто из нас не мог уснуть.

После смерти моего отца мать вышла замуж за одного из шахтеров. Они продали ферму, и мой отчим-горняк решил отправиться в Калифорнию, чтобы работать там на золотых рудниках. Трое старших детей отправились жить к родственникам, трое младших пацанов уехали в Калифорнию. Мы очень скучали друг по другу и стали переписываться, потому что телефона тогда у нас быть не могло.

Калифорния

Мой отчим был бродячим шахтером, и никогда не задерживался на одном руднике или в одном поселке слишком долго. Для нас это означало то, что мы часто переезжали с места на место, и нам приходилось переходить в другие школы. Он часто оставлял нас на несколько месяцев. Большую часть времени мы страдали от бедности. В итоге, моя мать развелась с ним и вышла замуж за другого шахтера, который был склонен к более стабильному образу жизни. Мой второй отец умер в психиатрической больнице, когда мне было 12 лет. Я был очень близок со своей матерью и всегда ходил с ней в церковь, стараясь поддерживать ее настолько, насколько мог.

Я не могу припомнить точно, где я был в день нападения на Пёрл Харбор, 7 декабря 1941 года. Мой брат, мой друг и я были на пути в маленькую сельскую лавку в городке Грасс Вэлли/Grass Valley, когда кто-то подъехал на машине и прокричал, что японцы бомбили Пёрл Харбор. «А где это?» - спросили мы...

В 17 лет я покинул среднюю школу и поступил на службу в ВМФ в апреле 1943 года. Один мой старший брат тоже попал во флот, еще один – в армию. Мой брат, который служил во флоте, рассказывал истории об экзотических портах в Китае и на Филиппинах, про Пёрл Харбор и овеянные романтикой острова. Эти истории разбудили мое воображение, и я уже представлял себе, как буду на военном корабле посещать эти экзотические места. Однако я не дотягивал до призывного возраста, и моя мать не подписала мне разрешение на поступление на военную службу. Она не хотела, чтобы я уходил, но я добился своего.

Нас на поезде отправили в Фаррагут/Farragut (штат Индиана) для прохождения обучения. Недели за две до выпуска я свалился с приступом аппендицита, мне сделали операцию, и я провел еще две недели в госпитале до отъезда из учебного лагеря. Затем я получил отпуск и уехал навестить мать в город Окленда в Калифорнии, самостоятельно оплатив дорогу. Так я впервые в жизни оказался в *путьмане* и помню, как ужинал в вагоне-ресторане.

После отпуска я вернулся в Фаррагут и получил назначение на строившееся судно *Escambia*. Дело было в августе 1943 года. Команда корабля находилась в казармах на острове Трежер/Treasure в заливе Сан Франциско. Я там впервые побывал еще в 1939-м со школьной экскурсией на *Всемирной Выставке/World's Fair*. Здесь мы прошли двухнедельный курс в Артиллерийской Школе/Gunnery School, затем курс по пожаротушению, морскому делу, ремонту палубных самолетов и пр.

Escambia была заложена в декабре 1942 года на судовой верфи города Саусалито/Sausalito в Калифорнии и спущена на воду 24 апреля 1943 года. После этого судно было поставлено у причалов компании *Matson Navigation Company* в Сан Франциско для переоборудования в танкер-заправщик. Экипаж разбили на рабочие команды для работ на борту и подготовки судна к вводу в эксплуатацию. Как-то раз пришел офицер и спросил, есть ли добровольцы, умеющие плавать на спине и кролем. Я поднял руку, и нас отвезли в закрытый бассейн где-то в Сан Франциско, чтобы мы выполняли роль спасателей во время обучения офицеров плаванию. Мы ездили туда каждый день около трех недель. Как-то что-то случилось с одним офицером, и он начал барахтаться в воде. Я прыгнул в воду и вытащил его, после чего им занялись санитары. Бедный парень был сильно напуган. Больше я его ни разу не видел.

Заправщик Escambia

На судне

Наше судно было танкером-заправщиком, первым введенным в эксплуатацию судном этого класса. Его длина была 523 фута и 6 дюймов, ширина 68 футов, осадка 30 футов и 10 дюймов, скорость до 16 узлов, вместимость – 140 000 баррелей. Судно предназначалось для заправки кораблей в море во время и после боевых действий. Оно было введено в эксплуатацию 28 октября 1943 года и названо *Escambia* по имени реки, протекающей через штат Флорида.

Мы познакомились с нашим капитаном лейтенант-коммандером Джоном Полссоном (John M. Paulsson) и покинули залив Сан Франциско 13 ноября 1943 года. Во время ходовых испытаний у нас какое-то время ушло на то, чтобы научиться ходить по палубе в качку и приспособиться к новому образу жизни. Быть на борту судна было тем же самым, что попасть в другой мир... Мы также поняли, насколько непросто перебросить шланги для перекачки топлива через водное пространство шириной 50-75 футов, когда судно движется со скоростью 16 узлов. Обучение этому заняло много времени, пока мы не начали делать это должным образом. К тому времени, когда мы 16 ноября прибыли в Сан Диего, мы начали приобретать навыки перемещения по судну, но все еще толком не умели перекачивать топливо.

После ходовых испытаний мы отправились в поход с полной загрузкой в Сан Педро и 19 ноября впервые попытались заправить другой корабль. Нашей жертвой стал эсминец *The Sullivans*, названный так в честь пяти братьев, погибших вместе со своим кораблем. Я уже говорил о том, насколько сложным делом было перебросить шланги на корабль, который предстояло заправить. Также трудно было добиться полной надежности при закреплении соединителей. Ну, соединили мы плохо и залили весь этот красивый кораблик черной нефтью... ну и грязьцу мы развели. Капитан был и в самом деле расстроен, но после этого у нас стало получаться гораздо лучше.

Мы заправляли корабли покрупнее, такие как авианосцы, крейсера и линкоры с левого борта, а корабли поменьше – с правого. Я выстреливал первый шланг на заправляемый корабль так, что его моряки могли без проблем его поймать. Я хорошо наловчился делать это. Часто мы даже заправляли два корабля сразу.

В океанских походах

Мы вернулись в Сан Диего 1 декабря и через два дня взяли курс на Сан Педро, чтобы загрузить топливо и боеприпасы. Покинув Сан Диего 7 декабря, мы взяли курс на Пёрл-Харбор, чтобы завершить наш испытательный поход. Когда мы прибыли в Пёрл-Харбор 13 декабря, там шел подъем линкора *Oklahoma*. Первым кораблем, который мы должны были заправить, был линкор *Maryland*, и мы с нетерпением ждали этого. Мы провели на Гавайях дней десять, пока не отправились обратно в порт Аламида/Alameda, прибыв туда 23 декабря. Там судно загнали в сухой док, чтобы устранить выявленные неисправности. У нас теперь был целый свободный месяц, чего мы никак не ожидали.

Мы снова вышли в море 24 января 1944 года, чтобы дойти до Пёрл-Харбора, а затем, 3 февраля, мы взяли курс на район боевых действий с грузом топлива и боеприпасов. Мы прибыли к атоллу Маджуро/Majuro 9 февраля 1944 года и приступили к заправке линкора *Alabama*, а затем *Iowa*. К атоллу Кваджалейн/Kwajalein архипелага Маршалловы острова мы подошли всего через несколько часов после того, как острова атолла подверглись артобстрелу и бомбардировке прошлой ночью. Все боялись атаки на участвовавшие в этом корабли. Мы заправили восемь кораблей и все это время были под угрозой нападения с воздуха. Когда мы вернулись к Маджуро в следующий раз, мы заправили 24 корабля уже в лагуне.

11 марта мы пересекли экватор и взяли курс на передовую базу Эспириту Санто/Espiritu Santo в архипелаге Новые Гебриды, чтобы заправить корабли боевой группы, готовившиеся к атаке на Палау/Palau и Трук/Truk. Следующим пунктом был остров Манус/Manus в архипелаге Адмиралтейства/Admiralty вскоре после высадки на них, затем – заправка кораблей, поддерживающих наземные силы, которые вели бои в районе пункта Холландия/Hollandia.

В начале мая мы были в районе залива Пёрвис/Purvis в архипелаге Соломоновы острова. После этого мы 8 мая вернулись на базу Эспириту Санто, где заправили 36 кораблей за 4 месяца. 3 июня 1944 года лейтенант Ричард Гурджиан (Richard Goorgian) сменил Полссона на должности капитана. Загрузив судно, мы вышли в море 30 августа и прибыли к Гуадалканалу в архипелаге Соломоновы острова 1 сентября и до 11 сентября заправили еще 13 кораблей.

Филиппины

Нашим следующим участком боевых действий стали Филиппины. Здесь мы заправили 30 кораблей прежде чем взять курс на атолл Улити/Ulithi в западной части Каролинских островов, где мы прошли кое-какой ремонт. Оттуда мы направились к Палау, затем к гавани Зееадлер Харбор/Seeadler Harbor в архипелаге Острова Адмиралтейства. Оттуда мы вышли в море на заправку кораблей боевой группы, осуществляющей вторжение на Филиппины. Мы все время находились в движении... Когда мы вернулись к Улити, [20.11.1944] японская подлодка потопила [транспорт] *Mississenewa*, на якоре примерно в 1 500 ярдах от нас. Небо тогда почернело от горящей нефти, даже был черный дождь. Мы послали на место катастрофы спасательные шлюпки. Большая часть экипажа сумела спастись. На наших глазах судно переломилось пополам и затонуло. У нас на душе было муторно: на их месте могли оказаться и мы. Уже на следующий день были потоплены три японские подводные лодки.

У нашего судна появились технические проблемы из-за долгого пребывания в море. Нас послали к атоллу Эниветок, чтобы мы могли загрузиться нефтью. Когда мы вернулись к Улити, до нас дошли известия о том, что мы уходим в Штаты на ремонт. После этого мы провели месяц в Пёрл-Харборе, особенно ничем не занятыми.

Камикадзе

Когда судно снова стало полностью мореходным, мы вернулись к Улити, а затем присоединились к военно-морской армаде, поддерживающей вторжение на Окинаву. Там мы увидели заправщик, который нам предстояло заменить. Это судно попало под удар камикадзе. Военным кораблям сильно не хватало топлива. Наш капитан добровольно вызвался принять участие в операции, и нас отправили к острову. Там мы провели три дня, и все это время наблюдали за непрерывными атаками камикадзе на наши корабли, ведущие обстрел Окинавы. Мы встали на якорь рядом с линкором *California*, который вел огонь всю ночь. За день мы заправили 22 корабля, а ночью вновь встали на якорь.

Нам постоянно приходилось высматривать мины. В дополнение к автоматическим пушкам и пулеметам, которыми было оснащено судно, нам раздали стрелковое оружие и расставили нас вдоль бортов. Ночью мы стреляли по всему, что движется и могло нести угрозу, - какие-то из этих предметов оказались плавающими трупами или пустыми ящиками. Мы оставались на боевых постах все трое суток, практически без сна. Я был командиром расчетов на двух спаренных 40-мм пушках. Помню моменты, когда мне приходилось стучать себе по подбородку, что не ронять голову. Все были измотаны до предела, и с каким облегчением мы покинули прибрежные воды острова 2 мая...

Тайфуны

Мы прошли через несколько небольших тайфунов, находясь в открытом море, но ни один из них не мог сравниться со штормом, в который мы попали 5 июня 1945 года. Наше Тактическое Соединение/Task Force 38.8 после заправки кораблей в заливе Лейте, попало под жесточайший тайфун. Я был на вахте у 40-мм пушек, когда судно накренилось на 47 градусов. Через несколько мгновений нас начали швырять по палубе волны высотой в 60-90 футов. Судно содрогалось под ударами волн, и даже его винт поднимался над водой. Скорость ветра достигала 115 миль в час, дождь лупил так, словно мы были под пулями. Я запросил капитанский мостик разрешения на уход артиллеристов на нижнюю палубу в целях безопасности. Ветер и дождь были настолько сильными, что, когда мы опускали стволы пушек, было трудно дышать: ветер создавал вакуум.

Шторм нанес большой ущерб всем кораблям. На нижних палубах все было вперемешку. У одного из авианосцев была разрушена полетная палуба, 33 самолета были потеряны и еще 45 получили повреждения. Шестеро моряков погибли. Носовая часть крейсера *Pittsburgh* полностью отломилась. Я этот шторм никогда не забуду... 11 июня мы добрались до Улити и после ремонта 24 июня вышли в море, чтобы заправить корабли боевой группы, направляющейся к заливу Лейте. 3-й Флот адмирала Холзи (Halsey) взял курс на Японию, и мы встретились с ним в 200-300 милях от Токио. Мы провели в море 29 дней и заправили 38 кораблей. 15 августа, когда мы были всего в 120 милях от Токио, японцы капитулировали.

Зайдя на Окинаву, мы 15 октября прибыли в порт Вакаяма/Wakayama, а затем, 23 октября – в Токио. В Йокогаме мы получили увольнительные. Прекрасное путешествие!

Жизнь в море

Ежедневная жизнь на борту заправщика состоит из подъема и заправки, на которой ты работаешь весь день. Поел, постоял на вахте, немного поспал. Большую часть времени, проведенного в море, мы спали одетыми. Через день мы принимали душ, одежду обычно меняли два раза в неделю. Специально отведенных для отдыха мест не было. На верхней палубе не было никакого освещения, поэтому нужно было чувствовать, в каком направлении идти.

Escambia во время заправки авианосца Ticonderoga. 26 июля 1945 года

Первоначально в мои обязанности входило соскабливание краски, мытье палубы и стояние на вахте наблюдателем на марсовой площадке. Я забирался по лестнице грот-мачты [на марсовую площадку] и в дождь, и в ветреную погоду, когда судно подо мной ощутимо покачивалось, и проводил на вахте четыре часа, пристально вглядываясь в горизонт.

Затем меня из боевой палубной команды перевели в артиллерийскую боевую часть, где я занимался ремонтом и техобслуживанием всех находившихся на борту пушек и пулеметов. Моим боевым постом было место наводчика 5-дюймовой универсальной пушки. Я должен был поворачивать пушку и нацеливать ее. Командир расчета был помощником главного боцмана, который отдавал команды.

Вскоре я был продвинут по службе и стал подофицером 2-го Класа. Я стал вертикальным наводчиком на сдвоенной 40-мм зенитной пушке, контролирующим движение ствола в вертикальной плоскости и ведущим огонь. Затем я стал командиром расчетов двух спаренных 40-мм пушек. Расчеты этих пушек постоянно находились при них круглые сутки. Когда я был ночью на вахте, иногда, когда светила полная луна, море казалось мне залитым стеклом, а звезды сверкали словно бриллианты, до которых можно было дотянуться рукой и снять их с неба.

Все, чьи боевые посты находились на верхней палубе, носили с собой убранные в ножны охотничьи ножи. Как-то раз в один из моих расчетов попал моряк, который что-то напортачил, выполняя другое задание. Одной ночью он заснул на вахте. Когда я разбудил его, он накинулся на меня и схватил за горло, не давая мне дышать и пытаясь скинуть за борт. Я уже задыхался. Левой рукой я сдерживал его, правой держался за поручни. Затем я отпустил его руку, вытащил нож и упер его в бок парню. Когда он почувствовал, что в него упёрлось острие ножа, он отпустил меня. Я [был так обескуражен происшедшим], что потерял дар речи, и поэтому не мог доложить о происшествии, но на следующий день сумел найти ему замену.

Я хотел постоять за штурвалом судна. Один из моих приятелей сказал мне, что в два часа ночи я смогу зайти на мостик. Это было несовместимо с уставом, но я простоял за штурвалом четыре часа. Однако меня поймал на этом вахтенный офицер и устроил мне выволочку. Ну хоть довелось поуправлять полностью загруженным судном...

Карты и стрижка

Мы постоянно играли в покер или *крэпс/craps*. Карточные долги росли, и, чтобы сохранить мирные отношения, капитан несколько раз аннулировал долги к большому облегчению некоторых игроков.

На судне была небольшая парикмахерская, в которой один из членов экипажа исполнял обязанности мастера по стрижке волос. Команда скинулась и купила превосходное парикмахерское кресло. Когда мы попали в тот самый тайфун, кресло слетело с подставки и развалилось на части, а все склянки с одеколонами оказались разбитыми. После этого данное помещение стало пахнуть как французское заведение с дурной репутацией в субботу вечером...

Когда я еще был простым моряком, пара хулиганов из числа команды во время нашей стоянки в Эспириту Санто скинула меня за борт в кишашую акулами воду. Я изо всех сил пытался выплыть, и кто-то кинул мне спасательный круг. Когда они попытались сделать это во второй раз, я стал отбиваться. В итоге, им удалось перекинуть меня через поручни, но я зацепился ногой и ударился головой о борт судна. Потеряв сознание, я повис вниз головой, при этом из раны на макушке хлестала кровь. Кончилось дело тем, что я оказался в лазарете и провел в нем три дня. Моя лодыжка после этого постоянно подворачивалась еще несколько месяцев. 50 лет спустя, во время встречи ветеранов, я узнал, кто были эти парни, но никто не стал заводить об этом разговор...

Рядом с базой на Эспириту Санто был маленький островок, куда мы могли отправиться на отдых, где мы могли поиграть в софтбол, выпить и расслабиться. Каждый мог отоварить три талона на пиво и три – на мороженое.

Небоевые потери в море

Моя койка была в носовом кубрике экипажа (Forward Crew Compartment). В открытом море через верхнюю палубу большую часть времени перекачиваются волны. Для того, чтобы перебраться на корму в столовую, в лазарет или на боевой пост, мне было необходимо подняться на одну палубу, взойти на надстройку, выждать момент, когда нет большой волны и перебежать на корму, затем открыть люк и нырнуть вниз.

Больше всего я боялся не атак летчиков-самоубийц, бомб или торпед – я боялся, что меня смоем за борт. Мысль о том, что ты будешь видеть свое судно, уходящее вдаль, и о том, что тебя сожрут акулы, не покидала меня все то время, когда я был на палубе.

Мы потеряли двоих парней в походах. На судне была грузовая палуба, на которой мы перевозили бочки с нефтью. Как-то раз под ударами крупных волн одна из бочек сорвалась. Помощника боцмана Элфонзо Ски Повалански (Alfonso Ski Povalansky) сшибло за борт, и мы не могли остановиться, чтобы подобрать его. Еще один парень по имени Вулридж Проффитт (Woolridge Proffitt) свалился за борт ночью. Мы слышали, как он кричал и звал на помощь, спустили на воду небольшой надувной спасательный плот, но парень не доплыл до него.

Соленый душ

Если вы ни разу в жизни не принимали соленый душ с мылом для соленой воды, вы ничего в жизни не видели. Было несколько ситуаций, когда у нас не хватало пресной воды из-за

поломок в опреснителях. После такого душа у меня всегда было ощущение, что ко мне все липнет, и он совершенно не освежал.

Я как-то обнаружил, что небольшая дымовая труба судна состояла из двух – основной и внешней. Между ними было пустое пространство шириной в пару футов. Я нашел небольшую дверку, ведущую в это пространство. Я мог в нее пролезть, и поэтому стал прятать там свои ценные вещи.

Мы участвовали в боевых операциях не только в роли заправщика. Однажды мы доставили три самолета и их экипажи на какой-то остров в южной части Тихого океана. Еще как-то раз мы доставили крайне необходимые морпехам грузы на какой-то остров. Там мы могли слышать шум боя. Несколько морпехов поднялись к нам на борт, мы накормили их и дали возможность принять душ. Просто осчастливили этих морпехов...

Кроме топлива мы перевозили почту, которую нам передавали с других кораблей. Один раз к нам на судно с авианосца перебрался сам адмирал Спрюэнс (Spruance), а мы уже перебросили его на флагманский корабль.

Тулаги

Был еще случай, когда мы встали на якорь в устье реки на острове Тулаги, который отделен от Гуадалканала проливом Железное Дно/Iron Bottom. Местные жители начали подходить к нашему судну в деревянных каноэ и менять фрукты на предметы одежды и отбеливатель для волос. Помнится, я тогда обменял рубашку на боевую дубинку.

Дважды за время войны судно возвращалось на верфи для ремонта. Первый раз мы провели в походах 11 месяцев, прежде чем встать на ремонт. У судна было много неисправностей, да и команда сильно устала. Когда мы вошли в залив Сан Франциско, лоцман пропустил вход в эстуарий. Мы сбросили два якоря, но все равно сели на мель. Дав полный задний ход, мы налетели на один из якорей и пропороли дыру в днище судна, которое стало набирать воду. Позднее, когда судно было в сухом доке, я и один из моих приятелей подлезли под днище судна и разглядели несколько больших отверстий в корпусе...

Второй раз мы были в море девять месяцев. В то время как-то случилось, с моей заправочной станции даже выстреливали нейлоновый корд сечением в четверть дюйма на другие корабли. Корд был прикреплен к тросу, с помощью которого перетягивали топливные шланги на другой корабль.

Заправка в походах продолжалась круглыми сутками. Один раз слева по борту от нас находился крупный авианосец, а справа эсминец. На авианосце засекли засветки [на радаре], и с него на перехват поднялись самолеты. Капитан эсминца вроде как запаниковал и перерезал тросы, от чего заправочные шланги отсоединились, и нефть стала заливать его корабль. До того, как мы успели закрутить вентили, на воде уже было большое нефтяное пятно. Наш капитан был просто в ярости!

Война окончилась

Когда война окончилась, мы пришли в Йокогаму, небольшой порт к югу от Токио. Нам дали увольнительные, но с собой мы могли взять только по 300 йен, пачку сигарет и одну пачку жевательной резинки. Местные жители хотели получить от нас в обмен на что-то сигареты или доллары. Я одолжил у товарища по экипажу здоровенные ботинки и упрятал в них по четыре пачки сигарет в каждый. Я хотел выменять на них меч, но ноги по дороге намокли, и сигареты были испорчены... Я шел по улице и спрашивал у всех «Катана?». Кто-то посоветовал мне спросить у детей, я так и сделал. Какой-то пацан отвел меня в дом, в котором у хозяина оказался красивый меч. Мне захотелось купить его, и я предложил свои

300 йен. Недостаточно. Я добавил свои часы *Gruen*. Нет. Я добавил мокрые сигареты. Тоже нет. Я добавил свой идентификационный жетон. В итоге он принес небольшой меч, и мы на этом сошлись. Я покинул этот дом. До сих пор помню, как дети топали в школу в своих деревянных сандалиях – цок-цок. Из Йокогамы мы ушли в залив Токио, где также получили увольнительные. Там мне довелось увидеть следы бомбардировок... Мы покинули залив Токио 4 ноября 1945 года и взяли курс на Сан Франциско. 4 536 миль за 14 дней через бурные океанские воды. В 6 утра 17 ноября мы увидели мост Золотые Ворота. Классное зрелище!

Позднее, во время Вьетнамской войны, *Escambia* была передана в распоряжении армейского командования и использовалась для снабжения электроэнергией базы близ Да Нанга. Там судно и оставили, когда окончилась война. Коммунисты разделали его на металлолом. Печальный конец для судна, которое сделало так много для победы над врагом во ВМВ.

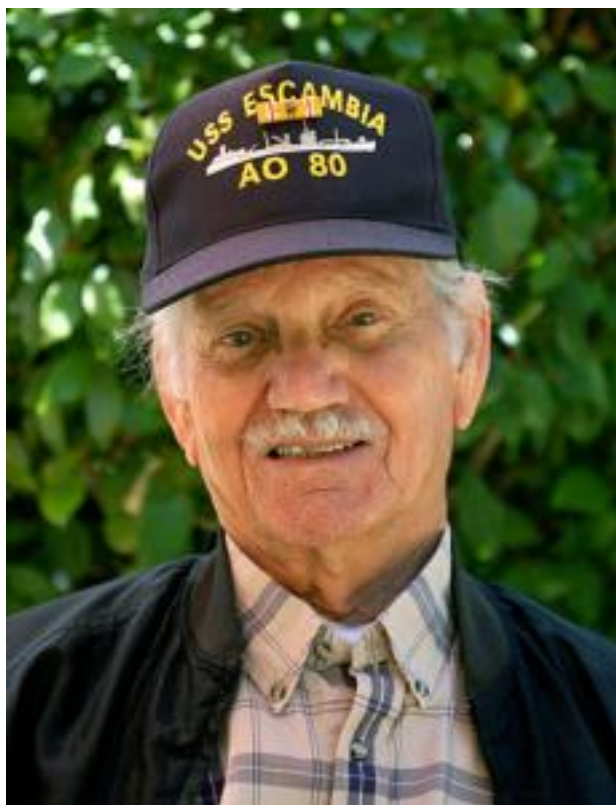

Мэк Фрост с женой, 1947 год

На гражданке

Я был кадровым моряком, так что закончил службу в лагере *Shoemaker*, штат Калифорния, в звании *Master-At-Arms* (главный старшина корабельной полиции) и был уволен в ноябре 1945 года.

Я поступил в Военно-Морской Резерв, но сначала хотел окончить среднюю школу. Я не хотел, чтобы мне просто дали *GED* [General Education Development - High School Equivalency Certificate – получаемый этим путем сертификат свидетельствует о получении эквивалента среднему образованию], так что я записался в местный колледж, но оттуда мне пришлось уйти после второго семестра по личным причинам. Я продолжал служить в Военно-Морском Резерве еще четыре года, при этом работая в разных местах. Меня взяли на работу в Калифорнийский Департамент Лесного Хозяйства/*California Department of Forestry* оператором тяжелой техники. Я принимал участие в тушении многих пожаров, много раз мне приходилось рисковать. Мой товарищ по работе в первый же год сгорел при тушении полевого пожара близ озера Дон Педро. Опасное это было занятие...

Мэк Фрост в 2013 году

Позднее я окончил Колумбийский Колледж и получил диплом преподавателя. В 1970 году мне предложили в этом колледже должность главного пожарного и инструктора по пожарной охране. Год спустя я стал заместителем главного пожарного и стал посвящать свое рабочее время усовершенствованию работы нашего департамента и программы использования тяжелого оборудования. Осуществление этой программы привело к созданию программы обучения электросварке. В 1985-м я отказался от полной занятости в преподавании. Я все еще обучаю электросварке, но работаю неполный день и с удовольствием встречаюсь со своими студентами.

Награды, полученные Мэком Фростом

The American Theatre Medal – медаль за Участие в Боевых Действиях на Американском ТВД

The Philippine Liberation Medal – медаль за Освобождение Филиппин

Asian Occupation – медаль за Службу в Оккупационных Силах в Азии

Asiatic Pacific Medal with five battle stars – медаль за Участие в Боевых Действиях на Азиатско-Тихоокеанском ТВД с пятью боевыми звездами (за участие в пяти кампаниях)

The World War II Medal – медаль за Участие во ВМВ

Good Conduct Medal – медаль за Безупречную Службу

РАССКАЗЫВАЕТ УЧАСТНИК СРАЖЕНИЯ У АТОЛЛА МИДУЭЙ НОРМАН «ДАСТИ» КЛИСС (NORMAN 'DUSTY' KLEISS)

Капитан Норман Клисс (1916-2016) был одним из тех американских летчиков, которые отправили на океанское дно японские авианосцы в сражении у атолла Мидуэй.

Норман Клисс

Пикирующие бомбардировщики *Донтлесс/Dauntless* нашей 6-й Эскадрильи (буквально – разведывательной - *Scout Squadron Six*) обычно были припаркованы в головной части строя. Наша дистанция пробега для взлета была 300 футов в длину, такой же длины, как и футбольное поле. Обычно самолеты проваливались ниже носовой оконечности корабля при взлете, используя 65-футов, отделяющие взлетную палубу от воды, чтобы разогнаться для набора высоты. Нам был необходим встречный ветер скоростью в 30 узлов над палубой, обычный ветер или максимальная скорость авианосца, чтобы безопасно осуществлять посадку и взлет.

Во время войны на авианосце *Enterprise* в нашей 6-й Эскадрилье всегда поддерживалось радиомолчание. Самолеты летали достаточно близко друг к другу и в дневное и в ночное время, чтобы летчики могли видеть подаваемые рукой сигналы. Мы летали группой из 18 машин в ночное время безо всяких осветительных устройств. Исключениями были ситуации, в которых ты присоединялся к какой-либо группе или садился на палубу ночью.

До сражения при Мидуэе в наших разведывательных вылетах типа «200 миль туда – 200 обратно» мы полагались на счисление, пользуясь информацией о направлении и скорости ветра и отслеживая изменения путем наблюдений за океанскими волнами и применяя шкалу Бофорта. Непосредственно перед сражением мы получили электронную навигационную систему *YE-ZB*. Теперь, на высоте от 4-х миль и выше мы могли найти направление на авианосец, находясь от него на расстоянии более чем в 100 миль.

После переброски некоторых самолетов Корпуса Морской Пехоты на остров Уэйк в начале сентября 1941 г., мы попали в жесточайший шторм на обратном пути в Пёрл-Харбор. У одного эсминца открылась течь в обшивке корпуса, и мы опоздали с прибытием на базу на день. Если бы мы подошли к нашему причалу *Fox Nine* вовремя, 6 декабря 1941 г., история ВМВ могла бы быть другой. *Enterprise* ушел бы на дно вместе с линкорами. Японцы осуществили бы большее число запланированных атак, разбомбили бы склады с боеприпасами и горючим и все технические сооружения, необходимые для ремонта кораблей. Не было бы ранних налетов [на Японию], не было бы рейда Джимми Дулиттла (Jimmy Doolittle), не было бы победы при Мидуэе.

Фундамент победы в сражение у атолла Мидуэй был заложен в шифровальной комнате штаба адмирала Нимица (Nimitz) в Гонолулу. Его эксперты взломали наиновейший японский код и узнали о том, что гигантская армада кораблей формируется в обстановке секретности, но не могли установить, какова ее цель. Взломавшие код догадывались, что речь идет об острове Мидуэй, но полной уверенности не было. Нимиц дал добро на

отправку в эфир дезинформирующего незакодированного послания, посланного с острова Мидуэй. В нем говорилось о том, что опресняющая установка вышла из строя и запасы питьевой воды подходят к концу.

Японцы клюнули на это и отправили, с использованием нового кода, сообщение о том, что *Цель X / Target X* испытывает трудности с пресной водой. Остров Мидуэй, таким образом, определенно был целью [японцев]. В тот момент авианосец *Enterprise* «сгружал» самолеты и авиаторов на острове Эфате/Efate. Морское сражение в Коралловом море продолжалось, и мы прибыли туда, когда оно подходило к концу. Америка победила в этом сражении, но старый авианосец *Lexington* был потерян, а *Yorktown* еле держался на плаву на пути в Пёрл-Харбор. Ремонтники заявили, что его возвращение в строй займет несколько месяцев, но адмирал Нимитц заявил, что *Yorktown* необходимо отремонтировать настолько быстро, насколько это возможно, в течение нескольких дней.

Как и с авианосцем *Enterprise*, предполагалось, что *Yorktown* будет находиться в тактическом резерве для атаки в ходе сражения. В фильме *Battle of Midway* есть сцена, в которой летчики с авианосца *Yorktown* поют и играют на гитарах, чтобы поднять боевой дух перед боем. На самом деле, они пытались найти время, чтобы выспаться, а команда [авианосца] старалась добиться того, чтобы [на корабле] все нормально работало. Наш капитан Маррей (Murray) обрисовал нам нашу стратегию нанесения удара из засады, и сказал, что японцы произведут отвлекающую атаку на Датч Харбор/Dutch Harbor на Аляске, чтобы вынудить на отвлечь силы на ее отражение. Одного не сказал, того, что японцы отрядили против нас 189 кораблей, и их-то и придется атаковать из засады. У них было 8 авианосцев, а у нас *Hornet*, *Enterprise* и поврежденный *Yorktown*. Вице-Адмирал *Bull* [буквально – бык – ВК] Холзи не мог принять участие в сражении, поскольку попал в госпиталь с крапивницей. Наши товарищи-моряки боготворили его. Энсин Том Эверсоул (Tom Eversole) и его торпедоносец-бомбардировщик пропал без вести в тумане в плохую погоду на пути к острову Уэйк, собираясь принять участие в атаке на японцев. Холзи повернул весь флот, нашел надувной плот Эверсоула и его команды и атаковал Уэйк/Wake на день позже запланированного.

Холзи выбрал адмирала Спрюэнса себе на замену. Спрюэнс не был авиатором, но он в точности соответствовал пониманию Холзи философии риска. Он знал боевые возможности авианосцев и их ограничения, понимал возможности других кораблей. Напротив, адмирал Киммел (Kimmel) не понимал ни того, ни другого.

Холзи знал, что наши тяжёлые крейсера вооружены всего лишь 8-дюймовыми орудиями, а японские линейные корабли – 18-тидюймовыми. И японцы, и американцы подписали Вашингтонский Договор/Washington Conference Treaty. Мы списали наши 18-тидюймовые орудия, а японцы произвели на свет свои. Как сказал Уилл Роджерс [Will Rogers, 1879-1935, - американский ковбой, комик, актёр и журналист]: «Америка ни разу не проиграла войну и ни разу не победила на мирной конференции.»

3 июня 1942 г.. Мы ждали в засаде. Все летчики находились в одноминутной готовности подняться в воздух. Позднее, в тот день, нам сказали, что один летчик из ВВС доложил следующее: «Противник в поле зрения. Основные силы» и не более того. В итоге, нам, летчикам, отвели несколько часов для сна и дали время быстро позавтракать. На следующий день через корабельную трансляцию мы узнали, что пилот самолета *Каталина/Catalina*, летевший в условиях облачности, обнаружил непосредственно под собой группу авианосцев. Он спокойно доложил широту, долготу и скорость перемещения противника. Позднее некоторые летчики спорили о том, передал ли он следующую фразу: «Please notify next of kin / Передайте извещение [вероятно, «о моей гибели»] ближайшим родственникам.» Каким-то образом, японцы его не заметили...

Мы незамедлительно, в 9.45, подняли в воздух наши пикирующие бомбардировщики. Лейтенант-коммандер Маккласки (McClusky) возглавил авиагруппу, непосредственно за ним последовал лейтенант Эрл Галлахер (Earl Gallaher). Я повел следующую небольшую группу справа от Эрла. У нас было 16 самолетов *Донтлесс*. Непосредственно за нами и ниже нас шли еще 15 *Донтлессов*, ведомых лейтенантом Диком Бестом (Dick Best). Всего

31 машина с *Enterprise*. Сходное число самолетов было поднято в воздух с авианосцев *Yorktown* и *Hornet*. Вскоре после того, как мы поднялись в воздух, разведчик с Мидуэя сообщил, что японские авианосцы легли на обратный курс. Теперь они начали сближение с авианосцем *Enterprise*.

К этому моменту торпедоносцы *Devastator/Девастейтор* уже находились на расстоянии возможной атаки. Они были незамедлительно подняты в воздух с наших трех авианосцев. Мы надеялись, что эти более медленные машины с более коротким радиусом действия сблизятся с противником сразу после атаки пикирующих бомбардировщиков. Полное радиомолчание лишило летчиков пикирующих бомбардировщиков возможности узнавать об изменениях в местоположении и направлении движения противника.

Теперь давайте подумаем о том, как смотрел на происходящее адмирал Ямамото (Yamamoto), командующий японской армадой: Нанести удар по острову Мидуэй будет проще простого. Захват японцами этой важнейшей базы вынудит американцев начать переговоры и мире. Его план прекрасно срабатывал, при этом он соблюдал все предосторожности. Его армада выдвинулась севернее любых из существующих морских путей. Подводные лодки его не обнаружили. На Мидуэе понятия не имели о предстоящей атаке и были к ней плохо подготовлены. Отвлекающая атака на Датч Харбор наверняка вынудит американцев начать переброску туда своих сил, а он тем временем атакует их из засады и уничтожит.

Он ожидал, что разведчики с Мидуэя, в конечном итоге, обнаружат его корабли. Американцы бросят против него все свои силы. Пока не обнаруженные противником его лучшие четыре авианосца, находясь на безопасном расстоянии от противника, разнесут Мидуэй вдребезги. Затем его линкоры уничтожат то, что осталось, а 5 000 десантников высадутся на берег. Адмирал Нагумо (Nagumo) – командующий авианосной группой – действовал максимально осторожно. Он не считал, что в зоне боевых действий находятся какие-либо американские авианосцы, но, чтобы удостовериться в этом, бросил во всех направлениях свои самолеты-разведчики. В одном из секторов самолет-разведчик задержался на пару часов. Проблемы с двигателем. Остальные разведчики вернулись и убедили Нагумо в том, что американских кораблей в поле зрения нет. Поспешно поднявшийся в воздух с опозданием разгоряченный последний разведчик пролетел прямо над облаком, закрывшим от него наши авианосцы, и доложил Нагумо об отсутствии американских кораблей в своем секторе. Но Нагумо не стал бы волноваться, даже если бы американские корабли там и были. У него были самые лучшие авианосцы и самые лучшие летчики. Торпеды, которые несли его самолеты, были на порядок лучше наших. Наши торпеды отказывали, если их сбрасывали с высоты, большей чем 200 футов, и на скорости, большей чем 100 узлов. У наших торпед была маломощная боеголовка. Японские торпеды срабатывали, когда их сбрасывали с высоты в 200 футов и на скоростях до 200 узлов, и у них была мощная, несущая смерть боеголовка.

Его летчики отбомбились по Мидуэю точно в соответствии с планом. Они доложили ему о том, что находившиеся на острове объекты сильно повреждены и что они встретили лишь небольшое сопротивление. Но Нагумо все еще, своим шестым чувством, ощущал, что не все идет гладко. Какие-то бомбардировщики и торпедоносцы были замечены в воздухе. Прилетали они с Мидуэя или еще откуда-то? Он приказал установить на свои самолеты торпеды и бомбы. Еще до того, как это было сделано, ему доложили, что американцы бомбят его транспортные суда. Ему нужна была экстренная помощь в дальнейшей бомбардировке Мидуэя, чтобы лишить американцев возможности использовать В-17 с аэродромов острова. Торпеды и [предназначенные для уничтожения кораблей] бомбы были сняты с его самолетов и заменены на специальные бомбы, нацеленные на разрушение взлетных полос. Японцы еще не успели закончить смену вооружения на самолетах, когда разведчик доложил об обнаружении авианосцев *Enterprise* и *Yorktown*. И снова на японские самолеты установили торпеды и бомбы другого типа. Всюду и везде на палубах оставались неубранными бомбы и боеприпасы. В момент этой неразберихи с японцами сблизилась все три эскадрильи торпедоносцев. Японские истребители разнесли их в пух и прах. Все торпедоносцы попытались сбросить свои торпеды, но ни одна из них не попала в цель. Только горстка этих машин сумела избежать гибели...

В ходе сражения в Коралловом море японцы усвоили, что наши торпеды могут двигаться со скоростью, не превышающей 31 узел. Японские авианосцы перемещались со скоростью 30 узлов, то есть, они могли уклоняться от торпед. Скорость наших торпедоносцев не превышала 100 узлов, и японские истребители легко расправлялись с ними...

Давайте вернемся к нашим бомбардировщикам. Маккласки нашел только пустые океанские воды там, где предполагалось обнаружить вражеские авианосцы. Он сделал вывод о том, что японцы легли на обратный курс. Вскоре он увидел эсминец, перемещавшийся куда-то на большой скорости. Должно быть, это был корабль дальней разведки, стремившийся воссоединиться с основными силами. Неожиданно мы увидели авианосцы *Kaga*, *Akagi* и *Sōryū* почти под нами в разрыве между облаками. Мы услышали по радио: «Эрл и я возьмемся за тот, который справа. Дик, ты атакуй тот, который слева.»

Мы выстроились в эшелон. Маккласки и двое его ведомых первыми ушли в пике, затем Галлахер и двое его ведомых. Потом начал пикировать я и остальные парни из эскадрильи *Scouting Six*, все нацеливаясь на *Kaga*. Дик Бест и его 6-я Бомбардировочная Эскадрилья (*Bombing Six*) атаковали *Akagi*. Пикировщики с авианосца *Yorktown* атаковали *Sōryū*. Вся ситуация была ничем иным как мечтой морского летчика. Никакого зенитного огня, все три [вражеских] авианосца идут навстречу ветру. Над нами болтались два вражеских истребителя, но они не пытались нас атаковать... Маккласки и двое его ведомых промахнулись. 500-фунтовая бомба Эрла Галлахера угодила точно в самолет, пытавшийся подняться в воздух. Две его зажигательные 100-фунтовые бомбы попали в цель прямо рядом с этой машиной. И сразу же все находившиеся на палубе самолеты были охвачены огнем, поднимавшимся футов на 50 вверх. Я не мог видеть, куда попали бомбы, сброшенные с двух следующих самолетов, но видел, как огонь распространился на среднюю часть корабля. Мои бомбы попали точно в красный круг, расположенный впереди капитанского мостика. Через несколько секунд огонь уже поднялся на 100 футов вверх. Уолтер Лорд (Walter Lord) позднее узнал от японцев, что моя бомба разорвала автоцистерну с горючим, и огонь от нее захлестнул командирский мостик *Kaga*.

Американский пикирующий бомбардировщик в атаке на японский авианосец

Нас атаковал истребитель, когда я выходил из пике. Джон Сноуден (John Snowden), мой бортстрелок, сбил его в течение пяти секунд. Затем второй пошел в атаку на нас, и Джон сбил и его. Затем пошла игра на выживание под огнем зениток, когда мы пролетали рядом с десятком вражеских кораблей, пока я не оказался где-то в десяти милях от Мидуэя.

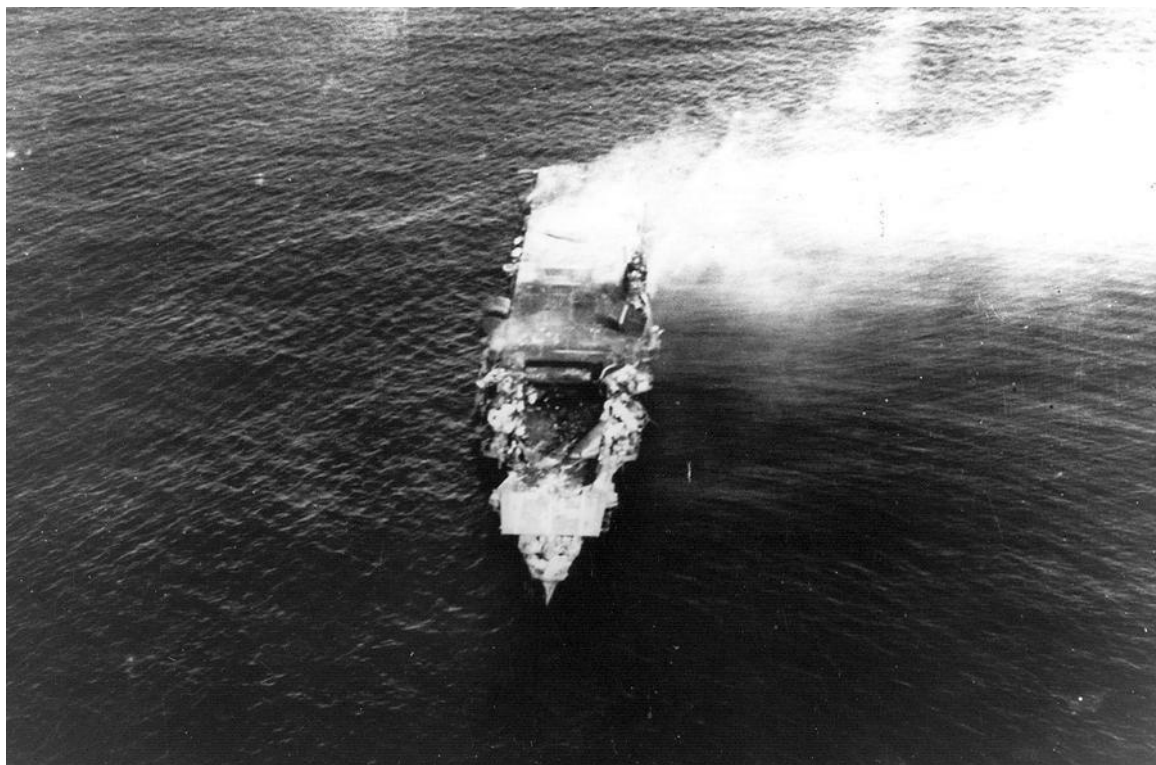
Минут через 10 после атаки я увидел сильный взрыв в средней части *Kaga*. Языки пламени и обломки металла взметнулись вверх до высоты в три-четыре тысячи футов... Эскадрилья Дика Беста отбомбилась по *Akagi*, а парни с авианосца *Yorktown* нанесли удар по *Sōryū*. Оба авианосца были охвачены огнем. Затем *Kaga* выбросил огромное коричневое облако дыма. Я больше не мог разглядеть сам корабль и предположил, что он затонул. Два

остальных пожара были видны с расстояния в 30 миль. Согласно приказу, я пролетел 40 миль в сторону Мидуэя до того, как направиться к нашему авианосцу. Медленно набирая высоту и продвигаясь к нижней кромке облаков, я увидел несущийся в мою сторону японский истребитель. Я повернул прямо навстречу ему, и он нырнул в облако.

Затем я увидел самолет из числа *Bombing Six*, который спустился на поверхность воды и то, как его экипаж выбрался на надувной плот. Я нанес на карту их местоположение. И тут слева от себя я разглядел несколько десятков самолетов с *Hiryū*, несущихся на большой скорости в направлении наших авианосцев. Когда я пикировал, я видел этот четвертый авианосец где-то в 20 милях от нас... Я делал все возможное, чтобы выжать побольше миль из каждой капли остававшегося в баках горючего. На авианосце *Enterprise* видели, как я приближаюсь к нему, и повернули в сторону ветра. Я сел на палубу, не сделав ни одного круга. Итак, в воздух поднялись 16 пикирующих бомбардировщиков. 8 вернулись...

Как только наши машины были заправлены и приняли бомбовый груз, мы вылетели в сторону авианосца *Hiryū*. До того, как я вернулся на Big E, японцы с *Hiryū* вlepили свои торпеды в борт авианосцу *Yorktown*. Взрывы вызвали пожар и заставили команду покинуть корабль. Его самолеты приземлились на *Enterprise* и *Hornet*. Эти машины влились в нашу группу, которая достигала численности в 24 машины для второй атаки, и мы устремились к *Hiryū*.

Вторая атака пошла по-другому. Повсюду были вражеские истребители. Их четверка атаковала нашу головную машину. Эдкинс (Adkins), стрелок-радист, открыл огонь по ним. Каким-то образом его спаренный пулемет сорвался с турели. Он сбил один истребитель, удерживая пулемет в руках, остальные три убрались восвояси... Галлахер был первым, кто пошел в атаку. Он и последовавший за ним летчик промахнулись, потому что *Hiryū* резко повернул, описав полукруг малого радиуса. Третий пикировщик уложил бомбу прямо посреди взлетной палубы, моя бомба попала туда же. Были еще попадания. Были взрывы и пожар, но не такие интенсивные как на *Kaga* и на других авианосцах. 24 самолета пошли в атаку, мы вернулись без потерь.

Тяжело поврежденный, горящий авианосец *Hiryū* утром 5 июня 1942 г. Через несколько часов он затонет. Обратите внимание на обрушившуюся палубу над ангаром

Посреди ночи Нагумо радировал приказ о необходимости взять Мидуэй любой ценой. Тем временем наша подводная лодка сообщила о том, что замечен силуэт японского

авианосца. Это мог быть поврежденный *Hiryū* или, возможно, 5-й авианосец. Адмирал Спрюэнс не собирался соревноваться с 18-дюймовками противника со своими 8-дюймовками. Была вероятность и того, что в бой вступит неизвестный японский авианосец. К рассвету стало ясно, что вся армада повернула домой...

Почему Нагумо изменил свои планы, остается неизвестным. Это мог быть результат доклада, который он получил от переводчика, вытянувшего информацию от О'Флаэрти (Ensign O'Flaherty) и Питера Гайдо (Peter Gaido) из нашей эскадрильи. Их бомбардировщик был сбит. Японцы подняли их на борт. Парни знали, что их будут допрашивать и заблаговременно подготовили свои истории. На самом деле, никто из никогда не бывал на Мидуэе. Независимо друг от друга, под угрозой встретить смерть, они описали мидуэйские укрепления. Каждый рассказал о сотнях пятидюймовых орудий, установленных кольцом по всему побережью, десятках летающих лодок, базировавшихся на острове, тысячах морских пехотинцев и обо всех «остальных» укреплениях. Японцы передали полученную информацию Нагумо, убили обоих летчиков и выбросили их тела в океан...

На рассвете перед нами был только пустой океан. Японцы ушли домой. 5-го июня мы сумели настигнуть небольшой одинокий крейсер. Однако, эти японцы сделали все, как положено. Нам не удалось добиться и одного попадания, а они сбили один из наших самолетов. 6-го июня мы настигли тяжелый крейсер *Mikuma* и потопили его. Его фотография есть в моем бортовом журнале, на ней можно разглядеть группу выживших моряков, столпившихся на корме непосредственно перед тем, как крейсер затонул. Некоторые наши эсминцы получили тяжелые повреждения. Самолеты с авианосца *Hornet* наткнулись еще на несколько крупных крейсеров и потопили, по меньшей мере, один из них. Однако. Мы больше не могли преследовать японцев. У наших эсминцев почти иссякли запасы топлива. Мы уже собирались направиться в сторону Датч Харбор, чтобы помочь нашим, но нам сообщили, что японцы ушли, и помощь не требуется. Итак, мы отправились обратно в Пёрл-Харбор за пивом.

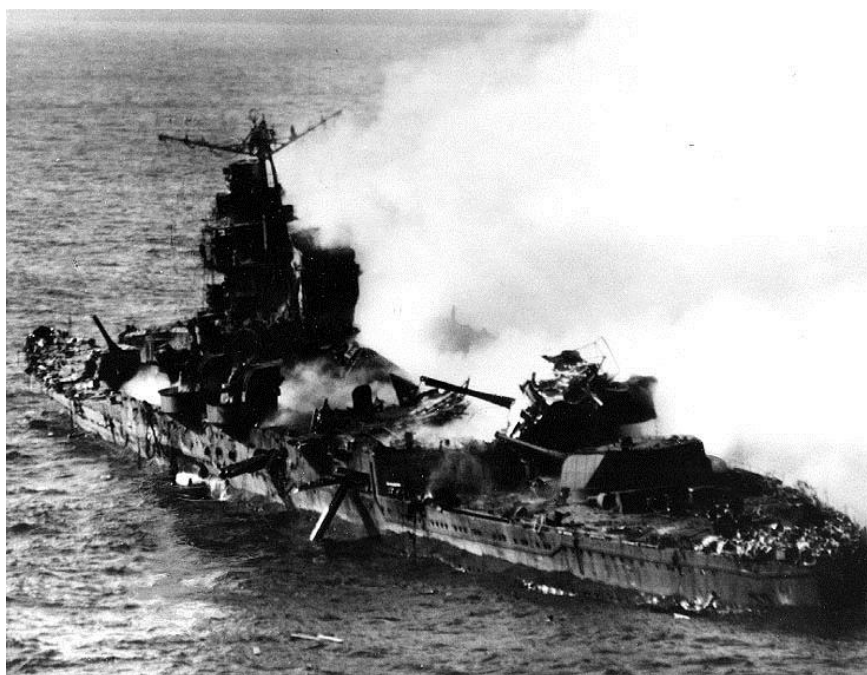

Photo # 80-G-414422 Burning Japanese cruiser Mikuma, 6 June 1942

Подпись к фотографии сделана автором рассказа –

Самолеты ВВС бомбили этот корабль, но промахнулись. Наши военно-морские летчики на пикирующих бомбардировщиках не промахнулись. Моя бомба упала непосредственно за главной надстройкой, немного ближе к правому борту, туда откуда идет белый дым. Фото было сделано младшим лейтенантом Добсоном (C.J. Dobson, Lt. (j.g. – junior grade – ВК)). Около 30 или 40 выживших столпились на корме.

Ночью корабль затонул.

О героях

А теперь я упомяну нескольких НАСТОЯЩИХ героев Битвы при Мидуэе.

Это были летчики Корпуса Морской Пехоты, которые летали на поврежденных *Донтлессах* и атаковали японские авианосцы. На всю эскадрилью в живых остался только один летчик. Кроме того, из летавших на самолетах *Avenger/Эвенджер* в тот день тоже выжил только один. Героями были и летчики *B-17* из состава ВВС, такие как Дэйв Хэссимер (Dave Hassimer), которые искали в океане японские корабли, вступали в бой с их самолетами, бомбили транспорты и сделали возможными наши атаки силами пикировщиков. Они дали нам возможность подобраться к противнику с «черного хода» и сделать свое дело.

Мы будем помнить экипажи наших торпедоносцев, которые без колебаний отдали свои жизни в попытке атаковать противника. Помолимся за экипажи пикирующих бомбардировщиков, которые знали, что у них нет шансов вернуться на наш авианосец. Вспомним и экипажи авианосцев *Yorktown* и *Enterprise*, которые полностью справились со своей работой.

Специальный поклон корабельным механикам авианосца *Enterprise*, которые полностью поменяли футеровку котлов корабля прямо в походе. Горячая, опасная работа. Работа, о которой я никогда раньше не слышал. Они дали возможность выжать скорость в 30 узлов, а кораблю – уклониться от выпущенной с подводной лодки торпеды. Она прошла в 50 футах за кормой...

У нас, тех, кто выжил, все сложилось хорошо. Тяжело пришлось женам и членам семей тех, кто пожертвовал всем...

Разные случаи

Когда *Enterprise* бросил якорь в Пёрл-Харборе, я получил задание проверить, какие имеются финансовые проблемы и что за история приключилась с новичком-моряком. Он был намного старше других новичков, вероятно, ему было за 30. Он был с Юга и явно не имел опыта в общении с городскими здоровяками. Когда-то он был сварщиком на железной дороге, имел жену и детей, но как-то в городе зашел на почту и увидел плакат, который обещал хороший заработок сварщикам на судовверфях. Одним из мест, где предлагалась работа, был Пёрл-Харбор. Ему посоветовали заглянуть в кабинет на втором этаже, где какой-то человек рассказал ему о потребности в сварщиках и о возможности немедленно отправиться в Пёрл-Харбор. Поскольку сварщик был очень честным человеком, он подписал какие-то документы, даже не прочитав их. Когда он прибыл на железнодорожную станцию, тот самый человек попросил его присматривать за группой собравшихся молодых ребят, направлявшихся на Западное побережье, потому что он был намного старше их. Остальные парни были в форме военных моряков.

Когда сварщик передал эту группу принимающему лицу в Сан-Диего, тот спросил его: «А вы почему не в форме?» Очевидно, что со сварщиком людей прибыло больше, чем полагалось. В итоге сварщик оказался в Пёрл-Харборе. Ему пришлось работать на авианосце *Enterprise* вместе с другими портовыми рабочими, которым платили во много раз больше, чем ему. После окончания восьмичасового рабочего дня гражданские рабочие уходили домой, а наш «моряк» убирал рабочее место, одевал военную форму и потом еще нес свою вахту. Я заметил, что он – отличный сварщик, и написал рапорт начальству. Через день или два наша эскадра вышла в море. Я так и не узнал, помогли ему или нет, и вообще больше его не увидел.

Когда война набрала обороты, в нашу служебную рутину вмешалась необходимость делать трудный выбор и поступать принципиально, что часто ставило офицеров перед дилеммами. Как показывают записи в бортовом журнале, наше «свободное время» было часто занято присутствием на заседаниях военного трибунала и бумажной работой.

Один из наших моряков-добровольцев погиб в сражении. Мне приказали, с двумя другими добровольцами, составить список принадлежавшего ему личного имущества. На верхней полке в его шкафчике оказался конверт с адресом, в котором мы нашли его прошение на получение государственной страховки в размере 10 000 долларов, его жена была указана как бенефициар. Там же было утвержденное [докторами] заключение о состоянии его здоровья. Все, что требовалось, - это вложить 10 долларовую банкноту в качестве страхового взноса и бросить конверт в почтовый ящик. Если бы не было свидетелей, я знаю, что я сделал бы. Я бы вложил десятидолларовую банкноту, запечатал бы конверт и бросил бы его в корабельный почтовый ящик. Поскольку мы были в море, дата на штампе не имела бы значения. Но, так как вокруг были свидетели, мне пришлось отнести конверт нашему шкиперу [skipper - в данном случае, помощнику по административно-хозяйственной части – ВК] лейтенанту Галлахеру. Ничего уже нельзя было сделать. Его вдова так ничего и не получила, и я часто сравниваю эту ситуацию с тем, что случилось с *Nisei* [американскими гражданами японского происхождения], перед которыми извинились за заключение в лагерь и которым выдали по 20 000 долларов каждому.

Была еще группа парней, которые не получили ничего от правительства – добровольцы, направленные из Сан-Диего на авиационный завод в Эль Сегундо (*Douglas Aircraft Factory в городе El Segundo*). Они и ранее начавшие службу в нашей эскадрилье кадровые летчики вернулись на первых для эскадрильи *Донтлессах*. Летчики доложили о понесенных на проживание и питание расходах, каждый сам по себе, и кадровые парни быстро получили компенсацию. Правила требовали, чтобы все добровольцы подавали подобные заявки совместно в одном документе, который отправлялся в Вашингтон. Каждому человеку должны были заплатить 35 долларов в качестве компенсации – внушительную сумму по тем временам. Прошло время. Трое добровольцев из нашей эскадрильи продолжали посылать повторные запросы на компенсацию. Потом пришел ответ: «Первоначальный запрос был направлен в Вашингтон, но его невозможно найти. Выплата компенсации может быть произведена только на основании оригиналов документов. Повторные запросы на рассматриваются.» Что тут скажешь?

Через пару месяцев после начала войны интендант (*paymaster*) авианосца *Enterprise* попросил совета у старших офицеров. Он заметил, что семеро добровольцев из экипажа корабля посылали своим женам содержание на один и тот же адрес! Выяснилось, что по этому адресу проживает только одна женщина... Говорить парням об этом или нет? Сошлись на том, что это останется в тайне. Получи такую информацию, парни останутся с разбитым сердцем, и это может негативно повлиять на их боевые показатели.

Вообще, иногда пребывание в должности помощника офицера по кадрам (*assistant personnel officer*) приводит к тому, что ты узнаешь вещи, которые знать не полагается. У меня была еще одна служебная обязанность - *educational officer* [офицер, ответственный за повышение квалификации личного состава]. Я проводил тесты, которые люди должны были пройти для продвижения по службе, и это было более интересным занятием. У меня до сих пор хранится тетрадь, в которую я записывал баллы, набранные во время этих тестов. Джон Сноуден был первым по всем категориям. Совпадение или нет? И просто ли так «случилось», что он стал моим стрелком-радистом☺?

Бортовой журнал Нормана Клисса

Взлеты и посадки

Взлетная палуба авианосца *Enterprise* была 109 футов в ширину, включая островную надстройку, и примерно 800 футов в длину. В распоряжении нашей эскадрильи было меньше половины этого расстояния, поскольку машины из 6-й Эскадрильи Торпедоносцев (Torpedo Six) и 6-й Эскадрильи Бомбардировщиков (Bombing Six) всегда стояли плотным строем за нами.

Мы часто смотрели, как загруженный бомбами *Донтлесс* исчезал из поля зрения сразу после отрыва от палубы и прохождения за носовую оконечность корабля. Затем он вновь появлялся, набирая скорость и получая ускорение от «воздушной подушки», возникающей между крыльями и водой. Как-то раз я наблюдал за взлетами и увидел молодого летчика, который почти коснулся волн, образовавшихся впереди корабля. Позднее он признался, что поднялся в воздух с заклинившими рычагами управления. Каким-то образом он сумел разблокировать управление и избежать падения в море. Не летчик, а просто акробат какой-то...

Только один раз я отказался лететь на самолете с нашего авианосца. Все датчики работали превосходно, но я повернул большой палец вниз. *Chief Dodge*, вероятно, самый лучший моторист на корабле, прибежал, чтобы оценить ситуацию. Я опять дал полный газ, все приборы показали норму, но я все-таки отказался лететь. Летчик помоложе меня сел в кабину и взлетел. Мотор отказал, и он упал в море прямо перед кораблем – его подобрал эсминец. И сегодня я и понятия не имею о том, что было не так. Я не верю в *ESP* [Extrasensory Perception – Сверхъестественное Восприятие], но верю в чутье, выходящее за пределы обычного.

Британцы называли наши посадки *контролируемыми падениями*, но они не были настолько трудными в выполнении. Летчик начинал снижаться по ветру, находясь на траверзе носовой оконечности корабля. Его скорость при этом была примерно на 5 узлов выше скорости, на которой глохнет двигатель, снижался он до высоты всего в несколько футов выше уровня палубы. Затем он делал полукруг, держа в поле зрения палубного диспетчера. После этого ему оставалось только следить за флажками палубного регулировщика и прибавлять-сбавлять скорость, набирать-сбавлять высоту, и в итоге, осуществить посадку или уйти на повторную попытку. Команды регулировщика были обязательными. Самолет цеплялся за стальные тросы и останавливался, затем его слегка бросало назад, после чего летчик выруливал на стоянку. Наиболее высокая частота возвращений на корабль в нашей эскадрилье достигала 10 секунд между посадками, но в среднем этот разрыв занимал 30 секунд.

Был случай, когда летчик самолета *F4F* получил приказ прибыть на *Enterprise* при условии успешной посадки на этот авианосец. Первые шесть попыток были полным фиаско. На седьмой раз он получил сигнал на повторную попытку, но, тем не менее, попытался сесть. Его самолет отскочил от палубы и упал в воду за левым бортом. Капитан Маррей был разочарован в парне. Говорили, что он приказал занести в бортовой журнал корабля следующее: «Младший лейтенант Блэнк прибыл на борт / Lt.(j.g.) Blank reported aboard» с указанием до секунды времени аварии. Далее было указано: «Откомандирован. Задание выполнил / Detached. Duty completed». Время было указано на секунду позднее. Летчика, которого поднял из воды эсминец, вернули в Пёрл-Харбор.

Слева Донтлесс после удачной посадки, справа – после неудачной

Летчики, сажавшие на палубу корабля свои машины, вскоре научились бросать взгляды в сторону фотографа, который торчал на верхней палубе островной надстройки. Он зря пленку не тратил и не пропустил ни одной аварии. Если у него был скучающий вид, значит, у летчика было все в порядке. Если он вставал, что-то было не так, и летчику что-то срочно нужно было делать. Как-то раз стоял на мостике вместе с фотографом, наблюдая за тем, как садятся пилоты-новички. Немного ниже борта и ближе к корме от места, где находился палубный регулировщик Берт Харден (Bert Harden), размещалась спасательная сеть. Я видел, как он дал летчику сигнал отвернуть, так скорость самолета была слишком небольшой. Однако самолет направился прямо в сторону Берта. Парень прыгнул за борт, но проявил такую энергию, что перелетел за сетку и шлепнулся в воду с высоты 65 футов. Его подобрал эсминец...

Один раз я был свидетелем того, как самолет загорелся сразу после остановки. Я был уверен, что летчик погибнет, потому что видел, что его охватило пламя. Но в считанные секунды парень в комбинезоне из асбестовой ткани выхватил его из кабины и утащил в госпиталь почти невредимым...

Еще был случай, когда истребитель, вероятно, поврежденный в бою, шлепнулся на палубу так жестко, что и не мог больше сдвинуться с места. В течение минуты под него подлезли сотни людей и, словно муравьи, подняли его. Они были в голубой форме, насколько я помню. Другие, такие как оружейники, носили форму другого цвета. Тем временем другие снимали спусковые механизмы с пулеметов, и через пару минут разбитый самолет был сброшен за борт, тем самым освободив место для посадки других истребителей.

Вообще, вышесказанное может создать такое впечатление, что аварии при посадке случались каждый день. Или, например, в ночное время. Это далеко от реальности. В 1941 г., через три года после ввода авианосца *Enterprise* в строй, была произведена 16 000-ная посадка на авианосец. Занятость в боевых операциях не давала возможности летчикам-новичкам практиковаться в ночных посадках. Например, безо всяких тренировок, летчики из *Torpedo Six* были вынуждены садиться ночью с неиспользованными торпедами после безуспешной попытки настичь японцев, ушедших после атаки на Пёрл-Харбор. Подобным образом новички, летавшие на *Донтлессах*, впервые осуществили ночную посадку в ходе сражения у атолла Мидуэй. И все обошлось без аварий. Аварий было бы больше, если бы не наши котельные машинисты, которые делали великолепную работу, чтобы придать максимальную эффект необходимому «ветру над палубой»/ «wind over the

deck». Для работы котлов на полную мощность была необходимо своевременное обновление их кирпичной футеровки. Машинисты выполняли эту жаркую, опасную работу прямо в море, даже во время сражения у атолла Мидуэй.

Как-то произошло следующее: прозвучали предупреждающие сигналы, донеслись команды из громкоговорителей, и *Enterprize* резко отклонился вправо. Я своими глазами видел торпеду, которая прошла всего в нескольких футах за кормой. Слава богу, что у нас были парни с такими орлиными глазами и такие парни-машинисты, которые дали кораблю несколько тех самых необходимых дополнительных узлов...

Photo # 80-G-23590 LCdr C.W. McClusky receives the D.F.C.

Адмирал Нимиц вручает боевые награды летчикам и морякам. Крест за Отличие в Летной Службе/Distinguished Flying Cross получает лейтенант-коммандер Маккласки. Клусс – третий справа.

О друзьях

Как-то вечером энсин Вилли Вест (Willie P. West) и я прогуливались вдоль летной палубы и болтали. Никто из нас не услышал предупреждающий сигнал, подаваемый при запуске элеватора, если он вообще прозвучал. Неожиданно он шагнул в пустоту, а я оказался прямо на краю шахты. Я ожидал, что увижу его уже разбившимся на дне 30-футовой ямы, но все обошлось. Он потом сказал, что элеватор опускался почти с такой же скоростью, что и его падающее тело, поэтому он приземлился почти как на пуховую перину.

Моими соседями по комнате были энсин Перри Тифф (Perry Teaff) и энсин Норман Вест (Norman West). Как-то раз трое летчиков, в том числе эти двое, возвращались после налета на Маршалловы острова и увидели два [истребителя] *Зеро*, приближающиеся слева. Перри незамедлительно развернулся в их сторону и устремился им навстречу, рассчитывая, что остальные последуют за ним. Он дал возможность одному из *Зеро* сблизиться с собой на минимальное расстояние и ушел вниз. Пилот *Зеро* попытался последовать за ним, но сорвался в штопор и упал в море. Таким превосходным летчиком был Перри. Второй японец в смятении ушел. Когда он вернулись на корабль, Клео [Cleo – вероятно, имя третьего летчика] спросил: «Зачем ты сделал эту глупость?». Перри ответил: «А ты почему не пошел за мной? Нас же было больше!»

Потом он потерял глаз во время аварии при взлете, взяв направление в сторону левого борта, а не в сторону носа корабля. Это случилось потому, что новый офицер-распорядитель палубы дал ему сбивающий с толку сигнал «на взлет». Полная темнота и туман еще более осложнили ситуацию...

Получив стеклянный глаз, Перри попытался вернуться на летную службу и показать, что он может летать и с одним глазом как Уайли Пост (Wiley Post, 1898-1935, известный американский летчик, потерявший глаз в 1926 г.), но флот не принял этот аргумент. В те времена летчику полагалось иметь идеальное зрение на оба глаза и без очков. На этом морская служба для Перри закончилась, как, впрочем, и военная. Его жена Мэгги была сильно обижена тем, что единственным, что заслужил Перри за годы, проведенные во флоте, были бесплатные стеклянные глаза.

Питер Гайдо... Я впервые встретил его, когда готовился к моей первой посадке на палубу авианосца. Он спросил меня: «Могу я полететь с тобой?» Я ответил: «Это будет моя первая посадка на авианосец, и мне полагается иметь на борту только мешки с песком. Он сказал: «У тебя же есть крылья, не так ли (*имелось в виду офицерское звание*)?», выкинул мешки и сел в кабину. Почувствовав себя гораздо увереннее, я сделал с полдюжину абсолютно правильных посадок.

Позднее Питер продемонстрировал свое незаурядный характер в тот момент, когда японский бомбардировщик пытался таранить *Enterprise*. Он запрыгнул в кабину пустого *Донтлесса* и открыл огонь по приближавшемуся самолету. Он продолжал стрелять до тех пор, пока японец не отвернул в противоположном направлении и не врезался в воду... Он попытался не афишировать этот бой, но вице-адмирал Холзи, в итоге, нашел его и сразу же продвинул по службе. Я уже говорил о том, что он был сбит, попал в плен к японцам и был убит вместе с парнем по фамилии О'Флаэрти после допроса. Он был храбрейшим из тех, кого я знал...

Военно-Морской Крест/Navy Cross Нормана Климса

Норман Клисс дожил до 100 лет и ушел из жизни последним из тех, кто принимал участие в воздушных атаках на японские авианосцы в сражении у атолла Мидуэй. В последнем интервью он сказал следующее: «Я – все что угодно, но только не герой. Я просто делал то, что полагалось делать в тот момент.»

О ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ РАССКАЗЫВАЕТ МОРСКОЙ ПЕХОТИНЕЦ МИЛТОН «ПАННИ» ДЭМБАКЕР (MILTON “PUNNY” DAMBACHER)

Я родился в тюрьме города Сонора, Sonora, штат Калифорния. Нет, моя мать не была в заключении. Мой отец, Джек Дэмбакер, ветеран ПМВ, потерявший на фронте ногу, был шерифом округа, а в то время шериф и его семья должны были жить на территории [окружной] тюрьмы. Шел 1923 год, поэтому и среднюю школу Соноры я закончил в 1941 г. В то время, кажется, была тенденция к тому, что молодежь шла в колледжи, а не в университеты, поэтому я поступил в *Modesto Junior College*, получив спортивную стипендию, как футболист. Я в тот год попал в составленную по опросам репортеров сборную нашей лиги на позиции нападающего и защитника – единственный новичок, которому это удалось. Когда оставалось сыграть одну игру в том сезоне, случилась бомбардировка Пёрл-Харбора. Почти все игроки нашей команды объявили о готовности пойти в армию, и я сделал то же самое. Это стало концом моей футбольной карьеры.

В 1941 г. морская пехота была небольшой частью военно-морского флота и единственной категорией войск, которую готовили к морским десантам. Многих призвали в армию, но я хотел попасть в морскую пехоту. Хорошей стороной поступления в морскую пехоту было то, что туда еще нужно было пробиться. Это была элита вооруженных сил. Боевая подготовка в морской пехоте была чертовски близка по уровню к тому, как теперь обучают боевых пловцов (Seals). Если ты попал в морскую пехоту, твоя солдатская профессия не имеет значения, - ты все равно проходишь физическую подготовку в полном объеме.

Меня сразу зачислили в призывные списки, но, думаю, давно уже шел 1942-й, кажется, сентябрь, когда я был отправлен в лагерь базовой подготовки в Сан Диего. Я попал в 5-й *Десантный Корпус Морской Пехоты (5th Marine Amphibious Corps)* – часть, которой предстояло провести следующие три года на Тихом Океане, принимая участие во многих крупнейших десантных операциях. К моменту капитуляции Японии высадки на Тараве (Tarawa), Кваджалейне (Kwajalein), Эниветоке (Eniwetok), Сайпане (Saipan), Тиниане (Tinian) и Иводзиме (Iwo Jima) стоили 5-му Корпусу больших потерь, и, думаю, из первоначального состава, нас осталось только семеро.

Киска/Kiska и Атту/Attu, август 1943 г.

На ранней стадии военных действий японцы удерживали Алеутские острова, и морскую пехоту отправили туда, чтобы изгнать их. Операция на Киске в августе 1943 г. была моим первым десантом в составе морской пехоты. Нас всегда учили делать все, чтобы захватить господствующие высоты, и, когда мы медленно продвигались к ним, над нашими головами проносилось множество пуль. Хотя в поле зрения японцев не было, предполагалось, что они где-то здесь. Каким-то образом я ощущал их присутствие. Мы продвигались вперед, как нас учили – медленно, но безостановочно. В итоге, мы заняли высоты и пляжи. Потом мы обнаружили, что японцы уже оставили Киску, возможно, всего за день до нашей

высадки, и стреляли над нашими головами наши же. Остров Атту был захвачен тремя месяцами раньше, и нашу часть перебросили с Киски на Атту.

Тарава, ноябрь 1943 года

В конце 1943 г. морскую пехоту направили на захват острова Тарава. Это стало первым боевым опытом для меня. Флот не имел каких-либо разведданных о ситуации на острове. Фактически, было мало данных о большинстве удерживаемых японцами островов. Видите ли, японцы проникли туда задолго до войны – это были подмандатные японские владения, простиравшиеся от центральной части Тихого океана до Марианских островов. В те года кроме них, там никто не бывал, и японцы хорошо их укрепили. Я думаю, предоставление им подмандатных территорий было шагом, нацеленным на их умиротворение. Это был их земля, и мы ничего о ней не знали...

Теперь вот, что я вам скажу. Большинство морпехов считали, что Амелия Эрхарт (Amelia Earhart – 1897-1937 - известная американская писательница и пионер авиации, пропала без вести в полете над центральной частью Тихого океана) и ее штурман Нунан (Noonan) собирали информацию об этих островах, когда предприняли попытку совершить полет вокруг света. Мы, вроде как, верили, что их спонсировал военно-морской флот, заинтересованный в данных по этим островам. Предполагалось, что их самолет упал в океан где-то в районе островов Кваджалейн или Эниветок, и нам сказали, чтобы мы смотрели в оба в поисках доказательств этого. Так или иначе, мы были в этом районе, готовясь к десанту на Тараву, при этом не имея хороших карт и не зная, что ожидать.

Панни Дэмбакер сразу же после окончания курса базовой подготовки. 1942 г.

Мы высаживались на катерах *Higgins* в первой волне десанта, возможно, человек по 15 в каждом из них. Мы уже приближались к острову, когда плотно застряли на коралловом рифе. Никто до этого и понятия не имел, что там находится риф. Так мы засели на мелководье под огнем противника, теряя людей. Помню трупы, качающиеся на волнах... К нам подошли машины *Amtrack* (оснащенные гусеницами десантные суда), которые должны были следовать за нами, как вторая волна десанта. Те из нас, кто остался цел, перебрался на них, чтобы продолжить начатое. Однако огонь противника был таким плотным, что все, что нам оставалось в тот день, было сидение за трех-четырёхфутовым волноприбойным уступом. Неподалеку от нас в один из десантных катеров угодил снаряд, и Ронни Кимболл (Ronnie Kimball), парень, которого я знал со времени, проведенного на гражданке, был убит. Он встречался с сестрой моей жены. Ронни обещали золотые горы, стараясь заманить его в морскую пехоту, но он так и не получил всего обещанного. Он хотел чего-то особенного, но, попав в лагерь базовой подготовки, прошел через все это вместе с нами. Во время высадки, когда нас прижал к земле огонь японцев, я видел его тело – он повис на волноприбойном уступе, наполовину высунувшись из воды. Мы просидели в воде под этим уступом весь первый день, иногда просто среди трупов. Там, где оказался я, в живых оставалось только человек двадцать пять.

Тактикой японцев на протяжении всех военных лет были ночные контратаки. Когда наступила темнота, мы все еще сидели за уступом. Я увидел тени людей, пересекавших берег в направлении уступа и сообразил, что это были японцы. Мы пересидели эту ночь среди трупов. Рано утром следующего дня я уже знал, что напротив нас находятся японцы, но по нам вели огонь и со стороны пляжа, поэтому можно было заключить, что кто-то из них спустился с уступа и зашел к нам в тыл.

Морпехи за единственным укрытием от огня - волноприбойным уступом. Тарава, 1943

Трупов было столько, что мы боялись пошевелиться, и, должно быть, японцы решили, что полностью уничтожили первую волну. Если бы они знали, как мало нас оставалось в живых в первую ночь, они могли бы просто забросать пространство за уступом гранатами и перебить нас. Это сильно затруднило бы нашу атаку, которая случилась на следующий день. На второй день корабли и самолеты снова начали обстрел и бомбардировку острова. Бомбы падали иногда меньше чем в сотне футов от уступа. На берег высадились новая волна морпехов, и теперь у нас было достаточно сил, чтобы наступать. На Тараве я понял, насколько кровавой будет эта война.

Вместе с товарищами

Бои за острова Кваджалейн и Эниветок – январь-февраль 1944)

Когда мы добрались до Кваджалейна и Эниветока в начале 1944 г., мы уже знали о десантных операциях гораздо больше, чем раньше, и, кроме того, сумели собрать кое-какие разведданные. В отличие от Таравы, где для высадки подходил только один участок побережья, на котором японцы хорошо подготовились к обороне, на Кваджалейне было много удобных участков для десантирования, далеко не так хорошо укрепленных. День клонился к вечеру, когда здесь высадилась наша первая волна. Японцы к тому времени стали менять свою тактику. Обычно они давали первой волне высадиться и продвинуться, а потом шли в атаку, нанося удар по второй волне. Но мы не увидели здесь такого сопротивления, которого ожидали. И, опять же, наша огневая мощь делала свое дело.

Здесь мы начали использовать напалм. Заливаешь им какой-нибудь бункер, и никто уже оттуда не отвечает выстрелами. Важную роль сыграло то, что мы продолжали вводить в строй все больше боевых кораблей и самолетов, и огневая подготовка высадки здесь была раза в два мощнее, чем на Тараве. Продвинуться вперед можно только за счет подавления того, что задерживает тебя. Это – единственный путь к тому, чтобы продвинуться мимо японского ДОТа. Неважно то, насколько хорош этот бункер, 16-тидюймовый снаряд все равно разнесет его...

Сразу после Кваджалейна и Эниветока мое подразделение проводило рекогносцировку небольшого острова под названием Маджуро/Majuro, про который один пленный рассказал, что на нем есть местное население и японские укрепления. Мы же нашли на нем, в основном, дружелюбно настроенных местных и превосходные пляжи. Да, там было немало снайперов, но не было настоящих сил обороны. Местные устроили для нас большое *луау/luau* (торжество с угощениями и танцами у полинезийцев), и парни из других подразделений позднее обвинили нас в том, что у нас там был неплохой отпуск. Это одно из мест, где я хотел бы побывать еще раз.

Я высадился на Эниветоке на второй день десанта. Остров был очищен примерно за четыре дня, но это был чертовски трудный остров. У нас не было никаких разведанных, но с нами была наша огневая мощь. Мы были лучше обучены, и нас поддерживала корабельная артиллерия. С каждой высадкой ты учишься, усиливается огневая мощь, лучше действует авиация. Все в целом работает лучше, и слава богу.

Отпуск и встреча с друзьями из Соноры

В перерывах между боями мы всегда возвращались на Гавайи, на нашу основную базу в Пёрл-Харборе. Мы отдыхали несколько дней, а потом опять приступали к боевой подготовке. Знаете, *Royal Hawaiian Hotel* в Гонолулу, тот, розовый, сдавал военным служащим комнаты по 25 центов в день. Мы снимали один номер на троих, а затем «дезинфицировали» ванну, сливая в нее и смешивая все имеющиеся у нас напитки. Хорошо проводили время...

Вы не поверите, сколько парней из округа Туолами/Tuolumne я встречал на Гавайях. Столкнулся в Гонолулу с Джимом Фернандесом. Семья Фернандесов была старожилом на Гавайях, но они в 1930-х переехали в Таоламн, где Джим играл в оркестре. Потом он развелся с женой и с одним из сыновей вернулся на острова перед самой войной. Я также встретил Уорна Киги (Warne Keagy) и Рэя Миннерса (Ray Minners). Кроме того, там оказались Ирвинг Саймонс (Irving Symons), Билл Сегерстром (Bill Segerstrom) и Дэйв Бонавиа (Dave Bonavia). Еще там был Джонни Сарделла (Johnny Sardella). Я видел, как его ранило на Тараве. Я почти уверен, что это был он. Кажется, это случилось на третий день, может, на четвертый. Я знал, в какой части он был, они продвигались рядом с нами. В одном месте нас сильно прижали огнем японцы, и он получил ранение в голову. Я был ярдах в 50-100 от него. Пуля пробила его каску... должно быть, это был он. Наверняка не скажешь, помню, что парень нес рюкзак. Просто подумал, что это мог быть Джонни. Каска слетела у него с головы, и он упал на камни.

К нам приходила газета *Union Democrat*, и, где-то через месяц после Иводзимы, я прочитал в газете, что Джонни был ранен на Тихом океане и теперь находится на отдыхе. Ну, я знал, что единственным местом, где раненые морпехи могли находиться на отдыхе, был наш пляж на Гавайях. Я увидел Дэйва Бонавиа и Рэя Миннерса и сказал им: «Вы видели газету? Если Джонни жив, он должен быть на этом острове.» Дэйв, Рэй и я отправились на тот пляж. Там мы и нашли Джонни. Встретились, посидели, поговорили.

Иногда морпехов посылали на остров Мауи (Maui – один из островов Гавайского архипелага) для дополнительного обучения. Находясь там, я и другие парни ходили в

китайский ресторан в городке Лахайна/Lahaina. Им управлял старый китаец с семьей, и люди говорили, что у него память лучше, чем у кого-либо на этом свете. Мы этому старому китайцу понравились. Он говорил: «Приходите вечером, я для вас приготовлю это, это и это.» Мы приходили, и там оказывалась самая разная китайская еда. Он называл меня Дэнни... так меня называли на службе. Теперь посмотрите... 30 или 40 лет спустя я, Джоу и Джойс Мартин и еще много кто из Соноры приезжаем на Мауи, и я им рассказываю, что здесь во время войны жил старый китаец, не знаю, жив он или нет. Должно быть, это было лет через 40 после войны, где-то в 80-е. Идем, смотрим, а ресторан все еще там! Входим, и я слышу крик: «Дэнни!» Представьте себе такое. Он был уже очень стар, но не забыл меня...

Моя кличка

Я получил прозвище *Панни (Punny)*, когда мне было года два. Как я уже говорил, моя семья жила на территории тюрьмы, потому что мой отец был шерифом, и его семье полагалось жить в тюрьме. Как-то раз кто-то прибыл для отбывания срока, его имя начиналось на «Р», и его было очень трудно произнести. Моя мать попросила его повторить имя несколько раз, и каждый раз мой брат, который был на год старше меня, начинал смеяться. Затем он показал на меня пальцем и сказал «Панни». С той поры у меня и появилась такая кличка.

Когда я был на Тихом Океане, моя бабушка регулярно посылала мне из Окленда/Oakland посылки с печеньем и письмом о том, как идут дела дома. Из писем можно было понять, что память у нее уже не та, что была прежде. Как-то я был на Гавайях на отдыхе и дополнительном обучении между боями. Посылки не было уже недель шесть, и тут она приходит вся побитая и помятая. Адрес на ней был такой: *Моему внуку Панни, где-то на Тихом Океане, Корпус Морской Пехоты США/My Grandson Punny, Somewhere in the South Pacific, United States Marine Corps.* Можете себе представить? Эта посылка каким-то образом прошла через почтовый офис в Сан-Франциско и нашла меня на Тихом Океане. Кто-то, должно быть, слышал о моей кличке, и посылка нашла меня на Гавайях.

Сайпан и Тиниан – июнь-август 1944 г.

Силы вторжения покинули Пёрл-Харбор 5 июня 1944 г., за день до высадки в Нормандии. Острова Тайпан и Тиниан находятся неподалеку друг от друга и были важны для США, потому что с них могли долететь до Японии бомбардировщики В-29. Нам был нужен аэродром поблизости от Японии, а японцы не хотели, чтобы у нас был такой аэродром. Они были настроены на то, чтобы защищать Сайпан до последнего солдата, и так и случилось.

Я высаживался в первый день со второй волной. Десантные волны никогда не бывают столь четко выраженными, как это показывают в кино. Они теряют направление, и иногда пятая волна высаживается на участок, где наиболее горячо. На Сайпане дела пошли довольно неплохо по ряду причин. Одной из причин было то, что японцы сначала отправили свои самолеты на Гуам для дозаправки. Когда они вылетели в направлении Сайпана, наш флот разделился и послал группу кораблей на бомбежку всех взлетно-посадочных полос на Гуаме. В итоге японские самолеты не смогли дозаправиться и были уничтожены американскими летчиками, или же, израсходовав горючее, упали в океан, потому что им некуда было садиться. Это был знаменитый *Отстрел Индеек у Мариан/Marianas Turkey Shoot*, в результате которого была почти полностью уничтожена морская авиация японцев.

Сражение за Сайпан продолжалось немногим более трех недель, но моя часть отправилась на Тиниан незадолго до того, как остров был полностью захвачен. Где-то на двадцатый день исход сражения был ясен, и мы уже могли видеть гражданских японцев, бросавшихся вниз со скальных обрывов. Думаю, они наслушались дикой пропаганды о том, как мы будем обращаться с ними, когда победим, и решили расстаться с жизнью...

Морпехи осторожно продвигаются вперед после высадки. Сайпан, 1944

Итак, почему нас перебросили на Тиниан до того, как был полностью захвачен Сайпан? Мы не могли этого понять. У нас были разведданные, показывающие, что на Тиниане было не так много японцев. Там были в основном корейские рабочие. Когда мы приблизились к острову, мы увидели местных жителей, преимущественно, женщин и детей, направлявшихся к обрывам и прыгавших вниз. Захват Тиниана занял девять дней, потому что мы остановили бомбежку и обстрелы острова и просто медленно прочесали остров. Мы остро нуждались в данных о противнике, но японские солдаты не сдавались в плен. Командование даже предложило 30-дневный отпуск тому, кто приведет живого военнопленного. Японцы появлялись в поле зрения, но взять хотя бы одного живым никак не удавалось. Нехорошо говорить, но каждый из нас предпочитал застрелить японца – так мы их ненавидели. Для нас они были муравьями – мы не считали их человеческими существами. Они вылезали из своих окопов, словно суслики и, если они считали, что им уже ничего не светило или мы были совсем близко, они поднимались и стреляли в себя... Это все та самая ненависть.

Помню, еще на Сайпане, я и еще один парень захватили двух пленных, что означало 30-дневный отпуск. Мы находились в роще из кокосовых пальм, и японцы появились из-за деревьев. Мы должны были оставаться там, где были, и пришлось передать японцев троим парням, чтобы те отвели их в штаб. Пленных до штаба не довели. Все та же ненависть.

После зачистки Сайпана и Тиниана до нас дошли слухи о взлетно-посадочных полосах. Мы ничего не знали об атомной бомбе, но знали о том, что главным приоритетом стала постройка аэродромов. Когда на острова пришли военно-морские строители (Seabees), по ним стали постреливать остававшиеся в живых японцы, засевшие в своих бункерах. Нам приказали вернуться и подавить эти огневые точки. Скажу вам, что, несмотря на возможную критику, наилучший способ управиться с этим – закатать эти бункера бульдозером. Мы столкнулись с тем, что даже после обработки их огнеметами, чтобы окончательно разобраться с ними, приходилось засыпать японские бункеры бульдозерами. А что еще сделаешь?

Морпехи в бою. Тиниан, 1944

Продвижение по службе

На Тихом океане мы быстро получали новые звания. Из-за больших потерь [среди сержантов и офицеров] и с приобретением боевого опыта скорое продвижение вверх было обеспечено. К двадцати годам я участвовал в брифингах с адмиралами и бригадными генералами. Мы были на отдыхе на Гавайях, когда некоторым из нас сказали, что нам предстоит принять участие в беседе с адмиралом Нимицем и некоторыми другими [старшими офицерами] о том, с чем мы видели и какими были бои против японцев. Я, было подумал: я что, если я скажу им что-то не то? Это может стоить мне карьеры. Я сильно нервничал, пока один полковник не отвел меня и моего приятеля в сторону и не сказал: «Вы двое знаете о десантных операциях больше, чем кто-либо в этом кабинете. Не волнуйтесь.» Скажу вам, что мы вздохнули с облегчением, и, в итоге, все прошло отлично. Они знали, что мы побывали на войне, что у нас был непосредственный боевой опыт – то, что им нужно было узнать.

На Сайпане, непосредственно перед отправкой на Тиниан, я получил полевое офицерское звание (battlefield promotion). Я стал 2-м лейтенантом и оставался офицером до конца войны.

Иводзима - февраль-март 1945

Моя часть вступил в сражение за Иводзиму, которое продолжалось 35 дней, на второе утро боев. Огонь корабельной артиллерии теперь был в 10 раз интенсивнее, чем на Тараве. Стало больше кораблей и самолетов, многие пришли с Атлантики после высадки в Нормандии. Но бои за Иводзиму стали испытанием. Остров сложен лавой и скальными породами, и японцы зарылись в туннели. Иногда мы не могли продвинуться на десять футов за 5 дней. Нас поддерживали корабли, наши самолеты поливали огнем японские ДОТы, мы пытались двинуться вперед, но японцы продолжали стрелять... Знаете, огонь из стрелкового оружия убил всего около 10% японцев. Если они выбегали [из укрытий] и шли в атаку, вы могли застрелить кого-то из них, но, большую часть времени, они прятались в тоннелях, бункерах или за камнями. Снаряды, гранаты, осколки и шрапнель убили большую часть из них. Если в твою сторону бежало пятеро или шестеро японцев, граната была единственным подходящим оружием. Осколки и шрапнель роились вокруг нас постоянно. Мы сами выковыривали крохотные куски металла из-под кожи...

Ночью мы отходили к пляжам, чтобы пополнить свои припасы и получить подкрепления. Японцы часто контратаковали ночью, поэтому нам приходилось быть начеку. Как-то ночью на Иводзиме я вернулся на пляж, чтобы встретить подкрепление. На этой стадии войны все они были молодыми пацанами. Среди них был паренек по Нолан Хэррис (Nolan Harris) из Соноры. Он был на три или четыре года моложе меня. Паренек крикнул, что хочет идти со мной, в мою часть. В тот момент мы были в самой трудной точке на острове, и не могли продвинуться вперед. Я сказал: «Нолан, ты хочешь остаться здесь. Ты туда не хочешь.» Потом добавил: «Мы сейчас в самой чертовски горячей точке.» Но... на следующий день он был убит. Я до сих чувствую тяжесть от того, что произошло с ним.

Огнемётный танк поливает огнем японский бункер. Иводзима, 1945

Все знают, что гора Сурибати была господствующей высотой на Иводзиме и что бой за нее был долгим и кровопролитным, потому что японцы закрепились там очень неплохо. Большая часть укреплений была обращена в сторону вероятного десанта, поскольку они не верили, что кто-то сможет обойти гору и преодолеть расположенные на противоположной стороне крутые обрывы. Но морпехи сделали это. Моя часть была примерно в четверти мили от вершины, когда над ней поднялся наш флаг – вы не можете себе представить, как это подняло наш боевой дух. Было еще далеко до конца сражения, но господствующая высота была у нас в руках...

Я думаю о трех из пяти парней, которые первыми подняли флаг – они погибли до того, как окончилось сражение. В первый день это был небольшой флаг, но этого парня, Розенталя (Joseph Rosenthal - 1911–2006) военного репортера, не было там тогда, когда подняли первый флаг. На следующий день они сделали это еще раз, и подняли флаг побольше. Думаю, один парень-навахо, который служил в нашей части, был родственником того [индейца], который участвовал в подъеме флага. Фотография, сделанная на второй день и стала той, которая попала в прессу, и, я думаю, она помогла продать больше военных облигаций (war bonds), чем что-либо другое.

Когда меня спрашивают, как я сумел вернуться целым с Иводзимы, я говорю: «На корабле, направлявшемся на Гавайи.» (Игра слов: How did you get off Iwo Jima – можно интерпретировать «как ты уцелел» и «как ты уехал оттуда»). Очень многие, сражавшиеся по обе стороны, остались на этом острове...

Шифровальщики из племени Навахо

Японцы были не менее образованными людьми, чем любой другой народ. Они знали английский и вообще чуть ли не все остальные языки на свете. Пришлось потрудиться над тем, чтобы обмануть их. Мы постоянно работали над взломом их шифров, они – над взломом наших. Мы побили, используя парней-навахо. У этого племени был язык, который нигде и никогда не имел письменных форм. Почти в каждом батальоне был парень-навахо. Когда где-то нужно было сконцентрировать огонь и куда-то передать по радио секретные данные, парень-навахо делал это на своем языке. Японцы так никогда и не взломали этот код.

Но скажу вам вот-что, этот вариант шифровки данных стал причиной грандиозного провала во время сражения за Иводзиму. Огонь японцев прижал нас к земле. Мы вызвали командный пункт и попросили поддержки, но тут вражеский огонь разнес его. Вызываем другой командный пункт – и этот пункт замолчал. Мы узнали, что произошло, только через три дня. Некоторые подразделения боевых кораблей, пришедшие с Атлантики, не знали ничего о языке навахо, поэтому, услышав сообщения на этом языке, исходящие с наших командных пунктов, они решили, что это – японский язык, и накрыли огнем эти командные пункты. В итоге, мы были счастливы, когда эту проблему с моряками утрясли...

Обучение и развлечения

Очень многие из тех, с кем я сражался бок о бок, не вернулись домой. Думаю, если посмотреть на первое подразделение, в котором я оказался, окажется, что 80% из него попало в разряд убитых и раненых. Так, вероятно, и должно было случиться. Стратегия морского десанта заключается в том, чтобы на берегу оказалось как можно больше людей. Некоторым это удается... Почему мне это удалось? Почему я пережил войну? Уверен, для этого было множество причин, но, скажу я вам, две из них определили это: боевая подготовка и чувство юмора. Первое я заучил еще дома и уже в морской пехоте – учись, будь готов [к бою]. Практика. Знай, что можно ожидать. В нас это вколотили. Неважно, футбол это или работа. В морской пехоте мы учились и готовились, и мы знали, что нас ждет и что делать, когда случается то, что ты ждешь и то, чего ты не ждешь. Так меня учили, и, когда я стал 2-м лейтенантом, я так же учил морпехов, за которых отвечал. Нет ничего лучше, чем обучение. Мы хотели быть готовыми ко всему и хотели быть лучшими. Ели предполагалось, что мы будем тренироваться с 30-фунтовым рюкзаком за плечами, на набивали в него все 40 фунтов, чтобы быть готовыми к самому трудному.

Но нужно и поразвлечься. Должно оставаться место для веселья. Я видел многих ребят, которые слетали с катушек. Случались и самоубийства. Я могу вам сказать, что мы возвращались из многих боев, и среди нас были ребята... было видно, что они уже на грани. Поэтому мы всегда старались немного поразвлечься. Забавлялись, подшучивали друг над другом, старались, чтобы все получали этого удовольствие. На позднем этапе войны я и мой приятель обучали морпехов и иногда включали свет в три часа ночи, чтобы все встали и построились. Морпехи видели свет, но не знали, который час. Они видели, что мы одеты, поэтому они вставали и одевались. Они видели, что мы вешаем на себя рюкзаки, и они вешали на себя рюкзаки. Потом они видели, как мы раздеваемся и ложимся спать. Так, просто небольшие приколы, чтобы парни могли расслабиться. Надо ведь и поразвлечься иногда...

Окинава - лето1945

Я не участвовал в сражении за Окинаву. После боев мы высадились там для подготовки к вторжению в Японию. Не могу сказать наверняка, но у нас был доступ к кое-какой секретной информации с довольно высокого уровня. Мы ознакомились с общим планом. В Корпус Морской Пехоты тогда входило шесть дивизий, и мы узнали, что эти шесть дивизий должны высадиться в определенном месте на Японских островах. Эти дивизии были обозначены как РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ (EXPENDABLE). Из этой кампании никто бы не вернулся...

То есть, когда мне говорят эту херню про атомную бомбу или интернирование японцев, я не хочу это слышать. Атомная бомба спасла наши жизни. Мы знали из карт, что

командование собиралось списать морскую пехоту в расход, чтобы создать плацдарм, и, возможно, так и случилось бы, если бы не атомная бомба. Нам с того берега обратной дороги не было, мы это знали...

Возвращение домой

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки мы были готовы к возвращению. Была разработана специальная система зачетных баллов – за высадки и бои начислялись баллы, которые давали возможность быстро отправиться домой. Парни из моей части – 5-го Десантного Корпуса, имели больше баллов, чем кто-то другой, потому что мы участвовали во всех десантах. Некоторые из нас оказались в списке первыми. Этот список, в итоге, так никогда толком и не использовался, но нас отправили домой первыми.

Добравшись до Сан-Диего, я очень хотел побыстрее попасть в Сонору и начал искать возможности для этого. В одном баре я столкнулся с Пэппи Бойингтоном (Pappy Boyington – 1912-1988 – американский воздушный ас, известный своим пристрастием к алкоголю). Знаете, большая часть асов любит выпить, и это парень был именно таким. Он сказал, что должен перебросить пикировщик *Донтлесс* на базу Аламида и что я могу подсесть к нему в самолет. В самолете было два сидения. Только поднялись в воздух и направились в Лос-Анжелес, как заметили вдали дым от лесного пожара. Бойингтон и говорит: «Давай подлетим и посмотрим.» Он опустил самолет так низко, что я почувствовал жар от пламени. Ну, ребята, скажу я вам, те парни летать умели. Затем мы приблизились к заливу, и он сказал: «Всегда хотел пролететь под мостом *Золотые Ворота/Golden Gate*. И он пошел на снижение! Выяснилось, что там проходили какие-то суда, и это вынудило его передумать. Мы полетели дальше и приземлились на военно-морском аэродроме Аламида.

Мой отец подъехал, чтобы подхватить меня около полуночи. Когда я сел в машину, он сказал мне, что я должен буду пойти и увидеть семью Сарделла и передать, что Джонни жив, и что это нужно сделать сразу же, в 6 утра завтра. Видите ли, миссис Сарделла передали, что Джонни тяжело ранен, но она не верила в то, что он жив. «Она должна услышать о том, что он жив, от того, кто знал его раньше, тогда она поверит в это. Первым делом утром мы должны пойти к ним. Она нальет тебе вина. Хотя это и будет рано утром, ты все равно выпей,» - сказал мне отец. Знаете, мой отец любил бурбон, но терпеть не мог вина, поэтому сама мысль о том, чтобы пить вино с утра была для него почти невыносимой. «Мы должны это сделать для миссис Сарделла,» - добавил отец.

Что ж, мы встали рано утром и отправились к миссис Сарделла. Увидев меня, она разрыдалась. Затем она сказала со своим итальянским акцентом: «Панни, Джонни жив?» - Я ответил: «Да.» Я никогда в жизни ни у кого не видел выражения подобного тому, что появилось на ее лице. Это было такое облегчение. Она взяла мое лицо в свои руки и стала говорить: «Мой Джонни, мой Джонни, мой Джонни...» Она знала, что раз я был там и раз говорю, что все в порядке, значит это правда. Она принесла вино и налила мне большой стакан. У отца Джонни нашелся бурбон для моего отца, и мы все выпили. Я был дома, и довольно скоро мой друг из Соноры, друг, который прошел через то, что прошел я, тоже придет домой...

Сражение за Сайпан еще не закончилось, и погибших морпехов хоронят в море

О ВМВ РАССКАЗЫВАЕТ СОЛДАТ 1-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ АРМИИ США МОНФРИ УИЛСОН (MONFREY WILSON)

Монфри Уилсон в годы ВМВ сражался в Северной Африке, Италии и Западной Европе в составе знаменитой 1-й Пехотной Дивизии армии США, также известной как The Big Red One/Большая Красная Единица благодаря нашивке, которую военнослужащие дивизии носили на рукаве. Монументы в память о погибших солдатах и офицерах 1-й Дивизии можно встретить в разных странах и дома, в Америке. Дивизия оставила след и в массовой культуре – ей посвящен голливудский фильм The Big Red One (1980), существует даже одноименная компьютерная игра.

Я родился на ферме, в бревенчатом доме, в штате Западная Вирджиния. Жизнь мне предстояла нелегкая, так как у меня было восемь братьев и шесть сестер... Где-то в 1930-х я окончил школу и не смог найти работу, потому я записался в *Civilian Conservation Corps* (Программа в рамках Нового Курса президента Рузвельта, нацеленная на борьбу с безработицей среди молодежи. Молодые люди возрастом 18-25 лет улучшали дороги, сажали деревья, ухаживали за национальными парками, принимали участие в гидротехнических, гидромелиоративных и сельскохозяйственных работах). Мы работали в штате Огайо – ставили заборы, рубили деревья, занимались планировкой ферм. Я проработал там 4 года и стал одним из старших по команде. Я решил было поискать работу, но куда бы я ни пришел, меня спрашивали, сколько мне лет, и, услышав ответ, говорили «нет». Я отправился на призывной пункт и попросил взять меня со следующим набором. Это было время, когда Дядя Сэм наставлял на вас с плакатов палец и говорил: «Ты мне нужен».

Знаменитый плакат, призывающий от имени Дяди Сэма вступить в армию США

В армии

Нас отвезли в Кливленд, штат Огайо, для медицинского осмотра и вводного инструктажа. Целый день продолжалось: «Открой свой рот, нагнись, раздвинь ягодицы и так далее.» На ужин дали рыбу. Это было началом продолжительного испытания, поскольку после этого каждую пятницу приходилось есть рыбу. После ужина какой-то сержант сказал мне взять щетку и подмести пол. Я ответил ему, чтобы он сделал это сам, поскольку я пока еще не в армии. После того, как мы приняли присягу, он мог бы навести шороху, но, слава богу, я его с тех пор больше не видел...

Потом нас посадили на поезд и отвезли в военный лагерь Форт Бенджамин Хэррисон/Fort Benjamin Harrison, штат Индиана. По прибытии нас собрали в актовом зале, и все началось сначала: «Открой рот и т.д.» Нас осмотрели, сделали какие-то уколы, а затем меня отправили в военный лагерь Уолтерс/Camp Walters, штат Техас, для прохождения базовой подготовки. Там мы учились стрелять из винтовки, миномета и пулемета. После всего, но в неменьшем объеме – штыковой бой. Я хорошо бросал ручные гранаты. Из этого лагеря я попал в военный лагерь Форт Дивенс/Fort Devens, штат Массачусетс. Первым делом нас собрали в актовом зале, и какой-то капитан произнес речь о том, какой замечательной воинской частью является 1-я Пехотная Дивизия. Так я оказался в части, известной как *Big Red One*.

Я оказался в Роте А 1-го Отделения 1-го Батальона 26-го Пехотного Полка. В дивизии было три полка, в батальоне – три роты, в роте – 4 взвода. Стрелковый взвод включал в себя три отделения. Предполагалось, что в бою два подразделения атакуют, одно находится в резерве. Итак, мы приступили к боевой подготовке, по-настоящему. Были долгие марш-броски, стрелковая подготовка, ночные вылазки. Мы высаживались с катеров в заливе Buzzard Bay. Несколько раз я ездил в Бостон в увольнительную, и в одну из поездок посмотрел фильм *Sergeant York* (патриотический фильм 1941 г. о жизни и подвиге американца Йорка на Западном Фронте ПМВ). Когда я вернулся в казарму, мне сказали, что японцы бомбили Пёрл-Харбор...

Однако на Рождество я получил отпуск и провел дома целую неделю. Это было прекрасно! Все мои братья и сестры собрались вместе, мы поставили елку, и все увешали ее деньгами, собранными специально для меня. После моего возвращения нашу часть перевели в военный лагерь Блэндинг, штат Флорида. В этом лагере нашим батальоном стал командовать майор Дрейк (Drake). Он заставлял нас бегать вокруг лагеря перед завтраком и готовиться к боям в болотах без питьевой воды под рукой. Обучение продолжалось три месяца, после чего нас перевели в городок Индиантаун Гэп/Indiantown Gap, штат Пенсильвания. Во время пребывания в этом городке я несколько раз ездил

домой. Вскоре нам сказали, что мы отправляемся за океан. Когда я был дома последний раз, я не сказал никому, что мы отправляемся за море, но они уже знали об этом. Мой брат Джим, сестра Нелл и мама проводили меня до Кливленда, где я должен был сесть на поезд. По дороге они плакали, и я тоже не удержал слез. Тогда я видел свою мать в последний раз...

Из лагеря мы отправились в городок Хоубоукен/Hoboken, штат Нью-Джерси, на пароме перебрались на армейскую базу Бруклина, а затем мы взошли по трапу на борт лайнера *Queen Mary* и всего за 5 дней пересекли Атлантику. Мы оказались в Глазго, а оттуда, на поезде, добрались до казарм *Tidworth Barracks* в Англии. В этом городке мы занимались строевой и боевой подготовкой. Однажды мы осуществили марш-бросок до известного исторического места под названием Стоунхендж/Stonehenge. Это место напоминало старый разрушенный замок...

В Англии мы сидели на местном рационе, и был он отвратительным. Нам приходилось есть жаркое из бычьих хвостов, стейки и пудинг из почек. Офицеры тоже ели все это. В конце концов нас погрузили на какое-то судно, и мы отправились в Северную Африку.

Северная Африка

Мы высадились в 4 часа утра 7 ноября 1942 г. и захватили Оран. На второй день мы взяли французский форт на горе *Jebel Majaja*. После это мы захватили несколько небольших городков, а затем нас перебросили в район перевала Кассерин/Kasserine Pass. Я находился на самой большой горе, когда немецкие танки прорвались через перевал. Немецкие пехотинцы атаковали нас, и нам пришлось отступить, поскольку нас закончились боеприпасы... [На привале] я прилег под сосной и попросил нашего сержанта разбудить меня, когда они снова тронутся в путь. Когда я проснулся, светило солнце, но вокруг никого не оказалось.

Из этой дрянной ситуации нужно было выбирать, и тут я наткнулся на одного парня, который бежал [из немецкого плена]. Пару часов мы шагали вместе, но затем расстались. Он хотел идти одной дорогой, но я заметил на земле следы [сапог] с отпечатками здоровенных сапожных гвоздей и сказал ему, что это следы, оставленные немцами, и по этой дороге я не пойду. Однако, парень ответил, что пойдет именно в этом направлении. Что ж, я пошел своим путем, взошел на гору и посмотрел вниз. В долине было полно танков, но мне нужно было пересечь ее... Я прождал до 4 часов утра. Шел дождь и опустился туман. Я тронулся в путь через долину, забитую танками, затем увидел один неподалеку и обошел его. В итоге я пересек долину, забрался в кусты и уснул. Утром я взошел на следующую гору и увидел, что расположенная за ней долина тоже забита танками. К тому времени я уже не ел ничего пять дней, воду пил совсем понемножку, поэтому и решил, что спущусь вниз, не разбираясь, немцы там или нет.

Спустившись в днище долины, я увидел британцев, которые кипятили чай. Они сказали мне, что «какие-то ваши парни» ушли по этой дороге, я двинулся в том направлении и наткнулся на подразделения 9-й Дивизии. Какой-то полковник наставлял мне кучу вопросов. Затем он сказал, что они выдвигаются на передовую и хотят взять меня вместе с собой. Но у меня были другие планы. Я спросил, где здесь туалет, и он показал мне на небольшую сосновую рощицу. Что ж, я пошел в том направлении, но не остановился и брел, пока не наткнулся на части *Big Red One*, расположившиеся в полевом лагере на отдых. От дивизии к тому времени осталась примерно половина ... Мы получили подкрепления, и в это время я впервые встретил Фитцпатрика (Fitzpatrick). Капитан собрал роту и произнес речь. Это была какая-то херня, а не речь. Он сказал о нас так: «Вы – бесславные актеришки, вы – это те, кто бросает оружие и снаряжение!» Это был наш капитан Келлахер (Kelaheer). Ну а я и Фитцпатрик стали закадычными друзьями. Я был капралом, и я за него отвечал, но он понимал меня, а я, когда мог, покрывал его.

Когда мы получили базуку, лейтенант спросил нас, видел ли кто-нибудь ее раньше. Фитц сказал: «Да, я стрелял из нее.» Лейтенант ответил: «Хорошо, теперь это твоя базука.» Когда Фитц в первый раз выстрелил из базуки, ему снесло шлем, и все его лицо покрылось кровавыми пятнами: капли горючей смеси забрызгали ему лицо. Тогда Фитц отнес базуку в штаб роты и доложил капитану, что больше не собирается из нее стрелять. Он сказал, что она брызжет дерьмом и соплями и чуть было не убила человека. Тогда в штаб вызвали меня и отчитали за то, что я не держу своих парней под контролем...

В Тунисе мы загнали немцев в котел. Потом пошли слухи, что нас отправляют домой, но генерал Терри Эллен (Terry Allen) произнес перед нами речь. Он сказал: «Вы – это банда замечательных героев, и вас еще раз выбрали для того, чтобы достичь цели (to carry the ball – идиома из терминологии американского футбола).» Затем мы высадились в Сицилии...

Сицилия

10 июля 1943 г. мы вторглись в Сицилию. За этим последовали 30 дней боев, и у нас не было ни одного дня передышки. Мне приказали взять отделение и очистить пляж. У итальянцев в песчаной дюне был бункер, и я послал Фитца и другого Джо разглядеть его поближе. Итальянец бросил в них гранату, и Фитцу снесло каску. Потом Фитц швырнул гранату. Я подобрался поближе, Фитц выхватил еще одну гранату у меня из рук и бросил ее в бункер. Оттуда вылетела шинель! Затем я подозвал парня с ручным пулеметом, и он обстрелял бункер. Итальянцы стали выходить из него и сдаваться. Тут появился, вроде, тот самый малый, который бросил в нас гранату, и Фитц дал ему хорошего пинка под зад. Вообще, эти ребята были насмерть перепуганы. Казалось, они сейчас упадут на колени и начнут молиться...

Солдаты из Big Red One в Сицилии

Затем немецкие танки атаковали наш плацдарм. Некоторые из них приблизились к нам на 100 ярдов, но корабельная артиллерия уничтожила их. В ту ночь мы начали продвижение вглубь острова. Я слышал треск пулеметных очередей и разрывы мин. Наш полк должен был захватить высоты вокруг аэропорта Джела/Gela, но нас прижало [к земле] огнем в небольшой ложине. С нами был лейтенант-артиллерист, и он передал нашему капитану, что мы должны идти в атаку. Капитан приказал всем примкнуть штыки и идти в атаку, издавая как можно больше шума. Мы рванули вперед с криками и воплями и больше не

останавливались, пока высоты не оказались в наших руках. 3-й Батальон здорово потрепало, и их командир запросил подкреплений. За подкреплениями отправили Фитца и еще нескольких чудиков. Так я потерял своего друга Фитца. Затем мы получили приказ взойти на гору Этна, чтобы атаковать город Троина/Troina. Мы взяли этот город и продолжили наступление. Я отправился с группой солдат в разведку, и мы заметили роту итальянцев, расположившуюся в большом доме. Я передал полковнику, что их слишком много для моего отряда и что мне нужна помощь. Мы вернулись, нам придали солдата, который говорил по-итальянски, и, когда мы вернулись к этому большому дому, солдат предложил им сдаться. Одновременно с этим артиллеристы постреливали таким образом, что снаряды пролетали над крышей дома, но с каждым новым выстрелом ложились все ближе и ближе к нему. В итоге, итальянцы бросились наутек...

Мы сбросили немцев в море, после чего расположились на отдых. От грязи царапины и мозоли у меня на руках воспалились, и мне пришлось две недели провести в госпитале. Пока я оставался в нем, *Big Red One* вернулась в старушку-Англию. Вскоре и я оказался на судне, идущем в Англию. Когда я прибыл в свою часть, она располагалась в большом старом отеле. Девушки из *A.T.S.* жили в доме напротив (*Auxiliary Territorial Service* – добровольно поступившие на военную службу женщины в период ВМВ в Великобритании. Они служили, в основном, на различных вспомогательных должностях и в частях ПВО). Как приятно это было... В один из выходных, когда некоторые из моих ребят были в увольнительной, один из парней привел с собой свою подругу и оставил ее у нас на всю ночь. Я отдал ей свою комнату, а сам лег спать на чью-то койку, поскольку знал, что эта парочка была в любовных отношениях, а ведь скоро нам всем предстояло опять идти в бой...

Вскоре нам дали понять, что предстоят большие события и мы окажемся на острие атаки. Мы приступили к довольно суровой боевой подготовке: высаживались с катеров на берега Шотландии, учились вести боевые действия ночью. Затем мы сделали марш-бросок к побережью и там окопались. Лежу в своем окопчике, завернувшись в одеяло и тут слышу грохот артиллерии. Выглянул – вдруг стало ясно как днем от осветительных ракет. Утром лейтенант сказал нам, что немецкие подводные лодки обстреливали радарные станции, и приказал всем оставаться в окопах. Появился наш полковник. Увидев меня, он сказал: «Уилсон, тебя что, еще не убили?» Я отдал честь и ответил: «Нет, сэр, такого парня, который мог бы замочить меня, пока не нашлось.» Это был капитан Келахер, который теперь стал полковником. Я спросил его, где он раздобыл этих голубей для своих погон (солдатская шутка - у полковника американской пехоты на погонах были орлы). Он сказал, что это было непросто. Ну, затем мы перебрались в военный лагерь Рали/Camp Raleigh (в районе Плимута), расположенный на берегу пролива. Из лагеря не выпускали, здесь же нам сказали, что высадка в Нормандии состоится 6 июня 1944 г.

Пляж Омаха, 6 июня 1944 г.

Мы промаршировали к транспортным судам и тронулись в путь через пролив. Моя рота входила во вторую волну. Это был сущий ад, худшее из того, что я видел в своей жизни. Весь пляж был усеян трупами. Нам говорили, что на берегу будут воронки от бомб, но ничего подобного не было: наши самолеты проскочили над линией побережья. Я залег в русле небольшого ручейка и вел оттуда огонь весь день. Ночью мы отправились в сторону от моря – начались бои в краю живых изгородей (*bocage country*). Немцы обстреливали нас из-за этих изгородей. Я в тот момент был сержантом взвода и целую неделю не мог толком поспать. Как-то был бой за городок Кумон/Coumont. Немецкий сержант бросил в нашу сторону гранату, и она упала между моим капралом и мною, но не разорвалась... Мы оба стали стрелять в этого немца, и в него попали две пули: одна пониже сердца, другая повыше. Он упал, рыдая и выкрикивая слова молитвы. Наши санитары подобрали его и сделали ему переливание крови. Позднее я видел врача, который сказал мне, что тот парень выжил...

Big Red One высаживается в Нормандии

Нас сменила 4-я Дивизия. Немцы атаковали их, и парни побежали, как испуганные кролики. Нам пришлось вернуться и в штыковой атаке сбросить немцев с занятой ими высоты.

Потом мы обошли Париж и вступили в Бельгию. Пал Льеж. Мы продвинулись к немецкой границе и наткнулись на противотанковые надолбы, которые называли «зубами дракона». Подошли танки с большими катками, обмотанными цепями. Эти танки смогли пробить проходы в противотанковых укреплениях. Мы продолжили наступление, но наткнулись на три бетонных ДОТа, которые прижали нас к земле пулеметным огнем. Наши танки подавили их огнем своих пушек. Затем танки с бульдозерными ножами засыпали ДОТы аж до крыш. Четыре месяца спустя я оказался в том же месте – они так и остались полностью погребенными...

Бульдозер засыпает землей ДОТ в окрестностях Аахена

Мы пробились с боями к Аахену/Aachen, уже на территории Германии. Наша колонна разделилась на две, и мы окружили город. Немцам дали 24 часа, чтобы объявить о капитуляции, но они не пошли на это. Наша авиация и 155-мм орудия начали бомбить и обстреливать их. Однако, не обошлось без уличных боев. Пришлось выкуривать немцев из подвалов и канализационной сети.

Мы отбросили немцев в район Хюртгенвальд/Huertgenwald. Местность здесь была засажена соснами. 26 октября 1944 г. я оправился на рекогносцировку в группе из 6 человек. Мы попали в засаду, всех моих парней перебили, а я попал в плен. В руках у немцев я оставался около часа. Меня допрашивал немецкий капитан. Он требовал, чтобы я назвал номер своей части, но я назвал только свое имя, звание и личный номер. Он наставил на меня свой пистолет и сказал, что, если я не дам нужные сведения, он меня пристрелит. Я искал шанс удрать, и, когда моя рота пошла в атаку, он отвернулся от меня, чтобы отдать распоряжения. Я схватил его руку, повернул пистолет в его сторону и выстрелил ему в живот. Ну а немцы отступили, и я вновь оказался в составе своей роты. Однако противник продолжал удерживать ряд высот, и всякий раз, когда мы пытались продвинуться дальше, мы попадали под пулеметный огонь.

В 4 утра, в один из этих дней, мы примкнули штыки и пошли в атаку на эту самую высоту. Немцы не стали испытывать судьбу в рукопашном бою и отошли. На противоположном склоне этого холма я едва не расстался с жизнью. Я лежал в своем окопчике, который сверху был закрыт дверью из дубовых досок, на которой лежали мешки с песком. Немецкий снаряд упал точно на мой окопчик... Я очнулся в госпитале в Париже. Был я весь черно-синий, в ушах у меня звенело, в моем теле засели осколки. Меня продержали в госпитале две недели, а потом отправили обратно в часть. После этого я так и не пришел в себя полностью...

Арденны

Мы уткнулись в *Линию Зигфрида*. Это была полоса ДОТов длиной 200 миль и шириной 50 миль. Приходилось возиться с каждым ДОТом по отдельности, и при этом наши войска несли тяжелые потери. Думаю, случилось вот что: командование бросило в бой зеленые, необстрелянные части, и немцы просто косили их. *Big Red One* в это время находилась на

отдыхе, но вскоре нас в ускоренном порядке снова отправили на передовую. Нам удалось загнать немцев в ловушку под названием *Rose Pocket*. Этот котел получил название в честь генерала Роуза (Rose), убитого в бою. В котле мы взяли в плен несколько тысяч человек...

После той контузии в окопчике я так и не пришел в себя. Мои нервы были расшатаны, и я пришел к выводу, что, если случится еще один бой с моим участием, меня непременно убьют. Я отправился в госпиталь, где меня полностью обследовали, сделали укол и уложили спать. Затем медики поставили пластинки с записями шума сражений, штыковых атак, пулеметных очередей и грохота артиллерии. После всего этого мне сообщили, что мой отец умер, мать погибла в автомобильной катастрофе, а брат Билл пропал без вести. Это было уже на пределе того, что могли вынести мои нервы, большего я уже не выдержал бы. Ну, меня перевели в саперный батальон. Мы занимались с тем, что укладывали стальные металлические полосы на полевые взлетно-посадочные полосы. Как-то раз кто-то из моих приятелей нашел бочонок с немецким пивом, мы начали распивать его, когда в расположение нашей роты въехал грузовик. Водитель сказал: «Сержант Уилсон, собирайте вещи, вы отправляетесь домой.»

Я онемел, так как не мог поверить, что со мной это случилось - я отправлялся домой. Но я думал и о тех парнях, которые уже не вернутся домой, и по дороге в Париж написал эти строки:

Onward, First Division,	Первая Дивизия, шагай вперед
Onward to meet the foe.	Вперед, врагу навстречу.
May we never falter	Пусть мы не дрогнем
As into battle we go.	Вступая в бой
Though our hearts are heavy	И хоть наш сердца полны
With thoughts of home and God	Думами о доме и о Боге
Let us all press forward	Мы не остановимся и дойдем,
To where the huns have trod.	Мы доберемся до гуннов
We have all pressed forward	Мы шли без усталы,
And we have met the foe.	И мы вступили в бой.
With many missing in our ranks,	Мы потеряли многих ребят,
They did their duty, we know.	И мы знаем, они выполнили свой долг
So, cheer up, all you mothers	Матери, не печальтесь,

As you shed a tear or so.	Хоть слез не удержать.
Your sons all died as heroes,	Ваши сыновья пали героями,
So onward we could go.	Чтобы проложить нам путь
We know we have a duty	Мы знаем, в чем наш долг,
And a duty it shall be	Наш долг таков –
To honor God and Country	Чтить Бога и Родину
As we go on to Liberty.	И биться за свободу

Заключение

Глядя в прошлое, я вспоминаю, что мой дед Уилсон воевал в Гражданскую Войну и служил в Роте А 10-го Полка Западновирджинских Добровольцев/*West Virginia Volunteers*. Мои братья Меррилл и Гленн – в Первую Мировую. Четверо из нас участвовали во Второй Мировой. Мой брат Меррилл воевал в *Rainbow Division* (42-я Пехотная Дивизия), Гленн служил интендантом. Во Второй Мировой также участвовали два моих племянника и племянница. Все вернулись домой после трех войн. Должно быть, мы были хорошими солдатами или Господь Бог позаботился о нас. В моем случае, я думаю, было именно так.

АМЕРИКАНСКИЙ СОЛДАТ ПОЛ МАКНЕЛИС (PAUL MCNELIS) РАССКАЗЫВАЕТ О ВОЙНЕ В ИТАЛИИ (1944-45)

Пол Макнелис служил в 85-й Пехотной Дивизии армии США – одного из подразделений, вынесших на себе основную тяжесть боев в Италии в 1944-45 гг. Дивизия участвовала в прорыве хорошо укрепленных оборонительных позиций противника на Линии Густава и Готской Линии. Вот как он описывает боевые действия на Итальянском фронте...

Немцы хорошо окапывались и укрепляли свои позиции. Бои были ожесточенными, напоминавшими времена Первой Мировой войны. Немцы воевали по-умному и прятались в складках местности. Мы атаковали вверх по склону и брали какую-то высоту, потом противник сбивал нас с нее. Если мы получали пинка под зад, наша артиллерия обрушивала снаряды на эту высоту. Мы снова шли в атаку и видели, что там, где был лес, остались только обгорелые пни. Потом небольшие группы, практически, разведывательные патрули, предпринимали попытки занять горные вершины. Они прощупывали позиции противника, пытаясь отыскать уязвимые места. Со временем кто-то находил брешь и просачивался, потом немцам становилось понятно, что мы обходим их, и они отходили вглубь, занимая следующую высоту. Вот такая это была война...

*Макнелис вступил в армию добровольно в феврале 1943 г., покинув университетский колледж, в котором учился. Он рассказывал, что, «казалось, тогда все записывались в армию.» Недавний студент начал прохождение боевой подготовки в лагере Канберленд Гэп/*Cunberland Gap* и закончил его в лагере Маккэйн/МсСэйн в городке Гренада/*Grenada*, штат Миссисипи. Макнелис прошел обучение в качестве командира расчета, освоил ручной пулемет BAR (*Browning Automatic Rifle*) и винтовку М-1. 25 апреля 1944 г. он*

отбыл в Европу и через 9 дней прибыл в Оран (Алжир). В этих пустынных местах жизнь была далека от комфортной, даже кружки для кофе были проблемой, и солдаты использовали вместо них пустые консервные банки из-под продуктов, входивших в С-рацион. Чтобы раздобыть еду получше, американские солдаты занимались бартером с местным населением.

Солдат вспоминал: «Нам раздали чехлы для матрасов, так мы стали продавать их арабам. Они использовали их в качестве своих [длинных] рубашек, прорезая дырки для рук и головы – что-то вроде воскресного костюма...»

Прибытие в Италию

Из Орана Макнелис отбыл в Неаполь на одном из судов британского конвоя. По прибытии он оказался в роте обслуживания (service company) в лагере для резервных частей 85-й Дивизии (replenishment depot - repple deppele на жаргоне GI) в городке Казерта/Caserta.

Здесь я получил запомнившиеся мне первые военные впечатления. К нам привозили убитых GI, их складывали, как бревна. Эти трупы уже почернели. Я даже одно время думал, что это все – негры, настолько черными были тела погибших.

Когда в конце мая 1944 г. союзники начали наступление на немецкие позиции и сумели прорвать Линию Густава, окончился девятимесячный период безуспешных попыток союзников продвинуться вперед после высадки в районе Салерно. После прорыва союзники стали продвигаться вдоль побережья на север в сторону Рима. 4 июня американские войска вошли в столицу Италии, и еще через день солдаты и офицеры 85-й Дивизии приняли участие в торжествах по случаю освобождения города.

Мы вошли в Рим колоннами по одному, продвигавшимися по обе стороны дороги. Через пару дней начались торжества. Генералу Марку Кларку (командующий 5-й Армией) нравились развевающиеся флаги и толпы фотографов. Однако, наши солдаты его не очень уважали. Когда он прибыл в Рим, напротив дворца короля Виктора Эммануила состоялась большая церемония. Министр Обороны Стимсон (Henry Stimson) председательствовал. Рим стал первой занятой союзными войсками столицей государства из числа стран Оси.

Солдаты 85-й Дивизии маршируют через площадь Piazza Del Popolo в освобожденном Риме

Оставив Рим, фельдмаршал Кессельринг продолжил отступление. Он рассчитывал задержать продвижение союзников с помощью минных полей и арьергардных боев, жертвуя своими второразрядными частями и старясь выиграть время для организованного отхода к укреплениям Готской Линии. Он полагал, что, замедляя наступление союзников, он сможет выиграть время до наступления дождливого осеннего сезона и холодной, снежной зимы, вместе с которыми активные боевые действия затихнут, как и в прошлом году в окрестностях Монте Кассино.

Мы оставались в Риме совсем недолго. Полевые части начали преследование немцев, которые отступали, не задерживаясь на каких-либо заранее подготовленных оборонительных позициях, нас задерживали только их арьергарды. Мы прошли около 15 миль на север от Рима, преследуя их. Затем меня перевели в Роту Е, и с того момента я был постоянно в бою.

Марш на север

Скорость, с которой союзники продвигались на север от Рима производила впечатление. К началу августа американцы достигли Флоренции, пройдя 270 миль за 64 дня. Макнелис рассказывал, что впервые испытал, что такое настоящий бой, к западу Флоренции, в долине реки Арно. Здесь 85-я Дивизия заняла оборону по южному берегу реки в секторе протяженностью около 24-х миль. Как обычно, американцы отправляли на разведку патрули, чтобы прощупать оборону противника и захватить «языка», чтобы получить данные о дислокации и возможностях противника.

Пол Макнелис (видимо, в центре) с товарищами в Риме

Мы форсировали реку в районе города под названием Эмполи/Empoli. Нас разбросало вдоль берега реки. Ночью на разведку были отправлены патрули, было несколько перестрелок, но ничего серьезного. В какой-то момент времени командование батальона выдвинуло идею отправки вперед постоянных боевых патрулей. Они хотели, чтобы разведывательные патрули были в авангарде дивизии все время. По счастью, меня так и не отправили в патрулирование. Ребята из их числа долго не протянули...

13 сентября в поле зрения американцев появились передовые укрепления Готской Линии, и 85-я Дивизия пошла в атаку. Для солдат горы, маячившие вдали, выглядели как сплошная стена из скал, крутые склоны которых обрывались в сторону атакующих войск. В нижней части склона проходила проселочная дорога, ведущая к ферме, дальше были в основном козьи тропы. На вершинах ничего не было видно – деревья или зубчатые скалы. На склонах гор немцы заняли превосходные позиции для обороны. Пехота хорошо окопалась, укрылась за скальными выступами на господствующих высотах или в прочных зданиях. Еще один фактор работал в пользу немцев: у них была возможность размещать артиллерию и минометы на склонах гор, обращенных в противоположную сторону от противника, там, где их не могла достать артиллерия союзников. Сами немцы вполне могли накрыть огнем атакующие части американцев.

У них была превосходная артиллерия, в том числе – воюющие реактивные минометы. Они наводили страх – было слышно, как их снаряды подлетают. Звук был такой, будто ревел грузовик, продвигающийся по обочине дороги. И хотя территория не годилась для использования танков, иногда можно было видеть их танки. Танки были вооружены 88-миллиметровыми пушками, стрелявшими с большой точностью. Они подгоняли танк к верхним бровкам вершинных поверхностей и использовали их как артиллерию тогда, когда мы пытались атаковать вверх по склону. Потом танк сдавал назад и перемещался в другой сектор обороны. Мы постоянно несли потери от их огня.

На первоначальной стадии наступления на Готскую Линию перед союзниками были два перевала, которые до этого больше чем год укрепляли рабочие Организации Тодт. Одним из них был горный проход Фута/Futa, хорошо укрепленный бетонными ДОТаи и минными полями. Другим был горный проход Иль Джого/Il Giogo, укрепленный не так сильно, но узкий и ограниченный крутыми склонами. Кларк выбрал его для наступления и бросил в бой три дивизии. После пяти дней боев оборона противника была прорвана. Хотя у немцев не было заранее подготовленных позиций для отступления, перед американцами простиралась полоса гор шириной в 40 миль, отделявшая их от долины реки По. С точки зрения американских солдат эта полоса была просто продолжением Готской Линии. На этой стадии боев Макнелис получил должность исполняющего обязанности командира отделения, состоявшего из 15 человек, хотя остался в звании рядового 1-го класса.

За короткий период боев многие командиры отделений выбыли из строя. Обычно они первыми попадают в разряд потерь. Поэтому, меня и сделали исполняющим обязанности командира отделения. В течение нескольких месяцев я командовал отделением, оставаясь рядовым 1-го класса.

Подвиг лейтенанта Блока под Фиренцуолой

После боев за перевал Il Giogo следующей целью полка, в котором служил Макнелис, стал город Фиренцуола/Firenzuola, расположенный в 6 милях к северу. Это был последний город, находящийся в секторе 85-й Дивизии к югу от долины реки По. Город был взят 21 сентября, а на следующий день рота, в которой служил Макнелис, была прижата к земле пулеметным огнем с высоты 733 неподалеку от Поджо/Roggio – горной деревни, расположенной в двух милях от Фиренцуолы. В последовавшей атаке командир взвода, в котором служил Макнелис, - 1-й лейтенант Орвилл Блок (Orville Bloch), в одиночку уничтожил пять пулеметных гнезд противника и за этот подвиг был награжден Медалью Почета/Medal of Honor.

Я и еще три парня были вместе с ним. Нашей роте пришлось тяжело в ожесточенном бою за эту горную гряду. В итоге, мы взяли вверх и захватили около 50 пленных. Лейтенант Блок попросил меня и еще одного парня отвести этих пленных в тыл и сдать военной полиции. Вернувшись на передовую, я спросил, где находится Блок. Кто-то сказал: «Он отправился вон в ту деревню.» Я подумал, что будет лучше, если я доложу ему о своем возвращении, и пошел искать его. Пришлось карабкаться по крутому склону по единственной тропе, ведущей в деревню. Добрался до места, но сначала не мог понять, что происходит. Блок к тому времени уже разобрался с одной из пулеметных точек. Он приказал мне держать под огнем угол улицы, на которой все происходило. Я занял позицию, присмотрелся и увидел немцев. Открыл огонь и увидел, как они скрылись в окрестных домах. Я вошел в один из них и увидел немецкого солдата, просто пацана, который, вероятно, был не старше 15 лет от роду. Он лежал на столе, и его живот выглядел так, как будто кто-то взял нож и распорол его наискось. Пацан лежал и пытался руками удержать кишки на месте. Мы принесли морфий, небольшую ампулу, и я сделал ему укол. После этого я вышел из дома. Было жарко. Мы вновь спустились вниз по склону, поскольку наша передовая линия проходила за нашей спиной, и мы были в уязвимом положении. Мы просто не знали, где засели остальные немцы.

Как указано в документе о представлении к награде, на счет Блока записали 5 подавленных в тот день вражеских пулеметных точек, уничтожение неизвестного числа солдат противника и захват 19 пленных, в том числе, шестерых раненых. В дивизионной газете были приведены его слова: «Не думаю, что я попытался бы сделать это, если бы нацисты не выводили из строя наших ребят с такой скоростью. Я был так разозлен, что не отдавал себе отчет в том, что делаю.»

Когда дело дошло до допроса пленных, Блок хорошо знал, что нужно делать, и говорил по-немецки лучше самих немцев. Он был невысоким парнем, где-то 5 футов 3 дюйма, но управился с немцами и заставил их говорить, в какой-то момент прикладывая руку или то, что было под рукой, в другой - отвешивая им легкие пинки. Он действительно знал, как вести себя с этими немцами. Он старался запугать их, чтобы получить нужную информацию: расположение частей, номер их полка, сколько в нем людей, какие укрепления имеются в этом секторе – вещи такого типа... *После войны он прислал мне открытку, в которой спрашивал, получил ли я Бронзовую Звезду, и при этом написал, что я заслужил Крест за Отличие в Службе/Distinguished Service Cross.*

Тяготы на пути к долине реки По

После боев в окрестностях Фиренцуолы 85-я Дивизия начала продвигаться через горную местность со все более контрастным рельефом. Последняя значительная горная гряда Апеннин была захвачена к концу сентября, но до долины реки По оставалось еще 20 миль. 20 сентября начались дожди, которые лили всю следующую неделю. Ливни начались 29 сентября и продолжались до 9 октября. Русла рек и ручьев превратились в бурные потоки, смывающие дороги, тропы и мосты. Авиация союзников была прикована к земле, пушки приходилось затаскивать на позиции с помощью бульдозеров, и солдатам приходилось нелегко и физически, и психологически.

Все время под открытым небом жить невозможно. Нужно хоть какое-то укрытие. Мы – человеческие существа, и можем выносить все это только до определенного момента, после которого ни от кого уже нет никакого толку. Поэтому, где бы мы ни наткнулись на ферму, на сенной сарай или на коровник, мы находили в них пристанище. И не забывайте, что все это происходило высоко в горах.

Говоря в общем, мы не оставались на передовой дольше, чем 15 дней подряд, в зависимости от ситуации. Самое долгое, что было, - три недели кряду. Потом нас отводили на позиции, закрытые [от противника] горными склонами, давали отдохнуть примерно один день, давали горячую пищу. В каждое отделение или взвод присылали повара, которые разогревали солдатам продукты из рационов.

А так, на передовой, мы выживали на К-рационах. Их подвозили ночью на мулах с водой и боеприпасами. На завтрак нам полагалась небольшая баночка с ветчиной и омлет, три галеты, четыре сигареты и растворимый кофе. На ланч – то же самое плюс порошковый лимонад. Вместо омлета, правда, нам теперь доставался кусок сыра. На ужин у нас была банка с говядиной и свининой. И мы были счастливы, что у нас все это было. С-рационы, конечно, были получше. В них продукты были разнообразнее, была ветчина с бобами, но нам эти рационы не доставались, потому что они занимали много места, и на мулах их не подвозили. Для передовой К-рационы были не так уж плохи. Одним их полезных свойств было то, что материал, из которого была сделана коробка, был пропитан парафином. Материала от коробки хватало на то, чтобы вскипятить на нем кружку кофе. Мой приятель Дэвид Милтон (David Milton) был первым, кто научил меня делать тосты с сыром. Открываешь банку, штыком вытаскиваешь сыр и держишь его над огнем, чтобы растопить сыр и залить им галеты. Но нужно было быть осторожным, разводя костерок: он мог навлечь огонь противника.

Солдаты 85-й Дивизии греются у костра, за ними наблюдает местный житель...

Иногда мы набредали на фермы. В них всегда можно было найти бочку вина, то есть, у нас появлялась выпивка. Случалось, на фермах был кто-то из местных. Полагаю, эти люди решались на то, чтобы остаться у себя в доме, рассчитывая, что война обойдет их стороной. Обычно они были настроены дружелюбно, да и мы ничего не заставляли их делать насильно. Но, если на ферме были цыплята, кто-нибудь обязательно крал их. Иногда мы меняли мясо из наших К-рационов на яйца. Это был единовременный бартер, и больше яиц те же люди нам не давали, поскольку местным наши К-рационы не очень нравились... Добыть еду было задачей не из легких, но еще труднее было держать себя в чистоте, не мокнуть и не мерзнуть. Когда мы снимались с передовой, нам иногда устанавливали душевые вдоль какой-нибудь речки – это случалось раз в три-четыре недели. Здесь мы могли заменить свою одежду на чистую, ранее взятую у других на стирку. Эти [банно-прачечные] подразделения работали эффективно, они забирали у нас все, что было на нас, и выдавали все чистое. Эти вещи не всегда подходили по размеру, но было приятно...

10 октября 338-й полк вышел на позиции, с которых начал атаку на Делла Формиче/Della Formiche – цепь вершин с обрывистыми склонами, имеющих важное значение для немцев, поскольку с них они держали под контролем Шоссе 65. Две деревни, расположенные у подножия этой гряды, были очищены от немцев после двух дней упорных боев.

Мы находились напротив Делла Формиче. Местность была довольно открытой, и мне приказали отправиться на разведку с группой из шести солдат – подняться на высоту напротив нас, которую только что накрыла огнем наша артиллерия, и осмотреться. Ну, продвигаемся вперед, стараемся оставаться незамеченными – дело-то было днем. Огня по нам не открывали, но, продвинувшись вперед, мы увидели группу крестьянских домов – три или четыре здания прямо перед обрывом. Мы добрались до них, пересекли двор перед одним из зданий, и тут я услышал шум в подвале... Я прокричал «*Quando Tadeski*», что означало по-итальянски «сколько немцев». Никто не ответил и не вылез оттуда. Ну я сказал что-то типа «*Any more down there?*» Я говорю: *Quanti?* - Думаю, что оттуда ответили: *Четверо*. - Я сказал: *Andante*, то есть, *Выходиме*. Верите ли нет, они начали выходить из подвала. Всего из него вышло 10 или 12 немцев, а у нас-то всего-ничего людей. Мы уже не знали, как избавиться от этих немцев, но тут начали подтягиваться наши парни.

К вечеру мы укрепились на новых позициях, когда все наши вышли на новый рубеж из долины. Некоторые из нас устроились в небольшом здании, некоторые – в свежевырытых стрелковых ячейках. Наступила темнота, и немцы пошли в атаку. Они отсекли от нас

парней в здании и обстреляли их из того, что мы называли *beehives*, - оружие, похожее на базуку (возможно, речь идет о *панцершреках*). Много ребят тогда погибло. Вероятно, мы за час потеряли больше людей, чем в любом другом бою.

Бронзовая Звезда

Через день, за еще один бой за еще одну высоту гряды Делла Формиче, Макнелис был представлен к Бронзовой Звезде за храбрость. В датированном 12-м октября представлении к награде за проявленный героизм в бою близ населенного пункта Карпенначиа/Сареппачиа на Высоте 754 к востоку от города Пельо/Pegliò, говорилось следующее: «В ходе рекогносцировки позиций противника, осуществляя действия, выходящие за пределы полученного боевого задания, рядовой 1-го класса, командир отделения Макнелис, заметил батарею вражеских минометов. Игнорируя опасность, он пополз вперед, тогда как остальные солдаты его отделения прикрывали его продвижение. Он захватил троих пленных и вывел из строя минометы, приведя пленных в свою роту. Он сообщил точную информацию о том, что в данном секторе наступления уже не осталось частей противника. Его героические действия обеспечили захват этой высоты.

По словам Макнелиса, на самом деле все обстояло иначе...

Медали обычно дают тогда, когда ты оказался в нужном месте и кто-то это видел - тот, кто дает представления к наградам. Я мог бы рассказать вам о многих ситуациях, когда мы должны были получить награды, но ничего такого не произошло. Но, в том конкретном случае, мы только что захватили цепь высот и закрепились на ней. Погода была жаркая, и в моем отделении кончилась вода. Я говорю парню, которого звали Джон Макэливи (John MacAleavey), «Берем котелки и идем к ферме за водой.» Просто для себя решил, что там должен быть колодец. Ну, иду, несу котелки, у меня на боку пистолет P-38, который я снял с убитого немца. Обычно я не брал ничего у пленных немцев и не снимал ничего с убитых, поскольку мы были в бою. Лучше было не иметь при себе что-то из ранее принадлежавшего немцам на случай, если попадешь к ним в плен. За это они могли и убить... Но иметь при себе пистолет было приятно. Макэливи в то время был пулеметчиком и вооружен был легким ручным пулеметом BAR. Подходим к ферме. Как и большинство домов такого типа, он стоял на склоне. От входа лестница вела сразу вверх на основной этаж. На нижнем этаже обычно была кухня. Много раз мы видели, как итальянцы держат там скотину, чтобы в доме было теплее... Каким-то образом я и мой приятель, войдя в дом, разделились.

В то время как его товарищи зачищают от немцев дом в окрестностях Болоньи, американский пехотинец прикрывает их, держа в руках легкий ручной пулемет BAR

Я поднялся наверх, зашел в дом и увидел сваленные на пол немецкие ранцы. Начал осматриваться, и в это момент поднялась стрельба. Я выскочил наружу, обежал вокруг дома и увидел, как Мак палит по окнам, словно ковбой - он застал врасплох немцев, находившихся на кухне. Я тоже начал палить из своего пистолета, и немцы вышли из дома с поднятыми руками. Они были из подразделения минометчиков, которые, чаще всего, не располагаются на передовой. Обычно они находятся на каком-то расстоянии от траншей, как и артиллерия. А вообще, бои за Делла Формиче были серьезными...

Ранение

Захват американцами позиций на гряде Формиче подорвал боевой дух немцев, и большое их число сдалось в плен. Примерно за полтора месяца с начала наступления на Готскую Линию дивизия захватила около 2 000 пленных. Полк Макнелиса постепенно продвигался на север через горы в направлении вершины Фано/Fano, которую она взяла 20 октября. Однако немцы продолжали вести арьергардные бои, и каждую ночь патрули американцев отправлялись в разведку, стараясь вступить в контакт с противником. К концу октября полк был готов атаковать укрепленные позиции противника в районе Пиццано/Pizzano и Орбега/Orbega – двух последних господствующих высот к югу от реки По, расположенные всего лишь в 8 милях от нее. 25 октября Макнелис был тяжело ранен осколками гранаты в ногу...

Мы спускались вниз по склону. Наш командный пункт располагался в сарае, и мы вырыли стрелковые ячейки по его периметру, чтобы обеспечить его безопасность в ту ночь. Я получил приказ организовать разведывательный патруль, чтобы убедиться в том, что немцы отошли. Мы вышли примерно в 11 часов ночи, было темно. Сержант нашего взвода, парень по имени Джексон (Jackson), приблизился ко мне, подойдя со спины, и спросил, где проходит наша передовая. Я ответил: «Видишь тот скалистый обрыв? Оставайся на одной линии с ним, поскольку там проходит наша передовая.» Ну, прошли мы еще ярдов 20, и тут раздался выстрел. Каким-то образом Джексон умудрился выйти за так называемую передовую линию, и кто-то из наших парней застрелил его. Мы вернулись к командному пункту, доложили о случившемся и снова двинулись вперед. Темнота полная... Мы вернулись примерно туда, откуда вернулись, начали бросать гранаты, стрелять и орать изо всех сил. Никакой реакции с противоположной стороны не последовало, и мы предположили, что немцы ушли. Когда мы вернулись на командный пункт, там уже были ребята из соседней части. Их разведгруппа еще до нас наткнулась на какой-то населенный пункт, откуда их обстреляли. Поэтому-то парни из соседней части пришли к нам, чтобы провести рекогносцировку вместе с нами. Дэвид Милтон и я снова отправились в путь вместе с ними. Было уже 4 часа утра. Темно, хоть глаз коли. На этот раз мы продвинулись немного дальше, чем в прошлый раз. Мы разглядели впереди стог сена высотой футов в 20. Милтон спросил: «Что мы собираемся делать?» Я ответил: «Обойди его с этой стороны, я пойду с другой.» Ну, двинулись вперед, встретились за стогом сена, и тут Милтон говорит: «Там стрелковая ячейка.» Он оказался прав: немцы действительно вырыли там окопчик. У меня было такое ощущение, что немцы ушли, поэтому я взял свою M-1, потыкал ею в эту яму и сказал: «Видишь, они ушли. Никого тут нет.» Не успел я сказать это, как какой-то немец открыл стрельбу. Должно быть, через окопчик был протянут телефонный провод, который я зацепил...

Макнелис рассказал, что он открыл огонь почти в упор и подстрелил немецкого солдата.

Он стонал, пытаясь выбраться из своего окопа, и я схватил его, верите или нет? Я пытался вытащить этого немца из его окопа! Зачем? Я и сам не знаю. Делаешь что-то, и все происходит чертовски быстро. В тот момент я не знал, что случилось с Милтоном. Я думал,

что он был убит, но недавно я узнал, что он попал немцам в руки и позднее умер от ран в плену.

Стрельба переполошила других немцев, и кто-то из них, по-видимому, из расположенной поблизости ячейки, швырнул гранату. Она упала на землю прямо за мной, взорвалась, я бросил немца, забежал за стог сена и помчался вверх по склону. Я не сразу понял, что меня зацепило, но потом почувствовал, что по моей ноге стекает кровь. Что-то надо было предпринимать.

По счастью, я разглядел два силуэта, две каски на фоне ночного неба, и закричал. Это были те парни из соседней части, которые пытались добраться до этого места еще до нас. Они-то и оттащили меня к командному пункту. С нами был санитар, который перевязал мою рану. Моя нога была напичкана осколками, из икры был вырван целый кусок плоти. С командного поста связались с батальоном, с батальонного перевязочного пункта, расположенного в миле или двух от нас пришли санитары с носилками, подобрали меня и оттащили в тыл.

Раненый солдат 85-й Дивизии получает медицинскую помощь от санитара

Операция и выздоровление

Макнелис рассказывает, что на следующее утро его на джипе отвезли к краю вершинной поверхности горной гряды. Затем его перекинули через спину мула и спустили вниз, в долину реки, где поджидал санитарный фургон. Его отвезли на перевязочный пункт близ Флоренции, а оттуда в госпиталь, расположенный близ города Leghorn (вероятно, речь идет о Ливорно) на западном побережье Италии.

Мы лежали на носилках, выложенных рядами, и ждали операции. Доктора работали сверхурочно. Я не знаю, насколько длинными были ряды носилок, но их было полным-полно. До того, как попасть на операционный стол, я, должно быть, спал, а когда проснулся, увидел, что парень, находившийся по соседству, лежит и рассматривает свою медаль *Пурпурное Сердце*. Я спросил: «Откуда это у тебя?» - Он ответил: «У тебя она тоже есть.» Я опустил голову и увидел такую же медаль на моих носилках. Итак, меня занесли в помещение и залатали и зашили мои раны. Я пробыл в Ливорно, возможно, около недели, потом решили, что меня лучше отвезти дальше в тыл, и отправили в Неаполь.

Через четыре дня после ранения Макнелис написал родителям письмо. По оптимистическому тону письма видно, что солдат не хотел огорчать родителей тем, что его рана была довольно серьезной:

Дорогие мама и папа,

Я думал, что лучше будет написать вам как можно быстрее и сообщить о том, что я получил легкое ранение. Надеюсь, это письмо дойдет до вас быстрее, чем официальная телеграмма, и вы не будете волноваться слишком сильно и будете знать, что со мной все в порядке. В 4 часа утра 25-го [октября] в паре мест на правой ноге меня зацепило осколками ручной гранаты, но я сумел добраться до своих с помощью [товарищей]. Я нахожусь в 64-м Госпитале и, вероятно, пробуду в нем какое-то время. Кормят тут великолепно, у нас есть простыни и пижамы, ожидается, что через день или около того я уже буду ходить.

Еще раз прошу вас не волноваться, в самом деле, сильных болей у меня не было. Я смогу писать вам довольно часто, так что ждите от меня писем, а я буду ждать писем от вас.

Ваш сын,

Пол

К этому времени бои во Франции приняли первостепенное значение, и ни у немцев, ни у союзников в Италии не осталось резервов для пополнения. Со дня перехода в наступление вдоль Готской Линии 5-я Армия США потеряла 17 388 человек убитыми и ранеными. Кроме того, у нее почти не осталось боеприпасов для артиллерии. В результате Кларк отдал приказ перейти к обороне. На этом фронте следующие пять месяцев были относительно спокойными: обе воюющие стороны закрепились на существующих позициях и пережидали дожди и снегопады зимнего периода. У Макнелиса было время, чтобы поправиться и расслабиться.

Наши палатки для поправляющихся были расположены в мандариновой роще близ города Казерта. Это было замечательное время. Мы объедались мандаринами так, что становилось дурно. Я думаю, меня держали в госпитале так долго потому, что доктора хотели уберечь мою кожу и мускулы на ноге от разрушения. У меня на ноге была постоянно влажная перевязка, доктора держали ее для того, чтобы пересаженная кожа приросла ко мне должным образом. В итоге пересаженная кожа засохла, им не удалось спасти ее. Как-то ко мне подошел доктор и сказал мне и парню, который лежал на соседней кровати: «Вам повезло. Вы оба отправляетесь домой.

Снова на фронте

Я подумал о том, что поверю в это, когда увижу, что это случилось. Я этого не увидел. Каждую пятницу группа врачей осматривала тех, кто, по их мнению, был готов к возвращению на фронт. Поэтому по четвергам, вечерами, парни брали мокрые махровые полотенца и начинали хлестать себя ими по ранам, чтобы они покраснели и выглядели незажившими. Они надеялись, что это поможет им задержаться в госпитале еще на недельку. Я, вместо того, чтобы использовать полотенце, застегивал пряжку на моем армейском башмаке потуже, прямо над одной из ран на лодыжке, и ходил так, чтобы рана покраснела и выглядела похуже. Это срабатывало, пока в одну из пятниц врачи не сказали: «Этот парень выглядит довольно хорошо. Пошлем его назад.» Так я оказался в *gerple derple* в Казерте.

Макнелис вернулся в свою часть, в грязь и снег передовой в конце февраля 1945 г., теперь в чине сержанта. Многие из тех, кого он знал, уже не было, но некоторые знакомые еще оставались. Его рота занимала позиции на высотах горной гряды, с которой просматривалась Болонья. Солдаты вели наблюдения из стрелковых ячеек,

ходили в ночное патрулирование и перестреливались с такими же немецкими патрулями.

Одна из наших стрелковых ячеек находилась за полосой колючей проволоки. Как-то раз, в сильный туман, когда видимость была совсем небольшой, немцы подползли к этой ячейке и укрылись в ней, зная, что ее должны были занять наши. Полагаю, они хорошо знали, насколько четко мы следуем расписанию. Немцы дали нашим парням пробраться через проволочное заграждение, убили двоих и еще двоих захватили в плен...

К началу апреля войска союзников отдохнули, перегруппировались и получили все необходимое для атакующих действий. В ходе начавшегося наступления в направлении долины реки По оборонительные линии немцев были быстро прорваны. Основная часть их войск оказалась отрезанной, так как мосты через реку были разрушены действиями авиации союзников. Не имея снаряжения для ведения временных мостов, немцы начали сдаваться в плен тысячами. Сопротивление противника сошло к минимуму к 25 апреля 1945 г. Командующий немецкими войсками в Италии генерал фон Фитингоф согласился на безоговорочную капитуляцию, которая вступала в силу в полдень 2 мая. Из письма Макнелиса родителям, написанного 28 апреля, можно заключить, что американские солдаты ожидали окончания войны со дня на день:

Дорогие мама и папа,

Надеюсь, вы не волновались из-за того, что давно не слышали ничего от меня. Как я уже говорил, я буду писать при первой возможности. Не сомневаюсь в том, что вы читаете в газетах о том, что происходит тут, у нас. Последние несколько недель боев были, вероятно, самыми легкими из всего того, что было с нами когда-либо, хотя нам приходилось быть на марше днями и ночами, так что мы здоров устали. Дела наши идут очень хорошо на всех фронтах. Чувствуется, что с *Джерри* вот-вот будет покончено. Авиация и партизаны сильно облегчили нашу жизнь. Многие [местные жители] счастливы, видя нас, тогда как другие настроены безразлично. Носятся слухи о том, что скоро всему конец. Мы надеемся, что он и в самом деле вот-вот наступит.

Ваш сын,

Пол

Победа

Когда мы прорвались в долину реки По из Апеннин, начался разгром. У немцев не было возможности удерживать свои позиции после того, как рухнула их оборона в горах. Они, может, и могли бы занять оборону вдоль следующего природного препятствия – реки По, но они были совершенно дезорганизованы, стараясь драпануть в Германию как можно быстрее. Мы, так или иначе, преследовали их. Иногда они вели арьергардные бои, пытаясь задержать нас, может, на полдня. В конце концов, мы подошли к окраинам Вероны и увидели, что мосты через реку взорваны. Но остался один мост, который наша авиация не разрушила до конца. Его перила все еще, вроде как, висели в воздухе, и вдоль них можно было продвигаться. Так мы перешли ту реку. Далее мы начали продвижение в сторону перевала Бреннер, соединяющий Италию с Австрией. Мы промаршировали 15 или 20 миль, не встречая никакого сопротивления. В итоге, нашу часть сняли с фронта и отправили обратно в Верону, где располагался штаб Дивизии. Там мы и оставались, когда подошел конец войне.

Кампания по освобождению Италии началась с высадки союзников в Сицилии в июле 1943 г. Макнелис прибыл в Неаполь в мае 1944 г. и в составе 85-й Пехотной Дивизии дошел до границы с Австрией в мае 1945 г.

Для GI празднование по случаю окончания войны в Европе не было особенно торжественным из-за того, что перед ними маячила перспектива отправки на Тихий океан для участия в боевых действиях против японцев. Однако, вместо отправки в Японию, 85-я Дивизия была переброшена на границу Италии и Югославии, туда, где коммунисты пытались захватить приграничные части северо-восточной Италии и южной Австрии.

У нас было несколько боев в тех краях, потому что коммунисты хотели захватить северную Италию, которая была самой богатой частью страны с ее полезными ископаемыми и промышленными мощностями. Нашей задачей было сдержать их [коммунистов], так что для нас война еще продолжалась.

Заключение

22 октября 1945 г. Макнелис покинул Неаполь на борту итальянского лайнера Monticello. Через 14 дней, 8 ноября, сразу после своего дня рождения, он прибыл в США,

Служба в пехоте – это самое трудное. Не знаю, почему я уцелел. Вероятно, судьба, а может быть, и удача. Конечно, я молился все время. В окопах не так уж много атеистов. На самом деле, их там нет. Но я не считаю, что выжил благодаря этому, потому что немцы молились так же, как и я. Почему я выжил, а другие нет? Или почему так случилось со мной. А не с моим приятелем? Я думаю, все зависело от того, где ты находился в тот самый момент, это больше случай, а не что-то другое. Просто мне повезло.

Война – это трагедия. Многие из тех, кого я знал, во многих случаях, хорошие друзья, молодые парни, погибли. Но ты должен продолжать делать свое дело. Сейчас, в последние годы, я думаю об этом все больше, и не только о наших ребятах, но и о немцах. Близ Делла Формиче есть немецкое кладбище с 36 000 могил... Они были такими же солдатами, как и мы. Среди них были очень хорошие парни, и очень плохие.

Что касается конкретного человека, то война заключается в том, что некоторые могут вынести больше, чем другие. Наступает момент, когда человек сыпется – среди нас были отличные солдаты, которые просто ломались. Но среди нас были и такие, с которыми лучше было и не начинать воевать вместе. А то мы идем в атаку, поворачиваемся, а трое или четверо бегут назад. Пару месяцев их не видно. Их отправляют в тыл, переводят в Военную Полицию или еще куда-то, или отправляют до конца войны регулировать движение транспорта. Все дело было в том, сколько может вынести конкретный человек, и в этом отношении мы все были разными...

На военных дорогах Италии

ИНТЕРВЬЮ С ТАНКИСТОМ ФРЭНСИСОМ «СНАФФИ» ФУЛЛЕРОМ

712-Й ТАНКОВЫЙ БАТАЛЬОН, КОМАНДИР ВЗВОДА

Фрэнсис Фуллер

Сколько вам было лет, когда вы пошли в армию?

Двадцать семь. Я был старше, чем большинство других, за исключением Джона Зиммера (John Zimmer) и еще пары парней.

Вы из этих мест?

Я из Северной Тонаванды (North Tonawanda, штат Нью-Йорк). Тогда я был менеджером в магазине. Вообще, я не хотел идти в армию, поскольку делал очень хорошие деньги в то время. А опускаться до уровня в 21 доллар в месяц было резкой переменой. Меня отправили в лагерь Форт Ниагара для промывки мозгов, а потом в Форт Нокс/Fort Knox, где прошел первичную подготовку. Потом, в декабре, объявили войну, и меня отправили в Форт Беннинг в штате Джорджия. Там я пробыл две недели, а потом был переведен на Гавайи, куда прибыл в январе 1942 года. Там все волновались по поводу возможного вторжения, но мы об этом не беспокоились. У нас были старые легкие танки M2A2 или что-то вроде этого, с небольшими пулеметами 37-го калибра.

Те же, что были у вас в Роте D?

Нет, эти были еще более «худыми», даже более легкими, чем те. В Роте D были превосходные легкие танки, очень быстрые. А эти были старыми драндулетами (clunkers) с дизельным мотором Garbison. Нас разместили на острове Оаху, в казармах Скофилд /Schofield Barracks, потом перевели на остров Кауаи/Kauai, где нам пришлось строить себе лагерь. Мне нравилось на Гавайях. Там я дослужился до звания техника-сержанта, и это учли, когда искали людей для Офицерской Школы/Officers Candidates School. Я подал заявление и был отправлен обратно в Форт Нокс. После выпуска из Офицерской Школы я получил направление в лагерь Чэфи/Camp Chafee, штат Арканзас, оттуда был переведен в Форт Мид, штат Мэриленд, потом в лагерь Килмер. Оттуда на лайнере *Queen Mary* я отбыл в Англию.

Как прошло плавание на *Queen Mary*?

Без особых событий. В плавании к Гавайям было потяжелей, потому что очень много времени заняли зигзаги, применявшиеся для безопасности. Плавание на *Queen Mary* напоминало круиз, хотя по ночам приходилось стоять на палубе и высматривать подводные лодки. Офицеры жили в каютах в отличие от солдат, спавших в отсеках для рядового состава. Они были вполне сносными. В итоге мы оказались во Франции. Это было уже после высадки в Нормандии, в августе...

Я получил назначение в 712-й Танковый Батальон, в Роту B. Командовал ей капитан Боб Вутек (Bob Vutech). Помню, как мы оказались в фермерском доме, за городом, с

противоположной стороны Меца, и вели неприцельный огонь (indirect fire). То есть, время от времени кого-то отправляли наружу, вместе с офицером, потому что нам нужно было наводить пушки, чтобы [примерно] знать, куда мы стреляем... Еще помню, как я оказался в маленьком городке под названием Гравелот/Gravellotte, сильно разрушенном. Тогда я первый раз увидел, что такое война, там мы были под артиллерийским огнем. Как-то ночью я попытался пройти по дороге в направлении форта Мец, и попал под минометный обстрел. Помню, как быстро мы убрались оттуда.

В Гравелоте с нами была небольшая группа солдат-пехотинцев. Как-то кто-то подстрелил свинью, и мы хорошо поели жареного мяса. Мы расположились в фермерском доме, и капитан Вутек сказал мне, что наша цель – Мец. Они собирались получить набор резиновых танков и полугусеничных грузовиков – тех самых макетов – и сопровождающую звуковую систему. Вот он и говорит мне: «Ты их поведешь.» Короче, посмеялся надо мной. Однако какое-то число этих поддельных танков пришло на место, и я потом читал, что их использовали. Мы околачивались там где-то около месяца, а потом меня перевели в Роту С и сказали, что эти парни находятся на отдыхе, потому что на целый месяц остались без горячего.

Было это в сентябре. Потом мы снова начали воевать. Мое первое задание было таким: мне дали взвод Роты С и сказали: «Ты должен взять этот городок.» Показали мне его на карте и говорят: «Пройдешь такое-то расстояние, там тебя встретит пехота, с ними и возьмешь городок.» Я до этого городов не брал. Ну, загрузили танки боеприпасами, вышли из городка в открытое поле. Никакой пехоты поблизости. В конце концов, справа кто-то открыл по нам стрельбу, и снаряды стали рваться прямо рядом с нами на этом самом поле. Я приказываю: «Двигайте танки, все время будьте в движении, чтобы не дать им попасть в нас.» Было почти совсем темно, ну я и говорю сержанту Бёрлу Радду (Byrl Rudd): «Радд, что будем делать.» - «Не знаю, лейтенант.» Я ему говорю: «Вколоти снаряд в первый по счету дом.» Мы завели машины, выехали на дорогу, ведущую к этому самому городку, приблизились к первому дому и наткнулись на целую кучу сельскохозяйственных машин, перегородившую дорогу. Я и говорю: «Выстрел по первому дому.» Пальнули, и тут из дома выскакивают эти фермеры, все в слезах. Поскольку я говорю по-немецки, я спросил их, нет ли здесь немцев. Они говорят: «Нет, они ушли.» - «Хорошо, уберите все это с дороги.» Они все это убрали, и мы въехали в городок, не встречая сопротивления. Добрались до центра города, выставили танки по постам, нашли себе командный пункт на ночь. Все это пока без участия пехоты...

Сразу за центром города мы разглядели мины прямо на дороге, ну я и говорю своим: «Дальше мы не идем.» В 9 утра я сказал своим: «Пойду выйду и проверю, как там наши танки.» Вышел, иду, набрел на танк, в котором была капрал Вэк (Вес Хэррел – Wes Harrel/Wac). Его прозвали Вэк, потому что он носил комбинезон, который был ему велик, висел на нем мешком и вообще смотрелся почти как юбка (WAC – аббревиатура для Women's Army Corps – Женский Армейский Корпус ВС США, Winnie the Wac – женский персонаж комиксов того периода времени). Говорю ему: «Как сам, Вэк?» Он отвечает: «Отлично, лейтенант, однако дайте мне магазин для этого автомата.» Смотрю, а перед ним стоят где-то с сотню пленных немцев, а у него и патронов нету!

Хотите услышать, как я и Гибсон (Gibson) застряли в курятнике?

Боб Росси (Bob Rossi) рассказывал, что это был угольный сарай.

Нет, это не был угольный сарай. Случилось это после того, как мы переправились через Рейн. Взвод лейтенанта Мэкса Гибсона и мой взвод объединили для переправы через Рейн. Дошли мы до первого городка, нашли нашего полковника и получили приказ продвинуться к следующему городку и занять его, сменив тех, кто переправился через реку до нас. Ну, тронулись в путь и по дороге увидели солдат, шагающих нам навстречу. Было темно, но мы определили, что это были американцы из той части, которую нам предстояло

сменить. Вошли в город, назывался он Эрфельден/Erfelden, расставили по внешним постам танки. Мы с Гибсоном решили узнать, что наш полковник приготовил для нас на следующее утро. Нашли большой дом, там уже был наш полковник и майоры, которые сидели и пили кофе. Мы тоже выпили кофе и стали обсуждать, что нам предстоит сделать на следующее утро. Тут вбегает какой-то парень и докладывает: «Полковник, с Ротой F потеряна связь!» Еще через пару минут: «С такой-то ротой потеряна связь.» Потом говорят: «Обстреливают такую-то роту.»

Я говорю Гибсону: «Будет лучше, если мы вернемся к своим танкам.» Вышли через заднюю дверь, зашли за угол и видим немцев, человек 40, марширующих колонной по четверо или пятеро человек в шеренге. Говорю Гибсону: «Гиб, что будем делать? Кинь-ка в них гранату.» Он говорит: «Черт, у нас никаких шансов не останется.» Их и правда было слишком много. Мы шмыгнули за угол, заскочили в первый попавшийся лаз и решили там спрятаться.

Тем временем все старшие офицеры скрылись в подвале. Я говорю: «Нет, в подвал не пойду. Если туда швырнут гранату, нам крышка.» Мы стали оглядывать помещение, в котором оказались, и разглядели большие закопченные печи. Другого выхода, кроме лаза, оттуда не было. Что делать? В стене, под потолком оказалась дыра, может, в два квадратных фута. Как-то так получилось, думаю, Гибсон вдохновил меня на это – мы вылезли и через эту долбаную дыру и очутились в курятнике. Слышно было, как немцы орут на улице: «Hande hoh!»

Они что, захватили в плен офицеров, прятавшихся в подвале?

Нет, они взяли в плен парней из санитарного взвода и полагаю, нескольких ребят из взвода военной полиции. На следующий день мы их отбили, но тогда немцы взяли около двадцати человек. Ну, сидим мы в курятнике, так просидели всю следующую ночь. К утру мы услышали шум моторов, и я сказал: «Погоди-ка, Гиб, это один из наших истребителей танков.» Мы выбрались из курятника после довольно неприятного ночлега. Вышли в проезд к дому, а тут G/ бреются, горячая вода в касках. Все вернулось к норме. Мы подошли, чтоб разобраться, наши это парни или нет. Это были наши, они были рады видеть нас, так как думали, что мы угодили в плен. Пока нас не было, эти ребята выяснили, что из нескольких кранов в городке все еще можно набрать пива, и хорошо проводили время, пока мы торчали в курятнике...

Следующая история – про Донколь/Doncols. За ночь до случившегося мы оказались в городке Берль/Berle (Люксембург), было это ближе к концу *Сражения за Выступ*. Тут мы оказались под жесточайшим артобстрелом...но на следующее утро нам сказали, что будем наступать в сторону этого маленького городка под названием Донколь. Берль стоял на холме, а Донколь – в долине и хорошо просматривался, однако борт долины был слишком крутым для того, чтобы по нему могли спуститься танки. В Донколь вела всего одна дорога, поэтому выход был один – выйти на эту дорогу и прорываться в город на максимальной скорости. Взвод лейтенанта Рэя Гриффина (Ray Griffin) пошел в прорыв первым, я двигался за ним. Он ворвался в город, укрылся за первым же сараем и стал выжидать. Я остановился за ним и сказал: «Что дальше собираешься делать, Гриффин?» Он и сам не знал, что делать дальше. Все мы оставаться в одном месте не могли, поэтому я стал продвигаться вглубь городка, другие танки пошли за мной колонной. Тут мы видим ублюдка с *панцерфаустом* справа от нас. Я не успел достаточно быстро повернуть свою пушку в его сторону, и он выстрелил, но попал не в мой танк, а в следующий – угодил ему прямо в звездочку, гусеница слетела, и это танк покатился влево, прямо в долбаную навозную кучу. В этом танке был Зиммер (Zimmer), он мог бы рассказать вам об этом больше. Танк остановился, и кто-то подошел и приказал им сторожить пленных. Вот экипаж Гриффина и сторожил пленных всю ночь.

О чем вы подумали, когда увидели парня с *панцерфаустом*?

Думаешь о том, как бы завалить мерзавца, полагаю. Больше думать не о чем. Такое случилось со мной в Пфаффенхеке/Pfaffenheek – парень нацелил *панцерфауст* прямо в меня, и я начал поворачивать свой пулемет [калибра] .50 в его сторону, знаете, у командира танка в распоряжении только .50-й. Но я не сумел повернуть его достаточно быстро, хотя, должно, быть спугнул его, поскольку его граната прошла над танком, так что для меня все обошлось благополучно.

Ну а в Донколе вам удалось выстрелить в немца после того, как он разрядил свой *панцерфауст*?

С какого-то другого танка его завалили, конечно, да. С одного из танков, следовавших за мной – они срезали его из пулемета.

Как так случилось, что вы говорите по-немецки?

Мои дед с бабкой были немцами. Бабка была из Кенигсберга, а дед из Эльзаса-Лотарингии. Дома они часто говорили по-немецки. Я учил немецкий в средней школе три года. Сам не знаю, почему выбрал немецкий. Это был легкий путь, потому что я что-то уже знал. Другой мой дед был французом, но я за французский не брался. Когда мы шли через Францию, я ничего не понимал, знал столько же, сколько другие *GI*. Типа *Combien* (*Сколько*).

Как ваши предки оказались в Америке?

Мои немецкие предки прибыли, думаю, в 1862-м. Мой французский дед был сиротой, и его усыновили какие-то американцы, отсюда и фамилия Фуллер, вовсе не французская. У другой моей бабки отец был индейцем. Его фамилия был Сенсэбо (*Sensabaugh*), он приехал в Америку из Канады. Я помню своего прадеда-индейца, он приходил к нам пешком из городка Данвилл/Dunnville в Онтарио, чтобы повидаться моей бабкой. У него это занимало целый день, проходил он 50 миль. Я был совсем молодым тогда, но это помню.

Что вы можете рассказать о других парнях из своего взвода? Например, Ота Мартин (*Otha Martin*)...

Это был классный малый. Припоминаю одну историю о Мартине. Мы брали с боем небольшой городок, форма у него в плане была в виде буквы *L*. Угол его был перед нами, левее, и, когда мы стали продвигаться по центральной улице, кто-то в нас выстрелил. У нас на броне была пехота, они соскочили, и я приказал Мартину заехать за линию домов и выпустить по фосфорному снаряду в каждый дом. Очевидно, Мартин не понял меня и начал стрелять фосфорными снарядами во все попавшие в поле зрения дома. Помню, что вскоре весь городок был в огне, на улицу стали выбегать коровы. У нас во взводе был один полоумный, не помню его имени, так он начал палить из пистолета по этим коровам, сидя на броне в передней части танка. Я приказал оставить хотя бы один дом в целости для командного пункта и просто как место для ночлега.

Тем временем одно танковое отделение добралось до конца улицы и края городка и повернуло влево. Не помню, кто это был, но помню, что они проезжали мимо одного из домов и какой-то парень выглянул из окна – сдвинул в сторону занавеску или что-то в этом роде. Так наши застрелили его. Из дома выбежала девушка в слезах, крича: «Вы убили моего отца!» Я сказал тогда: «Ему не стоило выглядывать из окна.» Если ты видишь, что что-то движется, стреляй... Это было сделано непреднамеренно, но это случилось. Я понимал, почему так случилось, потому что я сделал бы тоже самое, если бы увидел какое-то движение. Если бы не та стрельба, не было бы причины сжигать весь городок. Всего-то пара выстрелов, черт возьми, не сделай они этого, мы бы просто въехали в мирный городок. Эти бедные люди... У них был какой-то старый ручной насос, и вот по два человека с каждой стороны стали качать воду вверх-вниз, пытаясь потушить пожар. Печальное зрелище, но они сами были виноваты.

Вы были тогда женаты?

Нет только письма писал одной... Но после войны ничего из этого не вышло. Ей не нравилось то, что я пил. Так трудно что-то припомнить. Я старею, память слабеет. Вообще смешно: одна рота, в ней три взвода, но ты едва ли знаком с кем-либо из других взводов. Ты все время со своими 25 парнями, ты спишь и ешь вместе с ними. Так это было...

Приходилось ли вам писать письма, извещающие о том, что кто-то был убит?

Да.

Вы помните первого из тех, после смерти которого вам пришлось это делать?

Джек Мэнтелл (Jack Mantell).

Это случилось в Пфаффенхекке [16 марта 1945 года]. А до этого кто-то из ваших людей погибал?

Мэнтелл, Билли Вулф (Billy Wolfe), сержант Хэйуорд (Hayward) и Хэррис (Harris) – вот имена тех, о гибели которых мне пришлось писать извещения. Еще двое были ранены, но выжили. Тот день был единственным плохим днем для меня за всю войну. Я часто думаю, могли ли мы предотвратить случившееся, но как это был сделать? В то время у нас была утвержденная командованием тактика: сначала посылаешь в бой одну группу, которая окружает. Так вот нас учили. Мы не могли двинуться вдоль по улице: там была [вражеская] пушка. Сержант Радд, он погиб, не так ли? Так он был там, он видел пушку, но не имел возможности выстрелить по ней. А пехота не сдвинулась с места. Может быть, они были на следующей улице позади нас, но дальше не продвинулись.

Почему, как вы думаете?

Думаю, со страху. Им тяжело пришлось в начале боя.

Что из себя представлял Клингермэн (Clingerman)? Он был в вашем экипаже?

Джонни Клингермэн (Johnny Clingerman)? Он был не в моем экипаже. Он был в другой машине, и после того, как его танк был подбит, он забрался на заднюю часть моего танка, когда мы маневрировали, пытаясь найти момент, чтобы выстрелить по этой пушке. Но немец попал в мой танк, снаряд прошел прямо через маску пушки и убил Мэнтелла. Клингермэн получил осколок в глаз и потерял его. В тот момент он сидел в задней части нашего танка, так его ранило... Знаете, о бое за Пфаффенхек существует много историй. Я все их прочитал, и у каждого есть своя версия. Сержант Рассел Луп (Russel Loop), вы с ним пересеклись?

Луп рассказал, что получил *Бронзовую Звезду* за то, что забрался на чердак и открыл огонь по немцам, засевшим в зарослях – тем, что были из расчета той самой пушки, которая подбила ваш танк. Было это в городке Уденхаузен/Udenhausen. Вы это помните?

Был маленький городишко за день до случившегося. Совсем недалеко, по той же дороге, которая вела в Пфаффенхек. Пытаюсь вспомнить, где погиб Мэнтелл, в Уденхаузене или нет. Думаю, в нем...

Луп рассказал, что Мэнтелл был ранен осколком камня, который пробил ему голову, после чего он отказался идти в тыл, чтобы получить первую помощь.

Да. Он не пошел в тыл. Он был ранен непосредственно перед тем, как мы продолжили наступление в сторону Пфаффенхека. Прямо перед этим мы встретились с нашими пехотинцами. Они засели в каком-то саду. Мы решили продолжить движение по дороге, и тут откуда-то выскочил этот птенец со своим *панцерфаустом* – тот самый, который промахнулся, когда стрелял по моему танку. Я вам об этом рассказывал. Кто-то завалил его... По какой-то причине пехотинцы не сдвинулись с места. Но мы двинулись по дороге, и тогда-то тот парень и пальнул по мне. Тогда мы решили продвинуться за линию домов, Радд шел за мной. Мы знали, что там где-то есть пушка, но не имели понятия о том, как уничтожить ее. Вот тогда я и послал другие танки вперед... Тут были дома, мы были за ними. Я послал их в обход вот так, рассчитывая, что они смогут подавить ее, но случилось так, что немцы выстрелили первыми...

Кто был в вашем экипаже в тот момент?

Луп был пулеметчиком. Карл Грей (Carl Grey) водителем, я звал его *Маленьким Эбнером* (Li'l [Little] Abner – персонаж комиксов, популярных в США в 1934-1977 гг., крепкий деревенский парень). Он был крупным, высоким парнем, был похож на *Маленького Эбнера* из комиксов, большой и грубоватый парень из *кантри*. К тому же хороший механик-водитель, но не помню, когда это было, - как-то он потерял самообладание. Мы попали в передрагу или что-то вроде того, и он не захотел вести машину. Его на какое-то время вернули в роту, а потом опять прислали к нам. В тот день он был моим механиком-водителем, и он сделал свое дело превосходно, вытащив нас из дерьма после того, как нас подбили. А Мэнтелл был помощником наводчика. Пытаюсь вспомнить, кто был наводчиком... Луп был помощником водителя Мэнтелл был заряжающим, Карл водителем, так как же звали наводчика? Просто не могу припомнить.

Подбито было только два танка в тот день, насколько я помню. Ллойду Хэйуорду (Lloyd Hayward) оторвало обе ноги, и он умер от потери крови. Такое случается...

Луп рассказывал, что он пытался спасти Хэйуорда...

Да, Луп и я пытались спасти Хэйуорда и Хэрриса, но было уже поздно. Мы вкатили им полную порцию морфия – это было все, что мы могли сделать. Санитары были далеко. Вообще, я нашел нарукавную повязку санитара и нацепил ее, надеясь, что по мне не будут стрелять, но они все равно стреляли по нам.

Луп рассказывал, что Хэйуорда еще раз зацепило, когда вы несли его...

Да, осколком снаряда, который предназначался для нас. Так что мы ничего не могли сделать.

Как хорошо вы знали Хэйуорда?

Да вообще едва был знаком с ним... Знаете, это забавно, но вы все время находитесь с одной группой людей - парнями из своего экипажа. Конечно, других вы тоже знаете, но у них свой круг [товарищей], и экипаж каждого танка всегда вместе. Парни [из одного экипажа] ночуют вместе, держатся рядом друг с другом. В большей или меньшей степени тебе приходится это делать, так как если что-то случится, вам всем придется забираться в танк одновременно...

Что вы можете сказать о Мэнтелле?

Очень молодой, спокойный, с приятной внешностью, женатый парень. Жена его осталась где-то в Милуоки – это все, что я знаю о нем. Он не был с нами достаточно долго для того, чтобы мы по-настоящему познакомились, так же было и с Билли Вулфом: он пробыл с нами совсем немного времени.

А эти двое прибыли к вам, чтобы заменить выбывших?

Возможно, потому что так это происходило – нам присылали людей группами. Почему приходила замена, я не знаю. Конечно, это случалось тогда, когда парней, набравших определенное количество баллов, отправляли домой. Это могло быть причиной для замены одного человека другим, так как у нас во взводе не было больших потерь до этого боя.

Еще был один парень... как-то мы продвигались через лес, и, судя по всему, он высунулся слишком далеко из башни, ствол пушки уткнулся в дерево. Оно спружинило и ударило его в грудь. Он много лет пытался получить в связи с этим инвалидность, но не знаю, чем это кончилось. Довольно немолодой парень, один из тех, кто постарше.

Еще была одна неприятность... Мы въехали на вершину холма. Внизу был городок, в котором мы собирались переночевать. Меня беспокоило то, что по обе стороны от нас были горки повыше, и я боялся, что с них по нам начнут стрелять. Едем, и тут «бам!» Что-то попало в мой танк. Я говорю Радду: «Шарахни по этому сукину сыну на холме.» Он передает по радио: «А это не из пушки, лейтенант, это вы на мину наскочили.» Вылезает из танка, и точно: гусеница порвана. Пошел назад к танку Радда, ребята со мной. Оглядываюсь и говорю: «А Дрозд (Blackbird) где?» Мне отвечают: «Лейтенант, так он выскочил из танка раньше вас.» До сих пор не знаю, как этот парень выскочил из башни до меня – в то время он был заряжающим. Он был индейцем, и кличка у него была Дрозд. Так вот он и выскользнул из танка раньше меня...

Потом мы уже могли разглядеть мины на дороге – их было немного, мы их объехали и без проблем добрались до городка.

По каким-то городкам приходилось вести огонь, по каким-то нет. В некоторые просто можно войти на своих двоих. Было такое место под названием Диппах/Dippach. Подъехали к речке, это был Ур/Our. Мост был разрушен, и там, где он раньше был, в пойме ручья, ну пускай это будет река, стоял небольшой немецкий танк. Мы стоим и думаем, как будем переправляться, подошли старшие офицеры, тоже стоят и думают. В итоге, я говорю: «Давайте попытаем счастье.» Пехотинцы спрыгнули с танка, в нем остались только я и мой водитель, вот мы и попытались форсировать речку. И мы с этим справились, а за нами на другой берег перебрались и другие танки. Оказались мы на широком поле перед этим самым городком. Ну мы рассредоточились в линию, вошли в этот город безо всяких проблем, хотя, может, и постреляли немного. Однако в книге о 712-м Батальоне (имеется в виду книга *The Armored Fist: The 712th Tank Battalion in the Second World War. Aaron Elson*) написано, что у нас был классический строй, что мы брали этот город, там полно всякой ерунды. Я не помню вообще никакой стрельбы, хотя город был немаленький.

Были ли вы со своим батальоном, когда он вошел в Флоссенбургский концентрационный лагерь?

Нет. Но мы захватили один небольшой концлагерь, а название городка я не припоминаю. В нем были заключенные, которых мы освободили. Это были американцы.

Когда мы форсировали Мозель/Moselle в последний раз, предполагалось, что мы будем брать этот городок. В этом городе была группа американцев, взятых немцами в плен. Входя в город, мы сначала пальнули из пушки вдоль улицы. Неподалеку от нас на краю этой улицы стоял большой сарай. Мы вlepили в него снаряд, и, думаю, из-за это было ранено несколько наших парней, которых [немцы] держали в этом сарае. Большого боя там не случилось. Небольшие стычки. Ничего похожего на некоторые из историй, которые вы слышали. Каждый танк немного пострелял...

Что вы можете вспомнить о том, как вы обнаружили военнопленных американцев?

На самом деле, ничего. Дали им сигарет, и все. Там были пехотинцы, они об этих ребятах и позаботились. У нас на военнопленных времени не было.

Как-то мы приблизились к небольшому городку, присмотрелись и увидели, что вся улица забита, вроде как, грузовиками или чем-то похожим. Мы открыли огонь, потом подошли поближе. Оказалось, это все были фургоны, в которые запрягают лошадей, набитые всевозможными припасами. Появились немцы и стали сдаваться в плен – молодые пацаны, просто дети, лет по 17 или 18 от роду. Чего только не было в этих фургонах! Один молоденький немец там был, спрашиваю его: «Где ваш лейтенант?» Он отвечает: «Ушел куда-то.» Пришлось нам их оставить на попечение пехоты, нам было не до них.

Можете ли вы вспомнить имена командиров танков своего взвода? Одним из них был Ота Мартин...

Сержант Радд, Хейуорд, который погиб.

Хэррис?

Это тот, которому прострелили голову?

Мартин рассказывал, что ему пробило голову 40-миллиметровым снарядом.

Такого просто не могло быть. 40-миллиметровый снаряд имеет вот такой размер. От головы бы просто ничего не осталось.

Радд писал в своем письме, что он умер от потери крови...

В это я бы скорее поверил. Вероятно, это было пулевое ранение. Я сам был ранен осколками три или четыре раза. Только раз в меня угодила пуля. Они попали в танк, от брони отлетели ее осколки, один попал в плечо, другой в руку. Я был в танке, но ты всегда высовываешься из него наполовину. Приходилось, потому что эти перископы были полным дерьмом.

Когда меня зацепила пуля, она попала в тыльную часть ладони. Моя рука лежала на ободке люка, мы переваливали через холм, и прямо напротив нас оказались окопавшиеся немцы. Один из них выстрелил из *панцерфауста* и попал в корпус дифференциала. Особого ущерба выстрел не нанес, но в нем пробило дыру, через которое вытекло масло, однако танк продолжал двигаться. Мы открыли огонь по противнику, засевшему в неглубоких окопчиках, и тут один немецкий ублюдок выскочил из окопа, выпустил по нам очередь и нырнул обратно. Мы выстрелили по нему, в итоге, мы с ними справились. Мне поцарапало руку, так, ничего особенного, но на мне были кожаные перчатки с подкладкой из кроличьего меха, так вот этот мех мне загнало под кожу. Я об этом забыл, но дня через три рука распухла, и мне пришлось идти к врачу. Они разрезали рану и прочистили ее. Это было мое самое заметное ранение за всю войну. Осколки были мелочью.

Луп рассказывал мне, что как-то ночью вы потерялись, и два немецких танка встроились в вашу колонну.

Так, должно быть, и случилось. Не вполне уверен, что это была та же самая ночь, когда Гриффин потерял танк. Помню одну ночь, опять случай с Гриффином – мы застряли где-то по какой-то причине, и тут кто-то сказал, что впереди нас какие-то немецкие танки. Мы спешили и, правда, набрали на немецкий танк – даже было слышно, как эти ублюдки о чем-то говорят внутри танка. Мы вернулись назад, попытались раздобыть базуку, но под рукой ни у кого ее не оказалось. В итоге, немцы укатили куда-то.

Был это один из тяжелых немецких танков?

Нет, это был средний или легкий танк. И хоть мы были рядом и слышали, как эти мерзавцы разговаривают внутри танка, у нас с собой даже не было гранат.

Что вы можете вспомнить о том, как удалось захватить два немецких танка?

Они двигались вслед за нами, должно быть, они приняли нас за своих.

И что вы подумали тогда?

Не знаю, думал ли я о чем-нибудь тогда. В то время мы просто ненавидели немцев. Я мало что помню о том случае. Если бы я помнил все, что происходило, я написал бы книгу. Вы ждали слишком долго. Лет 20-30 назад люди могли бы рассказать вам многое...

Что вы помните о Билли Вулфе?

Едва ли что-нибудь, поскольку он был настолько тихим парнем... ну просто маленький паренек с фермы. Он пробыл с нами совсем немного для того, чтобы близко познакомиться с кем-либо. Сколько он вообще протянул, где-то месяц? Он был в экипаже сержанта Хэйурда. На следующее утро [после боя] я залез в их танк, чтобы найти солдатские жетоны или что-то еще, но в танке не оказалось ничего.

Сейчас будет трудный вопрос. Вы можете не отвечать, но, если это не слишком болезненная тема, я был бы признателен, если бы вы вспомнили что-то по возможности. Что вы вообще чувствовали, когда забирались в тот танк?

Вообще, думаю, я был слишком толстокожим. Я вообще ничего не чувствовал. Я просто искал жетон, чтобы найти подтверждение тому, что он мертв, но внутри танка были только мелкие осколки костей размером в один-два дюйма. Так как взорвалось горючее, там мало что осталось.

Ну а запах был в танке?

Нет. Вообще никакого. Ничего подобного тому, о чем вы думаете – никакого трупного смрада. Огонь поглотил все... Все было разворочено, все провода полностью сгорели, ничего не осталось. После того, как Мэнтелл был убит в моей машине, пришел капитан Шеппард (Sheppard), увел танк с телом Мэнтелла в нем, и я больше ни разу не видел ту машину.

Но вас сильно потрясло все это, разве нет?

О, да. Он принес мне кварту виски. Я все это выпил и лег спать. Эта дрянь случилась с нами тогда в первый раз. После боев за *Выступ* и всего остального, я перенес травму, как вы бы сейчас это назвали. Но я превозмог все это. У меня не было танка, и мы одолжили машину в Роте А. Я снова, как обычно, был в головном танке, но кто-то из ребят Роты А сказал тогда: «Лейтенант, мы не можем быть головной машиной.» Я спросил: «Почему?» Он говорит: «В этом танке нет рации.» Ну я и говорю: «Да черт с ней.» Ничего с нами потом не случилось. Мы вышли к Рейну и остановились. Затем мы спустились к городу Боппард/Ворпард, где форсировали реку. В том городе мы простояли несколько дней. Кто-то свалил в самоволку, не помню, кто это был. Даже не знаю, нашли ли его потом. Может, и нашли, но я ничего об этом не слышал. Думаю, парень сбежал к какой-то немке.

Танки 712-го Батальона в Арденнах

Что вы возили с собой в танке?

Мы возили с собой два или три ящика с пайковой едой. В задней части танка обычно были спальные мешки. Как-то мы захватили городок, где разжились десятью ящиками шампанского.

Ну а как было в Париже, когда вы в нем очутились?

Ночная жизнь понеслась с полным размахом. Само собой, были затемнения. Девчонки шатались по улицам. Но тогда не было кафе на улицах, если это, что вы думаете про Париж. Я посетил Нотр-Дам, забирался на Эйфелеву башню, побывал на площади Пигаль и в кабаре Мулен Руж. То есть, с красотами Парижа я ознакомился, но из всех городов, в которых я побывал за океаном, мне больше всего понравился Бристоль. Там я поразвлекался в наибольшей степени, уж не знаю, как так получилось...

Там у вас завелась подруга?

Да нет, я просто подружился с парой семейств, мы ходили по вечерам в пабы, я играл в них на пианино, мы пели, я и дома у них бывал...

Когда Шеппард принес вам бутылку виски, вы вместе с ним выпили всю бутылку?

Да нет, уверен, я разделил ее с ребятами. Вообще, парни обычно сами находили себе вдоволь выпивки, в домах обычно было вино. Пытаюсь вспомнить, что из выпивки было в Париже, — кальвадос, яблочное виски — просто убийственный напиток. Им можно было заправлять зажигалки.

Что еще вам рассказать? Про *Выступ* я помню только то, как холодно и мерзко там было. Танки увязали в грязи и теряли гусеницы. Эти холодные ночи... Половину времени нам

негде было переночевать, торчали в этих долбанных лесах. Однако там было несколько стычек...

Что это была за пушка, из которой вас подбили в Пфаффенхеке?

Это была 88-миллиметровка.

Луп говорил, что это была 75-миллиметровка...

Нет, это была 88-миллиметровка: наверняка, поскольку она пробила танк насквозь... После того, как мы отошли за линию домов, сержант Радд остался за одним из домов, а мы отошли немного подальше, вглубь городка. Мы нашли артиллерийского корректировщика, сказали ему, где находится [немецкая] пушка... Она была совсем близко, прямо по одной линии от нас за танком Радда, ненамного дальше, чем в 15 футах от нас. Он [корректировщик] не мог навести на них артиллерию, поскольку они были слишком близко к нам и нас могло зацепить... Но мы вызвали огонь, он наводил его, и, в итоге, снаряд пролетел прямо над нами и, очевидно, угодил в пушку. После этого в атаку пошла пехота, к этому времени немцы стали отходить. Эта единственная долбаная пушка принесла нам столько неприятностей...

Пфаффенхек (не позднее 1995 г.)

Радд говорил, что ваш танк уничтожил одну из пушек, было такое?

Нет, не в тот день. Думаю, это сделали артиллеристы.

Немецкое военное кладбище в Пфаффенхеке

В какой момент войны вы испытали самый большой страх?

Пытаюсь вспомнить... Должен сказать, это было в том маленьком городке Берле, где мы попали под сильный артиллерийский обстрел – там они вытрясли из нас душу. Я находился в маленьком доме на вершине холма, и между мной и летящими снарядами была дощатая стена толщиной в половину или две трети дюйма. Почему я не спрятался в танке, я и сам не знаю, вероятно, потому, что было слишком холодно.

Это были *screaming meemies*?

Нет, это были 88-миллиметровки. Мы слышали несколько раз, как стреляют *meemies*, но [немцы] использовали их, в основном, против пехоты. Танкам от них ущерба бы не было. Их настоящее название – *nebelwurfers* (правильное название – *nebelwerfer* – шестиствольный реактивный миномет). [Немцы] использовали их в сражении за *Выступ* и на *Линии Зигфрида* против пехоты. У нас с *Линией Зигфрида* проблем не было. Я помню эти бетонные штуки (надолбы), но мы их просто обошли.

Тот артобстрел в Берле, где нас просто осыпали снарядами всю ночь... Это случилось непосредственно перед тем, как мы вошли в Донколь. Но тогда мы так и не сумели найти какие-либо пушки, не знаю, где они были, должно быть, они отвели их в тыл. Думаю, в той транспортной колонне, которую мы тогда захватили, была пара пушек - их тянули лошади. Я рассказывал вам, там было избиение несчастных лошадей, ну а что поделаешь?

Став постарше, что вы думаете о пацанах, которых вы увидели в той ситуации?

Тогда они были немцами. Этого было достаточно, чтобы отключить у вас [какие-то чувства]. После войны мы видели их марширующими по дорогам в несметных количествах... тогда мы чувствовали что-то вроде жалости по отношению к ним, потому что они выглядели словно оборванцы. Но большинство немцев, которые попадали нам на глаза, были среднего возраста или немного старше тех самых малолеток...

Я хотел задать вам вопрос о сержанте Хэйуорде. До того, как он скончался, ему оторвало обе ноги?

Когда мы увидели его, он лежал на земле рядом с танком. Ног больше не было: они были оторваны на половине расстояния от коленей до паха...

И он сумел выбраться из танка?

Каким-то образом он выбрался из танка. Но мы уже ничем не могли ему помочь.

Он был без сознания или успел что-то сказать?

Нет.

Но было очевидно, что он еще жив?

Ну, кровь еще текла... Может, он и был без сознания или уже отходил...

А вы могли наложить жгуты на его раны?

Да мы попытались затянуть ремни на нем. Дали ему укол морфия – это все, что мы могли сделать. Но нам нужно было поскорее убираться оттуда, потому что мы были под огнем – я и сержант Луп.

То есть, он не мог ничего сказать?

Нет. На самом деле, никто из них ничего не сказал, за исключением маленького китайца, которого мы отправили к санитарам с его руками. Он получил сильные ожоги [рук], хотя могло быть и больше, чем только руки. Даже не знаю, что случилось с ним потом. Гриффин пытался найти его, но нам это не удалось. Мы звали его Чоп Чоп/Chop Chop. Просто приятный маленький паренек, никого никогда не беспокоил. Он был помощником механика-водителя. Он был коротышкой.

Он что-нибудь рассказывал о своей семье?

Он вообще едва ли с кем-нибудь разговаривал...

Вы лично встречались с Паттоном?

Я видел его только один раз, после войны. Дело было на встрече в Гармиш-Партенкирхене, который мы посетили вместе с Бобом Вутеком. До чего симпатичный городок... Паттон, преимущественно, интересовался нашим мнением относительно того, что мы могли бы сделать или что должны были сделать. Вообще, одной из наших заноз была плохая радиосвязь, это была одна из наших наибольших проблем. И, само собой, нехватка боеприпасов, горючего, много такого, с чем трудно справиться, как я полагаю. Но я помню, он задавал вопросы всем офицерам, а я жаловался на отсутствие нормальной радиосвязи.

И каким был его ответ?

«Придется нам над этим поработать.» Примерно все, что он сказал. Особенно много сказать он не мог, просто поблагодарил всех. Мы провели несколько дней на этом чудесном курорте, хорошо ели, жили в хороших условиях. Некоторые из ребят покатались по озеру. Я тоже покатался.

Когда мы уезжали домой, нам сказали, что мы ничего не можем брать с собой. Думаю, что, когда мы добрались до Марселя, я избавился от всего оружия, которое у меня было, от фотокамер и от всего остального, но, бог ты мой, никто не стал обыскивать мои вещи. Приехав домой, я через несколько лет собрал все это оружие и выкинул его в речку. Теперь я сожалею об этом.

А почему вы это сделали?

Отец уговорил. Ему не нравилось то, что в доме есть оружие. Ну вот, для того, чтобы он был доволен, мы собрали все оружие, сели в лодку и выкинули его посреди реки. Интересно, что, когда он был помоложе, у него была большая коллекция оружия: пистолеты, винтовки, все такое. Когда он постарел, он уже не хотел, чтобы все это было у нас.

А он участвовал в ПМВ?

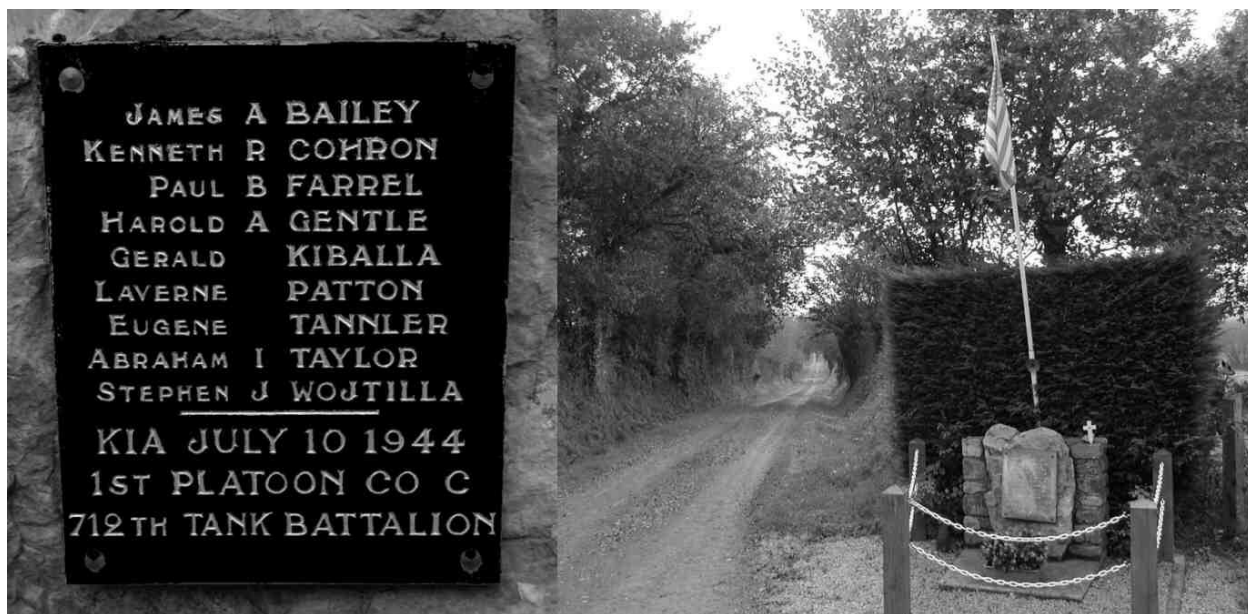
Нет, он служил в *Национальной Гвардии*, был поваром.

Ощущали ли вы какие-либо последствия от войны на себе, например, кошмарные сны?

Ничего серьезного. Так, иногда думаешь о чем-то, но никаких травм, которые беспокоили бы меня. Всякие мелочи.

Например?

Ну, может быть, картина с кучей мертвых немцев приходит в голову. Как некоторые из парней наступали на живот одному из этих, чтобы выдавить газ... А потом забирали у них из карманов все, что могли.

Памятник танкистам 712-го Батальона, погибшим в бою за Высоту 122. Нормандия, близ города Ле-Плесси/Le Plessis

То есть, такие картины, от которых трудно избавиться?

Такое, что невозможно забыть, как, например, сцены в Нормандии, когда ты видишь всех этих коров, убитых огнем артиллерии или еще чем-то и валяющихся на спине. Чтобы от

этого избавиться, нужен психиатр, но я не из числа тех, которые готовы лечиться у этих парней...

Значит, солдаты делали это, если труп был раздутым?

Наступали на него, чтобы выдавить газ. Я говорил вам, немцев ненавидели.

А танки когда-либо ездили по трупам?

Нет, насколько я знаю, хотя это возможно. Я слышал пару историй о том, как танки давили своих же парней, которые оказывались позади машины. Непреднамеренно, это были несчастные случаи, когда танк сдавал назад. Не думаю, что в нашей части такое случалось. Когда я был в военном лагере Чэфи, один танк пытался переехать реку по мосту, но перевернулся, упал в воду, и экипаж попал в ловушку. Люк запасного выхода был в днище танка, он проржавел. И они не смогли его открыть. Так весь экипаж погиб – все задохнувшись выхлопными газами.

Когда вы вернулись домой, та девушка, с которой вы переписывались, порвала отношения с вами?

Ну, потом мы встречались. Мы с ней проводили время вместе, но у меня появилось небольшое пристрастие к выпивке. Она ругала меня, говорила, чтобы я бросил пить, но я сказал ей, что не собираюсь это делать, и на этом наш роман закончился. Мы были вместе года четыре, поскольку у меня был магазинчик на улице *Fillmore*, а ее там же, на соседнем углу... Так она до сих пор тоже одна. Да, она так и не вышла замуж. Был у нее после меня бойфренд, но долго не продержался. Она живет в городке Чиктовара/Cheektowaga, в нескольких милях от меня.

Вы с ней в контакте?

Нет, но часто видел ее сестру. А ее не видел много лет. Писал ей, все сувениры, которые у меня были, послал ее младшему братишке, поэтому-то у меня ничего не осталось. Нацистские флаги и все такое прочее...

А кому вы еще писали? Матери и отцу?

Ну конечно, всегда, когда думал о них. Мать умерла, когда я вернулся с Гавайев, то есть, писал отцу. Еще моим сестрам и братьям иногда. Нет, братьям не писал: они оба были на военной службе. У меня два брата и две сестры. Брат Джон служил в армии, а брат Верн – в стройбате ВМФ. Оба младше меня. Оба вернулись без ранений, но младший брат получает пенсию, потому что оглох из-за артобстрелов на Гуадалканале. Я обошелся без [серьезных] ранений, так что не о чем и говорить, это все не то, что случилось с теми, кто остался без рук и без ног...

Какие награды вы получили?

Серебряную Звезду и Пурпурное Сердце. Ну и, конечно, все эти нашивки за участие в разных военных кампаниях.

Фуллер (второй слева в заднем ряду) с боевыми товарищами

Передний ряд слева направо: Russell Loop, Indianola, Illinois; Joseph Rickel, Racine, Wisconsin; Lloyd Seal, Orange, Texas. Задний ряд слева направо: Jack Mantell, Milwaukee, Wisconsin (погиб); Lt. Francis Fuller, Tonawanda, New York; Carl Grey Jr., Oswego, Kansas; John Zimmer, Macedon, New York; Otha Martin, Leguire, Oklahoma.

О ВМВ РАССКАЗЫВАЕТ АМЕРИКАНСКИЙ ЛЕТЧИК ТОМАС КИНАЩУК (THOMAS KINASZCZUK)

Томас Кинащук (1920-2013)

Меня зовут Томас Кинащук. Я родился 21 октября 1920 в пригороде Нью-Йорка Элизабет. Мои родители Гнат и Агафья Кинащук иммигрировали в США в 1911 году из Украины. Они выбрали Элизабет по совету друзей. Я был самым

младшим в семье. Еще были братья Джон и Михаил и сестра Соня. Мой отец был столяром, что пригодились и дома. Мы жили в квартире с двумя этажами, занимая комнаты верхнего уровня.

Удобства были на улице, и зимой нам приходилось разогревать воду на угольной плите для заливки в унитаз. Долгое время у нас в доме не было электричества, и мы делали домашние задания при свете керосиновой лампы. Со временем нам провели электричество.

Я помню, как мой отец получил работу в мыльной компании *Proctor and Gamble* на острове Стэтен/Staten. Каждое утро ему приходилось проходить три-четыре квартала до парома на остров и потом опять пешком еще милью на острове – до фабрики. А потом вечером проделывать такой же путь назад домой. Он был разнорабочим и вообще не говорил по-английски...

Моя мать устроилась поваром на Манхеттене. В последствии она попросила перевести ее поближе к дому. Компания пошла ей на встречу, и мама начала работать в ресторане в Ньюарке/Newark. Новое место работы было значительно ближе к дому, но маме, все равно, приходилось ездить на автобусе до работы и обратно. Так было до Великой Депрессии 1929 года. В то время у нас не было социальных пособий, но мы выстояли. В пик депрессии отец работал только один день в неделю, но со временем дела поправились.

Мой старший брат Джон был инвалидом, парализован с пяти лет. Он закончил только четыре класса школы и то только потому, что отцу приходилось носить его в школу. Потом Джон решил больше не посещать школу. Со временем Джон устроился на работу. Он был хорошим механиком. Каким-то образом, помогая своим друзьям по автомобилям, он много узнал о моторах, и, в конце концов, получил работу на бензоколонке, работая в автомобильном сервисе. Там, на работе, познакомился с девушкой, и вскоре они поженились. У них родилось четверо детей. Наш средний брат, Майкл, подрабатывал во время учебы в школе в бакалейной лавке, укладывая продукты в коробки. Потом он стал продавцом и тоже, как и старший брат, влюбился в коллегу. Закончив 11-й класс, он стал работать в этой же бакалейной лавке и стал хорошим бизнесменом. Позже он обзавелся своим, очень прибыльным магазином. Моя сестра после школы поступила на курсы секретарей и после двух лет обучения получила должность секретаря в пивоварне *Крюгера* в Ньюарке.

Я после школы поступил в колледж, а затем в военно-морской флот. Если начать рассказ со школы, то я ходил в начальную школу в центре пригорода Элизабет, которая находилась совсем рядом с домом. Я помню, когда мне было 5 лет, моя мама провожала меня в садик. В это время мы говорили только по-украински за исключением тех моментов, когда мы были с друзьями. В детском садике я сначала знал всего пару слов на английском, но со временем выучил язык.

У нас был и свой Украинский клуб. В нашей украинской церкви был хормейстер, и в подвале этого клуба он учил детей читать и писать по-украински. Как-то мама сказала мне: «Ты пойдешь в эту школу и будешь учить язык.» Ну, сидел в классе, учил это все, выучил алфавит, научился немного читать, но потом постепенно забросил это, хотя матери ничего не сказал. Много лет спустя, когда у меня были полеты в Москву (речь идет о работе Томаса Кинащука в гражданской авиации), знаете, я кое-что мог прочитать. Алфавит там практически такой же, разница в произношении. Так что я смог разбирать слова и так далее... Поскольку я рос как украинец, я мог говорить на своем языке то тут, то там, и справлялся с этим вполне прилично...

Я хорошо учился в школе. С 5-го класса началась средняя школа, а еще я записался в отряд скаутов, с которым мы часто ходили в походы, как говорится, *в поле*. В один из таких полевых дней наш руководитель взял нас в аэропорт Ньюарка. Нас было пять человек, и мы все поместились в его автомобиль.

В аэропорту наш руководитель зашел в офис компании *America Airlines*. В то время аэропорт был очень маленький с грунтовой взлетно-посадочной полосой. Я помню он в офисе сказал следующее: «Мы с друзьями хотели бы посмотреть на самолеты», на что ему ответили: «Вам повезло. Вон тот большой серебристый самолет вылетает через час, и капитан как раз в кабине». Тот человек крикнул: «Капитан, покажешь свой самолет?», на что тот ответил: «С удовольствием!» Мы осмотрели самолет, и, когда уходили, я спросил у капитана, где он проходил обучение: кажется, есть большая летная школа в штате Огайо? На это он ответил, что они все бывшие военные летчики.

Это я запомнил. Потом я продолжал учиться и из энциклопедий узнал много чего про самолеты. Еще узнал, что есть программа поступления в [учебную] авиагруппу ВМФ. Я поехал в их офис и узнал условия поступления. Мне не хватало двух лет инженерного колледжа, и на момент поступления было необходимо быть как минимум 20 лет от роду.

Я закончил школу в 1938 году. Тогда я сказал родителям, что пойду в колледж и стал узнавать, как туда поступить. В то время я играл в испанском футбольном клубе. Мы ничего не слышали о событиях в Европе, но знали, что в Испании шла гражданская война, и даже собирали деньги в помощь Красному Кресту для покупки машины скорой помощи для испанцев.

У нас в семье не было лишних денег - их только хватало на оплату жилья и еды. Я сказал своим родителям, что нашел колледж, в который хотел бы поступить. Позвонил в *Бюро Помощи Малоимущим*. Я рассказал им, что мне надо проучиться два года в колледже, чтобы поступить в ВМФ, и меня устроили в колледж *High Point* в Северной Каролине. Стоимость обучения была 500 долларов. В эту сумму входили обучение, проживание и питание. С этим я пришел к своим родителям, и мой отец взял кредит на мое образование. Я переслал в колледж деньги на обучение и в сентябре приступил к занятиям. За все время обучения я ни разу не был дома. Когда я обучался в колледже, меня как-то спросили, интересуюсь ли я обучением летному делу. Я согласился и начал учиться летать на маленьком самолете *Piper Cub*. [Томас учился летать по программе, носившей название *Civilian Pilot Training Program*/Программа Обучения Пилотов Гражданской Авиации, которая начала работать в 1938 году. Она была нацелена на подготовку большого резерва летчиков для гражданской авиации, которых можно было бы переучить в случае войны. По этой программе работали авиаклубы в 1 132 колледжах и университетах и в 1 460 летных школах].

По окончании второго года обучения я вернулся. Это было в мае 1940 года. В октябре мне исполнилось 20 лет, и, по совету друга, я пошел учиться в летную школу. Там обучали работе на станках. Нашим мастером был немец, который все время жевал арахис. Вообще, это был суровый немец. Он говорил: «Здесь ты должен стараться и вести себя хорошо.» Так я научился работать на токарном станке. Мне это было интересно. Ближе к концу лета мастер подошел ко мне и сказал: «Томас, я получил звонок от компании *Elastic Stop Nut Corporation*, им нужен рабочий. Хотел бы ты пойти к ним?» Я сказал: «Определенно.» Мне дали рекомендации и устроили на завод по производству гаек. Все 8 часов каждый день я делал самоконтрящиеся гайки.

Потом я отослал резюме в ВМФ, на что мне сказали, что дадут ответ позже. Спустя 4 месяца мне позвонили и попросили явиться к 9 утра следующего дня на сборный пункт. По прибытии я был направлен на медицинскую комиссию, которую успешно прошел. В феврале 1941 года я принял присягу... Уже когда я был в ВМФ, нас как-то собрали, и офицер сообщил нам, что Япония атаковала Пёрл-Харбор и мы находимся в состоянии войны.

В авиации ВМФ нас обучали порядкам и традициям морского дела. Мы учили азбуку Морзе, изучали аэропланы, нас также привлекали к мойке самолетов.

Проходя обучение летному делу, я никому не говорил, что имею некоторый опыт. Нас тренировали на выбывание, и к концу обучения из 40 кадетов нас осталось только 20. Все это происходило в городе Джексонвилл/Jacksonville. По окончании учебы нам дали право выбора типа самолета, на котором мы хотели бы летать дальше. Мне всегда нравились большие самолеты. Я стал смотреть на то, какие машины были самыми большими в то время, и подписался на летающие лодки.

В 1942 году мне было приказано направиться в эскадрилью бомбардировщиков. База находилась в городке Арджентия/Argentia (Ньюфаундленд). Когда я прибыл туда, все летающие лодки разобрали, остались только бомбардировщики наземного базирования. Наша эскадрилья была первой, которая избавилась от летающих лодок и получила новые бомбардировщики *Вентура/Ventura*. Изначально этот самолет был спроектирован как гражданский, но потом его адаптировали для военных целей. Я легко переучился на этот тип.

В то время (1942-43 годы) немецкие подводные лодки наносили большой ущерб нашему флоту, топя наши суда людьми, грузами и техникой, которые направлялись северно-атлантическим маршрутом в Англию или дальше в Россию. В этой связи многие эскадрильи, включая нашу, долетали до Исландии и обратно с целью защиты конвоев. Конечно, мы были ограничены запасом топлива на борту и не могли далеко лететь.

На брифинге до нас доводили информацию о маршруте и вероятных местах встречи с противником. Я помню, как однажды в северной Атлантике был холодный штормовой день. Я патрулирую конвой. Корабли были загружены техникой, там же были и войсковые транспорты. Эти суда относились к типу *Liberty*. Их строили во время войны, стоили они около 2 миллионов долларов и могли быть построены буквально за несколько дней. Были времена, когда их строили по два в день. Они направлялись в Европу и были рассчитаны только на один переход. Однако они были достаточно надежны, но в том конвое мне довелось увидеть, как на больших волнах один из этих транспортов переломился пополам и затонул. Все находящиеся на борту погибли, потому что в ледяных водах Атлантики можно продержаться не более 2 минут.

Как-то я прикрывал другой конвой и получил радиogramму от Канадских ВВС: «У нас нет самолетов для патрулирования, срочно направляйтесь на прикрытие конвоя из Галифакса в Россию.» В этом полете у меня был новый второй пилот. С ним я познакомился утром, уже направляясь к самолету. Мы заметили конвой, и он был очень крупным – что-то около 76 судов, которые двигались колоннами. В конвое также были несколько боевых кораблей. В радиообмене мы использовали слово *место службы* вместо слова *конвой*. Итак, мы заняли позицию на высоте 1 200 футов, и тут вдалеке я заметил длинный, но очень тонкий след... Я понял, что это была подводная лодка и пошел в атаку, как нас учили.

В то же самое время подводная лодка начала маневрировать, я многого не видел, но она всплыла и открыла по нам огонь. Я снизился и на высоте 25 футов сбросил бомбу. Я увидел, что подводная лодка начала резко погружаться, начал поднимать нос самолета, но обнаружил что управление элеронами заклинило. Самолет летел, но описывал круги. Тем временем мой второй пилот начал фотосъемку нашей атаки. Кто-то из экипажа мне крикнул: «В правом крыле дырки от пуль». Потом мы вернулись к конвою и из-за того, что мы должны были соблюдать радиомолчание, нам пришлось использовать световую азбуку Морзе. Я приказал своему радисту послать сообщение командиру конвоя, что мы потопили подводную лодку. Мы снизились до высоты 800 футов для передачи сообщения. Потом мы развернулись и повторили наше сообщение. Еще передали сообщение на базу о том, что потопили лодку и возвращаемся, имея повреждения. До базы мы долетели за час. При заходе на посадку я запросил диспетчера визуально проверить, выпущены ли шасси. Мы сделали проход над

полосой, и диспетчер подтвердил, что у нас все в порядке. С его одобрения мы произвели посадку. Когда мы остановились, к нам со всех сторон прибежали люди. Мы передали камеру со снимками для проявления.

Через две недели мы опять были на патрулировании в том же районе, и я увидел огромное, с полмили шириной и длиной в милю масляное пятно. Это было доказательством успеха нашей атаки. Много лет спустя, когда моему зятю, служившему в ВМФ США, удалось получить доступ к старым немецким архивам, было найдено подтверждение потери подводной лодки в этом районе в 1942 году.

Указ Президента США о награждении Томаса Кинащук Военно-Морским Крестом

Президент Соединенных Штатов Америки рад возможности наградить Военно-Морским Крестом лейтенанта Томаса Кинащук... за исключительный героизм в борьбе с врагом в период службы в должности командера самолета военно-морской патрульной службы в составе ... 125-й (VPB-123) эскадрильи, проявленный в ходе атаки на подводную лодку противника близ мыса Кейп Рейс острова Ньюфаундленд 27 апреля 1943 года. Заметив всплывший на поверхность вражеский корабль, движущийся на большой скорости для того, чтобы перехватить конвой, который он [Кинащук] сопровождал, лейтенант Кинащук мастерски сманивировал, нацелил свою машину для проведения максимально точной атаки и отважно и целеустремленно пошел в нее, встреченный интенсивным зенитным огнем. Несмотря на нанесенные самолету повреждения, он продолжил атаку ... и, когда подводная лодка попыталась погрузиться, точно сбросил четыре бомбы с исключительно небольшой высоты в 25 футов, полностью уничтожив корабль... Первоклассное летное мастерство лейтенанта Кинащук, его целеустремленность и полная мужества верность долгу перед лицом смертельной опасности полностью соответствовали самым высоким традициям Военно-Морского Флота США.

За ту атаку я был награжден *Военно-Морским Крестом*. Однако тогда не было полной уверенности в том, что мною действительно была потоплена лодка, и эта награда была временной. И вот спустя 55 лет, в 1997 году, получив немецкие архивные данные, я написал в департамент ВМФ США, и по моему запросу моя награда была сделана постоянной.

Томас Кинащук рядом со своей Вентурой

Командир подводной лодки U-174 Вольфганг Грандефельд (Wolfgang Grandefeld - 1916-1943). Экипаж этой лодки – 53 моряка - полностью погиб 27.04.1943...

Про мою успешную атаку много писали в газетах в 1942 году, и орден мне вручил сам Президент.

Базируясь в Ньюфаундленде, мы обеспечили проводку многих конвоев. Мы также осуществляли патрулирование, когда Рузвельт направился на конференцию в Крым, где встречался со Сталиным. Еще мы патрулировали район Панамского канала и воды вокруг Кубы.

Самолет Вентура, экипаж которого потопил подводную лодку U-174 27 апреля 1943 года

Однажды нам сказали, что командование ищет добровольцев для секретного задания. Я вызвался выполнить задание, а затем и весь мой экипаж тоже заявил о готовности принять в этом участие. Все вместе мы пошли получать новый самолет. Нам сказали, что мы полетим в Европу, причем маршрут должен был проходить над Флоридой, дальше над Пуэрто-Рико, потом вдоль северного побережья Южной Америки до Бразилии, далее через остров Вознесения до Африки, через Нигерию до Марракеша и потом в Англию или Францию. Мы начали свой путь в Куонсет Пойнте/Quonset Point, штат Род Айленд. Первая остановка была в Ноутфолк, Вирджиния. По приземлении там мы доложили о

дефекте в синхронизации пропеллеров. Спустя один день механики устранили эту неисправность, сказав, что отрегулировали распределитель. Мы вылетели в Пуэрто-Рико, но пропеллеры по-прежнему не синхронизировались. Мы приземлились авиабазе во Флориде. Теперь механики заменили провода зажигания и что-то еще и сообщили что дефект устранен. Мы взлетели. Теперь ручки управления двигателями были не синхронны. Мы внесли этот дефект в бортжурнал... И вот, когда мы были над океаном в 300 милях от берега, вдруг правый пропеллер стал бесконтрольно менять обороты. Тогда я решил заглушить двигатель и вернуться в аэропорт вылета. Я зафлюгировал винт и выключил двигатель, однако самолет был сильно загружен: у нас были дополнительный топливный бак в бомболюке и дополнительное оборудование на борту. Мы начали терять высоту на одном двигателе. Я приказал экипажу сбрасывать лишнее оборудование, которое было на борту и еще приказал открыть заднюю дверь и приготовить аварийный плот. Затем я сказал экипажу, что мы будем приводняться. Не выпуская шасси и открыв закрылки на 10 градусов, я летел как можно медленнее. Я направил самолет параллельно волнам, потом мы ударились о воду. Вода ударила по топливным бакам, нижний бак взорвался, и кабину охватило пламя.

После удара я не нашел второго пилота на сидении, вокруг был дым. Я отстегнулся, выбрался наружу и оказался в воде около крыла. Забрался на крыло и затем спустился по крылу опять в воду, добрался до двери и вытащил аварийный плот. Тем временем самолет начал тонуть носом вперед. Мне повезло, что плот не сгорел.

В это время подплыл радист, нам удалось выдернуть чеку баллона со сжатым воздухом и надуть плот, который к кому моменту уже начал погружаться. Нас было четверо, когда я заметил, что пятого члена экипажа – Готси (Gotsie) - не было с нами. Он не умел плавать. Тут я увидел, что под воду медленно уходят две руки. Это был Готси. Мы подплыли к нему, и я затащил его на плот. Сначала мы решили, что он уже мертв, потому что он был весь синий. Какое-то время мы просто сидели, пытаясь отдышаться после такого приключения. Мы ничего не делали с Готси, но вдруг он зашевелился. Он ожил! Однако руки у Готси были сильно обожжены. Тут мы вспомнили, что плот был рассчитан на четверых. Нам его не заменили, готовя самолёт к перелету, но мы справились. У нас были весла, зеркало чтобы подавать сигналы пролетающим самолетам, леденцы и немного воды. У нас также был аварийный парус, и еще мы нашли в аварийном наборе ракетницу. Мы пошли под парусом обратно к берегу. Потом начался шторм, волны достигали в высоту 15 футов. Позднее у нас закончилась вода, и мы пытались собрать дождевую воду, но это у нас не получилось. Вода оказалась соленой из-за шторма.

Перед крушением мы сообщили о нашем местоположении. Днем мы услышали шум самолета, радист направил луч света от зеркала на его кабину. Самолет пролетел на высоте 10 000 футов. Это был транспортный самолет *Дуглас С-54 Скаймастер/Douglas C-54 Skymaster*. Нам показалось, что он нас не заметил, но тут вдруг мы увидели, что он заложил вираж. Он возвращался! Кто-то с кабины сфотографировал нас. Нам сбросили аварийный набор, однако он упал далеко от нас и был унесён ветром.

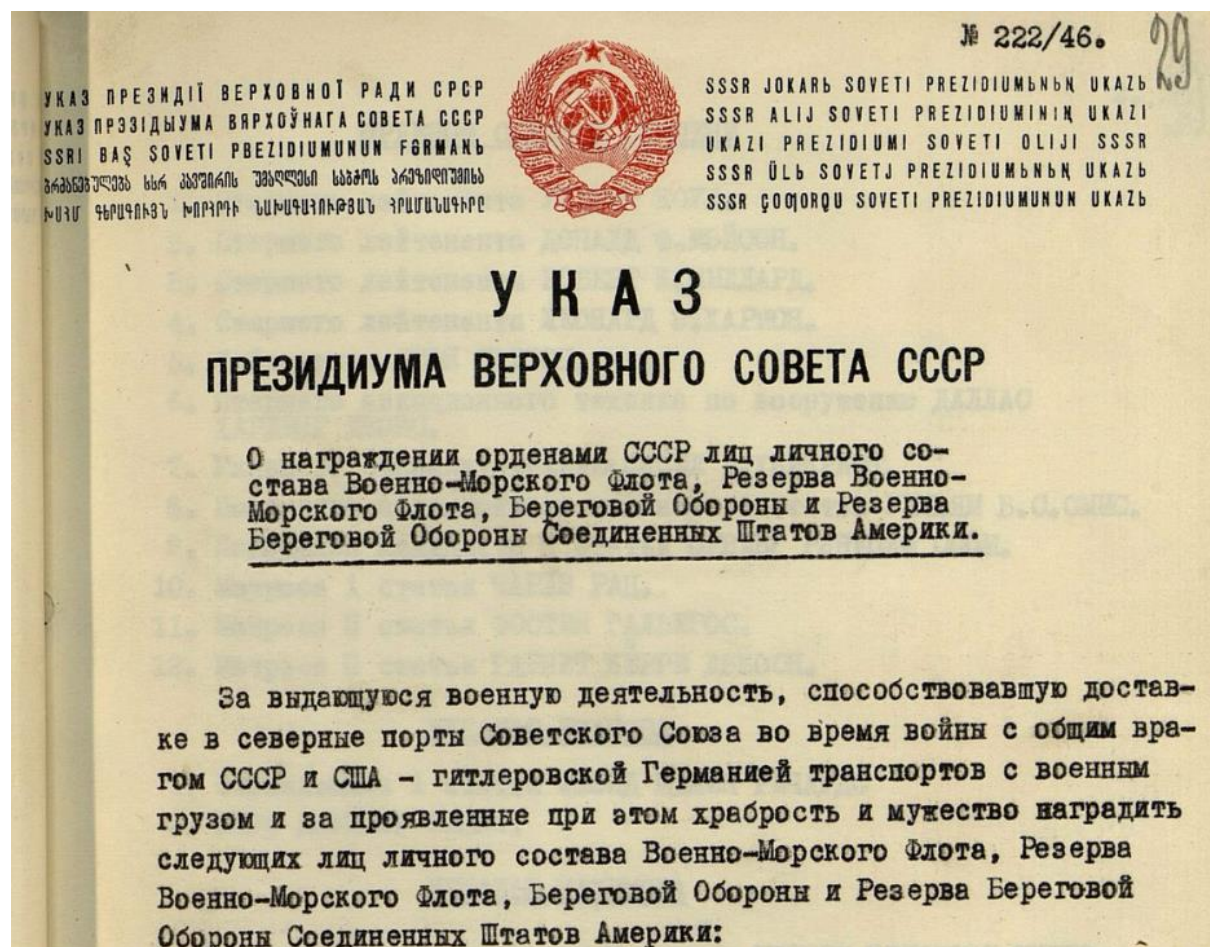
В следующую ночь другой самолет сбросил больше продуктов и рацию. Нам удалось все это выловить. Там даже были воздушный шар и генератор водорода для него. Рация работала на динамо, и мы вынуждены были по очереди крутить его, чтобы осуществить связь. И вот на пятый день нашего плавания мы увидели спасательное судно. Оно подобрало нас, и мы оставили свой плот болтаться на волнах.

По возвращению на базу мы были направлены на перераспределение в Норфолк. Там лейтенант штаба сказал, что формируется эскадрилья самолетов

Либерейтор/Liberator. Это были самолеты с четырьмя двигателями для борьбы с подводными лодками. Я ему сказал, что четыре двигателя – это то что мне нужно! Я попросил его сохранить мой прежний экипаж, что получило одобрение. На *Либерейторах* экипаж состоял из 9 человек, так что нас доукомплектовали личным составом. Мы приняли наш самолет и отправились на тренировочную базу в Бока Чика/Воса Чика (Доминиканская Республика).

На самолете были установлены радар и мощный прожектор (кто-то сказал нам, что в нем было в пять миллионов свечей). В носовом фонаре было место оператора. При обнаружении объекта на радаре необходимо было снизиться для визуального подтверждения цели. Мы опускались до 300 футов и на удалении в 1.5 мили включали этот мощный радар. Затем нам надлежало приблизиться к цели и сбросить бомбы. Конечно, надо было быть осторожным, летая на малых высотах. Антенны порой достигали высоты 100 футов.

По завершении освоения самолета нового типа мы были направлены в Англию. Наш маршрут прошел там, где случилось наше аварийное приводнение. На этот раз все прошло штатно: Натал (Бразилия) – остров Вознесения/Ascension Island - Марракеш, а оттуда прямо в Данквелл/Dunkeswell в Англии, где базировалась моя 114-я Эскадрилья. Предполагалось, что мы будем помогать англичанам в охоте на немецкие подлодки, но в скоро нас передислоцировали на Азорские острова. Там я и завершил мою военную карьеру в октябре 1945-го. За мою боевую работу в северной Атлантике я был награжден советским Орденом Славы 3-й степени.

ОРДЕНОМ СЛАВЫ III СТЕПЕНИ

1. Старшего лейтенанта ЛОУЭЛЛ Л. ДЭЙВИС.
2. Старшего лейтенанта УИЛЬЯМ ТЭПЬЮНИ.
3. Старшего лейтенанта ДЖОН Б. УОТСОН.
4. Старшего лейтенанта ДЖУНИОР К. ФОРНИ.
5. Старшего лейтенанта СТОАРТ Б. ХОЛТ.
6. Старшего лейтенанта ДЖОРДЖ АЛБЕРТ ЭПШОУ.
7. Лейтенанта АЛЕКС Кс. БРОКАС.
8. Лейтенанта ДЖЕЙМС ДЖОЗЕФ ДЭЛОМ.
9. Лейтенанта **ТОМАС КИНАЩУК.**
10. Лейтенанта УОЛЛАС С. ПОРТЕР.
11. Лейтенанта КЭННЕС ЛИОН РАЙТ.
12. Лейтенанта БЕРНАРД С. СИССЛЕР.

Указ от 7 июля 1945 года о награждении орденами СССР американских моряков. Фрагмент списка включает имя Томаса Кинащука

Я вернулся в Штаты и стал искать работу пилотом в коммерческой авиации. *American Airlines* в тот момент уже завершили набор пилотов, компания *TWA* в Вашингтоне набирала только бортинженеров, и, по совету друга, я отправил документы в компанию *Pan American Airlines* в Нью Йорк. Мои документы были приняты на рассмотрение, и я поехал навестить родителей.

Меня приняли, но я провел более 20 лет в кресле второго пилота, прежде чем пришла моя очередь стать командиром воздушного судна. Это случилось, когда *Pan Am* получала самолеты *Boeing-707*. В мою бытность в *Pan Am* я неоднократно летал в Россию. Когда я уходил на пенсию в моей летной книжке было записано: 30 094 часов налета из них 10 271 час ночных полетов. Я освоил много типов самолетов. Имел допуски на все самолеты семейства *Boeing* от *B-707* до *B-747*, а также *Constellation*, *DC-4*, *DC-8*. Я стал пилотом-инструктором и даже своего сына научил летать на самолете!

Я рад тому, что моя жизнь пошла так, как я хотел. Временами было очень трудно... Например, как тогда, когда я у меня заняло шесть месяцев получение работы в *Pan Am*. Но все пошло гладко... хотя я прослужил 22 года вторым пилотом и только 16 лет командиром [воздушного судна]. Меня это беспокоило довольно сильно, но я ничего не мог с этим поделать. Просто был доволен тем, что есть работа, если посмотреть на все с этой стороны. Я знаю, что такое быть безработным с той поры, когда я рос. Знаете, когда у вас чего-то не было, вы благодарны тому, что получаете это. Эти две вещи невозможно разделить...

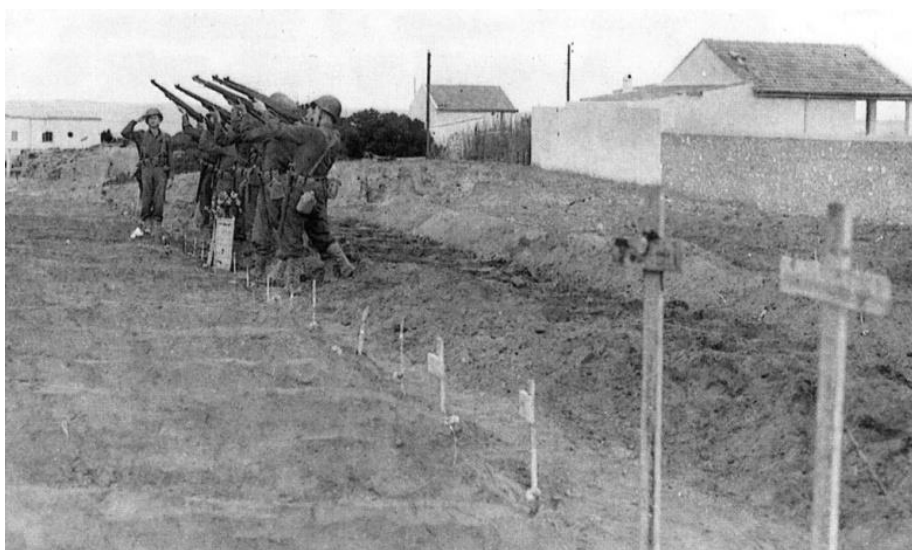
РАССКАЗЫВАЕТ УЧАСТНИК БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ, НОРМАНДИИ И ЕВРОПЕ ВИНСЕНТ МАККИНИ (VINCENT MCKINNEY)

Я родился в 1919 году в Бруклине. Когда мне было 13, умер отец. Я вырос, окончил школу и какое-то время работал на радиозаводе *Air King Radio* в Бруклине. Зарабатывал 10 долларов в неделю – тогда это были хорошие деньги, но завод продали другой компании, и я потерял работу. Тогда я пошел в CCC (*Civilian Conservation Corps* – программа в рамках Нового Курса президента Рузвельта, нацеленная на борьбу с безработицей среди молодежи. Молодые люди возрастом 18-25 лет улучшали дороги, сажали деревья, ухаживали за национальными парками, принимали участие в гидротехнических,

гидромелиоративных и сельскохозяйственных работах). Мы зарабатывали 30 долларов в неделю, получали 8, остальное шло домой. У моей матери с 10 детьми других доходов не было.

В 1940-м я добровольно пошел в армию – подписался на три года. Кстати, платили там всего 21 доллар в месяц. Когда началась война, я служил в лагере Форт Дивенс в штате Массачусетс. Я сразу же попал в 16-й Полк 1-й Пехотной Дивизии и с ней в августе 42-го отправился за океан: сначала в Шотландию, потом в Англию, а в ноябре 42-го – в северную Африку. Я участвовал в боях под городком Арзев/Arzew, совсем рядом с Ораном. Ничего особенного там не было – все заняло три дня. Все было устроено так, что они собирались сдаться. Немного постреляли, один парень был убит, но это все было ерундой, просто демонстрация.

Мы остались в Африке и отправились в Алжир. В феврале 40-го мы по железной дороге прибыли местечко под названием Усельтия/Ouseltia и заняли оборонительные позиции. Мы были на западной стороне долины, итальянцы по другую сторону, может быть, милях в полтора от нас. Поначалу ничего особенного не происходило. Один раз я был в боевом патруле – начальству нужно было узнать поточнее, где находятся противник. Вышли мы в полночь, где-то в 3 или 4 часа утра итальянцы услышали что-то и начали пускать осветительные ракеты и постреливать. Мы ответили огнем и ручными гранатами. Вообще-то, нам просто полагалось узнать, где находится противник, и не вступать в бой, поэтому мы отошли... Вернувшись к своим, я дал начальству координаты их позиции, потому что шел в патруль по компасу, по компасу вернулся и знал точно, где находятся итальянцы. Их позиции обстреляла артиллерия.

Алжир. Американские солдаты салютуют только что похороненным погибшим товарищам...

Правда, одного парня мы потеряли. Двое наших, наверное, не услышали приказа отходить и попали под обстрел. Один из них вернулся рассказал: «Парень, снаряды падали в этом месте всюду и везде. Ты навел их довольно точно.» А один наш так и не вернулся, поэтому мы решили, что он попал в плен. В этом месте нам в плен попал парень из Бруклина. Он сам сдался. Мы увидели, как он размахивает палкой с белым флажком, и услышали: «Не стреляйте! Я из Бруклина!» Он, вроде как, перед войной поехал в Италию погостить и застрял там, вот его и взяли в армию. Он и использовал первую же возможность сдаться американцам. Говорил он по-английски ну чисто как бруклинец...

После этого были бои на перевале Кассерин. Нас там не было, там была 36-я Дивизия, состоявшая из техасцев. Мы были в том районе в паре миль от линии фронта и слышали

звуки боя, то есть, знали, что что-то происходит. Неожиданно ночью мы услышали сигнал тревоги и приказ подготовиться к контратаке. Не помню, сколько нас было, то ли батальон, то ли полк, но посреди ночи нас вывели из резерва и двинули вперед. Мы сконцентрировались в *вади* (waddy – сухая долина) и уже были готовы выступить, как пришла почта: письма и посылки. Все это раздали, ну и мне от сестры пришла упаковка шоколада в два или три фунта весом. Ну и что было с ним делать? Мы с ребятами тогда просто обожрались шоколадом...

Мы тронулись в путь и на рассвете стали приближаться к горам – были уже в миле или полумиле от гор. Но кончилось дело тем, что немцы отошли, и мы просто закрепились. Мне приказали взять с собой усиленное отделение и забраться на вершину горы. Помню, как мы карабкались вверх... Горную грядку рассекала долина – место концентрации немцев. Британцы давили на них и пытались вытеснить на север в направлении Алжира. Однако, когда мы вышли на перевал Кассерин, бои уже почти закончились. Все, что нам оставалось сделать – это закрепиться на горной гряде и не дать немцам возможности прорваться. Окончилось дело тем, что тысячи этих парней из корпуса *Afrika* сдались в плен. Мы их и в плен-то не брали – они сдавались вместе с офицерами и колоннами уходили в тыл. Здоровые, крепкие ребята. Эти блондинистые парни выглядели как хорошие бойцы. До сих пор доволен, что не пришлось воевать против них...

Правда, пришлось как-то столкнуться с немецкими танками. Было это в районе города Эль-Геттар/El Guettar, прямо на краю Сахары. Мы заняли там позиции в каком-то оазисе – вокруг пальмы, пара арабов тут же ухаживала за садом и огородом, не обращая внимания на войну. Ну, наши окопы проходили по небольшой холмистой гряде. Затем, совершенно неожиданно, одним утром мы увидели, как напротив наших позиций тысячи людей поднялись и двинулись вперед. С ними были танки. Атакующие прошли около мили – по фронту они со своими танками занимали все пространство обзора. Стало страшно. Я только и знал, что здесь, вместе со мной, моя рота... Пара немецких самолетов пролетела над нами – они прошли на небольшой высоте в сторону своих позиций, и я даже разглядел летчика. Они не стреляли, наверное, хотели получше разглядеть наши позиции, но они сделали второй заход. Я успел сделать пару выстрелов по одной из машин – они ответили огнем, но все обошлось без потерь... Наши артиллерийские позиции были ниже нас по склону у подножия гряды. Обычно артиллеристы стоят за спиной пехоты, но на этот раз эти парни были готовы стрелять прямой наводкой по танкам. Тактически это было правильно, поскольку артиллерия их остановила...

Первое ранения я получил в Пасхальное Воскресенье в Африке. Мы только что забрались на вершину холма, и тут в воздух взлетела ракета. Позднее выяснилось, что это была наша собственная артиллерия – они начали стрелять по нам шрапнельными снарядами, разрывающимися в воздухе. Разумеется, мы уткнулись носами в землю, и я почувствовал, как что-то ударило меня в спину. Когда обстрел прекратился, стали собирать раненых. Я сумел вскочить на джип, который отвез меня на батальонный перевязочный пункт. Там я оставался пару дней. Мне сказали, что это всего лишь царапина, но, когда я взглянул на свое белье, куртку и ремень патронной сумки, я увидел, что дырки были всюду и везде. Так что, у меня в спине до сих пор сидят куски шрапнели. Свои же обстреляли, но я их простил давным-давно. Не припомню, был ли кто-нибудь убит тогда. Но раненых было много...

Я вернулся в часть через пару дней. Пока я был в госпитале, рота приняла бой на Высоте 609/Hill 609. Мне повезло, потому что потери там были большие... После Пасхи мы пошли на север, поскольку немцы отступали на север и на запад. Нам предстояло отсечь их, чтобы они не смогли прорваться в Оран. Британцы тоже крепко давили на них. Мы шли на север и дошли почти до Бизерты. Они снова отошли. Ну, кому-то из них удалось добраться до Сицилии...

После Бизерты мы какое-то время занимали статичные позиции, а затем была Сицилия. Высадка прошла спокойно, мы не были под огнем. Боялся ли я погибнуть? Да нет, я думал, что я непобедим. Кого-то убьют, но со мной этого не случится. Если на пуле написано твое

имя, она найдет тебя, ничего не сделаешь. Я был фаталистом. Молодость и вера в волю всевышнего – все это поддерживало меня в равновесии. Я знал, что моя матушка истово молится за меня, пару раз я был на волоске, и это убедило меня в том, что удача со мной. Ну и потом, я – ирландец. В Сицилии я побывал на волоске от смерти. Дело было ночью. Взобрались на холм, и когда рассвело, мы только начали окапываться. Начался артобстрел – все плюхнулись на землю. Пара парней – один из них был взводным сержантом, другого звали Джин Мобли (Gene Mobley) – укрылись в мелком окопчике. Их накрыл снаряд, и обоим оторвало ноги. Я был рядом и услышал их вопли. Я подполз поближе и увидел, что на двоих у них осталась только одна нога. Стал орать: «Сюда! С носилками!», но никто не появился. Я побежал вниз по склону, прыгнул в узкую щель, оставленную немцами, там уже был другой парень... Я сказал ему, чтобы он привел людей с носилками, и тронулся назад. По дороге я услышал гул приближающегося снаряда и упал на землю. Этот снаряд попал прямо в окопчик, где были те два парня. Если бы я остался с ними, мне бы просто снесло голову... Была еще пара случаев, когда я слышал свист пуль, пролетавших рядом с моей головой. Когда слышишь этот звук, ясно, что целются в тебя.

Сицилия, 1943. Санитар оказывает помощь раненому американскому солдату. Местные жители с состраданием наблюдают...

После Сицилии, зимой 1943-го, когда у нас уже был опыт, мы были обстреляны в боях и приобрели хорошую репутацию, нас вернули в Англию. Наша база находилась в приморском городе Уэймут, где мы начали готовиться к высадке в Нормандии. Нам сказали, что мы будем брать доты, и разделили не на взводы, а на отделения. В каждом отделении были стрелки, пара ребят обучались применению так называемых бангалорских торпед/bangalore torpedoes, многие обучались использованию толовых шашек. Бангалорские торпеды – это длинные трубы с динамитом внутри. Просовываешь одну секцию под колючую проволоку, толкаешь ее вперед. Затем прикручиваешь к первой вторую и толкаешь еще дальше, затем третью и так далее. В последнюю вставляешь взрыватель, нажимаешь на курок, и в проволоке появляется проход для парней с огнеметами и толовыми шашками.

Американские солдаты готовят бангалорские торпеды к подрыву

Подготовка к высадке заняла шесть месяцев. Перед самым вторжением я получил звание техника-сержанта. Мы знали, что будем в первой волне и что наша рота поведет за собой весь батальон, а батальон – весь полк. Полк будет вести за собой дивизию. Я знал, что первым ступлю на берег, и наш дот будет прямо напротив нас... Нам говорили, что пляжи будут бомбить наши самолеты, а наши эсминцы обстреляют пляжи, и вполне вероятно, что мы спокойно пройдем через полосу пляжей без ущерба для себя. В итоге, на пляже не оказалось ни одной воронки. Колочая проволока была там, где ей положено было быть.

Перед высадкой настроение у всех было спокойное. Я знал, над берегом порабатает авиация и военные корабли, но я знал, что будет трудно. Еще я помнил, что это - начало конца всей войны... Мы пересели с транспортного судна в десантный катер еще затемно. Меня ни разу не укачало на десантном катере во время обучения, но укачало в этот самый день. Я волновался не больше чем обычно, но меня вырвало. Вырвало прямо под ноги, потому что я не мог подойти к борту. Катер было так забит людьми, что все сидели на корточках или на коленках, даже присесть по- нормальному не было возможности. На пути к пляжу в катер было два прямых попадания. Мы выползли на грунт, рампа опустилась. Катер к этому моменту почти полностью залило водой, сходя с рампы, я был по плечи в воде. Первое попадание пришлось в кормовую часть. Второе - в борт где-то в середине, поэтому, когда я выбирался из катера, мне пришлось перелезть через трупы своих товарищей и расталкивать плавающие в воде тела. Среди них были ребята, с которыми я вместе воевал в прошлом. Думаю, из того катера высадилась только горстка парней. Я не был первым, кто сошел с катера, но оказался первым на берегу. Других уложило, когда они были еще в воде. Вокруг не было ни души. Пули поднимали фонтанчики песка вокруг меня: в основном, по нам вели пулеметный и ружейный огонь. Еще несколько ребят выбрались на берег: кто-то хромал, некоторые вообще были без винтовок. Никто не вопил от боли: было тихо. Я посмотрел на часы: было 06.30. Видел ли я танки, которые предполагалось высадить на берег... Я вообще никаких танков не видел. У меня не было даже возможности повернуть голову и посмотреть на пролив. Только когда мы взяли ДОТ, я посмотрел назад и увидел корабли. На пляже тоже прибавилось людей, но все это случилось только через час или через два.

Весь путь от катера к пляжу занял у меня минут десять. Пляж был неширокий - 30-40 ярдов. Я выбрался на пляж и побежал в сторону ДОТа самым коротким путем. Когда я добрался до подножия склона, над которым был ДОТ, со мной уже было несколько парней. Все это заняло какие-то секунды. Мы упали на землю и перевели дух, убедились в том, что ДОТ прямо над нами. Я осмотрелся, чтобы понять, кто со мной и на что можно рассчитывать. Есть ли у нас толовые шашки? Есть ли у нас огнемет? Там было несколько парней из 116-го Пехотного Полка – их 29-я Дивизия должна была высаживаться справа от нас, и эти

ребята просто приبلудились к нам. Я сказал им оставаться с нами, залечь вдоль полосы прибоа и вести огонь по амбразурам.

Мой заместитель Таунсенд (Townsend) залег рядом со мной. Я повернулся к нему, поскольку он собирался что-то сказать, но тут он свалился лицом вниз: пуля попала ему прямо в голову. Мы с ним были вместе, еще начиная с лагеря Форт Дивенс в Штатах, и вот.... Ребята из второго или третьего отделения в это время продолжали брести к берегу – их косили из пулемета, они падали в воду. Огонь и смерть не останавливались ни на минуту... Склон был голый, ни кустов, ни валунов – спрятаться было негде.

Пляж Омаха – слева направо: верхний ряд - раненые американцы, высадка, пленные немцы, нижний ряд - военное кладбище рядом с местом высадки, захваченный ДОТ

В итоге нам с лейтенантом удалось выстроить что-то вроде линии вдоль берега. После этого парни с бангалорскими торпедами добрались до колючей проволоки и подорвали ее. В проходы рванулись огнеметчики и ребята с толовыми шашками. Они и накрыли ДОТ, потому что пулеметный огонь прекратился. Рядом с дотом еще оставалась пара немцев, потому что кто-то продолжал бросать в нас гранаты, но Пол Мэнсфилд (Paul Mansfield), командир пятого отделения, и другие ребята бросали эти гранаты обратно. В итоге, мы ворвались в ДОТ, но немцы к тому времени уже покинули его. От него к роще, отстоящей от берега, вела траншея. Мы разглядели немцев этой роще, и ребята из Роты М (рота тяжелого оружия) открыли по ним огонь из 81-мм миномета и крупнокалиберных пулеметов. Лейтенант приказал мне послать Мэнсфилда к роще и посмотреть, что осталось от немцев – они пошли и вернулись с 15-19 пленными. Это было уже ближе к полудню. Помню, что пленные, которых мы брали в Нормандии, были разных национальностей. Среди них были даже русские, были чехи, румыны, поляки. Многих из них использовали в качестве рабочих, и они просто попали под гребенку. Когда их брали в плен, у них и оружия-то не было – они побросали свои винтовки...

Помню, что после всего я зашел в ДОТ, нашел там консервную банку с рыбой – это было самое вкусное из того, что я когда-либо ел... Тем временем на берег высадились остальная часть роты и батальона. Ближе к вечеру меня отправили в патруль, чтобы я убедился в том, что между нами и бритами нет немцев. Они должны были высадиться слева от нас, и между нами были обрывистые участки берега. Я пересек минное поле – уже потом я понял, что это было минное поле – и увидел бритов. У них был полугусеничный грузовик. Сидит рядом с ним какой-то парень, мы подходим, он и говорит: «О, привет, янки. Кружку чаю?» Ну, меня проняло. Вокруг война, а он сидит, огонь развел, банка с консервами. Конечно, не отказался. Стемнело. Мы там и прилегли поспать, а наутро вернулись в роту. День Д закончился. В тот день погиб один из лейтенантов нашей роты – Монтит (Monteith).

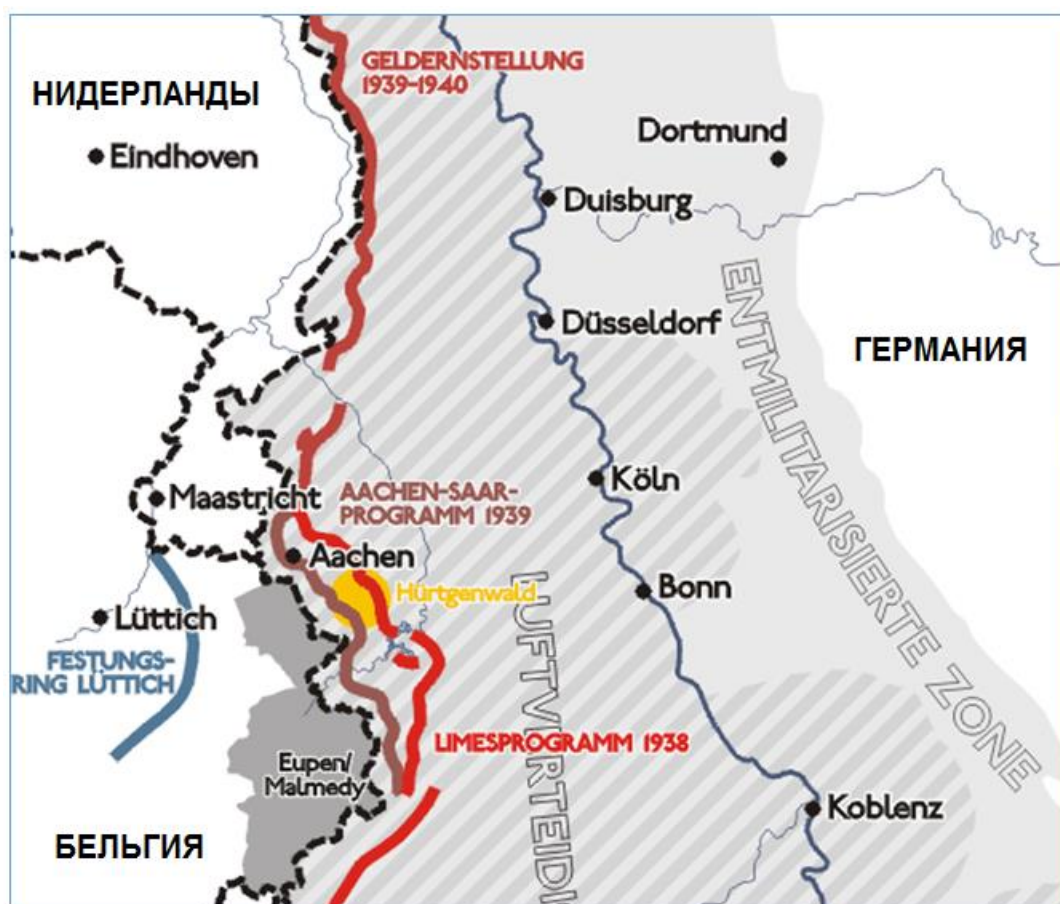
После высадки мы упёрлись в живые изгороди. Двигаясь вглубь страны, мы стали наткаться на одну живую изгородь за другой. Иной раз они были высотой с эту комнату. Идешь по дороге, а сам полностью скрыт этими валами. У каждого поля, окруженного изгородями, был вход. Размером поля были двести на двести ярдов. Прошел половину поля, и тут по тебе начинает палить пулемет. Много ребят при этом погибало – так и продвигались от поля к полю. С танками было полегче, но и они зависали на этих изгородях, подставляя свое брюхо. Тогда можно прощаться с танком – что бы в него ни попало – это конец...

Линия Зигфрида. На переднем плане бетонные надолбы (Зубы Дракона), на дальнем – доты

Когда замкнули Фалезский котел, мы снова тронулись в путь, сидя на танках армии Паттона. Так мы проехали весь путь до Меца. Вплоть до того времени, когда мы вошли в Хюртгенвальд, аж до Дня Благодарения (27.11.1944), мы ни разу не передохнули. Там-то меня и ранило в третий раз. Вообще, я и в день высадки получил ранение возле колени. Кажется, это случилось, когда мы забирались вверх по склону в сторону дота. Немцы еще постреливали... Вырвало кусок плоти, кровищи было как со свиньи. Был у нас санитар по фамилии Райан (Ryan), он перевязал меня. Так и воевал с повязкой, только через пару дней перевязку поменяли на более легкую.

Как-то раз нам пришлось еще раз брать дот. Это было, когда мы прорывались через *Зубы Дракона* на *Линии Зигфрида*. Мы были первыми, кто пересек эту линию, кажется, 24 сентября. Мы увидели эти самые бетонные надолбы, они и правда выглядели как зубы. За таким зубом можно было спрятаться. Однако, дальше за зубами был ДОТ, небольшой такой. Дело было ночью, шла перестрелка, пару ребят ранило. Один раненый пролежал на земле всю ночь – он стонал и звал маму, но мы не могли вытащить его. Среди ночи он умер. Наутро ДОТ оказался пустым, и я сделал его своим штабом на пару дней.

Схематическая карта положения укреплений Линии Зигфрида разных лет строительства (синие, бежевые и красные линии). Желтый кружок - Хюртгенвальд

Мой первый рукопашный бой случился, когда мы шли через Хюртгенвальд в Германии. Было туманное утро, мы поднимались в гору, и когда я проходил мимо какого-то дерева, из-за него выскочил немец. Ему не хватило места, чтобы вскинуть винтовку, он ударил меня прикладом в лицо и выбил два зуба. У меня в тот момент в руках был автомат калибра 0.45 с коротким стволом. Мне хватило места, чтобы навести на него ствол и нажать курок. Я убил его. Это был уже немолодой человек, сейчас я думаю про него «бедный малый», тогда же я подумал: «Вот мерзкий ублюдок!»... Тут же я увидел каких-то парней, убегающих от нас. Они были далековато, и я не стал стрелять.

В Хюртгенвальде, ко Дню Благодарения, у нас появилась возможность вырыть хороший окоп. Было тихо, пошел снег. Вокруг были поваленные деревья, и мы прикрыли окоп сверху бревнами и присыпали землей. Нам подвезли арктические спальные мешки – просто роскошные. То есть, пару дней мы отдыхали. Это вообще первый перерыв, который я припоминаю. Мы простояли там две недели. Саперам пришлось прокладывать гати (corduroy roads), поскольку почва раскисла – шел то снег, то дождь. Как-то дождь шел пять дней подряд. В окопе стояли лужи. Один из лейтенантов свалился, впал в истерику и начал рыдать: «Не могу больше!» ... Несмотря на погоду, такой проблемы как *траншейная стопа* (trenchfoot – заболевание, связанное с переохлаждением и сыростью в окопах, сопровождаемое болями в стопах, нарушениями чувствительности, слабостью в пальцах, отеками, появлением пузырей и язв на коже) у нас не было, поскольку я заставлял своих парней менять носки, стирать носки, мыть ноги, использовать присыпку для ног, сушить ноги при первой возможности, оставлять немного кофе в своем котелке и стирать носки в этом кофе... Вода горячая, а носки и так коричневые! Пехотинец должен заботиться о своих ногах. Заработать мозоль было чуть ли не военным преступлением. Заботу о своих ногах нам вдалбливали с самого начала, с самого поступления в армию... Но это было большой проблемой у других и в Хюртгенвальде, и потом в Арденнах.

Нам предстояло брать городок Хайссен/Heissen. 2-й Батальон попытался сделать это и не смог, поэтому позвали нас, ну и, конечно, Роту L. Само собой, первым делом в бой послали 1-й и 3-й взводы. 3-м Взводом командовал сержант Рулонг (Rulong), то есть, это были я и он. Мы двинулись вперед бегом, вверх на холм, на котором стояла какой-то городок. Мой взвод по одну сторону дороги, взвод Рулонга по другую. По-моему, немцы не ожидали этого, и мы ворвались в городишко. Бой был не самым ожесточенным. Перестреляли какое-то количество немцев в паре домов. Были и пленные, которых мы отправили в тыл. Наступила ночь. Мы оставались в городке. Мой командный пункт был в подвале одного из домов в центре города. Рулонг стоял в доме через дорогу. Посреди ночи мы услышали гул танков, движущихся в нашем направлении с немецкой стороны. Против танков не попрешь. Мы отошли на край города. Я связался по телефону с командным пунктом роты, но услышал, что на том конце кто-то говорит по-немецки! Разумеется, я не стал отвечать. Когда мы сидели в подвале, один из моих сержантов побежал в нашу сторону, и часовой, которого я оставил наверху, решил, что это немец, выстрелил в него трижды и ранил в ногу. Мы затащили бедного парня в подвал, и в этот момент рядом с домом остановился танк. Мы слышали, как крутится его башня – это такой характерный звук. Я закрыл раненому сержанту рот рукой. Танк тронулся дальше. Мы просидели в подвале всю ночь и утром побежали назад. По дороге мы взяли в плен четверых или пятерых немцев, которые сидели в глубокой воронке. На этом для меня закончились бои в Хюртгенвальде, потому что на следующий день меня ранило в третий раз. Вроде как снаряд разорвался в воздухе, и кусок шrapнели угодил мне в левую ногу, прямо рядом с пахом, когда я лежал на земле. Я добрел до перевязочного пункта. Мне сказали идти в батальонный лазарет, и уже оттуда отправили в Льеж, где меня прооперировали и перевели в Париж. Да, в Льеже на госпиталь шлепнулась ракета V-2. Что-то в ней не сработало, и она упала на нас, не долетев до цели. Ну и испугались мы, думали, что нас бомбят... Только потом мы узнали, что это была ракета V-2.

Из Парижа я попал опять в Англию. К этому времени заработала система набора очков для отправки домой. У меня было полно очков, я был типа *VIP*. У меня были баллы за срок службы, за время, проведенное за океаном, за медали и за ранения.

За Алжир я получил *Бронзовую Звезду*. Приказ звучал так: «Винсенту Маккинни, технику-сержанту, Рота L 16-го Пехотного Полка за героические усилия в ходе военной операции близ Аркола/Arcole, Алжир, 9 ноября 1942. Когда продвижение его группы было остановлено интенсивным пулеметным огнем, сержант Маккинни мастерски развернул своих людей к бою и, не заботясь о собственной безопасности, бесстрашно двинулся вперед и метко забросал гранатами вражескую огневую точку, а затем успешно повел своих людей в атаку. Героическое поведение в бою сержанта Маккинни и его инициативность являются примером несгибаемого боевого духа американских солдат.» М-да ... *не заботясь о собственной безопасности*. Другими словами: «Вот придурок...» За высадку в Нормандии я получил *Серебряную Звезду*. Думаю, 85 баллов было минимумом. А у меня их было 185 или около того.

В Англии, когда меня выписали из госпиталя, я попал в центр для выздоравливающих, где занимался физкультурой и так далее. Когда это закончилось, наступил момент для получения новых назначений. Становишься в очередь,ходишь к столику, говоришь свое имя, звание и т.д. Меня спросили, сколько раз я был ранен. Когда я сказал «три», солдат за столиком повернулся к лейтенанту и сказал, что этот парень был ранен трижды. Все уставились на меня. Лейтенант отвел меня к себе в офис, прочитал мое личное дело и сказал: «Любой, раненый трижды, имеет право на должность в тылу. Но у тебя есть возможность вернуться к себе в роту, если подпишешь заявление.» - «Нет, - сказал я. – Ничего я подписывать не буду.» Так я остался в Англии. Меня отправили в конвойную роту военной полиции – MPEG - *military police escort guard company*. Я командовал подразделением, охраняющим госпиталь для немецких военнопленных. Был еще один сержант, мы работали через сутки. В госпитале были тяжелораненые немцы, с ампутациями. Мы были там для того, чтобы они не убежали, но никто из них желания не проявил... Вообще, у меня не было какого-либо сострадания к немцам. Я знал, что не они

начали войну, а Гитлер, но они должны были стрелять в нас, а мы в них. Я не был против кого-то из них лично, я и не знал лично ни одного немца. Но они хотели убить меня, поэтому я должен был убить их, пока у них не появился шанс сделать это со мной...

Война закаляет. Помню, я как-то послал одного низкорослого солдата, маленького итальянца, на край нашей линии, вырыть себе окопчик и залечь в нем. Какое-то время спустя прозвучала пара выстрелов. Я подобрался к нему – он был мертв. Стало не по себе: если бы я не послал его туда, он мог бы и остаться в живых. Помню, я открыл банку с бобами и начал есть. Поставить ее было некуда, и я поставил ее ему на грудь. Война так закаляет, что превращаешься в получеловека... Все время в грязи. Воды и то вечно не хватало. Понос столько раз прохватывал на марше. Немного приходишь в себя, когда отводят в тыл. Моешься, бреешься, чистишься...

В Сицилии мы как-то захватили городок Энна/Енна. Был небольшой бой по дороге, но немцы просто хотели нас задержать и потом отошли. Я вошел в здание банка и решил попытаться открыть сейф. Думал, может там есть золото или серебро. Решил призвать директора банка, но тут появился командир батальона, и на этом история с банком закончилась. Был еще случай в Аахене. Там были серьезные уличные бои. Мы двигались от дома к дому, затем закрепились в одном из них и стали осматриваться. Я открыл какую-то полку и увидел деньги. Засунул их к себе в рюкзак, правда, потом они оказались совершенно бесполезными... Видим, по улице идут две девчонки. Мы стали орать: «Убирайтесь с улицы!» Ну, затащили их в дом, они стали оглядываться, видят – большой шкаф, набитый меховыми шубами. Я сказал: «Выбирайте.» Они схватили охапку мехов и смылись...

В августе 1945-го я вернулся домой. Еще трое моих братьев служили в армии. Фрэнк служил на транспорте в Орегоне, Джек – на эсминце во флоте, Джим был оператором радара в Европе. Еще двое братьев были слишком молоды, чтобы служить. Так что у моей мамы было четыре звезды на окошке... Все мы вернулись живыми – я был единственным, у кого были ранения. У других братьев работенка была легкая: на радаре, на эсминце... Хотя, как говорят, на каждого солдата на линии фронта полагается иметь десятерых в тылу.

После войны я служил в полиции 24 года. Думал стать пожарным, но потом решил, что, если тебя подстрелят или пырнут ножом на работе в полиции, есть шанс поправиться, а если ты в огне, да еще дыму наглотаешься – вряд ли. Работал я в Восточном Гарлеме/East Harlem. Там каждая ночь как новогодняя. Это был итальянский район, он тянулся от Ист Ривер/East River до 3-й Авеню. Между 3-й и Парк Авеню был испаноязычный район, дальше до 5-й авеню – черный. Тогда были другие времена. В те времена в полицейских не стреляли, никто с полицейскими не разговаривал и не спорил... В 1971-м меня освободили от патрульной службы по состоянию здоровья – появились проблемы с сердцем. После этого работал в офисе.

Если говорить о фильмах о войне, то я не могу сказать, насколько соответствует истине фильм *The Longest Day/Самый длинный день* (1962). Что касается фильма *Saving Private Ryan/Спасли Рядового Райана* (1998), самой сцены высадки, то это правдивая сцена. Должно быть, авторы фильма говорили с кем-то из моей роты, поскольку ту сцену с парнем, у которого вывернуло кишки наружу, я помню: я это видел. Помню, по ТВ показывали празднование 50-летия высадки, когда туда поехал Клинтон. Был там какой-то капитан, который встал и то ли представил Клинтона, то ли речь произнес, заявив, что он был первым на берегу. Если он был из 2-го Батальона, то он никак не мог быть первым на берегу, поскольку 3-й Батальон ступил на берег раньше 2-го со всеми офицерами. И этот парень говорил о том, что ему пришлось перешагивать через тела убитых в воде! Если он был первым на пляже, что он никак не мог перешагивать через трупы, потому что перед ним никого быть не могло. Интересно, кто-либо еще подумал об этом? Спилберг завоевал *Golden Globe* за *Спасли Рядового Райана* и выразил благодарность 116-му Полку 29-й

Дивизии и 2-й Дивизии. Он должен был сказать: 1-й Дивизии, но, по-моему, запутался. 1-я Дивизия первой высадилась на пляж Омаха...

О ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЕ В ЕВРОПЕ РАССКАЗЫВАЕТ СТРЕЛОК В-17 УИЛБУР БАУЭРС (1924-2006)

Уилбур М. «Биб» Бауэрс (Wilbur M. «Bib» Bowers) из города Киттэннинг/Kittanning, штат Пенсильвания, был участником воздушной войны над Европой в рядах 8-й Воздушной Армии ВВС США. В возрасте 19 лет он сделал 30 боевых вылетов в составе 306-й Бомбардировочной Группы 368-й Бомбардировочной Эскадрильи на самолете В-17. Самым тяжелым воспоминанием о войне для него остался огонь немецких зениток...

Зенитный огонь – это самое худшее на свете. Мы сталкивались с ним в каждом вылете. Если он начался, то все, что ты видишь, - это черные дымы. Само собой, дымы разрастаются. Больше всего тебя страшит красная точка в его середине. Там произошел разрыв... Ты знаешь, что зенитки ведут огонь, и что тебе предстоит лететь сквозь него. И немцы тоже знали, что нам это предстоит. Они знали, что мы не можем поменять скорость и не станем менять высоту. Так что они посылали свои снаряды на нужную высоту и в нужное время. Повернуть назад мы никак не могли. Мы ни разу не предприняли попытку уклониться [от огня]. Когда начинается заход на цель, самолет принадлежит бомбардиру. В истории 8-й Воздушной Армии никто ни разу не повернул назад из-за огня противника. Что касается меня, то огонь зениток был страшнее, чем истребители.

В начале пути

Путь Бауэrsa в ВВС начался вскоре после того, как Америка вступила в свой второй год войны. Он отказался от стипендии, которую он получал, играя в футбол за Университет Дюкейна (Duquesne University) в Питтсбурге, прекратил действие своей отсрочки [от службы] после одного семестра и был призван в вооруженные силы весной 1943 года. Он был зачислен в армейские ВВС и добровольно записался в школу стрелков. В стрелки, по словам Бауэrsa, не призывали. Это было делом добровольным.

Он принял это решение во время базовой подготовки во Флориде после просмотра пропагандистского фильма, в котором роль бортстрелка самолета, сбитого японским истребителем Зеро/Zero, исполнил знаменитый актер Бёрджесс Мередит (Burgess Meredith). Бауэрс со смехом вспоминает плод воображения Голливуда - сцену из этого фильма, когда персонаж Мередита садится за пулемет калибра .50, нацеливает его на вражеский самолет и сбивает его...

Кадр из пропагандистского фильма The Rear Gunner/Хвостовой стрелок (1943). За пулеметом – звезда Голливуда тех лет Бёрджесс Мередит

Чтобы стать членом экипажа бомбардировщика в годы ВМВ, новобранец армейских ВВС должен был пройти три уровня специальной подготовки: школу авиамехаников в городе Галф Порт/Gulf Port, штат Миссисипи, школу стрелковой подготовки в городе Кингмэн (Kingman, штат Аризона) и подготовку к боевым действиям за океаном в городе Ардмор/Ardmore, штат Оклахома. Последний курс включал в себя ночные полеты, дневные полеты, практическое бомбометание, обучение, сколачивавшие каждый экипаж в крепкую боевую команду. Затем экипажи посылали в Канзас, где они получали бомбардировщики и перелетали на них в Англию...

Отправка за океан

Начав подготовку к службе за океаном в Ардморе, мы оставались единой командой до конца войны. Когда мы прибыли в Канзас, разразился страшный ураган. Он длился несколько дней. Самолеты не могли подниматься в воздух, а тем временем прибывали новые экипажи, и для них уже не было места. Так что нас посадили на поезд и отправили на Восточное побережье.

Вместе с большой группой летчиков экипаж Бауэрс отбыл в Англию 10 мая 1944 года на войсковом транспорте Andes. Путешествие через океан продолжалось 7 дней. В Англии летчиков распределили по различным базам и включили в состав различных эскадрилий. Бауэрс стал старшим сержантом.

Поступив на службу, мы все очень быстро стали рядовыми 1-го класса. Когда мы окончили стрелковую школу, мы стали сержантами. Когда мы пересекли океан, мы стали старшими сержантами. Все стрелки на В-17 были старшими сержантами за исключением стрелка верхней турели, который был в звании техника-сержанта.

День Д

Экипаж Бауэрс получил приказ отправляться на небольшой аэродром близ города Бедфорд/Bedford непосредственно к северу от Лондона. На пути в Бедфорд американец стал свидетелем одного из ключевых событий войны. Дело происходило 5 июня 1944 года:

По дороге в Бедфорд, с поезда, мы видели самолеты С-47, пролетающие над нами с планерами на буксире. Все небо было забито ими! Мы подумали: «Черт возьми! Вот это да – что за тренировочный полет!» Когда мы прибыли на базу, нас раскидали по казармам. На

следующее утро главный сержант пришел около 5 утра, просвистел в свисток и проорал: «D-Day! D-Day!» Мы сначала понятия не имели, что это значит. Тогда мы в первый раз услышали это выражение. Но затем до нас дошло, о чем идет речь. Мы-то думали, что видели тренировочный полет С-47, тащивших за собой планеры, а на самом деле это было вторжение.

Сентябрь 1944 года. Массированный рейд на Магдебург – бомбардировщики B-17 почти одновременно сбрасывают бомбы. Над Магдебургом им приходилось преодолевать плотный зенитный огонь и атаки истребителей, так как город был хорошо защищен от воздушных рейдов силами ПВО.

*Вскоре экипаж был приписан к бомбардировщику, получившему прозвище *Begin, the Beguine* от прежнего экипажа.*

Begin, the Beguine было названием одной песни. В то время эта песня была очень популярна. Она звучала постоянно, это была довольно танцевальная мелодия. Почему прежний экипаж так назвал самолет, я не могу сказать. Что случилось с тем экипажем? Должно быть, они закончили свою миссию, поскольку самолет не был сбит. Они сделали свои 25 вылетов.

Серия из 25 вылетов, которой было достаточно для того, чтобы считать миссию летчика выполненной, была изменена в 1944 году. Тяжелейшие потери в самолетах и людях заставили командование издать новый приказ, в котором цифра 25 была увеличена до 30. Позднее она была увеличена до 35. Летчики были разочарованы, особенно те, которые уже были близки к достижению заветной цифры, и происшедшее не поднимало боевой дух, если не сказать больше.

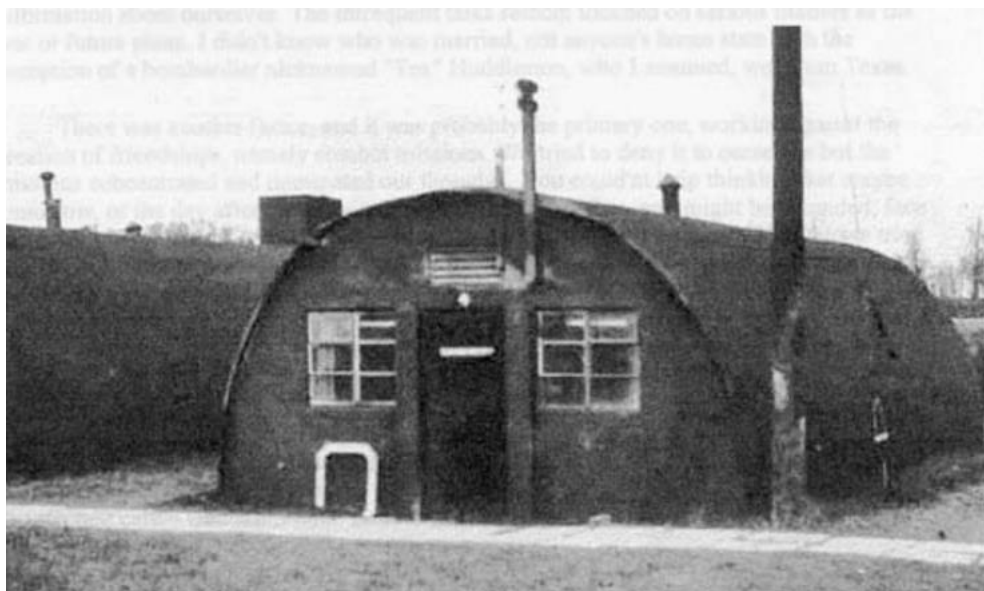
Этот В-17 по прозвищу Мицпа/Mizpah (библейское слово, означает «дозорная башня» на иврите), получил прямое попадание зенитным снарядом во время рейда в июле 1944 года. Вражеский снаряд разбил носовую часть машины и убил двух членов экипажа. Пилот сумел удержать машину в горизонтальном полете на какое-то время, дав возможность оставшимся в живых выпрыгнуть с парашютом. Самолет разбился на территории Венгрии, все выжившие летчики попали в плен...

Когда требуемая цифра увеличилась до 30, мы все подумали: «Черт... Когда они поменяли ее, мы уже хорошо продвинулись на пути к 25 вылетам. К тому же стала просматриваться странная закономерность: самолеты сбивали в первом вылете или в последнем [для экипажа]. Так что это было огорчительно...

Учитывая тот факт, что летчики заранее не знали, в какие дни им предстоит совершать вылет, уровень нервозности среди них заметно вырос. Перерыв между полетами мог продолжаться три дня, неделю, даже месяц. Когда нелетная погода пригвоздила к аэродромам авиацию союзников во время последнего немецкого наступления в Арденнах в декабре 1944 года, самолеты 368-й Бомбардировочной Эскадрильи не летали больше двух месяцев – с 13 ноября 1944 года до 20 января 1945 года.

Никогда не знаешь, когда ты полетишь, пока тебя кто-то не разбудит и не назовут твое имя... Каждую ночь мы ложились спать и думали о том, что, может, полетим на следующий день. Странное дело - необязательно, что тебе не хочется лететь потому, что тебя могут убить. Напротив, если будет вылет, твой счет вырастет и день отъезда домой станет ближе...

Иногда, когда не было полетов, нас посылали на занятия по распознаванию самолетов. А еще я играл за футбольную команду авиабазы. Мы играли по расписанию. Если в какой-то день я не летал, у нас могла быть игра. В других случаях нам могли дать увольнительную дня на три, и тогда мы знали, что можем съездить в Лондон или в Бедфорд. Много раз было так, что мы не ездили в город. На авиабазе были сборно-металлические павильоны (Quonset huts), стоявшие в форме буквы Т. Один павильон был баром, отапливаемым тремя печками, сделанными из 55-галонных (200-литровых) бочек. В другом были библиотека и зона отдыха для младших офицеров. Все, что нам было нужно, находилось там. Но, так или иначе, когда мы спали, приходил сержант и свистел в свисток. Если он не называл твое имя, ты спал дальше.

Quonset hut на одной из авиабаз в Англии периода ВМВ

В перерывах между вылетами

Когда летчики добирались до Бедфорда, они обычно собирались в пабах. Хотя многие из них не имели привычки пить теплое пиво, которое в них подавали, Бауэрс вспоминал с улыбкой, что это пиво делало свое дело...

С другой стороны, Лондон, несмотря на всю свою привлекательность, был более опасным местом для посещения, чем маленький Бедфорд, из-за страстного желания Гитлера сравнить столицу с землей. Бауэрс вспоминал, что в Лондоне он почувствовал, какой страх наводят летающие бомбы V-1 и ракеты V-2.

8 апреля 1945 над городом Штендаль года этот B-17 по прозвищу Wee-Willie потерял крыло в результате взрыва зенитного снаряда. Из 10 членов экипажа выжили только двое...

Бауэрсу довелось увидеть V-1 и V-2 над Лондоном:

Я был здании Красного Креста (видимо, в нем американские летчики ночевали). Дело было утром, я брился. У меня в комнате было окно, выходившее на улицу, я выглянул в него и увидел ее. Она издавала такой странный звук «патт-патт-патт». Затем она исчезла из поля зрения. Если такая штука исчезает, значит она падает прямо, или планирует. Эта штука планировала. По счастью, она пролетела мимо нас и взорвалась где-то в другом месте.

Я был в Лондоне в другой раз, когда прилетела V-2. Ты ничего не слышишь и не видишь. Я направлялся к зданию Красного Креста, довольно большому зданию, и едва взялся за ручку двери, когда взорвалась V-2. Поскольку это была большая ракета, все здание трянуло. И его действительно трянуло! Не знаю, насколько далеко от меня она упала, это могло быть и на довольно большом расстоянии. Так что Лондон не был наилучшим местом для увольнительных.

Подготовка к 10-часовому вылету

Разумеется, гораздо больше смертельных опасностей поджидало летчиков в воздухе во время 10-часовых вылетов.

Поднявшись после свистка сержанта стрелок направлялся в столовую завтракать. Обычный завтрак состоял, как вспоминает Бауэрс, из блинов, яичницы, сосисок, тостов и кофе. После завтрака шел инструктаж, причем для каждой группы авиаторов свой, отдельный: для пилотов, для штурманов, для бомбардиров, для радистов и для стрелков.

Собираемся в офисе. Карта на стене закрыта шторками, которые раздвигает офицер. На карте – красная лента, соединяющая аэродром и сегодняшнюю цель. Чем длиннее лента, тем продолжительнее вылет. Он [офицер] говорит о том, какой тип зениток следует ожидать, какие могут быть истребители [противника], какая нас ждет погода, что будем бомбить и почему, время взлета и расчетное время прибытия к цели (ETA – Estimated Time of Arrival).

Снаряжение

После инструктажа стрелок готовит свое снаряжение к вылету. Поскольку в самолетах не поддерживалось привычное для людей давление и полеты проходили на больших высотах, летчики одевали специальные костюмы с электроподогревом.

У каждого был свой мешок, в котором он держал шерстяные носки, нижнее белье и костюм с электроподогревом. Башмаки смыкались с одеждой. Все части этого костюма смыкались друг с другом, даже перчатки, и мы подключали все это к розетке [электросети] самолета. Когда мы летели на большой высоте, ты уже не мог снять перчатки и дотронуться до пулемета, поскольку в этом случае руки примерзли бы к нему. Мы всегда брали с собой рационы К или рационы С, но есть мы не могли до того момента, пока самолет не снизится в достаточной мере для того, чтобы они [рационы] оттаяли.

В личном мешке летчика также был парашют, парашютная подвеска, каска, спасательный жилет, очки, ларингофон, кислородная маска и полуавтоматический пистолет калибра .45. Кроме того, в мешке был специальный набор со снаряжением для побега или пребывания в тылу противника, в который входил шелковый шарф с картой района цели, деньги страны, над которой проходил полет и паспортная фотография, которая могла бы пригодиться дружественно настроенным иностранцам, которые изготавливали поддельные документы для летчиков со сбитых самолетов...

Фотография [escape picture] была похожа на те, которые делают в специальных будках, того же размера. Нам давали для них рубашку, галстук и фотографировали. Французские подпольщики могли изготавливать самые разные поддельные документы, но у них не было возможности сделать фотографию. Так что у нас были эти фото на случай, если нас собьют.

1942 год. Американцы меняют британский флаг на американский после того, как авиабаза в Бедфорде была передана ВВС США.

Хотя каска была ценным предметом в защитном снаряжении летчика, ей часто находили другое применение.

Я блевал в нее не один раз. Само собой, на высоте это замерзало. Это было то, что нужно, но, когда самолет снижался и приземлялся, эта дрянь оттаивала. Тогда дело было плохо. Когда ты сидишь в хвосте, все ходит ходуном вверх-вниз. Это не самое спокойное место, поскольку ты находишься в самом конце этого долбаного самолета, и каждый раз, когда осуществляется какой-нибудь маневр или накатывает турбулентность, ты очень быстро начинаешь это чувствовать...

Максимизация огневой мощи

Собрав свое снаряжение, стрелок направлялся к оружейной палатке. По словам Бауэрс, рабочие части пулемета никогда не оставляли на борту самолета после возвращения на аэродром, поскольку их было необходимо вычистить и провести техобслуживание. На каждого летчика приходилось семь человек наземных служб. Техобслуживание бомбардировщиков было непростой задачей.

Турели оставались на самолете, но некоторые части [пулеметов] снимали относили в оружейную палатку. Нам не нужно было чистить их или делать еще что-то: оружейник заботился об этом. Мы забирали их, устанавливали, регулировали зеркальный зазор и ставили на место заднюю стенку ствольной коробки.

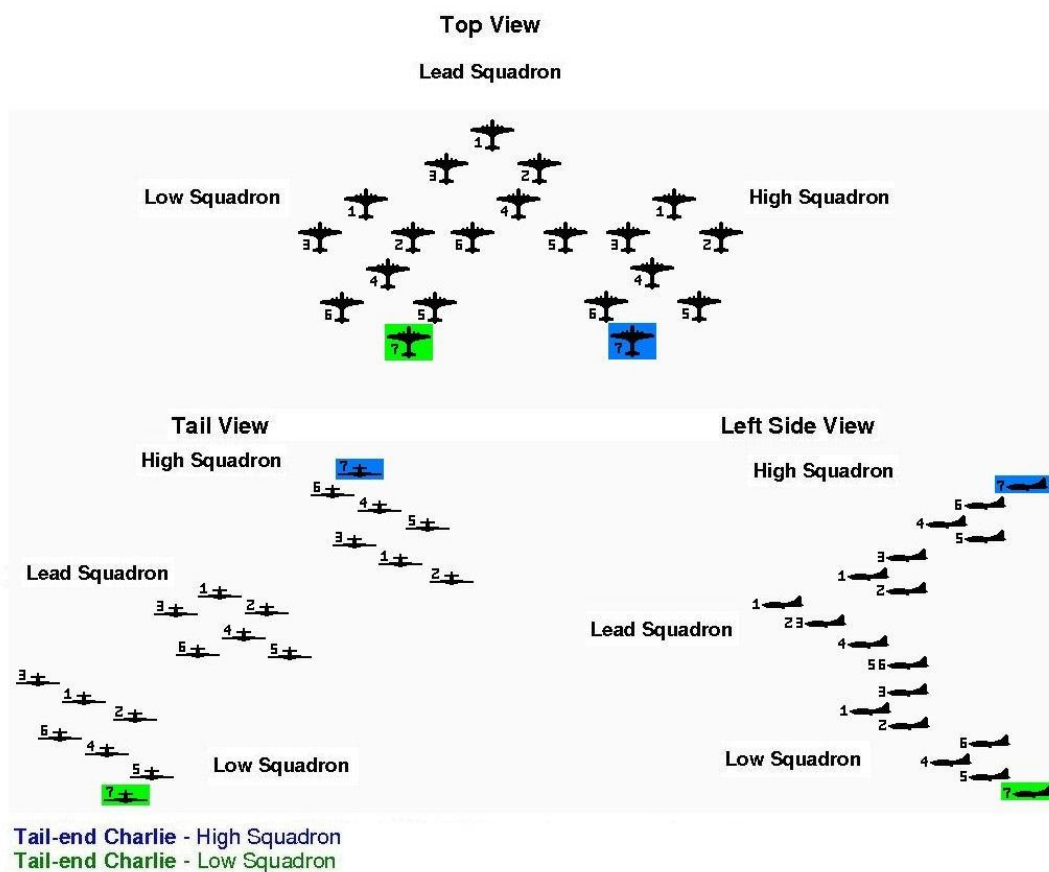
Боеприпасы для sdвоенной пулеметной установки калибра .50 хранились в двух фанерных ящиках, стоявших по обе стороны стрелка на полу. В целях безопасности пулеметы оставались незаряженными до подъема самолета в воздух.

Когда мы поднимались в воздух, летчик говорил: «ОК, проверьте свои пулеметы», и мы выпускали по пять-шесть патронов.

Расположение пулеметов В-17 и построение самолетов были рассчитаны на максимальное использование огневой мощи. В экипаже самолета было десять человек: пилот, 2-й пилот, штурман, бомбардир, стрелок верхней турели, радист, стрелок шарообразной турели, два бортстрелка и хвостовой стрелок. На В-17 было 13 пулеметов (три были расположены в носовой части самолета, где сидели штурман и бомбардир).

Строй В-17 – боевой бокс

По словам Бауэрс, обычно четверо В-17 выстраивались в полете в боевой бокс. Впереди была ведущая машина. Позади нее и ниже шел другой бомбардировщик. Это называлось лететь в дыре/flying in the hole. Еще один бомбардировщик располагался справа и выше (the right wing man) и еще один слева и ниже (the left wing man). Этот строй повторялся еще восемь машинами.

Боевой строй В-17. Вверху – вид в плане, слева – вид с хвоста, справа – вид слева

Таким образом, в группе было три четверки машин. В каждой четверке была верхняя, ведущая и расположенная ниже машина. Вы обычно налете участвовал строй из множества таких групп. Ближе к концу войны не было ничего необычного в наличии в таком строю до 1 000 бомбардировщиков.

Во время некоторых налетов бомбардировщики были повсюду, куда бы я ни посмотрел, а мог я увидеть многое, находясь в хвосте ведущей машины. Когда мы летели в боевой коробке, мы были спаяны так крепко, что это действительно отваживало от нас истребители. Они и вправду держались от нас на расстоянии. Чем плотнее была коробка,

тем лучше мы были защищены от истребителей, и чем плотнее был строй, тем более концентрированной была наша боевая мощь. Мы летали в очень плотном строю. Можно было даже разглядеть людей в других самолетах. Вот как близко мы были друг к другу. В дополнение к нашей колоссальной огневой мощи некоторые B-17 были оснащены бомбовым прицелом Norden – секретнейшим изобретением, которое давало возможность, как говорили некоторые, «попасть бомбой в бочку с соленьями.» У нашего Begin, the Beguine был такой прицел.

Мы были ведущей машиной, и каждая ведущая машина всегда имела Norden. Прицел Norden был и на машине справа, другие самолеты могли не иметь никакого прицела вовсе. На все самолеты прицелов не хватало. Когда на ведущем бомбардировщике открывались бомбовые люки, остальные 11 самолетов в коробке делали то же самое. Когда ведущая машина сбрасывала бомбы, сбрасывали бомбы и остальные. А если ведущую машину сбивали, машина справа перемещалась вперед и вела остальные за собой. Вот почему у нас было по два самолета с бомбовыми прицелами.

Пока воздушная война над Европой шла своим чередом и совершенствовались тактические приемы, вышел приказ об уменьшении численности экипажей B-17 с 10 до 9 человек. Это произошло благодаря построению в боевые коробки. Близкое расположение одного бомбардировщика к другому и вероятность того, что бортстрелок, находившийся на внутренней стороне коробки (его называли waist gunner mechanic), может при стрельбе попасть в другой бомбардировщик, стало рассматриваться как опасность. Чтобы устранить опасность, этих бортстрелков стали снимать с экипажей и отчислять в специальный резерв, из которого их забирали в новые экипажи, формировавшиеся вместо потерянных в бою.

Я изначально оказался таким бортстрелком в нашем экипаже, и меня из него отчислили. Так что несколько рейдов я пропустил, а затем наш хвостовой стрелок покинул экипаж. Он больше не мог летать. Решил, что с него достаточно и что он больше не полетит. Если ты так хотел, ты мог пойти в медпункт, поговорить с врачами и сказать им, что ты больше не можешь это выносить. На этом ставили точку – такого человека убирали, чаще подальше от авиабазы. Ну, я не хотел летать с разными новыми для меня экипажами - я хотел вернуться в свой, потому что я знал всех парней и пилота. Мы были экипажем ведущей машины, а такой экипаж должен быть выше среднего. Мы все отлично притерлись друг к другу, хотя после вылетов вместе не особенно тусовались. После приземления офицеры шли в одну сторону, а мы в другую. Больше мы их в перерывах не видели, но перед вылетом снова собирались вместе, и контакт между нами был превосходным. Никто ни разу не сказал другому дурного слова. Мы просто не кучковались вместе, как некоторые другие экипажи. Те ребята вместе ездили в Лондон, вообще, были сплоченными командами. Но мы этого не делали. Было так не потому, что мы не ладили друг с другом – мы отлично ладили, когда были в полете...

Так что я не хотел остаться вне этого экипажа, потому что он был классным. Пошел к капитану и сказал: «Буду летать в хвосте.» Он говорит: «Так сзади и полетишь?» Отвечаю: «Если это означает, что я возвращаюсь к ним, то да.» Ну он пошел в штаб и поговорил с ними. Вернулся и говорит: «Смотри, если хочешь летать в хвосте, он твой. Ты снова в этом экипаже.»

Катастрофа в Сен-Ло

Находясь на борту ведущего бомбардировщика в каждом вылете, Бауэрс впервые поднялся в воздух 11 июня 1944 года, через пять дней после высадки союзников в Нормандии. Бортвой журнал показывает, что первые вылеты самолета Begin, the Beguine были нацелены на объекты, расположенные непосредственно за проливом Па де Кале.

Многие из наших ранних рейдов были нацелены на бункеры для подводных лодок, расположенные на побережье Франции. Мы называли эти рейды «поездками за молоком.» Нам они нравились. Мы долетали до Франции и возвращались обратно за несколько часов.

Бомбардировки нанесли бункерам для подводных лодок незначительный ущерб, хотя максимальная бомбовая нагрузка В-17 в этих коротких налетах была довольно мощной и составляла 12 800 фунтов (для дальних рейдов на территорию Германии она обычно составляла 4 000 фунтов). Против бетонных крыш бункеров толщиной в 12 футов и больше авиабомбы были малоэффективны. Один из ранних рейдов, в которых принял участие Бауэрс, приобрел печальную известность. Это была бомбардировка на город Сен-Ло в Нормандии. За три дня до прорыва союзников вглубь суши в июле 1944 года 8-я Воздушная Армия получила приказ осуществить ковровую бомбардировку, и 24 июля три волны американских самолетов поднялись в воздух, чтобы выполнить этот приказ.

Видимость была плохой, рейд был остановлен, но было уже поздно поворачивать самолеты назад. Первая волна из 500 тяжелых бомбардировщиков так и не сбросила свой груз из-за плохой погоды. Из состава второй волны 35 самолетов сбросили свои бомбы только после трех заходов. 300 самолетов третьей волны сбросили 135 тонн осколочных и 550 тонн фугасных бомб. Немецкий гарнизон Сен-Ло понес тяжелые потери, но, кроме того, погибли 25 американцев и 131 был ранен. По итогам этого рейда генерал Дуайт Эйзенхауэр приказал прекратить использование тяжелых бомбардировщиков для тактической поддержки наземных войск...

Мы вылетели на поддержку наземных войск, чего раньше никогда не делали. Саперы пометили наш передний край кусками [цветной] материи. Когда мы подлетели на небольшой высоте, мы разглядели эти маркеры и уже знали, куда сбрасывать бомбы. За ночь до этого немцы [местами] подвинули эти маркеры поближе к передовой американцев, поэтому некоторые бомбы упали на наших. Это было одной из причин, почему так случилось. Но было и другое – некоторые из парней сбросили бомбы, не долетев до цели.

Налет на Дрезден

Еще одним печально известным налетом, в котором принял участие Бауэрс, был налет на Дрезден. Расположенный в 100 милях к югу от Берлина, этот город был в нижней части списка целей союзной авиации, поскольку не имел военной значимости. Однако к тому времени он оставался крупнейшим немецким городом, избежавшим полномасштабной бомбежки, и перед предстоящей встречей Большой Тройки в Ялте Рузвельт и Черчилль хотели показать Сталину, но нет такой цели, которую нельзя было бы разбомбить... Дрезден был известен как культурный и исторический центр, в нем были здания, известные с 13 века. Особого сопротивления ВВС союзники не боялись, потому что оборонявшие город зенитные батареи были отправлены на Восточный фронт за несколько недель до налета, а нехватка горючего пригвоздила немецкие истребители к земле...

Видимость была превосходной, и 13-14 февраля 1945 года две волны британских бомбардировщиков и одна волна американских разрушили и сожгли город вместе с 35 тысячами жителей... По иронии судьбы это была Пепельная Среда (лат. Dies Cinerum — день начала Великого поста в латинском обряде). Город горел неделю. Для кого-то это был акт воздушного террора, для кого-то – кара за преступления, для Бауэрса это был всего лишь еще один вылет из числа, необходимого для возвращения домой.

В тот день мы сбрасывали зажигательные бомбы. Все мы это знали. Все, что тебе оставалось делать, это взглянуть на бомбовой отсек. Они лежали в нем огромными штабелями. Бомбы были большими и округлыми. Вываливаясь из отсеков, они открывались, и из них высыпались эти маленькие штуки...

На этой фотографии Бауэрс находится на своей позиции хвостового стрелка. На снимке виден прицел.

*Рейд на Дрезден стал последним для Бауэрса в составе экипажа *Begin, the Beguine*. Все остальные члены экипажа уже сделали 30 вылетов, ему недоставало до этого четырех. Хотя к тому времени необходимое для отправки домой число вылетов было увеличено до 35, по словам Бауэрса, 30 вылетов хватало в том случае, если они были сделаны на ведущей машине.*

Если ты летал на ведущей машине, тебе нужно было сделать 30 вылетов. То есть, когда мой экипаж закончил, они сделали свои 30, но мне не хватало еще четырех. Что ж, в штабе к этом отнеслись с пониманием. У меня все вылеты были на ведущей машине, и еще четыре я сделал с другими экипажами тоже на ведущих машинах. Со стороны штабистов это было проявлением хорошего отношения ко мне...

Единственная воздушная победа стрелка

Единственный сбитый вражеский самолет был записан на счет Бауэрса после одного из этих последних вылетов.

Я увидел истребители. Само собой, я сразу же вышел на связь и предупредил об этом команду: «Неопознанные самолеты на 7 часов снизу, приближаются.» Итак, сижу в хвосте, смотрю, как они подходят, тут пилот и говорит: «Держи их в поле зрения.» Сначала я подумывал о том, что это могут быть наши *P-47*, поскольку *Фокке-Вульф 190/Focke-Wulf 190* и *P-47* были чертовски похожи. У обоих был радиальный мотор. Но довольно скоро я увидел красные точки, отрывающиеся от их крыльев. Я заорал: «Бандиты!», чтобы подать сигнал тревоги экипажу. Один из истребителей летел немного на отшибе от остальных, и, когда он оказался в пределах досягаемости, я открыл огонь. Я слышал через наушники, как парни из моего экипажа кричат «Стреляй! Стреляй! Ты попадаешь в него! Продолжай стрелять!» Ну, тут этот самый самолет загорелся. Это был *Фокке-Вульф 190*, и он горел

словно факел. Он был полностью объят пламенем и вот-вот должен был взорваться. Он пролетел прямо над нами, и я мог просто заглянуть в фонарь его кабины – так близко он был...

По словам Бауэрс, он почти полностью опустошил свои два ящика с патронами в этом бою.

Я был так захвачен этим в тот момент, что даже не думал о страхе. Все делалось автоматически. Он стреляет в меня, а я стреляю в него. Ты сконцентрировался и так занят своим делом, что даже и не думаешь о том, испуган ты или нет. Когда мы приземлились, вместо того, чтобы идти на разбор полетов, я, по какой-то причине, сразу же пошел в столовую. Тут кто-то похлопал меня по плечу и сказал: «Нужно идти на опрос.» Ну, пошел, меня спросили, что произошло, я обо всем им рассказал, а они говорят: «Мы собираемся записать на твой счет пол-победы, потому что когда тот самолет пролетел мимо тебя, P-51 зацепил его и разнес в клочья.» Так я получил на свой счет половину Фокке-Вульфа 190...

Смерть друга

Незадолго до этого воздушного боя Бауэрс получил известие о том, что его хороший друг Джимми Бёрнс (Jimmy Burns) из города Йетсборо/Yatesboro, штат Пенсильвания, пропал в небе Европы. Они вместе проходили обучение в стрелковой школе. Хотя Бауэрс и слышал о том, что самолет его друга был сбит, о его гибели он узнал только после окончания войны. Летчики со сбитых самолетов считались пропавшими без вести по меньшей мере в течение одного года, и только в 1946 году Военный Департамент отнес этого человека к категории погибших FOD (Finding of Death – факт гибели подлежит подтверждению).

Это был один из его последних вылетов. Его самолет был сбит над Нидерландами. Погиб весь экипаж. Как-то раз он отправил моей жене письмо, в котором писал, что побьет меня в гонке домой, потому что у него на счету больше вылетов, чем у меня. Мы писали друг другу, и я, в общем, знал, сколько он налетал, а он знал то же обо мне. Он был впереди меня, потому что я летал на ведущих машинах, так что он летал чаще.

Разрушение Франкфурта

Судьба американского летчика, такого как Бёрнс, была обычным делом для тех, кто принимал участие в 10-часовых глубоких рейдах на территорию Германии. В одном из таких вылетов 15 августа 1944 года, 12-м по счету боевом вылете для Бауэrsa, американец видел такой опустошительный эффект от бомбардировки Франкфурта, что и теперь его подташнивает, когда пытается описать это.

В том полете мы шли действительно на большой высоте, а ниже нас шла другая группа бомбардировщиков, возвращавшихся на базу. Я глянул вниз и увидел группу Me-109, было их шесть или семь. Они приближались на 6 часов, выстроившись в прямую линию, словно это была линия футбольной команды. Они прошли точно через этот строй, и B-17 стали загораться и падать. Итак, эти истребители прошли сквозь строй – раньше я ни разу не видел, чтобы они делали это – и снова выстроились в линию. Они обогнали бомбардировщики, снова встали в линию и еще раз прошли через строй наших. Теперь они пришли с 12 часов. Я не помню, сколько падающих самолетов я тогда увидел, что-то вроде десяти, что, вероятно, означало, [что в них было] 90 человек, или, если в них были экипажи по 10 человек, там могло быть все 100 парней... Это было самым худшим, что я видел во время одного из полетов. И случилось все это очень быстро...

Скорость в воздушном бою имеет существенное значение. Максимальная скорость Фокке-Вульфа 190 была 408 миль в час, а максимальная скорость B-17 – 303 миль в час и на большой высоте. Но эти скорости – ничто по сравнению со скоростью Me-262 –

первого боевого реактивного самолета, максимальная скорость которого равнялась 540 миль в час. Летчикам В-17, летевшим на крейсерской скорости и увидевшим проскочивший мимо них такой истребитель, показалось, что они просто стоят на месте...

Я видел одну из первых таких машин. Мы были в воздухе, и наш летчик сказал: «Вот он, идет.» Помню, как я кинул взор влево. Только посмотрел... и его уже не было. Но по нам он не стрелял. Я думаю, он давал зенитчикам возможность оценить нашу скорость и высоту. Чтобы они могли получше нацелить свои пушки. Он не стрелял по нам, но пролетел через наш строй, словно призрак. Это был первый и последний раз, когда я видел его. Слава богу, у них таких было немного...

Бауэрс ни разу не был ранен во время войны, хотя самолет Begin, the Beguine в нескольких вылетах получал повреждения от зенитного огня, но, по его словам, наземные службы всегда вовремя заканчивали ремонт и подготовку машину к боевому вылету. 3 августа 1944 года, во время рейда на французский город Мерквиллер/Merckwiller, огнем с земли был не только пробит корпус самолета, но и тяжело ранен один из членов экипажа.

Наш радист Эрдолф (Urdolph) был ранен. Ему снесло предплечье. Снаряд прошел корпус самолета, пролетел через радиоотсек и швырнул его на противоположную сторону помещения. Один из бортстрелков позаботился о нем: уложил на пол радиоотсека и сделал ему укол морфия. Потом он вызвал меня по радио и сказал: «Биб, как насчет того, чтобы перебраться сюда и занять мое место. Мне становится плохо.» Ну, я перебрался туда и стал присматривать за Эрдолфом, в то время как бортстрелок занял мое место в хвосте. Я сидел с парнем, держал у его лица кислородную маску и заботился о том, чтобы он не истек кровью. Тем временем мы только-только делали заход на цель. Когда мы вернулись на базу, подъехали санитары и забрали его. Нам обоим сказали, что мы спасли парню жизнь. Один из них сказал: «Если бы не вы двое, он бы умер...»

Опросы после вылетов

Когда бомбардировщики возвращались с рейдов, членов экипажей опрашивали для того, чтобы офицеры разведки могли собрать какую-либо нужную информацию, такую как тип истребителей, с которыми мы пересекались, были ли сбиты вражеские самолеты.

Этому нужно было подтверждение. Кто-то другой должен был увидеть то, что ты это сделал.

Офицеры разведки также интересовались тем, что летчики видели из случившегося с самолетами союзных ВВС. Они хотели знать, были ли получены ими повреждения, сколько там было истребителей, сколько мы видели спускавшихся парашютов. Иногда, когда самолет уходил в пикирование, ты видел парашюты, иногда – нет. Когда самолет начинает пикировать, люди внутри него уже не могут двигаться. Срабатывает центробежная сила. Тебя прижимает там, где ты был, и ты уже не можешь сдвинуться с места. Если ты хочешь выпрыгнуть с парашютом, ты должен сделать это очень и очень быстро...

Для нас всегда делали что-то приятное, когда заканчивался опрос. Мы шли в столовую, она была только для боевых летчиков – никто другой не мог войти туда. Даже те, кто подавал еду, были боевыми летчиками. Когда мы заканчивали есть, мы говорили вслух свое имя, и нам наливали двойную порцию виски. Ты выпивал ее, они помечали твое имя в списке, после чего мы шли в казармы.

Возвращение в США

Бауэрс набрал 30 вылетов в феврале 1945 года. 2 апреля он покинул Англию на госпитальном судне, входившем в конвой.

Экипаж В-17 по прозвищу Begin the Beguine. Бауэрс – в первом ряду второй справа.

Будучи старшим сержантом, я стал кем-то вроде охранника. На судне были военнопленные, и мне пришлось охранять их. Через два дня после выхода из английского порта нас атаковали немецкие подводные лодки. Наше судно осталось невредимым, но некоторые суда конвоя пострадали. Не могу сказать, сколько таких было, потому что в тот момент меня настолько измучила морская болезнь, что я вообще ничего не видел. Конвой прибыл в Нью-Йорк 12 апреля, в день, когда умер президент Рузвельт.

Его смерть стала для нас событием. Он был нашим лидером, он вел нас через [Великую] Депрессию, он вел нас через войну. Это был довольно драматический момент, по правде говоря. Война еще не закончилась. Мы еще сражаемся, и тут теряем нашего лидера...

Ступив на американскую землю, Бауэрс получил отпуск и приказ отправляться в Майами.

Мы проходили отбор. Я не мог сказать, придется мне проходить переподготовку и отправляться на Тихий океан или нет. Кроме того, война в Европе еще продолжалась, поэтому я записался в школу специалистов-прибористов. Я решил, что хочу пойти по этому пути. Ну, мы оказались на пляже Майами, и тут война с Германией закончилась. У меня было достаточно баллов, чтобы покинуть вооруженные силы, и я было подумал: «Прекрасно! Я ухожу!» Пошел обсудить, с кем полагалось, а они говорят: «О, нет. Ты не можешь уйти, потому что ты уже подписался на занятия в этой школе, и ты должен окончить курс в этой школе.

Бауэрс окончил школу специалистов-прибористов в университете Иллинойса в городе Эрбана/Urbana. К этому времени Япония капитулировала, и война закончилась. Он был уволен из армии 16 сентября 1945 года в военном лагере Форт Шеридан/Fort Sheridan, штат Иллинойс.

Заключительное слово

Оглядываясь назад, Бауэрс не жалел о том, что служил в ВВС и был хвостовым стрелком. На склоне лет он признавал, что теперь у него есть сомнения в том, что стоило влезать в самолеты, и объясняет свое возвращение домой силе молитвы.

Я бы в любом случае поставил авиацию выше пехоты. Самое долгий полет длился 10 часов, потом мы возвращались домой, и у нас были душ и горячая еда. Условия, в которых мы жили, были лучше [чем у пехотинцев]. Если бы мне пришлось начинать сначала, я бы опять пошел в авиацию. Вопрос даже не стоит по-другому...

Хвостовой стрелок сидит на деревянном велосипедном седле, и ты все время стоишь на коленях. Может быть, поэтому у меня столько проблем с коленями сегодня. Тебя это начинает донимать, особенно когда-ты сидишь в этом хвосте сам по себе так же, как и стрелок в нижней шаровой турели. Там, внизу, он тоже сам по себе. Никого не видишь и поговорить там не с кем. По крайней мере, бортстрелок может потрепаться с радистом, но хвостовой стрелок и стрелок шаровой турели никого не видят и говорить им не с кем. Все что я видел – это то, над чем мы пролетали. И все было не как в кино, где все друг с другом болтают через ларингофоны. Мы говорили друг с другом только тогда, когда это было абсолютно необходимо.

1943 год. В-17 над Германией. Слева внизу хорошо видна спаренная пулеметная установка в хвосте самолета.

Я поднимался в воздух после окончания службы только дважды. Оба раза я летал во Флориду, чтобы повидаться со своей сестрой. Я немного нервничал, но сказать ничего не мог, потому что рядом сидел мой внук. Так что мне приходилось притворяться, что все хорошо, хотя, на самом деле, я немного нервничал...

Когда мы делали наши вылеты, мы, само собой, не знали, что творят бомбы. Но сегодня, когда я вижу фотографии и особенно те фильмы, которые показывают по телевидению, я представляю себе, насколько опустошительным все это было. Я думаю, все это связано с тем, как мы живем сегодня, с той свободой, которая у нас есть. Я часто думаю о том, как

много людей отдали свои жизни за то, чтобы мы делали то, что нам хочется, и имели то, что имеем...

Когда я вспоминаю о том, что 55 000 американских летчиков были убиты, ранены или попали в плен, я просто поражаюсь тому, что я вернулся домой целым и невредимым. Я отношу это на счет моей жены и ее молитв, на те часы, которые она провела в церкви, молясь за меня... Клянусь, благодаря этому я выжил на войне...

О ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ ВСПОМИНАЕТ МОРЯК ЛИНКОРА NEVADA ЧАРЛЗ СЕИ (CHARLES SEHE)

У меня есть польские, ирландские и индейские предки. Я вырос в небольшом городке Дженива/Geneva (3 800 жителей) в северном Иллинойсе и окончил среднюю школу в 17 лет (мне одному из шести братьев и сестер в семье удалось это). Еще с несколькими ребятами 17-18 лет от роду я отправился на призывной пункт в городке Орора/Aurora в Иллинойсе и записался в военно-морской флот. Это было в День Благодарения, 28 ноября 1940 года. Желающие поступить в армию должны были быть гражданами США возрастом от 17 лет до 31 года, их заявления должны были быть подкреплены подписями родителей. Нам разрешили вернуться домой, чтобы попасть на семейный ужин в День Благодарения. Затем, рано утром в понедельник 2 декабря, автобус отвез нас из Ороры в Учебный Центр ВМФ США, расположенный на Великих озерах близ Северного Чикаго.

Там мы попали в роту рекрутов, в которой было 110 человек – 122-ю Роту – которая разместилась в больших деревянных казармах. *Чиф-петти-офицер* и двое *петти-офицеров* рангом ниже провели с нами беседу, зачитали нам некоторые из правил несения службы во флоте и выделили каждому койку и сундучок. Было назначено время для проведения письменного и устного экзаменов и проверки уровня физической подготовки для того, чтобы определить наш квалификационный уровень для распределения по специальным школам. Затем нам раздали белье, робы, башмаки, белые свитера и брюки, белые шапки и т.д. Еще один комплект одежды синего цвета и бушлаты были выданы для зимы.

Инспекция казарм проводилась каждую субботу, и каждый новобранец должен был аккуратно выложить на пол содержимое своего сундучка, при этом вся одежда должна была быть плотно свернута и связана шнурками с латунными пистончиками. Некоторые дни были заняты военной подготовкой армейского плана. Подъем был в 5.30. Мы одевались и строем ходили на каждый прием пищи – завтрак, ланч и ужин. По воскресеньям каждый новобранец участвовал в религиозной службе своей конфессии. Время, которое мы использовали для улучшения своих матросских навыков, стирки одежды, написания писем или знакомство друг с другом, называлось *Rope Yarn Sunday*.

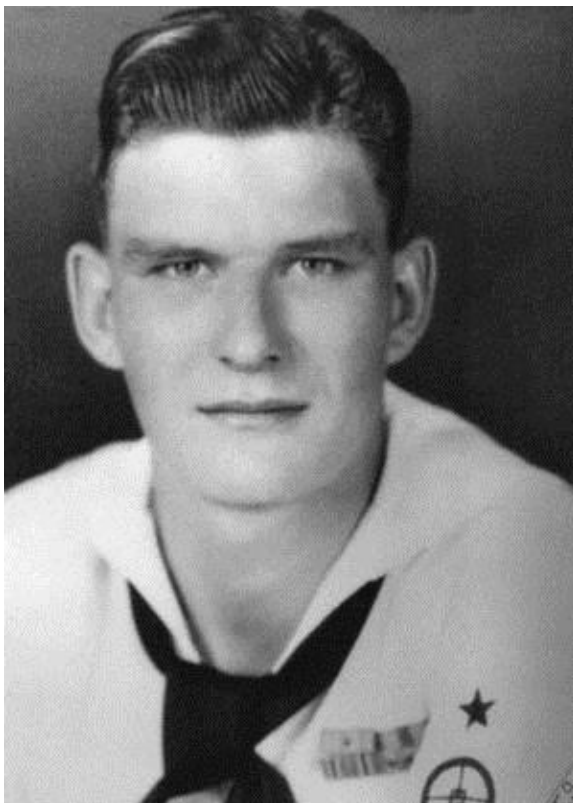
На стрельбище я ни разу не попал в мишень, зато получил удар в челюсть прикладом из-за отдачи винтовки. Я так толком и не научился плавать, хотя сдал тест, проплыв всю положенную дистанцию по-собачьи. Итоговая инспекция и выпуск для 122-й Роты были 4 января 1941 года. У меня перед этим заболело горло и потекло из носа, и меня отправили в лазарет. Через две недели, 18 января 1941 года, я вместе со 130-й Ротой официально закончил вводный курс подготовки. В большом холле мы получили новое назначение следующим образом: *петти-офицер* написал каждому из нас на чехле матраса название корабля и базы, куда человек шел служить. На чехле моего матраса появилась надпись *USS Nevada (BB36), Bremerton Naval Yard, Washington*.

Я на поезде добрался до военно-морской верфи *Puget Sound Naval Yard* в городе Бремертон/Bremerton, штат Вашингтон, и поднялся на борт линкора *Nevada*. Оттуда нам предстояло отправиться в тропический рай Пёрл-Харбора.

Пёрл-Харбор

В начале декабря 1941 года линкор *Nevada* стоял на якоре у причала *Quay Fox 8* в одну линию непосредственно за линкором *Arizona*. В пятницу вечером, перед той судьбоносной субботой, я отправился на линкор *Arizona*, чтобы навестить земляка. Земляк приглашал зайти и в воскресенье вечером, но в воскресенье у меня была вахта, и я отклонил его предложение. Он окажется одним из тех 1 177 парней, которые погибнут на следующий день на этом корабле.

В 07.55, 7 декабря, солнечным гавайским утром, большая часть команды линкора *Nevada* уже закончила завтрак, и музыканты оркестра вместе с караулом морских пехотинцев (*Marine color guard*) собирались в носовой части верхней палубы корабля, готовясь к подъему флага. Я покинул столовую и был в туалете, когда, через мгновения, взрывы первых бомб буквально снесли меня с сидения. Завыла сирена боевой тревоги, и я помчался на свой боевой пост, который именовался *Number 4 After Searchlight* и был расположен высоко на главной мачте. Японские самолеты уже поливали пулеметным огнем корабль, и музыканты оркестра с морпехами рассыпались по палубе в поисках укрытия. Поскольку прожектор не было смысла использовать в дневное время, мне не оставалось ничего другого как наблюдать за этим ужасным, невероятным кошмаром, который разворачивался перед моим взором.

Чарлз Сеи в августе 1944 года

Торпеда, сброшенная с японского самолета, угодила в наш левый борт в районе 40-го шпангоута, и ее взрыв приподнял и встряхнул корабль. Я видел следы торпед, протягивающиеся в направлении стоявших у причалов линкоров *West Virginia* и *Oklahoma*. На линкоре *Nevada* были уже разведены пары в котлах, и давления в них было достаточно, чтобы тронуться с места. Когда наш корабль медленно отходил от причала мимо линкора *Arizona*, грандиозный взрыв расколол этот корабль пополам, осыпав раскаленными обломками моряков нашего линкора, многие из которых погибли от ожогов...

Я видел, как высотные и пикирующие бомбардировщики японцев второй волны концентрируются для атаки на наш линкор – единственный корабль, который медленно продвигался, пытаясь выйти в открытое море. Восемь японских бомб попали в цель и сильно повредили полубак, мостик и шлюпочную палубу. Позднее я узнал, что наш линкор получил приказ выбраться на мель, чтобы не занимать канал и не блокировать другим кораблям вход в гавань и выход из нее. Прозвучал сигнал пожарной тревоги...

Теперь линкор лежал, зарывшись носом в грунт. Я спустился со своей марсовой площадки на грот-мачте, чтобы помочь в спасательных работах и тушении пожаров, но обнаружил, что все палубы ниже второго уровня, за исключением водонепроницаемых отсеков, заполнены дурно пахнущей, смешанной с нефтью водой, в которой плавали мусор и обломки... После того, как большая часть пожаров была потушена, мы сконцентрировались на раненых и погибших, которых переносили на катера, подошедшие к кораблю. Моряки с катеров сновали между кораблями и подбирали из воды тяжелораненых и получивших ожоги, покрытых нефтью парней.

После того, как атака завершилась, нам раздали оцинкованные ведра, чтобы собирать в них части человеческих тел, разбросанные вблизи башен пятидюймовых орудий в пределах моей боевой части. Никогда не забуду, как подбирал разможенные руки, ноги, головы, коленные суставы, фрагменты плеч, разорванные, обгоревшие части торса. Никого уже невозможно было опознать, потому что все это почернело и обгорело.

Семь потопленных линкоров беспомощно лежали вдоль причалов гавани. После того, как потушили пожары и с этих кораблей убрали раненых и погибших, к ним подошли буксиры, тянущие за собой баржи, после чего начались восстановительные работы. На нашем линкоре погибли 3 офицера и 47 моряков, 102 человека были ранены и 17 пропали без вести. Линкор лежал, утопив свой нос в иле. Мы начали сбрасывать в баржи обломки и куски металла, в то время как ремонтные команды забрались на борт со своими ацетиленовыми резаками и начали пробиваться через обгоревшие, разорванные, смятые и скрученные фрагменты надстроек, которые все еще представляли опасность для экипажа...

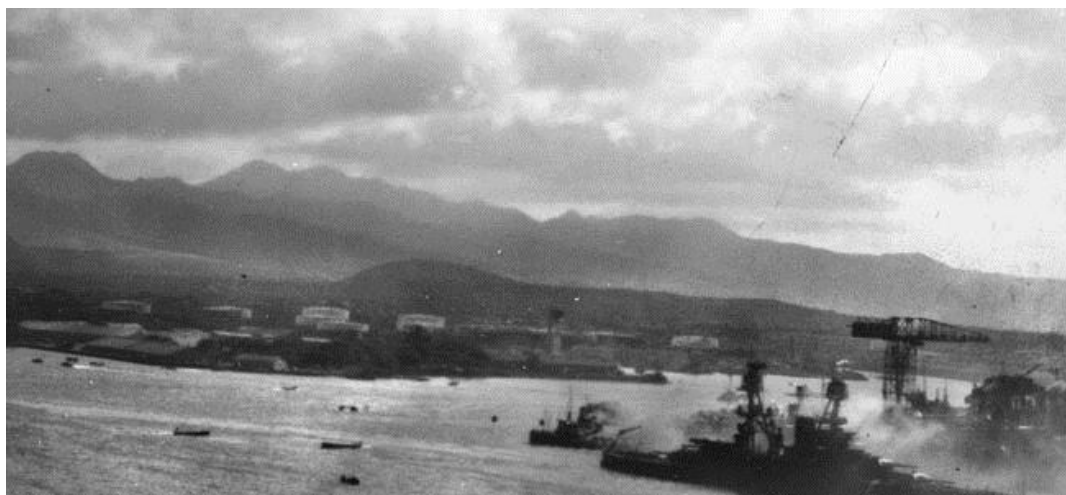
***Nevada* снова на плаву**

Я хорошо помню тот день, 12 февраля 1942 года, когда нос линкора был медленно поднят огромным, установленным на барже краном – наш корабль был вытянут из ила и снова был на плаву. Буксиры перетащили линкор в сухой док, где немедленно начались ремонтные работы, нацеленные на скорейшее восстановление мореходности корабля для перевода его на материк и осуществление полного ремонта. Широкая пробоина в левом борту линкора, которую оставила в нем торпеда, уже вскоре была закрыта сваренными вместе многочисленными металлическими пластинами. Эти пластины получили прозвище *Заплата в Миллион Долларов/Million-Dollar Patch*.

Будучи матросом 2-го класса, я остался среди 300 членов экипажа, оставшихся на линкоре для участия в уборке, тогда как более опытные и имеющие более высокие звания моряки были переведены на другие корабли для того, чтобы немедленно приступить к морской службе.

С декабря по февраль включительно мы продолжали работать в дневное время на уборке обломков и, используя насосы с бензиновыми движками, уже вскоре откачали загрязненную, дурно пахнущую воду из нижних отсеков, после чего было получено разрешение на то, чтобы спускаться в них. Некоторые из них по-прежнему были наполнены ядовитыми газами. Каждый день, после наступления сумерек, мы покидали корабль на катере и уходили на базу, где принимали горячий душ, ужинали и отправлялись спать. Линкор покинул Пёрл-Харбор своим ходом и медленно пересек Тихий океан в направлении военно-морской верфи Puget Sound в городе Бремертон, куда прибыл 1 мая 1942 года.

Экипаж получил 10-дневный отпуск, и я отправился на поезде домой, чтобы навестить родителей, которые были счастливы видеть меня живым и здоровым.

Окутанный дымом пожаров, линкор Nevada пытается покинуть зону атаки японской авиации и выйти в открытое море. Спустя мгновения после того, как была сделана эта фотография, в корабль попали две японские авиабомбы...

Вернувшись в Бремертон, я увидел заметную перемену в силуэте линкора. 10 палубно-башенных орудий были убраны, и вместо них на корабле были установлены 8 сдвоенных 5-тидюмовых орудий двойного назначения. Эти орудия больше подходили для отражения воздушных атак и, вместе с тем, могли быть использованы против надводных кораблей с применением современной электронной системы управления огнем и автоматизированного дальномерного оборудования.

Я не могу вспомнить, в какой из дней мая 1942 года мне была предоставлена честь – среди сотен других военнослужащих и рабочих – увидеть кавалькаду машин, в одной из которых был президент Рузвельт и которая проехала через судовой верфь. Он просил показать ему повреждения, нанесенные японцами во время атаки Пёрл-Харбор...

7 декабря 1941 года, 09.25 утра. Линкор Nevada, выброшенный на мель после попадания в него японской торпеды и нескольких бомб. У левого борта – буксир, помогающий бороться с пожаром в носовой части...

С мая по июнь 1942 года, пока линкор возвращали в строй, периодически выпускаемые новостные бюллетени дали нам возможность понять, в какой тяжелой ситуации оказались силы союзников на Тихом океане. Неделя за неделей, после первоначальной атаки на Пёрл-Харбор, японцы продолжали добиваться успехов – так были захвачены Уэйк/Wake, Гуам, Сингапур, Малайя и Филиппины. Потеря множества военных кораблей ВМФ добавила проблем к унижительному разгрому в Пёрл-Харборе. Эти трагические события дали мне, 19-летнему моряку, осознать ту ужасную правду о том, что мы вступили в смертоносную войну, и мысли об этом вгоняли меня в депрессию.

Во второй половине июня 1942 года до нас дошло коммюнике от Главнокомандующего на Тихоокеанском ТВД/CINCPAC - Commander-in-Chief, Pacific с долгожданной новостью, которые быстро разнеслись по всему ВМФ США: морская авиация потопила четыре японских авианосца в сражении у атолла Мидуэй. Это здорово подняло наш боевой дух! Офицеры нашей боевой части провели с нами импровизированные беседы о том, что нас ожидает в будущем. В целом, они подчеркивали, что теперь наши военно-морские силы получили возможность отомстить за Пёрл-Харбор, нанося японцам удары с применением продвинутых видов оружия, современных кораблей и огромного количества военной техники, поскольку индустриальная мощь Америки быстро сумела быстро перейти в полном масштабе на военные рельсы.

После завершения модернизации нашего линкора, которая заняла почти 8 месяцев, наш экипаж из 450 человек, включавший нескольких парней, переживших Пёрл-Харбор, покинул Бремертон и направился в порт Анджелес/Angelos, расположенный в верхней части пролива Хуан де Фука/Juan de Fuca между штатом Вашингтон и островом Ванкувер. Здесь орудийные расчеты и операторы радаров начали тестировать новое оборудование. Персонал был обучен использованию радарной установки. Теперь четыре электронных прибора держали под контролем быстрые перемещения целей и управляли огнем новых 5-тидюймовых зенитных установок.

В ходе обучения небольшой катер буксировал за собой мишень на небольшом удалении, и эти объекты появлялись на зеленом экране радиолокатора в виде двух небольших засветок. Повторные прогоны давали оператору возможность научиться различать между катером и мишенью. Я тоже приобрел опыт стрельбы в качестве комендора 20-мм пушки.

Операция *Landcrab*

Переместившись на юг вдоль западного побережья США, линкор достиг Сан-Диего, после чего снова началась артиллерийская практика, теперь близ острова Сан Клементе/San Clemente – военно-морского закрытого полигона, расположенного примерно в 25 милях от Сан-Диего. В первую неделю апреля 1943 года линкор *Nevada* получил приказ сопровождать два других линкора - *Pennsylvania* (еще один сильно поврежденный во время атаки на Пёрл-Харбор и восстановленный корабль) и *Idaho* – вместе с несколькими крейсерами и эсминцами в переходе к Алеутским островам...

Когда мы приблизились к этой цепочке островов, погода резко ухудшилась по сравнению с тем, к чему мы привыкли в Бремертоне, Сан-Диего и на Гавайях. Густой туман, шквальные ветры и снежные заряды встретили нас, когда гористые острова показались из-за горизонта. Прогноз не обещал солнечной погоды...

Сигналы *воздушной тревоги* и *боевой тревоги* часто подавались тогда, когда на экранах радиолокаторов появлялись неопознанные самолеты (*bogies* – *черти, дьяволята*). Сильное волнение, постоянный густой туман, ливни и, иногда, убивающие видимость снежные заряды задержали высадку на Атту – остров длиной в 60 миль и шириной в 20. Высадка задерживалась несколько раз, и погодные условия затруднили ее.

Моряки проходят обучение использованию радаров в Центре Флотской Подготовки на острове Оаху (Гавайи).

Обстрелы острова из орудий главного калибра линкора *Nevada* (14 дюймов) и среднего калибра (5 дюймов) в районе залива Бойни/Massacre устранили возможность концентрации сил противника для контратак. Линкор *Nevada* подошел к острову Адак в субботу 17 апреля 1943 года и бросил якорь в его гавани. Мы заправились с танкера прежде чем покинуть стоянку для выхода в море на патрулирование вместе с двумя крейсерами - *Detroit* и *Richmond* - и несколькими эсминцами. Наша позиция располагалась всего в нескольких сотнях миль от японской военно-морской базы на Курилах, поэтому наша группа получила приказ вести патрулирование на расстоянии 35 миль между кораблями. Вражеские подводные лодки представляли угрозу, но, по сообщениям, несколько лодок было потоплено.

Мои новые навыки в области работы с радаром уже вскоре прошли неоднократную проверку. Неопознанные самолеты часто появлялись на зеленых экранах. Наши зенитные батареи всегда были готовы открыть огонь, если такой объект не давал правильного опознавательного сигнала. Наш радар постоянно прощупывал небо в поисках вражеских самолетов во время подготовки к обстрелу Атту. Наш линкор и два крейсера открыли стрельбу 26 апреля и прочесали огнем побережье и внутреннюю часть острова.

Наши запасы горючего и наиболее важных припасов вскоре были близки к истощению, и командир взял курс на Колд-Бей/Cold Bay, где стояли на якоре вспомогательные суда. Мы прибыли туда в пятницу 30 апреля, и все палубные матросы приступили к погрузке припасов, пока линкор заправлялся в условиях сильного шторма. Хотя мы и находились в гавани. Думаю, именно тогда, когда температура была ниже нуля, я слегка обморозил себе пальцы.

Я отчетливо помню два эпизода, случившихся во время боев за Атту. Первый – армейское командование сообщило, что японцы ведут убийственный перекрестный огонь по нашим внутри острова и попросило о помощи. Линкор ответил 50 залпами, и этот обстрел подавил огонь японцев и позволил пехоте продолжить продвижение... Второй эпизод – имевшая место 29 мая трагическая, отчаянная *банзай*-атака тысячи японских солдат, прорвавших на рассвете линию обороны американцев и захвативших полевой госпиталь, где были убиты все: врачи, медсестры, раненые и больные – все. Контратака американцев восстановила положение, при этом было взято 25-30 пленных.

Моряки на чеку и стараются определить положение противника. Линкор Nevada принял участие в операции Landcrab, нацеленной на то, чтобы отбить у японцев остров Атту. Апрель 1943 года.

У нашей 27-летней *лэди* (типичное для англоязычных моряков обращение к собственному кораблю в женском роде) во время этой операции, по-видимому, появились проблемы с двигателем, поскольку корабль начал стонать и трястись. Командир объявил, что получил разрешение отвести корабль на базу острова Мэар/Маре, расположенного неподалеку от Сан-Франциско. Мы покинули Атту 7 июня 1943 года.

После завершения ремонта мы получили приказ идти на юг, пройти через Панамский канал и прибыть в Норфолк, штат Вирджиния, чтобы принять участие в эскorte конвоя, направлявшегося в Белфаст (Северная Ирландия). Все наши многочисленные трансатлантические походы прошли успешно, без особых происшествий, но частые океанские шторма, высокие волны, постоянная угроза со стороны немецких субмарин держали нас в напряжении. Вскоре мы узнали, что трансатлантические конвои перевозили технику и снаряжение для предстоящего вторжения в Европу...

Операция *Neptune*

Во время операции *Neptune* – военно-морской составляющей операции *Overlord* – наш линкор входил в морскую армаду, которая с моря молотила по оборонительным позициям немцев. Под прикрытием огня с нашего линкора солдаты Военно-Морского Берегового Батальона/Naval Beach Battalion координировали действия кораблей и высаживающих частей, управляли разгрузкой в секторах *Uncle* и *Victor* плацдарма *Юма*, выходом на пляжи десантных кораблей, танков и другой техники и очищали пляжи от оборонительных препятствий. У нашего линкора не всегда была возможность вести огонь с наиболее удобных позиций, так как акватория была уже просто забита транспортными судами и десантными кораблями. Вражеская артиллерия и минометы вели огонь с хорошо замаскированных позиций, и их огонь продолжался до тех пор, пока французские партизаны не передали точные данные об огневых позициях немцев американцам, которые перенаправили эту информацию на корабли.

Подавив артиллерию немцев, упрятанную в массивные бетонные казематы близ деревень Ла Мадлен/La Madeleine и Ле Дюн/Les Dunes d'Varreville, командир линкора Пауэлл Риа (Powell Rhea) отдал приказ подойти ближе к берегу еще на 1 100 ярдов. Теперь спаренные

5-тидюймовые пушки и счетверенные 40-миллиметровые пушки приступили к подавлению минометных и пулеметных гнезд немцев, засевших в бетонных ДОТах вдоль побережья.

Линкор Nevada ведет огонь по побережью в районе плацдарма Юта. 6 июня 1944 года.

Наши оружейные расчеты оставались в условиях боевой тревоги более 80 часов, и этот продолжительный интенсивный артобстрел ослабил вражеский огонь и дал возможность пехоте, машинам и подкреплениям продвинуться вперед за пределы плацдарма *Юта* и ворваться в край живых изгородей.

Через 12 дней после пребывания на огневой позиции у побережья Нормандии наш линкор вернулся в Уэймут. Мы пополнили запасы снарядов, топлива и всего прочего, прежде чем взять курс на Шербур – хорошо укрепленный порт с 15-дюймовыми орудиями береговой артиллерии, некоторые из которых были установлены на железнодорожные платформы. Хотя мы находились на 10 000 ярдов дальше, чем расстояние прицельной стрельбы, нам удалось подавить все береговые батареи противника. Снаряды этих батарей 27 раз падали неподалеку от нашего корабля, но ни разу не попали в него. Я видел и слышал, как эти огромные снаряды проносились и падали в воду. Несколько прошло над кораблем между мачтами буквально в нескольких ярдах от корабля, подняв в воздух громадные всплески, которые залили водой верхнюю палубу.

Операция *Neptune* подошла к концу. Ее цели были достигнуты, но война еще не закончилась. Следующим местом назначения нашего линкора была южная Франция...

Операция *Dragoon*

У нас было полное превосходство в воздухе в период вторжения в южную Францию в августе 1944 года. Мы также господствовали на Средиземном море, и высадка союзных войск на берега Ривьеры прошла гораздо более гладко, чем высадка в Нормандии. Наш линкор вступал в дуэли с немецкими 13.4-дюймовыми орудиями, защищавшими Тулон. Эти орудия были сняты немцами с французских линкоров, затопленных на раннем этапе войны, и помещены в железобетонные бункеры. Огонь с нашего линкора, который выпустил более

5 000 снарядов, и с других кораблей дал возможность войскам 2-го Корпуса французов захватить город.

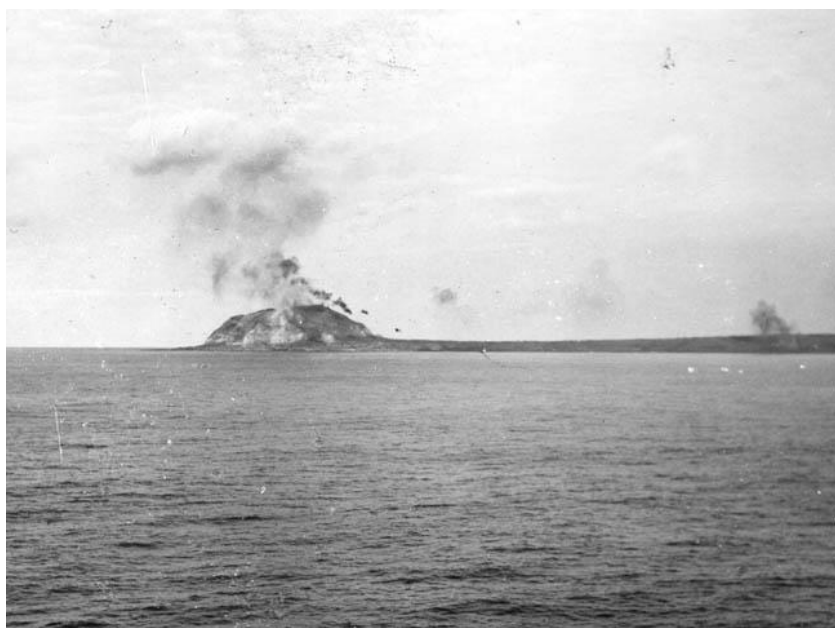
Возвращение в Штаты

После операции *Dragoon* получил приказ возвращаться в США для техобслуживания, переоборудования и получения нового задания. Мы узнали, что военно-морские судоремонтные предприятия на тихоокеанском побережье не смогут полностью обеспечить решение серьезных проблем с артиллерийским вооружением корабля – избавление от трещин и выступов в нарезках стволов 14-тидюймовых орудий, ремонт повреждений в орудийных станках, которые стали результатом интенсивной стрельбы во время операций у побережья Нормандии и южной Франции. Вследствие этого командир линкора Риа получил приказ покинуть тихоокеанское побережье и отправиться на судоремонтный завод в Норфолке (Norfolk Navy Yard) на Атлантическом побережье.

После короткой стоянки в гавани Нью-Йорка, чтобы не попасть в ураган, наш линкор вошел в сухой док Норфолка 18 сентября 1944 года. Экипаж получил 21-дневный отпуск, в то время как на наших 14-тидюймовых орудиях ремонтировали каналы стволов, а орудия 1-й башни были заменены на орудия, снятые с полностью выведенных из строя в Пёрл-Харборе линкоров *Arizona* и *Oklahoma*.

Курс на Улити/Ulithi

После двух дней, ушедших на погрузку боеприпасов всех калибров, наш линкор взял курс на атолл Улити – крупнейшую военно-морскую стоянку в архипелаге Каролинских островов. Якорь мы бросили близ острова, носившего название Мог Мог/Мог Мог. Здесь мы хорошо отдохнули после долгого перехода. Мы наслаждались неограниченной свободой, пили пиво, играли в карты... В районе Улити были сформированы флотские соединения. Мы вошли в 54-е Тактическое Соединение 54/Task Force 54, нацеленную на огневую поддержку и прикрытие десантирующихся войск артиллерийским огнем. Группа состояла из шести линкоров: *Arkansas*, *New York*, *Texas*, *Idaho*, *Tennessee* и *Nevada*), пяти крейсеров: *Pensacola*, *Salt Lake City*, *Chester*, *Tuscaloosa*, и *Vicksburg*) и десятков эсминцев и вспомогательных кораблей.

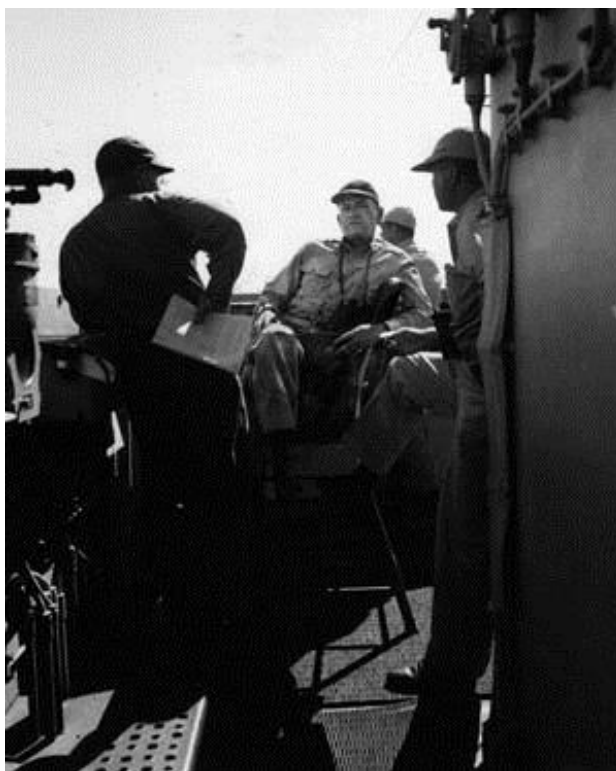
Гора Сурибати на острове Иводзима под огнем 14-тидюймовых орудий линкора Nevada. Февраль 1945 года.

Мы, находясь на верхней палубе, на протяжении двух часов наблюдали, как корабли покидают бухту острова Улити, чтобы приступить к атакам на судоходные линии японцев и собственно Японские острова. После этого бухта почти опустела – в ней остались только корабли нашего 5-го Флота и вспомогательные суда. По сравнению с другими, элегантными линкорами, наша *Nevada*, выкрашенная грязновато-серой, облупившейся от времени и ставшей пятнистой краской, выглядела как пожилая уставшая уборщица в конце рабочего дня.

Нашей следующей боевой задачей было участие в захвате острова Иводзима – операции *Detachment*. Линкор заправился на стоянке в архипелаге Керам Ретто/Kerama Retto, и 10 февраля боевая группа взяла курс на Иводзиму.

Иводзима

Контр-Адмирал Бертрам Роджерс (Bertram Rogers), командующий Тактическим Соединением 54, поднял свой флаг на нашем линкоре. Контр-Адмирал Уильям Блэнди (William Blandy) находился на борту плавучего командного пункта десантных войск - корабле *Estes* – и руководил действиями 52-го Тактического Соединения, включавшего силы амфибийной поддержки и прикрытия четырех дивизий морпехов, высаживавшихся на берег.

Контр-адмирал (младшей ступени – Rear Admiral) Бертрам Дж. Роджерс на своем флагманском корабле – линкоре Nevada во время сражения за Иводзиму

Силы вторжения заняли позиции близ Иводзимы в 6 утра 16 февраля. Мой приятель Билл Бринкли (Bill Brinkley) был одним из моряков, осуществляющих оперативную связь между адмиралами. Каждому линкору было указано время для ведения огня, предполагаемое число выстрелов и цели. *Nevada* и *New York* были нацелены на бункеры и ДОТы и все выглядевшие подозрительно, присыпанные песком холмики на пляжах. Прочие корабли были нацелены на все попавшие в поле зрения артиллерийские батареи противника на высоких обрывах, окружающих гору Сурибати.

Предварительная артподготовка была запланирована на последние три дня перед высадкой, хотя морпехи просили, чтобы она заняла больший промежуток времени. Планировалось, что специальный персонал, находившийся на флагманском корабле контр-адмирала Блэнди, будет регистрировать попадания в определенные для обстрела цели.

Перед погребением погибших в море на борту линкора Nevada. Капеллан отпевает морпехов, убитых на борту десантного корабля LCI 441 в ходе высадки на Иводзиму...

В 9 утра, в пятницу 16 февраля 1945 года, наш линкор вместе линкорами *Idaho* и *Tennessee* приблизился к острову на расстояние в полторы мили и открыл огонь по склонам горы Сурибати. Наш линкор оказывал огневую поддержку 5-й Дивизии морпехов, наступавшей в секторах *Purple* и *Brown* на западном склоне горы у ее подножия. Обычно я командовал расчетом 20-миллиметровой зенитной установки, в качестве альтернативы я мог быть оператором дальномера в дневное время и радиолокатора ночью...

Спаренные 40-миллиметровки ведут огонь по позициям японцев на Иводзиме. 17 февраля 1945 года.

Мы молотили по желтоватому от серы острову, вытянутому всего на 5 миль в длину и меньше чем на 2 мили в ширину, но сильно укрепленному. Мы разрушили все, что было на его поверхности, но, черт возьми, все японцы хорошо укрылись под землей [в бункерах], соединенных тоннелями, от артиллерийских снарядов и авиабомб. Отчеты о первых двух днях артподготовки показали, что огонь едва ли нанес ущерб заметный японцам или как-то снизил огневую мощь артиллерийских батарей на Сурибати. В то время многие офицеры ВМФ и Корпуса Морской Пехоты твердо верили в то, что если бы адмиралу Честеру Нимицу (Chester Nimitz) разрешили потратить перед высадкой 10 дней на артобстрел и воздушную бомбардировку первоначально запланированным число линкоров, крейсеров и самолетов с 12 авианосцев (которые у нас забрал генерал Макартур для своей сакральной кампании на Филиппинах), оборона японцев была бы ослаблена в более значительной степени, и, что наиболее важно, снизило бы наши потери...

За несколько часов до высадки первой волны 19 февраля, группа десантных кораблей, на которых находились отряды подводных подрывников (Underwater Demolition Teams), попала под сильный огонь противника. Сильно поврежденный корабль *LCI 441* подошел к левому борту нашего линкора, запрашивая сочную медицинскую помощь раненым. Я вскарабкался на борт корабля еще с несколькими моряками и сразу же начал переносить раненых на борт линкора, затем вернулся, чтобы подобрать убитых с его скользкой, залитой кровью палубы. Зрелище было ужасным...

Моряки линкора Nevada убирают с палубы обломки надстроек после прямых попаданий японских снарядов. Апрель 1945 года.

С моего боевого поста, когда линкор находился всего 2 200 ярдов от берега, я наблюдал за высадкой первой волны 5-й Дивизии морпехов, видел, как пошла вторая волна. Нам говорили, что оборона острова построена и организована наилучшим образом и является наиболее прочной по сравнению со всем тем, с чем американцы сталкивались ранее. После завершения предварительной артподготовки я просто онемел и почувствовал полную беспомощность, когда увидел, насколько точно ведут огонь по высаживающимся японские минометы, ракетные установки и артиллерия со скрытых позиций, буквально скашивая наших парней... Это был ужасающий, тошнотворный опыт – смотреть, как гибнут люди.

Линкор оперативно получил приказ обрушить на остров продвигающийся перед фронтом десанта огневой вал, ведя огонь из 5-тидюймовых орудий фугасными снарядами. Я видел, как облака пыли от разрывов ползут вперед, вверх по береговым склонам и сразу за пляжи – туда, куда стремились прорваться морпехи. Один военно-морской историк писал: «Линкор *Nevada* стал любимым кораблем морпехов. Его командир Гросскопф (H.L. «Pop» Grosskopf), опытный офицер-артиллерист... добивался того, чтобы его корабль стал лучшим по огневой поддержке на весь флот, и он добился этого. На линкоре, начав в 09.25 обстрел, создающий продвигающийся вперед огневой вал, поняли, что его орудия среднего калибра не могут разбить бетонные *блокгаузы* и передали эту работу артиллеристам башен главного калибра. Огонь этих орудий повредил ранее незамеченный американцами *блокгауз*, расположенный [выше по склону] от пляжа *Beach Red 1*, снес с него песчаную насыпку и обнажил его... В 11 утра этот *блокгауз* вновь начал создавать проблемы, и линкор, используя бронебойные снаряды, разнес его вдребезги. В 15.12 с линкора увидели, что из входа в одну из пещер, расположенную на возвышенности к востоку от пляжей, ведет огонь японская [пушка]. Стреляя прямой наводкой, линкор выпустил в нее два 14-тидюймовых снаряда, которые попали точно во вход ... и уничтожили пушку. Кто-то увидел, как она скатилась с обрыва...»

23 февраля я был на посту дальномерщика и стал свидетелем события, которое оставило большой эмоциональный след у моряков с кораблей, окружавших Сурибати. Через бинокль я увидел, как небольшая группа морпехов, которые выжили после ожесточенных контратак [японцев], подняли небольшой американский флаг на вершине горы Сурибати. Я не видел, как подняли второй флаг, ставший знаменитым благодаря фотографии Джоу Розенталя, так как в тот момент не был на вахте. Как-то спонтанно со всех кораблей донесся шквал из свистков, сирен и воя клаксонов. В торжественном гвалте доминировали свистки с эсминцев, а на нашем линкоре весь экипаж просто орал во все горло.

Я также припоминаю, как линкор периодически выстреливал в небо осветительные снаряды, к чему присоединялись другие корабли. Эти снаряды освещали небо в моменты ночных воздушных атак фанатичных японцев. Эта пиротехника имела великолепный, ослепительный эффект, освещая погруженный во мрак остров, что было ошеломляющим зрелищем для паренька, выросшего в эпоху [Великой] Депрессии и никогда в жизни не видевшего фейерверка...

Рано утром, в четверг 1 марта, когда наш линкор оказывал помощь эсминцу *Terry*, получившему повреждения от снарядов японской береговой артиллерии, адмирал Роджерс получил известия о том, что основной склад боеприпасов для морской пехоты попал под огонь артиллерии, что принесло значительный ущерб. Погибших не было, но несколько морпехов получили ожоги, пытаясь спасти что-то из боеприпасов... Крупнейший из когда-либо участвовавших в одном сражении контингент морпехов, захвативших остров после 36 дней боев, понес тяжелые потери: почти 7 000 убитыми, более 19 000 раненым. Японский гарнизон был почти полностью уничтожен.

Примерно в 19.30, 11 марта, уже на стоянке у атолла Улити, я был на вахте, работая на ночном радаре 5-тидюймовой артиллерийской установки, когда до меня, откуда-то сверху, донесся свистящий звук. Я глянул в амбразуру и был ошеломлен: прямо надо мной летел двухмоторный [бомбардировщик] *Yokosuka P1Y*. Спустя мгновения все, находившиеся на верхней палубе линкора, услышали взрыв где-то совсем вблизи. Позднее мы узнали, что недавно подошедший на стоянку авианосец *Randolph*, получил тяжелые повреждения и 27 человек погибли, когда этот самолет врезался в него. А он мог ведь ударить и по нам...

Окинава

Высадка на Окинаву была намечена на Пасхальное Воскресенье, 1 апреля 1945 года. Линкор *Nevada*, стоявший на якоре в заливе Накагусука/Nakagusuka, вдающемся в юго-восточную часть острова, еще до этого дня был под угрозой атак камикадзе. Перед

высадкой наш линкор и другие корабли огневой поддержки переместились на огневые позиции, расположенные на расстоянии от 10 до 12 миль от побережья. Почти сразу зенитные расчеты были уведомлены о приближении вражеских самолетов. Готовившие самоубийственные атаки японские самолеты начали прорываться сквозь огневой заслон и искать возможности для атак на наиболее уязвимые корабли – авианосцы. Сами подумайте! Японский летчик обрушивает свой самолет на палубу крупного корабля – он приносит себя в жертву, но может унести с собой на тот свет сотни американских моряков и, возможно, потопить корабль или сильно повредить его, тем самым выведя его из строя.

27 марта, в 6.20 утра, когда мы находились на стоянке Керама Ретто к юго-западу от Окинавы, японский самолет (первоначально сообщалось, что это был торпедоносец *Nakajima B5N1 «Kate»*, но позднее указывали, что это был пикирующий бомбардировщик *Aichi D3A «Val»*) врезался в нашу верхнюю палубу ближе к правому борту линкора. Сильнейший взрыв сорвал с основания несколько 40-миллиметровых и 20-миллиметровых пушек, при этом около 60 моряков попали в разряд убитых, раненых и пропавших без вести. Меня взрывом швырнуло на орудийный щит, но я избежал серьезных травм.

Дым и огонь вырываются из стволов орудий главного калибра линкора Nevada, в то время как зенитки отгоняют камикадзе. Операция по захвату Окинавы, апрель 1945 года.

В 06.30 утра, во вторник (вероятно, речь идет о 3 апреля), когда мы находились у побережья Окинавы, двухмоторный бомбардировщик *Betty*, ведомый камикадзе, промахнулся и, пройдя за кормой нашего линкора, упал в море. Двое японских летчиков были спасены подняты на борт. Теперь у меня была возможность увидеть, как выглядят наши враги. Оба были маленького роста, с загорелыми лицами, примерно моего возраста – лет 18-19.

Примерно следующие восемь дней наши орудия главного и среднего калибра обстреливали пляжи острова и несколько расположенных в его глубине целей. Их точные координаты передавались нам корректировщиками огня, находившимися на острове.

5 апреля, во время перерыва в повторявшихся ежедневно атаках камикадзе, линкор находился в 6-8 тысячах ярдов от юго-западного берега Окинавы, он был в одиночестве и стоял на якорю. По глупости, мы простояли на одной позиции слишком долго, японские береговые батареи вычислили расстояние до нас и выпустили по нам около 20 залпов. Неожиданно для нас из волн вокруг корабля поднялись столбы воды, и их всплески захлестнули линкор. Спустя мгновения мы услышали пять взрывов. Вызванных

попаданиями в верхнюю палубу и надстройки, которые нанесли нам небольшие повреждения. Однако двое моряков были убиты и несколько человек получили ранения. В отместку за это 14-тидюймовые батареи линкора *Nevada* обрушили свои снаряды на [артиллерийские] позиции противника и полностью подавили их. После этих событий я с несколькими парнями прошелся по палубе, чтобы получше разглядеть полученные нами повреждения. Мне удалось подобрать осколок снаряда, который все еще был теплым. На осколке тыльной части 5-тидюймового снаряда я увидел надпись *Made in Maryland*. Очевидно, снаряд был с захваченного японцами когда-то американского склада боеприпасов.

Устранение повреждений было проведено на стоянке Керама Ретто. Там мы узнали, что главнокомандующий, президент Рузвельт, скончался 12 апреля 1945 года.

Мы осуществляли огневую поддержку войск, штурмовавших Окинаву, на протяжении 22 дней. Думаю, за это время сирена воздушной тревоги звучала 50-60 раз, но больше всего от самолетов противника пострадали маленькие храбрые эсминцы. Для них это было кровопусканием. Всего в этой кампании было убито 12 000 американцев, 38 000 ранено. Было потеряно около 900 самолетов и 28 кораблей, 368 кораблей и судов повреждено.

Позднее мы были частью соединения, патрулировавшего воды Восточно-Китайского моря вокруг Окинавы и Формозы вместе с тральщиками, зачищавшими от мин акватории, через которые нашим кораблям предстояло проложить морские пути. Наш линкор также оказывал поддержку десанту на расположенный к северо-западу от Окинавы крохотный остров Ие Шима/le Shima, захватить который удалось только после шести дней боев. Здесь 18 апреля погиб один из наиболее известных в США военных репортеров Эрни Пайл (Ernie Pyle). Когда мы находились в этих водах, наши радисты получили сообщение от Токийской Розы (англоязычная радиоведущая на Токийском радио): «Привет, *Nevada*! Мы знаем, что ты здесь!»

Был случай, когда один из членов экипажа сообщил и скрежещущем и царапающем звуке, доносившемся со стороны правого борта в носовой части и вдоль корпуса. Неожиданно кто-то крикнул: «Минреп! (Mine chain!)» Уже не помню, как от этой мины избавились, но в те короткие мгновения что-то заставило меня поднять глаза к небу и произнести молитву... Во время патрулирования в Восточно-Китайском море мы угодили в жесточайший шторм. В рапорте нашего штурмана было указано, что крен палубы линкора достигал 21 градуса! Представьте себе, как тяжело пришлось в этом шторме кораблям меньшего размера, таким как эсминцы...

Наш линкор и еще несколько получивших повреждения кораблей получили приказ проследовать в Пёрл-Харбор для продолжительного ремонта, переоборудование и модернизацию систем управления огнем. Когда мы обходили южную оконечность Окинавы, к нам присоединились линкор *Maryland*, крейсер *Pensacola* и несколько эсминцев и транспортных судов. У всех этих кораблей и судов были существенные повреждения.

20 апреля 1945 года, в пятницу, наш линкор встал на якорь в гавани Пёрл-Харбора у причала *Fox 3* – там, где 7 декабря 1941 года находился линкор *California*. Вообще, изначально предполагалось, что мы будем ремонтироваться на одном из заводов на континенте, но тогда забастовка портовиков охватила все западное побережье США. На протяжении двух месяцев, день и ночь, от носа до кормы корабль был окутан голубыми огоньками автогенов, отовсюду доносились стук пневмомолотков и запахи свежей краски. Квалифицированному персоналу был предоставлен отдых и возможности пройти дополнительное обучение.

После завершения ремонта в сопровождении двух эсминцев *Murray* и *Taylor* наш линкор покинул Пёрл Харбор и 18 июня 1945 года бросил якорь у небольшого кораллового острова Эмидж/Emidj (часть атолла Джалуит/Jaluit архипелага Маршалловы острова). В нашу

задачу входили обстрелы острова, где находился японский гарнизон, аэродром и радиоузел. В прошлом остров был обойден и изолирован после того, как соседние острова Kwajalein и Eniwetok были с боем захвачены морпехами. Приоритетные и второстепенные цели на острове были быстро уничтожены, после чего линкор пошел на северо-запад и встал на якорь на базе у острова Сайпан/Saipan (Марианские острова). Там мы заправились, загрузили боеприпасы и провизию и получили приказ вернуться к Окинаве. Однако еще до того, как мы подошли к Окинаве, пришли известия о том, что сражение за остров закончилось. 30 июня мы присоединились к двум другим кораблям, пережившим Пёрл-Харбор – линкорам *California* и *West Virginia*, сформировав соединение, которому, вместе с эсминцами и вспомогательными кораблями, предстояло патрулировать Восточно-Китайское море. Несколько раз, находясь в Корейском проливе, нам приходилось вступать в бой с авиацией противника.

Идем домой

После Окинавы американское командование приступило к сокращению своих сил на Тихом океане и демобилизации некоторого количества призванных до войны военнослужащих. Вскоре я узнал, что нахожусь среди тех моряков линкора, которые имели право на возвращение в Штаты и увольнение с флота. 21 июля 1945 года я покинул борт линкора и отправился на пункт приема моряков Куба/Kuba на Окинаве вместе с группой других парней. 5 августа на транспортном судне *Kittson* мы отправились на Гуам. 6 августа, на пути к Гуаму, мы узнали, что мощная бомба была сброшена на японский город Хиросима, а через несколько дней о том, что вторая бомба взорвалась над Нагасаки. 11 августа мы пришли в Гуам, где через четыре дня узнали о том, что над Тихим океаном наступило прекращение огня.

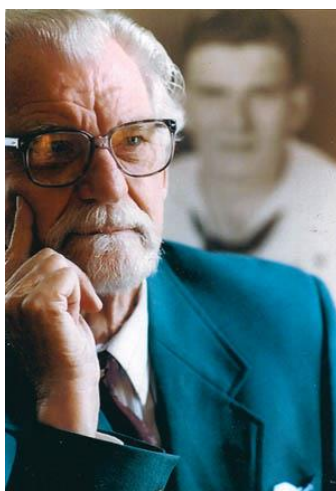
26 февраля 1946 года, на мой 23-й день рождения, в Военно-Морском Учебном Центре на Великих озерах, я был уволен из ВМФ. Я пробыл в военной форме шесть лет, из них три года, восемь месяцев и девять дней в зонах боевых действий...

Обугленный, зараженный радиацией после испытаний ядерного оружия в районе атолла Бикини в 1946 году линкор *Nevada* все еще на плаву. Позднее. В 1948 году он был потоплен торпедами

Я все это видел, начиная с Пёрл-Харбора, включая Алеуты, вторжение в Нормандию, Южную Францию, ожесточенные сражения за Иводзиму, Окинаву и многое другое. После увольнения я воспользовался возможностью, предоставленной Актом о Возвращении Военнослужащих [к Гражданской Жизни]/ Servicemen's Readjustment Act of 1944 (Закон о Правах Военнослужащих/G.I. Bill of Rights) и записался в расположенный неподалеку гуманитарный колледж штата Иллинойс (Illinois liberal arts college). Это решение изменило все во взглядах на жизнь, сформировавшихся к тому времени у паренька, выросшего в годы [Великой] Депрессии.

Спустя 70 лет я не могу уйти от мыслей о том, что молодые люди из разных стран попали на ту ужасную войну в силу с самыми разными обязательствами, целями, принципами и идеалами. Многие из них не вернулись домой, тогда как другие всё изменили в своей жизни после возвращения к мирной жизни. А еще были те, кто вернулся с войны с нарушенной психикой. Многих ветеранов ВМФ спустя семь десятилетий все еще преследуют призраки и ужасы войны, на этом фиксируются их беспокойные мысли. Из всех трагедий войны главной является та, что невинные юнцы идут в бой, им достаются глубокие раны и шрамы, это они умирают. Когда-нибудь человечество извлечет из этого урок?

Автор воспоминаний в пожилом возрасте

**СЕРЖАНТ ЧАРЛЗ ВОНДЕР ЭМБСИ (CHARLES B. VONDER EMBSEE, 1918-1996)
РАССКАЗЫВАЕТ О БОВЕЫХ ДЕЙСТВИЯХ В ТУНИСЕ**

Будучи взводным сержантом и командиром танкового экипажа в 1-й Танковой Дивизии, я участвовал в боях в северной Африке на протяжении почти пяти месяцев. Там имели первые крупномасштабные танковые сражения в истории нашей армии. Я мало что знаю о высоких стратегических материях этих сражений – вы можете прочесть об этом в газетах – но я знаю, как все это выглядело изнутри танка. Наша рота приняла участие во множестве самых разных боестолкновений. Мы дрались против французов на протяжении нескольких дней, пока они не разобрались со своими политическими намерениями, после чего присоединились к нам. Мы дрались против итальянцев. У нас были схватки с элитными танковыми дивизиями Гитлера: 10-й, 21-й и 26-й. Мы дрались, когда стояли холода, в снегу и под дождем, утопая в грязи, дрались в жару, песках и пыли, дрались в горах и сосновых лесах, в днищах сухих озер, в больших морских портах, в маленьких арабских деревнях и посреди римских развалин.

Мы допускали кое-какие ошибки. Бывало, нам доставалось. В один из малоприятных дней наша рота потеряла 9 машин из 18, вступивших в бой, еще до того, как мы поняли, что

происходит. Но мы были хорошо обучены, и мы быстро учились воевать. Продвигаясь вперед, мы усовершенствовали приемы *Старого Профессора Роммеля*. Если говорить в целом, от нас врагу досталось больше, чем нам от него. У меня нет грандиозных героических историй, которые я мог бы рассказать. Четверо парней из нашего танка были обычным экипажем, который пролил много пота, излил много ругани и много шутил, преодолевая все выпавшие нам трудности.

Танк Стюарт в Тунисе. Перед высадкой в Африке на них был нарисован флаг США (в то время с 48 звездами) в надежде на то, увидев его, французы не будут по ним стрелять...

И вот что имеет значение, когда ты танкист. У тебя есть доля секунды на то, чтобы увернуться от бронебойного снаряда 88-миллиметровки, или на то, чтобы успеть первым выстрелить в немецкий *Pz. IV*, когда он появляется из-за какого-нибудь бугра. Может быть, поэтому – ну и плюс к тому немного удачи – наша четверка прошла через всю кампанию вплоть до того момента, когда я был ранен, в одном и том танке. Само собой, иногда нам приходилось менять гусеницы и тратить много времени на техобслуживание. В моей машине было еще три парня:

Механиком-водителем был сержант Джек Колсон (Jack Colson) из Мидвэйла/Midvale, штат Айдахо, который в прошлом был ковбоем и водителем грузовика. Лучший парень из всех, кто когда-либо садился за рычаги управления. Он умел водить танк так, словно это был наполовину грузовик, наполовину *бронсо* (*дикая или полудикая лошадь на Западе США – ВК*). Как говаривал наш полковник, он и в самом деле выпустить его на волю и дать ему пощипать травки. Он знал, куда я хотел направить его в тот мигновение, когда я решал это для себя. Нам едва ли были нужны какие-либо сигналы. Он спас мне жизнь не один раз. Его помощником был Джон Дилеуски (John Dylewski), типографский наборщик из Джерси/Jersey. Его родители были из Польши, и у него там все еще оставались родственники. Он слышал о том, как немцы обращаются с поляками, и у него был на них зуб. Если кто-то забывал, что нашей основной задачей было убивать немцев, Джон всегда напоминал об этом...

Нашим заряжающим был капрал Хэррисон Маккинни (Harrison McKinney). Совсем пацан, лет 18-19, мы звали его *наш юный хиллибилли/hillbilly* (деревенщина). Однако он был парнем довольно сообразительным и весьма забавным. Когда остальные были в неважном расположении духа, он всегда знал, как поднять настроение какой-нибудь историей из Кентукки и сельской песенкой. Нашей машиной был легкий танк *M3 Stuart*. Нашей брони хватало, чтобы отражать пули и снаряды легких противотанковых пушек, но, если нам противостояла 75-миллиметровка или что-то потяжелее, дело было плохо. С другой

стороны, он мог забраться туда, куда не мог пройти более тяжелый танк, и сделать это быстро. У нас были 37-мм пушка, два пулемета, зенитный пулемет, автоматы и пистолеты. Я дал нашей машине имя *Kalida*, оно было выведено краской на ее башне.

Как-то ночью мы заехали за передовую линию немцев, и они выстреливали в небо осветительные ракеты во всех направлениях, дело выглядело так, словно мы могли угодить к ним в руки. Мне было любопытно: если это случится, как немцы разберут, что значит *Kalida*. Это должно было быть для них загадкой, оно ничего для них не значило. Но для меня оно значило многое. Калида — это небольшой городок в штате Огайо с населением 500 человек, примерно в 20 милях к северу от Лимы/Lima. Мои дед и отец были сельскими кузнецами в тех краях. Я там родился, вырос на ферме рядом с этим городком, окончил среднюю школу, играл в бейсбольной команде. Там жила моя мать. Прекрасные фермерские угодья вокруг, лучше, чем все, что я видел за границей. Так что, думаю, это было отличное название.

Вечером 7 ноября мы были на борту транспортного судна, находившегося у берегов северной Африки. Мы прокрались через Гибралтарский пролив за пару ночей до этого под покровом темноты. Мы погрузились на него в Англии почти за три недели до этого и провели довольно много времени, делая круги в водах Атлантики, чтобы не дать противнику понять, куда мы направляемся. От этого мы сильно подустали.

Мы высадились в небольшой бухте примерно в 50 милях к западу от Орана. Наша рота должна была двигаться сначала на юг, потом на восток, а затем занять важный аэродром и удерживать его до прихода подкреплений. Далее мы должны были начать марш на север и атаковать Оран с юга.

Итак, мы тронулись на юг. После наступления темноты мы получили приказ остановиться на ночлег. Мы построили наши танки в круг, пушками наружу. Это напомнило мне картинки лагерей [переселенцев] времен крытых фургонов. Такое строение мог стать хорошей целью для бомбардировщиков в дневное время, но ночью, в незнакомой местности, благодаря ему мы чувствовали себя в безопасности. Если бы самолеты налетели с осветительными бомбами или ракетами, мы смогли бы рассредоточиться с считанные секунды.

Мы спали прямо в танках, но один все время сидел в башне на часах. Ночью, в боевых условиях, мы всегда спали в машине. Сначала к этому было непросто привыкнуть. Места в нем так мало, что ты можешь сдвинуться всего на несколько дюймов в каком-либо направлении, но потом ты ударялся о металлическую стенку, казенник пушки, ящик с боеприпасами или автомат. Но вскоре ты уже приспосабливаешься. Через несколько дней боев ты устаешь так, что броня кажется тебя перinou.

Засыпаешь в тесноте, в одной позе, потом поерзаешь немного и снова засыпаешь. Металл, из которого сделал танк, здорово охлаждается в ночное время, и этими африканскими ночами часто случались заморозки. Утром мы ели холодные консервы, запивали их водой и на рассвете трогались в путь. Вскоре, милях в 10 от нас, мы уже могли разглядеть столбы дыма, поднимающиеся над аэродромом, который был нашей первой целью. Позднее мы узнали, что по нему отбомбились самолеты с авианосца.

Мы захватили аэродром в тот же день. Особенного боя там не было. У французской пехоты, охранявшей аэродром, не было оружия, чтобы остановить наши танки, а пара наших истребителей танков, подошедших на помощь, помогла уничтожить полевое орудие, стоявшее в ангаре. Но и у нас было мало из того, чем мы могли бы удержать летное поле. Семь легких танков с горючим на исходе, два истребителя танков, каждый с всего лишь несколькими снарядами из боекомплекта.

После полудня, как только мы занялись чисткой оружия, вокруг нас начали рваться 75-мм снаряды. Французы подтянули 8 пушек и повели по нам огонь со стороны деревни Валми/Valmi. Эти пушки находились от нас всего в паре тысяч ярдов. Наши истребители танков не могли вступить в бой им было необходимо сохранить то небольшое количество боеприпасов на тот случай, если на атакуют танки. По этой причине полковник бросил в

атаку на эти восемь 75-миллиметровок пять наших легких танков. Дело предстояло горячее, но мы были настроены по-боевому. Мы рванулись вперед достаточно резко.

Однако, когда мы перевалили через холм и оказались всего в нескольких сотнях ярдов от 75-миллиметровок, они встретили нас залпом в упор. Их снаряды, которые вне всякого сомнения несли смертельную угрозу легким танкам, стали с воем проноситься совсем рядом с нами. Кроме того, по нам повели интенсивный огонь пулеметы и 20-мм пушки. Мы откатились назад, за этот самый холм, чтобы подумать о том, что делать дальше. От пребывания в раздумьях дела пошли еще хуже. Поскольку пушки вели огонь по летному полю, они приводили его в негодность. Наша миссия превратилась в пустышку. Пушки нужно было заставить замолчать. Мы решили атаковать еще раз на полной скорости, ведя непрерывный огонь из всех стволов. Этим мы рассчитывали внести сумятицу в действия французских артиллеристов и прижать их к земле.

К этому моменту становилось темно, и начинался дождь. Я сидел в башне *Калиды*, Джек Колсон – за рычагами. Картина, которую он видел через перископ, была расплывчатой, а я не разрешил ему открыть заслонку смотровой щели, потому что боялся, что поймает в нее пулеметную очередь. Так что он был ослеплен и мог маневрировать только благодаря тому, что я мог хлопать его по плечам своими ступнями. Я мог видеть, что происходит, через смотровую щель башни, или высунув голову из ее верхнего люка.

В сумерках, под дождем, мы перевалили через холм в стиле старомодной и киношной кавалерийской атаки, разве что были быстрее. Трассы наших пулеметных очередей нацеливались на дульные вспышки 75-миллиметровок. Мы пересекли железнодорожное полотно на максимальной скорости и свалились – все пять машин – в широкий и глубокий ров. Для нас это едва не кончилось совсем плохо. Если бы наши танки не были классными машинами, они бы никогда не выбрались из этого рва. Джек Колсон самым мастерским образом быстро вывел из него *Калиду*. Выбравшись наверх, мы набросились на эти 75-миллиметровки как гончие псы. Мы были настолько близко от них, и действовали столь решительно, что они не успевали поворачивать стволы своих пушек достаточно быстро. Позднее мы обнаружили, что уничтожили семь пушек из восьми. Мы вернулись на аэродром и не потеряв ни одного танка, однако наша броня была иссечена пулями и снарядами 20-миллиметровок.

В тот вечер мы почти полностью израсходовали топливо и боеприпасы. Однако мы нашли кое-какие запасы французского авиационного горючего и заправились им. Около четырех утра до нас добрались первые грузовики с боеприпасами. Как мы им обрадовались... В ту ночь мы снова спали в своих машинах.

Наутро мы присоединились к другим американским частям, продвигавшимся к Орану. Особенных боев не было: сопротивление французов почти полностью рухнуло. Вскоре после того, как мы въехали в южную часть города, большая часть гарнизона, представленная *Французским Иностраным Легионом*, капитулировала. Мы посадили их старшего офицера на броню одного из наших танков, чтобы он показывал нам дорогу, и направились к *Гранд Отелю*, чтобы взять в плен находившуюся в нем группу немецких и итальянских офицеров. Большая часть местных встречала нас как освободителей и угощала нас мандаринами и вином. Мы к тому времени не ели мандаринов или апельсинов уже семь месяцев, с тех пор как прибыли на Британские острова, и вкус у них восхитительным.

По дороге к отелю снайпер выстрелил из окна одного из зданий по танку, который был машины на четыре впереди меня. Он ранил француза, который передавал мандарин парню, стоявшему в башне. Наводчик следующего танка немедленно поднял свою 37-миллиметровку и вынес снайпера из окна. Почти одновременно с этим один из истребителей танков произвел выстрел из своей тяжелой пушки и практически разнес в пух и прах угол здания.

В тот день мы были заняты патрулированием улиц. Я наткнулся на сержанта *Иностранного Легиона*, который был из Колумбуса/Columbus, штат Огайо. Он прослужил к тому времени в *Легионе* уже пятнадцать лет. Определенно, он был рад видеть нас и

оказал нам всестороннюю помощь. Ему пришлось покинуть нас, чтобы какое-то время побыть переводчиком, еще до того, как я узнал, почему он покинул Колумбус и как оказался в этих местах.

На следующий день французы подписали перемирие, и начались большие торжества. Нас перебросили миль на 50 на восток, где мы установили под дождем палатки на склоне холма и провели там 10 дней, обучая французских офицеров и подофицеров использованию и техобслуживанию американских танков. Вчера мы стреляли друг в друга, сегодня мы были друзьями... Они были хорошими парнями и быстро учились. Я всегда испытывал проблемы в северной Африке из-за того, что не знал ни одного иностранного языка: французский или даже итальянский или испанский могли бы пригодиться.

Через пару недель мы переместились на примерно 500 миль вплотную к линии соприкосновения с немецко-итальянскими войсками. Мы проделали этот путь на французском грузовом поезде, состоявшем из платформ для техники и вагонов типа *40 hommes, 8 chevaux/40 человек, 8 лошадей* для личного состава. Заняло у нас это неделю – меньше чем 100 миль в день – настолько забавным было то, как французы управляют со своими железными дорогами.

На передовой мы впервые были атакованы пикирующими бомбардировщиками. Когда эти *Штуки* пикируют, их сирены воют как какие-то дикие животные, разрывы бомб оглушают вас и встряхивают землю, их пулеметы строчат по земле всюду и везде неподалеку от вас, и первые пару раз это просто раздирает душу. Потом ты понимаешь, что танку от этого никакого вреда, если только бомба не попадает прямо него, что случалось крайне редко. Ты учишься залезать на танк со своим зенитным пулеметом, учишься держать самолеты на высоте и мешать им целиться, даже если тебе не удастся сбить ни одного из них. Ты всегда чувствуешь себя лучше, когда даешь им отпор. Дошло до того, что мы уже не воспринимали атаки пикировщиков так же негативно, как хорошо скорректированный артиллерийский огонь противника. Когда снаряды начинают *искать* тебя где-то неподалеку, ты и в самом деле хочешь убраться куда-нибудь восвояси. Ну, так и поступаешь, если нахождение в этой точке не является критически важным.

Мы обороняли одну из гряд, и нас контратаковали парни Роммеля. Наши танки и пехота хорошо зарылись в землю. Немцы начали с одного из самых сильных артобстрелов, через которые я когда-либо прошел. Он продолжался до тех пор, пока мы не почувствовали, что больше не в состоянии выдерживать все это и вот-вот посыпемся. Был момент затишья между разрывами, и мы услышали, как один из парней, сидевших я стрелковой ячейке, поет заунывную песенку:

Вот когда тебя зацепит

Ты и начинай вопить,

Нет, ну ей-богу!

Все начали хохотать, и напряжение спало. После это мы пришли в себя. Когда немцы атаковали, мы остановили их и заставили откатиться назад...

Наши первые серьезные стычки с немцами начались в конце декабря. К этому времени немцы отразили наши первые атаки в направлении Бизерты и Туниса. Они перебросили через Сицилийский пролив намного больше людей и техники, чем могли перебросить мы по морским путям длиной в тысячи миль. Американцы, британцы и французы оказались под куда более сильным давлением, чем могли себе это представить люди, оставшиеся дома.

Французы, не имевшие танков и современного оружия, удерживали сектор фронта в районе перевала Пон-дю-Фа/Pon-du-Fahs. Предполагалось, что у немцев здесь танков нет, но их бронемшины беспокоили французов. Нам сказали, что мы будем *рождественским подарком для французов и поможем им справиться с бронемашинами*. Но вышло все совсем не так. Планировалось, что мы присоединимся к французам в ходе их атаки, которая зачистит местность от вражеских бронемашин и приведет к захвату выгодных позиций близ

Пон-дю-Фа. К тому времени дожди шли уже несколько дней, и стоило тебе съехать с дороги, как ты оказывался в такой грязи, что ее было слишком много даже для наших легких машин.

Первый день наступления, казалось, складывался хорошо. Наши танки продвинулись по дорогам, преодолели кое-какое слабое сопротивление немцев и вышли на намеченный рубеж. Из-за какой-то ошибки французская пехота не прибыла на место, чтобы закрепиться на этой линии, и наши танки пришлось отвести. На следующий день мы попробовали сделать это еще раз и натолкнулись не на бронемшины, а на танки *Pz. IV*. Немцы пошли в контратаку, и пошли большими силами. Я смотрел на них в свой бинокль и сумел разглядеть с десятка этих больших машин, при этом некоторые из них тащили за собой длинноствольные пушки – наводившие ужас 88-миллиметровки...

Мы могли отступить, но дать немцам в тот день продвинуться вперед до того, как подойдут наши силы, способные противостоять им, было бы серьезной уступкой. Мы получили приказ держаться, и мы это сделали. Однако мы попали под страшный шквал огня. Мы маневрировали, стреляли по немцам из наших 37-миллиметровок, но время от времени тяжелые снаряды их танковых пушек или 88-миллиметровок попадали в наши машины и разносили их вдребезги. Раненые выползали из них, и те, кто мог идти, несли на себе или тащили за собой тех, кто не мог двигаться. Под таким огнем подойти поближе санитарные машины не могли. После полудня, когда наконец получили приказ на отход, у нас осталось 9 из 18 танков, да и некоторые из оставшихся были повреждены. Мы забрали с собой тех раненых, которых могли увезти, и держали их на руках... Это был черный день. Наш подполковник, он был из штата Джорджия, - один из лучших офицеров и парней на свете - был убит разрывом немецкого снаряда...

Позднее, вечером этого дня, мы услышали о том, что на поле боя осталась еще пара наших раненых. Один из лейтенантов привел одного из них. Потом сержант Джимми Уэйлен (Jimmy Whalen) из Гранд Рапидс (штат Мичиган), рядовой Фред Портер из Техаса и я вернулись на поле боя за другим парнем, отличным малым по фамилии Чэпмэн (Chapman). Мы проскользнули настолько далеко, насколько могли, на своем танке, потом протоптали пару сотен ярдов по грязи туда, где должен был быть Чэпмэн. Немцы, как можно было заключить из того, как они повели пулеметный огонь, должно быть, подумали, что начинается контратака,

Мы нашли Чэпмэна с тяжелой раной на ноге. Я сделал ему укол морфия ... , и он почувствовал себя лучше. Мы не могли нести его на себе, потому что все, что было выше двух футов над землей, попало бы под пулеметный огонь. Нам пришлось двигаться ползком и волочить его по земле. Когда мы вернулись к танку, он был слишком плох, чтобы затащить его в башню. Мы завернули его в наши одеяла и положили на корму танка. Потом так плавно, как только было возможно, мы повели нашу старую добрую *Калиду* назад, в безопасное место и на перевязочный пункт.

Нас отвели за Меджез-эль-Баб/Medjez-el-Bab, и мы встали лагерем, чтобы перегруппироваться и пополнить припасы. Наш лагерь был самым лучшим образом упрятан между деревьями. Немцы бомбили лагерь на другой стороне холма каждый день, но нас так и не разглядели.

В течение следующих недель наша танковая дивизия была занята тем, что поддерживала сектор обороны протяженностью около 150 миль. Люди, техника и помощь были в пути по морю и по воздуху, но они все еще были далеко. Нам приходилось обходиться тем, что было под рукой. Мы затыкали брешь в обороне в одном месте, осуществляли быстрый рейд еще куду-то, совершали отвлекающие маневры по всему сектору. Если бы немцы знали об этом, они бы прорвались еще в январе.

Полагаю, мы перемещались столь часто, вступали в стычки во стольких местах, что могло показаться, у нас в два раза больше танков, чем на самом деле. Припоминаю, что однажды мы на нашей *Калиде* были на марше без остановок 48 часов. Мы ели на ходу, садились за рычаги по очереди и спали по очереди. За это время мы не сделали ни одного выстрела, если не считать огня по пикирующим бомбардировщикам. Надеюсь, этот марш сбил немцев с толку так же, как и нас – мы так и не поняли, в чем была задумка [командования].

Были эпизоды, когда, укрываясь в лесах или оливковых рощах, мы занимали передовые посты в течение нескольких дней, не двигаясь с места – мы просто вели наблюдение и находились в ожидании. Пока ты не окажешься на фронте даже посреди такой динамичной кампании, как Тунисская, ты не представляешь себе, как много времени приходится проводить, сидя на одном месте...

Наша четверка к этому времени научилась многому. Одним из важнейших навыков было умение приготовить горячую пищу и кофе при любых обстоятельствах. У нас все еще были *С-рационы*, но мы научились ставить консервные банки на решетку над выхлопной трубой и разогревать их. Мы так же кипятили в котелках воду, размешивали в ней концентрированный кофе, добавляли немного консервированного молока и получали кружку превосходной *Явы/Java* (*жаргонное выражение для чашки кофе – ВК*). Будьте уверены, это полностью меняло настроение холодной ночью или утром. Свежего молока у нас не было. Коровы в Тунисе худющие, не то что у нас в Огайо, а молоко может быть опасным. Первый стакан настоящего коровьего молока я выпил, когда в июне оказался в госпитале *Halloran* в Нью-Йорке, и это было классно!

Мы добывали себе хорошие, свежие куриные яйца – покупали их у арабов. Первоначальная цена была четыре сигареты за яйцо, позднее – две пачки сигарет за яйцо. Яйца мы кипятили в наших касках. Мы также использовали каски в качестве раковины для помывки. Так-то помыться по-нормальному мы не могли несколько месяцев, пока нам не подвернулся душ в Тебессе/*Tebessa*. Однако я припоминаю один день в горах, когда мы наткнулись на чудесный ручеек, который питали водой тающие снега, лежавшие выше по склонам. Вода в нем была адски холодной и исключительно чистой. Мы вывалились из нашей *Калиды* и выглядели как кучка бородатых бродяг. Через минуту мы плескались в этой ледяной воде и верещали как дети...

Я помню день, когда с хорошей пехотной и артиллерийской поддержкой мы въехали на холм и смяли позиции итальянцев. Они драпанули с такой скоростью, что над мисками со спагетти на столах еще струился пар. Там нам достался красивый, отделанный серебром аккордеон, и один из наших парней знал, как на нем играть...

Был еще денек, когда мы сидели в нашем танке на холме близ Сбейтлы/*Sbeitla*, дело было в начале большого немецкого наступления, в результате которого они прорвались через Кассеринский перевал. Это была парадная ложа, из которой можно было наблюдать за грандиозным танковым сражением, развернувшимся на участке местности размером в несколько миль. Наши средние танки подбили множество немецких, но и сами понесли тяжелые потери, и немцы превосходили нас в огневой мощи. Когда наступила ночь, поле боя выглядело как самое большое шоу из фейерверков в мире. Множество наших танков было объято пламенем, и нас охватывала дрожь, когда мы думали о тех парнях, которые оказались внутри них. Танкист больше всего боится того, что его машина загорится, а он будет слишком сильно ранен, чтобы вовремя выбраться наружу... Теперь наши люди и танки откатывались назад по дороге, проходившей прямо под нами. Страшно смотреть на то, как отступают свои. От этого ты чувствуешь себя физически отвратительно. Но не беда – потом мы отбили свои позиции, и еще с прихватом.

Стюарт, уничтоженный под Кассерином...

Позднее мы были отведены от Сбейтлы и заняли позиции посреди каких-то развалин Римской эпохи. Это было место, вроде как овеянное романтикой, но так казалось, пока на нас не начали падать снаряды. В танке, стоявшем рядом с моим, был паренек по фамилии Боуэрли (Bauerle), который понимал по-немецки. Его рация была настроена на частоту, принятую у немцев, и он прослушивал их переговоры. Немцы были в хорошем расположении духа. Один из них сказал: «Мы собираемся подарить вам сегодня кучу сувениров.» (Он имел в виду нас.) Но, когда они прошли через Сбейтлу, наши танки и пушки открыли по ним такой шквал огня, что они откатились на какое-то время, а наша неорганизованная группа отступила дальше в полной безопасности.

У нас на каждом танке была рация. Когда было тихо, мы могли прослушивать станции из Англии, Франции, Испании и Италии. На немецкой радиостанции в Тунисе была деваха по имени Сэлли, которая говорила с настоящим американским акцентом. Она начинала так: «Привет, детишки.» Потом говорила: «Что вы делаете здесь, в Африке? Не беспокойтесь, когда-нибудь вы вернетесь домой. Двое или трое из вас ... Ну а как насчет хорошего американского *джайва*?» И тут она заводила классные старенькие американские пластинки. Мы ржали над ее пропагандой и наслаждались американской музыкой. Я часто думал о том, что случилось с *Сэлли*, когда союзники стремительно ворвались в Тунис в мае.

Вообще, рация - это отличная штука для управления танковым боем, но она таит в себе и опасности. Противник, который находится в милях от тебя, прослушивает твои переговоры. Если ты оставишь ее в режиме передачи, то можешь случайно сказануть что-нибудь лишнее. Или же можешь получить какое-нибудь указание от немцев. Как-то раз, когда мы продвигались вперед, я услышал, как наш капитан сказал: «Шэфер, смотри в оба. Там дальше по дороге могут быть немецкие танки.» Через минуту я услышал голос с почти неуловимым немецким акцентом: «ОК, Шэфер. Сейчас все в порядке. Здесь все чисто. Можешь продвигаться дальше по этой дороге.» Шэфер не купился на это, но чувства у нас были смешанные.

Был поздний март, когда столкновение с немецким танком доставило мне максимальное удовлетворение. После поражения под Кассерином дела у нас пошли совсем неплохо. Мы пробились назад через Кассеринский перевал, прошли через Фериану, Гафсу и Макнасси. Мы так плотно надавили на фланг Роммеля, что ему пришлось бросить в бой против нас свои танковые резервы, которые могли бы ему понадобиться для удержания *Линии Марет*. Мы заняли превосходную позицию на одной из гряд. В нескольких сотнях ярдов от нас, на другой стороне долины, находился холм с обрывистыми склонами. Немецким танкам было необходимо обогнуть отрог этого холма, чтобы атаковать нас. Мы следили за ними, как кот следит за крысиной норой.

Немецкий *Pz. IV* начал огибать этот выступ. В тот момент, когда он был полностью в поле зрения, я влепил в него снаряд моей 37-миллиметровки. Он не остановил танк, который выстрелил меня из своей 77-мм пушки. К этому моменту Джек Колсон молниеносно откатился назад ярдов на 50. Немецкий снаряд упал точно туда, где мы только что находились. Все повторилось еще раз, и теперь он подъехал туда, где я хотел его видеть: он был в пределах досягаемости огня одного из наших истребителей танков *M10* с его новой мощной пушкой с высокой начальной скоростью снаряда и с лучшим наводчиком на всю армию. «Дай ему!» - заорал я, и эта тяжелая пушка открыла огонь. Первый же снаряд пробил в этом *Pz. IV* такую дыру, в которую я смог бы пролезть без труда. Какой стрелок! Как бы я хотел иметь его и его *M10* под рукой в некоторых из наших прошлых стычек, особенно тогда, в тот черный день под Пон-дю-Фа. Я даже не помню его имени, но он был чудо, а не парень. Вы не поверите, но как-то раз я видел, как он попал в немецкий грузовик с расстояния 8 500 ярдов с первого выстрела. В другой раз он попал в немецкую 88-миллиметровку примерно с 600 ярдов со второго выстрела, при этом ее ствол взлетел в воздух, а разнес он ее с третьего выстрела...

Что ж, не так много и осталось из того, что я мог бы вам рассказать. Несколько дней спустя я стоял в башне моей *Калиды*, ведя огонь из зенитного пулемета по пикирующим бомбардировщикам, когда вражеская пуля попал мне в левое запястье. Она прошла через мои наручные часы и разбила кость. Легкая рана, и в самом деле, но рука перестала работать на довольно долгое время. Над моей раной работали лучшие в мире хирурги, и, я думаю, последняя операция почти восстановила функции руки и кисти... А тогда мои друзья Колсон, Дилеуски и Маккинни вкололи мне морфий и перевязали рану, я пошел на своих двоих назад, где сел в санитарную машину, где уже были другие парни. Колсон принял командование танком, и они покатали дальше.

Меня отправили за тысячу миль в тыл, в Касабланку, добирался я на санитарной машине, на самолете и на госпитальном поезде. В Касабланке в одну из ночей, в начале мая, я и еще несколько парней все еще не спали. Дело было после полуночи, мы сидели и трепались. Подошла медсестра и прошептала: «Американцы взяли Бизерту.» Мы завопили от радости. Через минуту весь госпиталь был разбужен, все орали и верещали.

Это был счастливейший момент в моей жизни, пока я не вернулся в Штаты и не позвонил моей матери в Калиду, чтобы сказать ей о моем ранении. Она едва могла что-либо сказать, как и я...

БОВОЙ ПУТЬ АНДЖЕЛО МАНТИНИ ТИХООКЕАНСКИЙ ТВД - 24-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

Прелюдия

Анджело Дж. *Ред* Мантини (Angelo J. Red Mantini, 1916-2003, на фото слева) родился и вырос в семье иммигрантов из Италии в угледобывающем краю штата Пенсильвания и в детстве не отличался хорошим поведением. Сам он рассказывал, что его не один раз выгоняли из школы за плохое поведение. Однако то, что он охотно ввязывался в драки, стойкость и сообразительность, которые он проявлял при этом и которые помогали ему выходить победителем, сослужили ему хорошую службу в годы ВМВ, которые он провел на Новой Гвинее и Филиппинах. В боях он нажимал на курок своего *Топмпсона/Thompson* так же оперативно, как в свое время использовал собственные кулаки. «Я всегда был быстр, работая руками, - вспоминал проживающий в городке Форд Сити/Ford City, штат Пенсильвания, бывший сапожник Мантини уже в 85-летнем возрасте. – У меня и в

армии была довольно классная репутация. Никто не решался докапываться до меня, даже ротный командир. Я не терпел ничего такого ни от кого.»

Не стоит удивляться, что с такой жизненной позицией во время войны Мантини несколько раз оказывался под арестом и понижался в должности. Крайне редко он позволял кому-то задевать себя, включая старших по званию, и поэтому не один раз, получив звание сержанта, снова оказывался в числе рядовых. Кто-то сказал про него так: «Его мотало вверх-вниз, словно йо-йо. Под конец войны на боевой счет этого бывшего взводного сержанта были записаны более 40 японцев, убитых им на пяти различных островах Тихого океана. Его успехи в уничтожении врага частично были связаны с его опытом игры в бейсбол, которая вырабатывает быструю реакцию, сообразительность, точность, умение взаимодействовать с партнерами по команде и много другое, необходимое в бою.

Мантини вспоминал: «Когда мы атаковали, я всегда вычислял расстояния относительно размера бейсбольного поля, - вспоминал Мантини. – Я говорил себе: оттуда до туда столько же, сколько вытянуто в длину бейсбольное поле, дай-ка я проверю это своими ногами. Пройду 30 футов в этом направлении, сделаю рывок еще на 30 футов. Как-то я оказался прямо за японским ДОТом. Должно быть, внутри него, кроме остальных, сидела пара парней, которым было нечего делать, так как обычно в нем полагалось иметь 5 или 6 человек, а тут было 8. Стою, в руках у меня фосфорная граната. Осколков она не давала, я никогда особо не верил в мощь ее взрыва. Ну, закинул ее туда и стал ждать, когда *джапы* выскочат, чтобы перестрелять их.» Сила последовавшего за этим взрыва удивила Мантини: его подбросило в воздух так, «словно кто-то подхватил меня и подкинул.» Придя в себя, он открыл огонь и уложил всех выбежавших из ДОТа японцев. «Если я разбирался с [вражеским] пулеметным гнездом и был один, то всех найденных убитыми японцев записывали на мой счет. Ели нас, стрелявших, было трое или четверо, трудно было сказать, кто сколько человек убил. Так что, вероятнее всего, я убил за всю войну сотню японцев.»

Подход Мантини к уничтожению японских солдат может показаться бездушным, но в этом был свой смысл, если принять во внимание фанатизм солдат противника. В безнадежных ситуациях японцы, по большей части, выбирали смерть, временами убивая сами себя вместо того, чтобы сдаться в плен. *GI*, сталкиваясь с подобными ситуациями, описывали их как наихудшее из того, что встречается на войне. По словам Мантини, уступая противнику в численности и находясь в окружении, японские солдаты продолжали сражаться и не сдавались невзирая на то, насколько отчаянным является их положение. Если это не помогало, они совершали самоубийство и старались при этом убить как можно больше американцев. Решительность, которую они проявляли при этом, да и сама их [зачастую самоубийственная] тактика ведения боя до сих пор вынуждают таких людей как Мантини хранить в душе враждебное отношение к японцам... Американец вспоминал: «Как-то раз на острове Лейте японцы окружили один из наших патрулей и полностью уничтожили его. Наткнувшись на их тела, мы увидели, что им в глаза воткнуты палки и в горло каждому засунуты сучья деревьев. Полагаю, этим они хотели запугать нас, но, в реальности, это нас просто взбесило. И потом, когда мы обыскивали некоторых японцев, мы находили в их карманах [отрезанные] пальцы, это были пальцы американцев, взятые в качестве сувениров. Они уже были засохшими и даже едва ли выглядели, как чьи-то пальцы, но это были человеческие пальцы...»

Медики переливают кровь раненому американцу. Филиппины, остров Лейте

Путь Мантини на Тихоокеанскую войну начался 20 октября 1941 года, когда он, 24-летний парень, был призван в армию и отправлен в военный лагерь *Camp Lee* в штате Вирджиния, где он находился, когда японцы атаковали [Пёрл-Харбор](#). «Я был в Ричмонде, когда джапы атаковали. — вспоминал американец. - Громкоговорители всюду и везде вещали о необходимости вернуться в лагерь. Нам сказали возвращаться на любой машине, идущей в нашу сторону.» Пройдя обучение для службы в частях снабжения, Мантини прибыл на Гавайи восемь месяцев спустя: «Я числился в частях снабжения, когда мы прибыли. Когда мы сошли на берег, ... я оказался в 19-м Пехотном Полку, в Роте А. На наш послужной список даже не посмотрели. Другие парни, такие же, как я, из тех, кто прошел обучение для частей снабжения, тоже попали в пехоту, а те, кто прошел пехотную подготовку, оказались среди снабженцев.»

Боевая подготовка и первые бои на Новой Гвинее

19-й Пехотный был одним из трех полков, входивших в 24-ю Дивизию, носившую прозвище *Победа/Victory*. Она была одной из немногих, прошедших специальную подготовку во время войны как ударное соединение для боевых действий в тропиках. Дивизия появилась в казармах *Schofield* на острове Оаху в 1921 году, и ее назначением стала защита Гавайских островов от вторжения с моря. Ее зенитчики вступили в бой против японцев в первые часы Тихоокеанской войны, благодаря чему она получила название *Первой, Вступившей в Бой/First to Fight*. В сентябре 1943 года дивизия покинула Гавайи и отбыла в Австралию, где приступила к подготовке к высадке на Новой Гвинее. Уже тогда офицеры заметили, что Мантини является крепким солдатом, и вскоре ему было присвоено звание штаб-сержанта. «Обучение в Австралии было суровой школой, - вспоминал он, — с множеством марш-бросков и горной подготовкой. Как-то раз мы отправились в 100-мильный переход, и только трое из нас прошли весь путь: я и еще двое парней.»

Первой боевой кампанией для дивизии стала атака на крупную базу снабжения японцев в [пункте Холландия/Hollandia](#) вместе с 41-й Дивизией. Главной целью атаки был захват трех аэродромов, строившихся в нескольких милях от побережья, для последующего их использования бомбардировочными эскадрильями союзников. Силы вторжения составили крупнейшую десантную группировку из сформированных к тому времени на юге Тихого океана. В нее вошли более 200 кораблей и судов, которые покинули место сбора у острова Гуденаф/Goodenough и высадили людей на берег в 500 милях к западу в ранние утренние часы 22 апреля 1944 года. 41-я Дивизия высадилась близ Холландии в заливе

Гумбольдт/Humboldt, 24-я атаковала пляжи в заливе Танахмерах/Tanahmerah в 22 милях западнее.

Американцы не встретили серьезного сопротивления и заняли намеченный участок всего за четыре дня, потеряв 171 человека. Потери японцев, поспешно отступивших вглубь суши, составили около 4 000 человек. «*Джалы* драпанули, другими словами, нам пришлось идти в горы и искать их, - вспоминал Мантини. – На Новой Гвинее водились кабаны, такие небольшие свиньи, которые бегают стаями и ужас как кусаются. Как-то ночью мы разместили посты по периметру своего расположения, в таких случаях вся рота палит по всему, что движется, после наступления темноты. Не знаю, сколько было на часах, но было темно, и мы спали в своих стрелковых ячейках. Мы привязали веревочки к пальцам, и, когда приходило твое время идти на пост, ты дергал за нее два или три раза, чтобы дать понять другим парням, что ты не спишь. Неожиданно я услышал вой. Это был один из наших парней. Эти свиньи запрыгивали в ячейки и кусали их. Я сказал парню, который был рядом со мной: «Утром я и ты можем оказаться единственными, кто остался в живых, когда эти свиньи покончат с нами.»»

Батарея самоходных артиллерийских установок 24-й Пехотной Дивизии ведет огонь по позициям противника. Новая Гвинея, 1944 года

После того, как американцы заняли район Холландии, Мантини узнал, что наиболее ценным сувениром для американцев являются японские мечи. Персонал ВВС США проявил к ним наибольший интерес, при этом некоторые из авиаторов были готовы заплатить хорошие деньги за подобный трофей. Однако Мантини деньги не интересовали. «Авиаторы хотели сувениры. У них не было шансов заполучить их, потому что они все время летали то в Австралию, то обратно. Некоторые из них пытались всучить мне 500 долларов за один такой меч, что по тем временам было большими деньгами. Но я говорил им: «Нет, так вы их не купите. Дайте нам две бутылки виски по 0.75 л (*two fifths of whiskey – ВК*), и вы получите меч.» Как-то раз меч захотел санитар с одного из кораблей, а у них на борту была 50-градусная выпивка. Хорошая штука, лучше, чем обычный виски. Ну, говорю санитару, что единственный способ получить меч - это раздобыть для меня галлон (3.78 л - *ВК*) этого бухла. Он так и сделал, и большая часть нашей роты напилась. Вот какой крепкой была эта штука!

Мантини демонстрирует захваченный [флаг удачи](#) японского солдата и трофейные мечи. Холландия, Новая Гвинея, 1944 год

В другой раз, тоже на Новой Гвинее, в мой взвод пришел 18-летний паренек, который был готов умереть за японский меч, и я сказал ему, что раздобуду его ему. Как-то я нашел меч на тропе и презентовал его пареньку, но оказалось, что этот самый меч потерял офицер из Роты С, 1-й лейтенант. Он увидел свой меч, узнал его и отобрал его у парня. Я ничего об этом не знал, и, когда вернулся из трехдневного патруля, он сказал мне об этом. Я спросил его, знает ли он, кто этот офицер, но паренек не знал его. Ну, я ему сказал, что, если он увидит его снова, пусть покажет его мне. Прошло три или четыре дня, паренек увидел того офицера и сказал: «Вот он.» Я подошел, посмотрел и узнал меч – он был привязан к вещмешку. Ну, я забрал его. В итоге я сказал офицеру: «Если вы еще раз появитесь и снова начнете докапываться до кого-то из моих парней, я вам башку проломлю.» Офицер ответил, что заставит меня ответить за эти слова. Я сказал ему: «Давайте, действуйте. Вон там КП.» Он ушел, а потом капитан сказал ему: «Вы с этим парнем не связывайтесь. Что бы он ни сделал с вами, ему все по хрену, потому что под арестом он будет в большей безопасности, чем здесь.»

На горизонте Филиппины

Задача по зачистке Новой Гвинеи от остатков пяти японских дивизий, изолированных и рассеянных по внутренним районам Новой Гвинеи, [была возложена на австралийские войска](#). Теперь генерал [Дуглас Макартур](#) (Douglas MacArthur) командующий силами союзников на юго-западе Тихого океана, был полон решимости вернуться на Филиппины. Первоначально он планировал высадку своих войск на остров Минданао, но эта идея была отвергнута, когда один из американских летчиков сообщил о том, что плотность вражеских войск на острове Лейте значительно ниже, чем ранее предполагалось. В то время как освобождение Филиппин в какой-то степени было делом чести для Макарура, для японцев потеря этого архипелага означала серьезный удар по оборонительной стратегии. Успешная атака могла изолировать более 200 000 обстрелянных солдат и офицеров и также поставить под удар судоходные пути между Малайей и островами [Голландской Ост-Индии](#), откуда Япония получала нефть и другие стратегически важные материалы. Генерал

[Томоюки Ямасита](#) (Tomoyuki Yamashita), прозванный *Малайским Тигром* за свою роль в кампании по [захвату Сингапура](#) в 1942 году, пообещал своему командованию в Токио, что его 14-я Армия будет удерживать Лейте любой ценой.

Филиппинская операция началось 13 октября 1944 года, когда половина сил вторжения погрузилась на транспортные суда в заливе Гумбольдт и взяла курс на Лейте. Находясь на борту, пехотинцы читали, писали письма домой, играли в карты и кости. Вспоминает Мантини: «Существовало правило, что, сержантам первых трех классов – *master, tech* и *staff* – разрешалось играть только с имеющими эти звания. Мы не имели права играть с военнослужащими с более низкими званиями, рядовыми и капрами. Однако случилось так, что все остальные сержанты отправили свои деньги домой до того, как мы вышли в море, так что я начал играть с теми, кто был ниже меня по званию, и тут ко мне подошел майор. Он звал меня *Мэнди/Mandy* (сокращенная версия *Мантини*), ну и сказал мне: «Мэнди, ты знаешь, каковы правила.» Я сказал ему заняться тем, чем ему положено заниматься, потому что не собирался заканчивать игру, в которой выигрывал. Однако, когда я сошел с судна на пляж острова Лейте, я уже был рядовым. Все остальные, приходившие в роту, автоматически становились рядовыми 1-го класса. Так что, во время высадки на Лейте я был одним из старших по возрасту, но имел самый низкий чин по сравнению с другими.»

Высадка на остров Лейте начинается

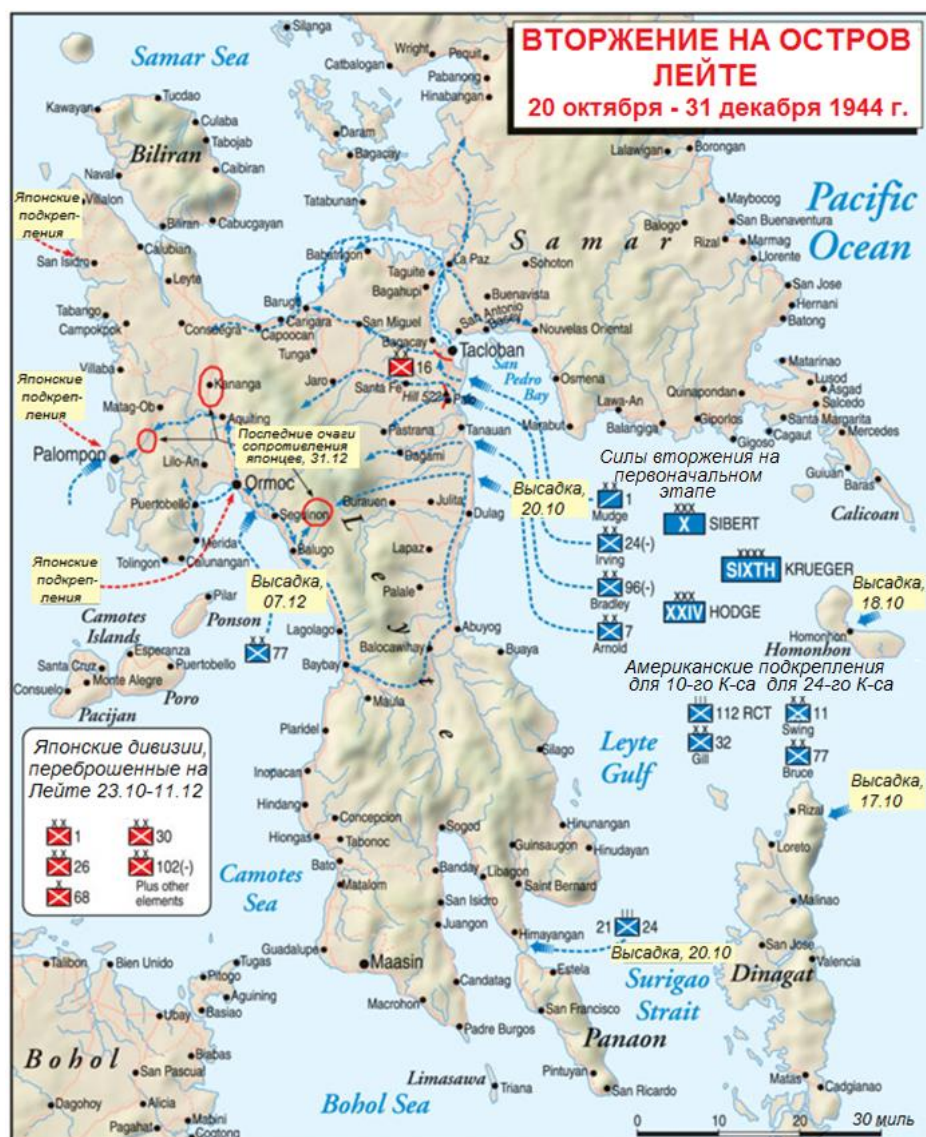

Части 24-й Пехотной Дивизии продвигаются к побережью Филиппин на десантных катерах

Наземная кампания на Филиппинах началась 20 октября 1944 года, когда четыре американские пехотные дивизии высадились на побережье рядом друг с другом в секторе протяженностью 18 миль на северо-восточном побережье острова Лейте. Участок высадки 24-й Дивизии находился близ городка Пало/Palo, где два ее полка должны были десантироваться на расстоянии 3 000 ярдов друг от друга: 19-й на южном фланге участка и 34-й на северном. Их первой целью была *Высота 522/Hill 522* – ограниченная крутыми склонами кольцеобразная вулканическая постройка, возвышающаяся над прибрежной равниной в одной миле от моря. Это была одна из высот, доминирующих над входом в

долину Лейте, и японцы намеревались использовать ее в качестве ключевого пункта обороны. За несколько месяцев до вторжения японцы выгнали на принудительные работы большую часть мужского населения Пало. Эти люди превратили гору в лабиринт пулеметных гнезд, бункеров, траншей и тоннелей. Мы получили приказ атаковать высоту, взобраться на ее вершину и уничтожить всех, кто станет на нашем пути,» - вспоминал Мантини. - Перед вторжением мы начали получать многочисленные пополнения в виде 18-летних ребят. – Среди них был паренек, мы прозвали его *Монако/Мопасо*, он подошел ко мне и сказал: «Эй, Мэнди, у тебя есть аспирин?» Я засмеялся: «Какого черта, я что, выгляжу как ходячая аптека?» Представьте себе, перед самой высадкой у меня просят аспирин. Он сказал, что ему нужно было это лекарство, потому что ему чертовски страшно. Я ему говорю: «Не думаешь ли ты, что мне тоже страшно?» Он мне: «Тебя ничего не может испугать, Мэнди. Ты ничего не боишься.» Я ему говорю: «Ну да, как же. Еще как боюсь.» По словам Мантини, этот 18-летний паренек, у которого болела голова, не дожидаясь следующего дня. Он был убит сразу после того, как ступил на пляж – пуля попала ему в середину лба...

Для всех, кто участвовали во вторжении, страх был естественным чувством, и для этого были причины. Никогда ранее они не видели ничего ужаснее происходящего: началась артиллерийская и воздушная бомбардировка побережья. На него обрушились тысячи снарядов, ракет и бомб, и уже вскоре прибрежные джунгли были охвачены пожарами. Наблюдая за этим, Мантини задавался вопросом, как могут японцы выжить в этом аду, и надеялся на то, что вторжение станет не столь трудной задачей. Он оказался в одной из более поздних волн высадки, но и при этом, когда десантные катера находились еще в 1 000 ярдов от берега, в них начали попадать японские снаряды. «Я знал командира другой роты. Не знаю, чем я ему понравился, но, прежде чем мы покинули Новую Гвинею, когда я сидел у костра и кипятил кофе, он подошел ко мне и сказал: «Хотел бы ты перейти в мою роту?» Я сказал ему: «Мне везде достаточно хорошо.» Он мне: «Посмотрю, что можно сделать.» Ну, я так и не попал в его роту. Когда мы подходили к Лейте, его катер шел рядом с моим, и снаряд попал прямо в него, убив всех, кто был на борту. Когда случались такие вещи, я задумывался: почему я выжил, а другие нет...»

Схематическая карта операций на острове Лейте 20 октября – 31 декабря 1944 года

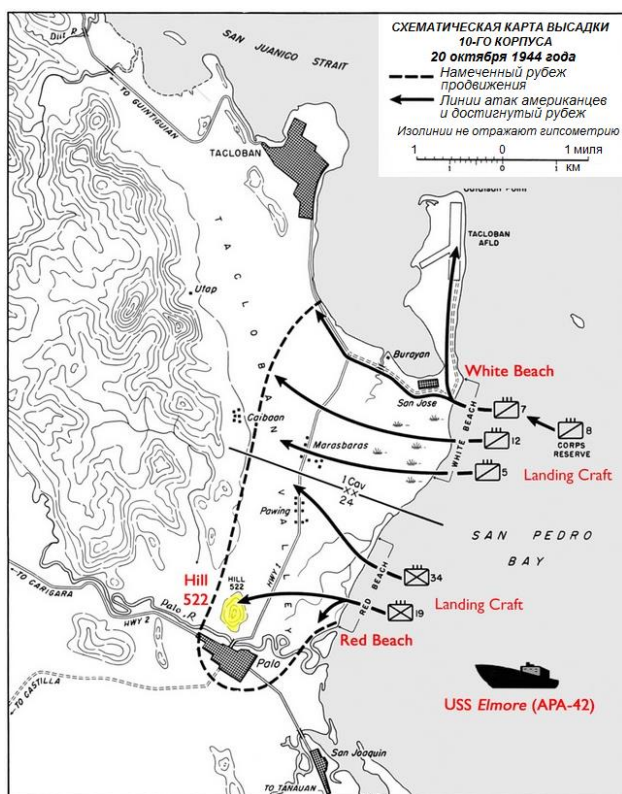
Выйдя на пляж, Мантини бросился на песок и прижался к нему, стараясь хоть как-то укрыться от осколков снарядов и мин, рвущихся рядом с ним. По высаживающимся на берег вели интенсивный огонь с хорошо замаскированных позиций пулеметчики и снайперы, и разбросанные повсюду трупы убитых американцев свидетельствовали о том, что японцы умели стрелять. «Высадка на пляж под огнем противника была самым худшим из того, что было с нами на войне, - говорил Мантини. – Когда бы ни падала рампа десантного катера, по нам открывали огонь, и мы были вынуждены нестись вперед как никогда раньше. В принципе, предполагалось, что мы не встретим никакого сопротивления в ходе высадки. Думали, что по нам не сделают ни одного выстрела. Нам сказали, что *джалы* засели в городе под названием Таклобан/Tacloban [столица провинции Лейте]. Полагаю, что прежде чем мы сошли на берег, все они были переброшены из Таклобана туда, где мы высаживались, потому что досталось нам крепко. Планировалось, что Макартур будет с нами на пляже *Red*, но, когда он увидел, что *джалы* встречают нас по всему сектору, он быстро покинул его и высадился в районе Таклобана, где и была сделана фотография, на которой он идет вброд к филиппинскому берегу.»

Генерал Макартур исполняет свое обещание вернуться на Филиппины, сделанное в 1942 году

Американцы атакуют *Высоту 522*

Для первых минут высадки на пляж *Red* была характерна неразбериха. 19-й Полк оказался севернее, чем предполагалось, и почти там же, где высадились части 34-го Полка. Так или иначе люди, машины, артиллерийские орудия хлынули на берег. Пехотинцы начали продвижение вперед взводами, ротами, небольшими группами и поодиночке под убийственным огнем противника. Атакующие наткнулись на противотанковый ров, который остановил выдвижение машин за пределы пляжа, часть их оказалась под огнем японских пулеметов, но, преодолевая эти препятствия, американцы не останавливались.

Слева – схематическая карта операций первого дня высадки на Лейте, справа сверху – вид с десантного катера на Высоту 522, справа внизу – вид на Высоту 522 с мемориальным крестом в память о погибших при высадке американцев

В ранние послеполуденные часы 1-й Батальон 19-го Полка медленно продвигался вперед в южной части плацдарма в направлении *Высоты 522*. Он был встречен пулеметным огнем японцев, которые преградили ему путь по имеющейся дороге к городу Пало. В сложившейся ситуации отряды разведчиков были посланы вперед, чтобы найти обходной путь к *Высоте 522*. Они вернулись с информацией о том, что к подножию высоты есть несколько путей. Корабельная артиллерия американцев продолжала вести огонь, и вскоре высадившиеся на берег батареи дивизионной артиллерии тоже вступили в бой. Артогонь подавил японские пулеметные гнезда, и *GI*, на острие которых находилась Рота А, возобновили продвижение вперед.

Когда пехотинцы начали пересекать заболоченный участок местности, передовая группа разведчиков попал под огонь из еще пяти вражеских бункеров, находившихся примерно в 100 м впереди них. Рота А пошла в атаку, и американцы уничтожили огневые точки противника, в то время как остальная часть батальона продолжила обходной маневр к северу от высоты, обошла болото и атаковала японские позиции с северо-востока. *GI* начали восхождение на *Высоту 522* по ведущим вверх извилистым тропам, временами цепляясь за виноградные ветки и торчащие из земли корни и таща за плечами оружие, боеприпасы и провизию. Когда атакующие приблизились к вершине, корабельные и дивизионные орудия прекратили огонь. Артиллеристы сделали свое дело, выгнав большое число японцев из укреплений и укрытий на обратный скат высоты. Первой на вершину выбралась Рота В, за которой сразу последовала Рота С. Люди поднимались уже на закате по двое-трое и быстро окапывались на ночь на достигнутом рубеже, истратив все силы после дневного боя. Контратака японцев была только вопросом времени... «Другие роты побили нас в этой гонке, - вспоминал Мантини, - потому что мы напоролись на болото, что замедлило наше продвижение.»

Заняв господствующие над окружающей местностью вершины, американцы, казалось, почувствовали прилив сил. Ближний бой продолжался всю ночь. Мантини предпочитал

бросать гранаты, потому что вспышки от выстрелов могли выдать его местоположение. Нервы у американцев были на пределе, и Мантини вспоминал, что *GI* было непросто оценить масштаб вражеских атак или понять, означают доносящийся до них шум или появляющиеся тени появление противника или нет: «Это была долгая ночь. Остальные вели огонь. Я никогда не стрелял ночью, но в ту ночь почти прибежал к этому. Я смотрел на дерево. Смотрю, смотрю, и тут мне показалось, что оно движется. В итоге я разобрался: «Бог мой, если так, то этот парень уже должен быть здесь. Я понял, что это был небольшой куст дальше вниз по склону. Если ты палишься на что-то достаточно долго, ты начинаешь думать, что оно движется.»

Сна для американцев в ту ночь не было, как и в следующую. Люди слышали непрерывный грохот артиллерии, обстреливавшей с пляжа *Red* ведущие к Пало из японского тыла дороги, стремясь заблокировать переброску подкреплений на передовую. Когда наступил рассвет, японцы возобновили свои атаки с еще большим энтузиазмом. Это были солдаты и офицеры 16-й Дивизии, ветераны боев в Манчжурии, в прошлом одолевшие американцев в [сражении за полуостров Батаан](#). Ожесточенные бои в лабиринтах траншей продолжались еще два дня. ДОТы, подавленные в ходе первоначальной атаки, снова ожили, тоннели снова наполнились японцами. Американские огнеметчики выжигали их, пехотинцы находили вентиляционные ходы тоннелей и где-то блокировали их, а где-то забрасывали в них фосфорные гранаты. Задыхающиеся, охваченные пламенем японцы выбегали на поверхность, где их расстреливали из винтовок, автоматов и пулеметов. Мантини вспоминал о том, какое огромное впечатление на него произвела способность разведчиков находить хорошо замаскированные японские укрепленные точки: «Не знаю, как они это делали, но эти люди выявляли позиции *джалов* со стопроцентной точностью. Они говорили нам: «Вон там огневая точка, один туда, один сюда.» Мы шли вперед, и, конечно же, они оказывались правы. Понятия не имею, как они умудрялись добыть эту информацию, но им это удавалось.»

Американские части начали выбивать японцев с их позиций у подножия высоты, самолеты приступили к сбросу боеприпасов и провианта пехотинцам, закрепившимся на вершине. Как рассказывал Мантини, не было ничего необычного в том, что обе стороны неожиданно прекращали огонь, чтобы подобрать сброшенные пищевые рационы: найти провиант было важнее, чем убить врага. «Все, что падало на вершину, подбирали мы, - говорил он, - все, что падало на склоны, доставалось японцам. Когда куда-то сбрасывали провиант, ты мог [спокойно] пройти к этому месту, при этом никто не стрелял...»

Эпизод с японскими снайперами и завершение боев за *Высоту 522*

Об случившемся далее с Мантини написал в своей книге немецко-американский писатель [Ян Вальтин](#) (Jan Valtin) в своей, как ее характеризуют, *полной анекдотов* книге *Children of Yesterday*, посвященной истории боев 24-й Пехотной Дивизии Филиппинах, в которых он сам принимал участие: «Оголодавший и оставшийся в одиночестве на *Высоте 522* рядовой Анджело Мантини из Киттанинга, Пенсильвания, в гражданской жизни – сапожник, стал пробираться в направлении пляжа *Red* в поисках провианта. На половине пути вниз по склону он наткнулся на пятерку [вражеских] снайперов, в засаду которых попала группа солдат, переносивших припасы. Мантини решил, что «ни один *нип* (*Nip* – еще одно прозвище японцев, происходит от слова *Nippon* – ВК) не остановит меня, когда мне нужно набить брюхо.» Он убил все пятерых и захватил с собой все их оружие. Среди трофеев оказалась американская автоматическая винтовка. За пять минут до этого командир дивизии, генерал Фредерик Ирвинг (Frederick Irving, 1894-1995), прошел через участок этого боя. Снайперы, настроенные на то, чтобы уничтожить переносчиков припасов, дали генералу пройти целым и невредимым.»

Вспоминает Мантини: «Они, вероятно, не знали, что это генерал, в противном случае они бы его шлепнули. Или же они дали ему уйти, потому что ждали провианта. Они были голодны и знали, что у Ирвинга с собой ничего нет. Японцы не стали открывать огонь, пока не поняли, что в поле зрения провиант. После этого настоящий бой и начался.»

Группа солдат, о которой шла речь, была послана вниз с вершины, чтобы принести воду и рационы, но, чтобы сделать то, им на обратном пути необходимо было пройти мимо позиций японских снайперов (*вероятно, это были просто стрелки-пехотинцы – ВК*) и пулеметчиков. Возвращаясь с грузом, эта группа попала под огонь и была прижата к земле на протяжении двух часов. Мантини видел, в каком трудном положении оказались его товарищи, и направился в их сторону. Вот что он рассказал: «Я стал спускаться вниз по склону, когда увидел какой-то отблеск. Это блеснула сталь *Браунинга*, захваченного ими ранее, вероятно, в качестве трофея на Батаане. Вороненное покрытие с него сошло, и сталь сверкала как зеркало. Японец поднял его, чтобы открыть огонь, и я увидел этот отблеск. Плюхнулся на землю, и, когда он выстрелил, я уже укрылся за небольшим бугорком. Я точно знал, где залегли остальные, и перестрелял их. Когда я подошел поближе, раненый японец прикинулся мертвым, но в одной руке у него была граната, а другой он пытался выдернуть чеку. Ну, я наступил ему на руку и не дал этого сделать. В итоге я сказал оказавшемуся рядом новичку проткнуть ему горло. Кровь хлынула фонтаном на три фута вверх. Он так или иначе умирал...»

На шестой день после высадки продолжалась зачистка позиций японцев на *Высоте 522*. Входы в тоннели и вентиляционные ходы подрывали или заваливали камнями и бревнами. Заблокированным в них японцам оставалось умереть от голода или покончить с собой. Пленных не брали, раненых добивали. Взятие высоты обошлось 1-му Батальону в 14 убитых и 95 раненых. Генерал Ирвинг позднее вспоминал: «Если бы *Высота 522* не была взята, мы могли бы потерять тысячу человек.»

Командующий 10-м Корпусом генерал-лейтенант [Фрэнклин Сайберт](#) (Franklin Sibert, слева) совещается с генерал-майором Ирвингом. Остров Лейте, октябрь 1944 года

После *Высоты 522*

«Мы продолжали перепрыгивать с одного холма на другой, пока не взяли под контроль всю местность, - вспоминал Мантини. – Нас поддерживал отряд тяжелого оружия. Мы заняли одну из высот и получили хороший обзор и превосходную позицию для пулеметов. Ну, говорю тем, кто ими командовал: «Вы должны разместить пулемет здесь. Отсюда открывается отличный вид на долину.» Они сказали, что не хотят этого, я и говорю: «Больше сюда не возвращайтесь, чтобы сказать потом, что вам здесь нравится, после того, как я вырою здесь окоп – вам он не достанется.» Начал окапываться, было чертовски трудно, потому что пришлось ворочать большие глыбы. Окоп был вырыт примерно наполовину, когда пришли эти парни и сказали: «Мы передумали.» Я сказал им: «Не надо

мне говорить, что вы хотите остаться здесь, потому что этот окоп вы не получите.» Слово за слово, и они начали угрожать мне, что придут с ротным командиром. Я ответил им: «Идите и говорите с кем угодно, но эту долбаную яму вы не получите.» Ох, и разозлился я! Ну, они ушли и переговорили с ротным. Он вызвал меня к себе и сказал: «Знаешь, Мэнди, это наилучшая позиция для пулемета.» Я ему: «Смотрите, я этим парням говорил об этом, но они ее не захотели. А теперь, после того, как половина окопа отрыта, она им понадобилась.» В итоге я сказал им: «ОК, забирайте эту чертову дыру. Меня это бесит, но давайте, действуйте.» Минут через 10 эти ребята закончили рытье окопа, было их трое, и тут начался артобстрел. Снаряд угодил прямо в него и убил всех троих...»

Американцы атаковали, в основном, днем, в то время как японцы предпочитали дожидаться для этого темноты. Они продвигались скрытно и неожиданно появлялись из ниоткуда, стреляя, бросая гранаты и вопя *Банзай!*, рассчитывая что противник будет парализован страхом.

Февраль 1945 года, Филиппины. Солдаты 24-й Дивизии осторожно продвигаются вперед...

Мантини по-прежнему был вооружен автоматом *Томпсон* и предпочитал иметь 30-патронные коробчатые магазины. 15 патронов в магазине, по его мнению, было недостаточно, а при использовании 50-патронного ствола автомата перегревался. Идя в бой, Мантини всегда имел при себе шесть магазинов. «Я хорошо стрелял из *Томпсона*. Всю войну я носил один и тот же автомат. Где бы я ни был, он всегда был со мной. Его приклад был немного погнут, но я никому не давал даже прикоснуться к нему и всегда держал свое оружие в чистоте. Я носил в нагрудном кармане зубную щетку, масло и тряпку, и каждый раз, когда мы останавливались, я чистил его. Некоторые говорили, что *Томпсон* вечно заклинивает, но с моим такого ни разу не было. Каждому в моем взводе я говорил: если хочешь *Томпсон*, я его тебе добуду. Я любил приговаривать: «Если противник выпустил по тебе один патрон, выпусти в него тысячу. Тогда, когда ты будешь вести огонь по ним, они по меньшей мере, не будут высовывать свои головы, чтобы разглядеть, где ты находишься.»»

Новая наступательная операция

К концу октября марш 24-й Дивизии вдоль побережья Лейте завершился с потерей 638 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Ее следующей целью была долина Лейте протяженностью 35 миль и шириной 10 миль. По долине протекало множество сливающихся и расходящихся водотоков, здесь располагалось большое число плантаций, выращивающих рис, бананы, кокосы и папайю. В дождливые месяцы цветущие поля были постоянно залиты паводками, и тихие ручьи превращались в реки. Сезон дождей еще не завершился, когда дивизии предстояло новое наступление.

19-й Полку получил приказ взять город Пастрана/Pastrana, находившийся на ее южном фланге, и заблокировать одно из двух шоссе, выходившее из долины. Эта цель была

достигнута, но лишь после ожесточенных боев, в том числе, уличных. Другие небольшие городки быстро пали один за другим, пока не полк не уперся в расчлененный горный массив близ города Ормок/Ormoc на западном побережье острова, куда прибывали японские подкрепления, выдавленные с островов Лусон и Минданао. Здесь, на этом участке фронта, рота, в которой служил Мантини, была выбрана для выполнения опасного задания в глубине

поросшей джунглями и кишевшей японцами территории... Погрузив на себя пищевые рационы на 9 дней для 275 человек, Рота А вышла в путь в сопровождении филиппинских партизан-проводников. Перед ней была поставлена задача лишить японцев возможности использовать древнюю испанскую тропу, соединявшую несколько горных перевалов с озером Данао/Danao (см. карту слева), и прикрыть левый фланг дивизии. Мантини рассказал, что пробиться к высоко расположенным перевалам можно было только с помощью мачете, при этом люди могли иметь при себе лишь столько боеприпасов и провианта, сколько могли унести.

В первый же вечер марша боевая группа столкнулась с первым препятствием – японским аванпостом - и попала под пулеметный огонь. Один филиппинец-проводник и двое вражеских солдат были убиты в этой стычке. На второй день колонна наткнулась на более крупный отряд японцев, пытавшихся пересечь горный массив со стороны Ормока. Противник был остановлен, но многие японцы бежали в джунгли. Большую часть третьего дня рота пробивалась в направлении озера Данао, и ближе к полуночи, под проливным дождем, японцы снова атаковали американцев. Местами противнику удалось пробиться через внешнее оборонительное кольцо роты, после чего японцы пошли в штыковую атаку, бросая гранаты. Атака была остановлена, и на рассвете между стрелковыми ячейками американцы насчитали 12 японских трупов. Четвертый день не стал чем-то особенным. Разведывательные патрули обнаружили еще два японских аванпоста, результат был тем же. К этому моменту, по воспоминаниям Мантини, он был сыт по горло войной, недостаточными рационами и, в особенности, местными природными условиями: «Я был искусан от голеней до колен москитами и муравьями. Вдобавок ко всему, там были пиявки. Приходилось прижигать их, держа кончик сигареты в 1/8 дюйма от кожи, пока пиявка не отвалится.»

Мантини (справа) и его товарищ позируют, сидя на обломках уничтоженного японского самолета, который осматривают в поисках сувениров...

В следующие пять дней условия, в которых находились американцы, стали еще хуже. Стычки с японцами участились, запасы провианта истощились. GI питались бананами и корнями таро, в чем была некоторая ирония, потому что лист таро был эмблемой их дивизии (см. рисунок слева). Непрерывные дожди превращали жизнь в кошмар и заливали стрелковые ячейки водой и жидкой грязью. Солдатские пончо были единственным укрытием от дождя. Во время одного из ожесточенных схваток за гребень одной из гряд, протекавшей непосредственно перед наступлением темноты, рота попала в настоящий шторм, который сделал продолжение боя невозможным. Мантини вспоминал, что они отошли в глубокий каньон и создали оборонительный периметр на «мысу», вдающемся в дно долины, словно остров. Уже вскоре грохочущий поток воды окружил сбившихся в кучу пехотинцев. Вспышки молний выхватывали из темноты снесенные и подхваченные водой деревья, перемешанные с трупами японцев, только что убитых в бою. «Вы бы не поверили в то, как высоко поднялся уровень воды за столь короткий период времени. Сначала глубина реки была всего 10 футов, затем, совершенно неожиданно, она выросла до 30 футов, и нам пришлось перебираться на более высокий участок местности.» - вспоминал американец. Когда рота через девять дней после выхода в горы воссоединилась со своим полком, в строю оставались всего 120 человек. Остальные были убиты, ранены, страдали от истощения и от воздействия тяжелых природных условий.

К Рождеству 1944 года Лейте был очищен от японцев. С момента высадки американцев на пляж *Red*, состоявшегося 66 днями ранее, погибло около 7 300 японцев, 24-я Дивизия потеряла около 2 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Миндоро

34-й Полк был оставлен на острове с оккупационными целями, остальные два полка дивизии получили приказ высадиться на острове Миндоро, который был необходим американцам для строительства аэродромов, с которых их самолеты могли бы атаковать японские морские пути в окрестностях Филиппин и в проливах между островами архипелага. В отличие от Лейте, значительные по площади внутренние районы Миндоро в прошлом почти не были изучены, и карт для них не было. На Миндоро отсутствовали

большие по численности силы японцев – их было всего около 700 человек из состава 8-й Дивизии. 15 декабря 19-й Полк высадился на Миндоро в районе его юго-западного окончания близ деревни Сан-Хосе. Десант не встретил сопротивления. Мантини, который к тому времени снова был произведен в штаб-сержанты, столкнулся лишь с одним японским солдатом. Вот что он рассказал об этом: «Мы набрели на сарай, в котором оказался этот крепкий японец, самый здоровенный из всех, которых я когда-либо видел. Ну, я выпустил в него то, что было в моем магазине, но он все еще держался на ногах и двигался. В тот момент я увидел на столе тесак для разделки мяса. Я сказал кому-то войти в сарай и расколоть ему башку этим тесаком. Когда ему развалили голову, стали видны его мозги, но *джал* отказывался падать и ходил кругами. Думаю, он был пьян. Парень, стоявший рядом со мной, был вооружен винтовкой М-1, и я сказал ему: «Всади в него восемь пуль.» Он так и сделал, но *джал* все еще держался на ногах! В итоге, когда мы уже уходили, я сказал своим: «Оставьте его в покое. Раз он все это выдержал, он заслужил, чтобы его оставили одного.»»

Хотя японцев на Миндоро было немного, американцам на острове приходилось непросто, особенно на пляжах, где самолеты противника ежедневно бомбили их и обстреливали. В этой ситуации у американского командования сложилось впечатление, что вот-вот начнется контрнаступление японцев, и был отдан приказ окапываться и размещать в полосе обороны пулеметные гнезда. В таких условиях американцы, дислоцированные на пляжах, провели Рождество. Вспоминает Мантини: «Это было худшее Рождество в моей жизни. Парни рядом со мной гибли под бомбами и снарядами. Мы ожидали вторжение с моря, но этого так и не случилось.»

Зачистка Миндоро от японцев, рассеявшихся в горной местности, заняла у американцев четыре месяца (!). Противник действовал небольшими группами и даже поодиночке, и вот что писал об этом генерал [Роскоу Вудрафф](#) (Roscoe Barnett Woodruff), сменивший генерала Ирвинга на посту командира 24-й Дивизии в ноябре: «С *джалом*, в отличие от немцев, было бы значительно легче воевать, если бы он, будучи загнанным в угол, сдавался. Но такого не было. В тактическом плане сначала ты побеждаешь его в бою, а потом ты вынужден тратить дни, а иногда недели и месяцы, на выковыривание его [из укрытий] и уничтожение. Долгие, невыносимо трудные дни в джунглях и горах заканчивались выжиганием *нипов* из пещер огнеметами, которые приходилось тащить на себе 20 миль.» Так или иначе, противник был уничтожен. Потери японцев на Миндоро составили 600 человек убитыми, и – редкий случай! – 73 человека сдались в плен. Двоих из них взял в плен лично Мантини. Вот что он рассказал об этом: «Как-то раз мы продвигались вперед, и из какой-то ямы появился *джал* с белым платком, обмотанным вокруг руки. Я пополз в его сторону и сказал моим людям стрелять в одном футе над моей головой, если в поле зрения покажутся другие *джалы*. Приблизившись к нему, я спросил, наведя свое оружие на ту самую яму, из которой он только что выполз, есть ли там еще кто-то. Сразу после этого оттуда появился еще один и сказал: «Привет, да.» Я спросил его, почему он не выбрался первым, раз он говорит по-английски, и он сказал, показывая на другого *джала*: «Если бы вы застрелили его, я бы не стал вылезать.» Я ему: «Как ты выучил английский?» Он мне: «Я учился в колледже в южной Калифорнии. Когда я вернулся домой, меня сразу же призвали в армию, так что я здесь.»

До того, как остров был зачищен от противника, японцы разместили артиллерийские позиции на расположенном у северного побережья Миндоро небольшом острове Верде/Verde (см. карту слева), на высоте, прозванной *Mickey Mouse Hill*. С этой позиции японцы обстреливали американские корабли и суда, проходившие через пролив Верде. Здесь же действовала японская радиостанция, с помощью которой японцы докладывали о наблюдаемых ими перемещениях американских кораблей в направлении Лусона, на который союзники вторглись месяцем раньше. Поступил приказ уничтожить артиллерийскую позицию и радиостанцию, после чего, 23 февраля 1945 года, небольшой отряд пехотинцев 19-го Полка, сопровождаемый филиппинскими партизанами, взял курс на остров Верде. Это был четвертый остров для Мантини, самый небольшой по размеру. В паре миль от него на воду были спущены шлюпки, в которых разместились пехотинцы, тронувшиеся в путь на

веслах. Место высадки и подходы к артиллерийской позиции должны были обозначены световыми сигналами, подаваемыми филиппинцами, находившимися на Верде. Вспоминает Мантини:

Вообще, у филиппинцев больше 7 000 островов, и тут их была хренова туча. Так нам казалось по пути к берегу. Когда мы дошли до Верде, было темно, темнее, чем в преисподней. Каждому приходилось держаться за парня, стоявшего впереди, так было темно. Предполагалось, что мы увидим световые сигналы, когда доберемся, но их не было. Я сказал своему приятелю: «Думаю, все накрылось. Нет никакого долбаного светового сигнала.» Но прошло немного времени, и он появился, так что мы пошли в этом направлении.

С нами было двое филиппинских проводников. Для меня филиппинцы выглядели так же, как и японцы. Их трудно различить. Я сказал командиру: «Кто эти парни?» Он мне: «Они знают, где находятся орудия, которые мы должны вывести из строя.» Я говорю: «Не знаю, не знаю. Эти ребята выглядят как джапы.» Он мне сказал, что это не так, что ты можешь посмотреть на их глаза и сказать, японец это или филиппинец. Но я не видел, в чем разница, у меня так и не получилось. Ну, предположительно, джапы схватили тех двух проводников, за которыми мы шли. Мы услышали дьявольский вопль, и наш командир сказал, что оба они в руках врага. Я говорю: «Если японцы их взяли, где тогда их трупы?» Он сказал, что они [японцы] унесли их. Я ему: «По мне все это отдает ловушкой.

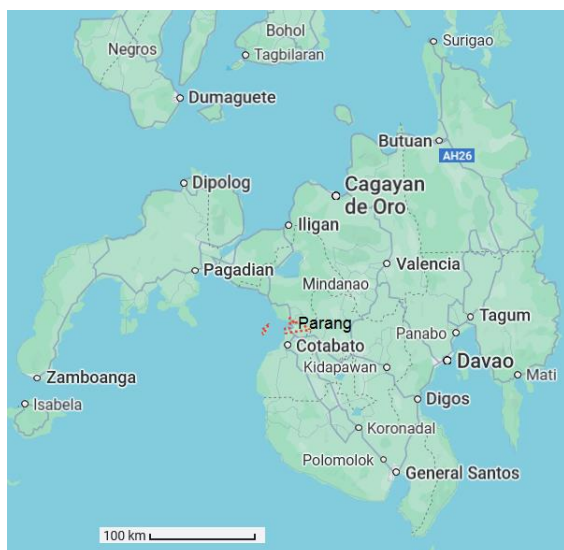
Итак, двое парней пропали, и мы больше их так и не увидели. Командир спросил меня: «Как вы думаете, что мы должны сделать?» Я ему: «Вы знаете, где находятся эти орудия?» Он говорит: «Нет.» Я сказал, что тоже не знаю. Он говорит: «В каком направлении вы бы пошли?» Я ему: «Вы знаете, откуда мы пришли, не так ли? И вы не знаете, куда идти дальше, правда ведь?» Тогда он сказал: «Вы предлагаете вернуться?» Я ему: «Позвольте мне сказать вам кое-что. Лучше будет, если мы не будем стоять на месте, потому что они собираются хорошенько засыпать это место снарядами.» Только я успел это сказать, как начали падать их снаряды, но мы к этому моменту были уже у воды и вне их досягаемости. Я думаю, эти филиппинские проводники на самом деле были джапами, которые вели нас в засаду.»

Отряд американцев обыскивал остров следующие два дня, несколько раз сталкивался с противником и возложил выполнение задания на местных партизан, прежде чем покинуть остров. Мантини рассказал, что филиппинцы нашли одно большое орудие, но японцы сняли с него какую-то важную часть, прежде чем удрать. Через несколько дней местные сообщили о том, что орудие все еще на месте, поэтому на остров послали еще одну группу

американцев, на этот раз – минометную часть, которая покончила с японским присутствием на Верде...

Минданао

Последние бои, в которых участвовал Мантини, имели место на острова Минданао, где был дислоцирован крупнейший и последний укрепленный район противника, где после падения Манилы занимали позиции около 50 000 японцев. Находившиеся в изоляции части противника не могли замедлить операции союзников, но, в соответствии с политикой Макартура, их уничтожение было необходимо для полного освобождения Филиппин. На Минданао, как и на Миндоро, были районы, на которые не было карт. Кроме того, на острове проживали такие племена как *Моро* и *Манобо*, лояльность которых по отношению к американцам была под вопросом. Покинув гавань Сан-Хосе 13 апреля, два полка 24-й Дивизии (позднее к ним присоединится 31-я Дивизия американцев) через четыре дня высадились на берег в районе города Паранг/Parang в заливе Моро, на западном побережье Минданао (см. рисунок слева). Это застало врасплох японцев, которые ожидали высадки американцев на восточном побережье острова и сосредоточили на нем свои основные силы.

Не встречая сопротивления, американцы заняли полосу побережья протяженностью 35 миль и без труда продвинулись на 5 миль вглубь суши к концу первого дня операции. Высокие горы, глубоко врезаемые долины и около 50 рек и ручьев отделяли американцев от их главной цели – города Давао/Davao, расположенного в 150 милях к востоку. Чтобы дойти до нее, части 24-й Дивизии преимущественно следовали Национальному Шоссе/National Highway, в основном, однополосной дороге, вдоль которой на различных участках располагались небольшие аванпосты японцев, готовых сражаться до последнего человека. Обычным делом были ночные засады и разнообразные ловушки, замедлявшие продвижение. Наиболее опасными и разрушительными были уложенные

в виде мин 500-фунтовые авиабомбы. Несмотря на эти препятствия американцы пересекли остров Минданао менее чем за две недели. Они вышли к городу Дигос/Digos на восточном побережье 28 апреля и обнаружили там брошенные пушки и ДОТы, которые смотрели в море, что указывало на то, откуда японцы ожидали вторжения.

Дивизия начала свой 40-мильный марш на Давао, где их поджидал 10 000-ный контингент противника. Тактика японцев становилась все более изощренной, их трюки все более разнообразными. Впрочем, один из них, а именно, использование английского языка для того, чтобы сбить противника с толку и поймать в ловушку, они применяли повсеместно от Бирмы до Новой Гвинеи. Так, в одном случае, увидев, что на земле лежит раненый американец, один из японцев крикнул *Medic!*. Санитар бросился на помощь и был застрелен. В другом японский солдат вырыл стрелковую ячейку близ тропы в джунглях, положил в нее мину и скрылся. Когда группа американцев проходила мимо, японец открыл по ним огонь, вынудив нескольких из них спрыгнуть в этот окопчик, где они были немедленно убиты взрывом... Был также случай, когда японский снайпер открыл огонь по американцам, идущим по тропе, намеренно раскрыв свою позицию. Двинувшийся в его сторону патруль попал под пулеметный огонь с обеих сторон и понес потери. Эта вероломная практика сильно обозлила американцев и подняла их боевой дух, о чем свидетельствует репортаж военного корреспондента, где-то в это время опубликованный в газете, выходящей в городке, в котором до войны проживал Мантини. В нем рассказывалось о боестолкновении, случившемся, когда четыре роты 19-го Полка

продвигались в направлении *Высоты 550*, господствующей над Давао. На ней располагались хорошо укрепленные позиции японцев с множеством ДОТов и других огневых точек:

Штаб-сержант Анджело Дж. Мантини из Киттанинга, штат Пенсильвания, сапожник по профессии, подавил огонь 25-мм зенитной пушки с помощью своего автомата (tommy gun) и убил пятерых японцев, составлявших ее расчет. Рота Мантини из увенчанного лаврами 19-го Полка Дивизии Victory продвигалась в направлении стратегически важной высоты близ Давао. Идущий впереди разведчик был ранен, и Мантини взял командование на себя. 25-мм зенитка джапов повела по ним стрельбу с близкого расстояния. Мантини, стоя в полный рост, открыл огонь по артиллеристам из своего автомата. Тридцать пуль из его магазина сразили пятерых джапов и заставили пушку замолчать. По словам его командира роты, в боях на Новой Гвинее, Лейте, Миндоро, Верде и Минданао Мантини уничтожил более сорока джапов.

«После этого мой ротный командир сказал, что собирается представить меня к *Кресту за Отличие в Службе/Distinguished Service Cross*, - вспоминал Мантини, - однако ничего из этого не вышло.»

Солдаты 24-й Дивизии укрываются от артиллерийского огня противника близ Национального Шоссе, ведущего к Давао

2 мая американцы пробились в опустошенный город и обнаружили, что из его 90 000-тысячного населения в нем осталось около сотни человек. Люди или бежали в горы, или погибли под перекрестным огнем в ходе городских боев, неизвестное их число, как и [в Маниле](#), было казнено японцами.

После занятия Давао американцам не удалось отдохнуть. Противник заблаговременно переместил значительное количество своей артиллерии в окружающие горы и приступил к ежедневным обстрелам города. Кроме этого, японцы продолжили свои самоубийственные атаки, при этом в их тактике появился новый элемент. На вторую ночь после занятия Давао они пошли в атаку, бросая гранаты и стреляя во все стороны, но на этот раз к их животам

были привязаны противопехотные мины. Они осуществили пять таких *банзай*-атак в центре города, и пули американцев не раз вызывали детонацию этих мин. Командные посты некоторых рот докладывали о том, как на них падали оторванные руки, ступни и головы разорванных в клочья японцев...

На Минданао американцев ждали еще три месяца боев к северу и к западу от Давао, где наиболее трудной местностью для ведения пехотного боя оказались плантации [абаки](#), также именуемой

манильская пенька. Эти растения, достигающие 15-20 футов в высоту (см. фото слева), давали японцам прекрасные возможности для того, чтобы поймать в засаду уставших от непрерывных боев американцев. Со временем авиация американцев начала применять напалмовые бомбы для выжигания полей абаки, что спасало солдатские жизни, но и усиливало жару, что сказывалось на людях. Некоторые роты к этому времени уменьшились в численности до 70 человек, многие из выбывших из строя пострадали от перегрева и обезвоживания организма. Вода становилась все больше драгоценностью. Мантини вспоминал о том, что не раз приходилось наполнять флягу из болот или заполненных водой воронок от бомб, в которых были трупы японцев... Пара таблеток для очистки и обеззараживания воды, по-видимому, делала безопасной ее употребление.

Удача отворачивается от Мантини

Не получив ни единой царапины в ходе пяти высадок на острова и долгих месяцев боев в джунглях, 24 июня 1945 года Мантини в последнем столкновении своей роты с противником за всю войну был ранен осколками гранаты в обе руки. Вот что он рассказал об этом: «Шел бой, я вел огонь, и три гранаты упали рядом со мной. Я сумел бросить свой автомат и отшвырнуть назад две из них, но одна оказалась справа от меня, и я знал, что не смогу дотянуться до нее, прежде чем она взорвется: у меня на все было четыре или пять секунд. Я попытался сместиться в сторону, но взрыв ударил меня под предплечья и разорвал мои башмаки и мой рюкзак. Я участвовал в каждой атаке моей роты за всю войну, а эта была последней.» Мантини вытащили с поля боя на носилках, позднее он увидел GI, пострадавших сильнее, чем он, по-видимому, от *дружественного* огня. «Минут за двадцать или где-то так до того, как я был ранен, я посмотрел назад ... и увидел, как наши самолеты бомбят наших же людей. Я был ранен вскоре после этого, меня несли на носилках, и всюду и везде лежали наши солдаты. Я сказал парням, которые несли меня: «Оставьте меня здесь. Заберите одного из тех парней. Я дойду пешком...»

Мантини был награжден *Бронзовой Звездой*, находясь в армейском госпитале на Лейте, где он оставался до конца войны: «Когда я выписался из госпиталя и прибыл в штаб моей роты, там все оказались новичками, даже ротный. Он вызвал меня к себе и сказал: «Мы направляемся в Японию в составе оккупационных сил. Вы хотите присоединиться к нам? Я сказал ему, что единственное, куда я хочу отправиться – это домой. Так что я остался на

Филиппинах ждать, пока людей, грузы и все остальное не отправят в Японию, застрял на Лейте, и никак не мог выбраться оттуда.»

Возвращение домой

24-я Дивизия отправилась в Японию в конце сентября. Мантини прибыл в Сан-Франциско только 27 ноября 1945 года, после чего отправился домой на поезде без гроша в кармане. «Мой служебная папка с документами была где-то в пути, когда я был ранен. Мне сказали, что неизвестно, где она. Должно быть, она уехала в Японию, потому что мне ничего не платили. Каждый раз, когда поезд останавливался, другие парни прыгивали и бежали в винный магазин. У все остальных были деньги на виски, а я был с пустыми карманами.»

Мантини был демобилизован 14 декабря. Все четыре года войны ему каким-то образом удавалось избегать симптомов малярии, пока он не вернулся домой. Вот что он рассказал об этом: «Она добралась до меня после войны. У меня случился приступ на первое Рождество, проведенное дома. Сначала тебя прошибает пот, потом тебя начинает знобить так сильно, что ты не можешь навалить на себя достаточное число одеял. Но там, [на войне], со мной этого ни разу не было. Забавно то, что нас снабжали таблетками [атабрин, разновидность хинина], от которых желтела кожа, поэтому я ни разу их так и не принял. Я не хотел, чтобы моя кожа пожелтела. Будучи взводным сержантом, я должен был первым принимать эти таблетки по утрам, стоя напротив своих солдат. Но я только прикидывался, что делаю это. У меня и правда это здорово получалось. Я держал таблетку в руке и бросал ее себе в рот. Она ударялась в шею пониже уха и отлетала футов на 10. Однако я должен был быть уверенным в том, что все остальные в моем взводе приняли ее.»

Анджело Мантини в последние годы жизни

Через 60 лет после войны Мантини так говорил о фронтовой дружбе: «Воевать лучше всего в пехоте, а не где-нибудь еще... Пехота – это что-то особенное. Конечно, когда ты в бою, ты подвергаешь себя опасности, но, думаю, это – лучший род войск по сравнению с другими. В пехоте все парни – братья.»

Источники

Interview with Jack Yusen by John Wukovits, 2006

<https://warfarehistorynetwork.com/article/the-battle-of-leyte-gulf-interview-with-jack-yusen/>

Interview with William A. Biehler by Shaun Illingworth, 2007

<https://oralhistory.rutgers.edu/explore/alphabetical-index/interviewees/30-interview-html-text/1516-biehler-william-a>

Interview with Chuck Hurlbut by Aaron Elson, 1998

<https://tankbook.ipower.com/interviews/hurlbut1.htm>

Interview with Douglas Harvey

<http://www.battleofthebulgememories.be/stories26/32-battle-of-the-bulge-us-army/820-off-to-the-ardennes-december-20-1944.html>

Interview with Harold Allen

<http://www.battleofthebulgememories.be/stories26/us-army25/855-my-experience-in-the-battle-of-the-bulge.html>

Interview with John Balaban by Chace Anderson

<https://www.gocolumbia.edu/library/stories/balaban.php>

Interview with Joe Kenneth Dixon

<http://www.normandy1944.info/content/tabvets.html>

Interview with Kenneth Cordry

http://www.normandy1944.info/php/zoeken/search.php?zoom_query=war&zoom_page=8&zoom_per_page=10&zoom_and=1&zoom_sort=0

Interview with Mac Frost by Barry Hillman

<https://gocolumbia.edu/library/stories/frost/frost.html>

Interview with Norman Kleiss

http://www.midway42.org/RoundTable/Vets_DustyKleiss1.aspx

Interview with Milton Dambacher

<http://memoircenter.com/milton-punny-dambacher-5th-marine-amphibious-corps/>

Interview with Monfrey Wilson was published in the book by Aaron Elson. A Mile in Their Shoes: Conversations With Veterans of World War II (1998)

Interview with Paul McNelis by Richard A. Beranty

<https://warfarehistorynetwork.com/article/my-battle-up-the-boot-paul-mcnelis-in-the-italian-campaign/>

Interview with Francis Fuller by Aaron Elson

<http://www.tankbooks.com/interviews/snuffy1.htm>

Interview with Thomas Kinaszczuk, 2009

<https://oralhistory.rutgers.edu/interviewees/1029-kinaszczuk-thomas>

Interview with Vincent McKinney by Aaron Elson

<http://www.tankbooks.com/interviews/mckinney1.htm>

Interview with Wilbur Bowers by Richard A. Beranty

<https://warfarehistorynetwork.com/daily/wwii/flak-was-our-worst-enemy-wilbur-bowers-air-war-over-europe/>

Interview with Charles Sehe

<http://warfarehistorynetwork.com/daily/wwii/the-nevada-and-i-survived-the-war/>

Story told by Charles Vonder Embsee

https://wp.oldmagazinearticles.com/magazine-articles/world-war-two/north_africa/tank-warfare-in-north-africa/

“Red” Mantini: Hero Of The 24th Infantry Division In Philippines

<https://warfarehistorynetwork.com/article/red-mantini-hero-of-the-24th-infantry-division-in-philippines/>

Перевод – Владимир Крупник с участием Андрея Усикова. В редакции текста принимали участие Андрей Усиков, Алексей Исаев, Николай Давыдов, Юрий Дэви, Алексей Быстров